

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

6

Ноябрь — Декабрь

1981

Издательство «Наука»

Москва

Редакционная коллегия:

К. В. Чистов (главный редактор), **В. П. Алексеев, И. Л. Андреев, С. А. Арутюнов,**
С. И. Брук, Н. Г. Волкова (зам. главн. редактора), **Л. М. Дробижева,**
Т. А. Жданко, А. А. Зубов, Р. Н. Исмагилова, Р. Ф. Итс, Л. Е. Куббель
(зам. главн. редактора), **А. А. Леонтьев, Б.-Р. Логашова, Г. Е. Марков,**
А. П. Окладников, **А. И. Першиц, Н. С. Полищук** (зам. главн. редактора),
П. И. Пучков, Ю. И. Семенов, В. К. Соколова, С. А. Токарев,
Д. Д. Тумаркин

Ответственный секретарь редакции *Н. С. Соболь*

Адрес редакции: 117036 Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19
телефон 126-94-91

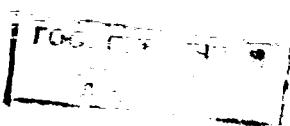
Зав. редакцией *Е. А. Эшилиман*

Леонид Ильич Брежнев

Генеральный секретарь ЦК КПСС,
Председатель Президиума
Верховного Совета СССР

К 75-летию со дня рождения

А. С. МЫЛЬНИКОВ

НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА И ГЕНЕЗИС НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ *

Национальное самосознание складывается в процессе формирования наций на базе существовавших в предшествующую эпоху народностей. Будучи одним из следствий этого естественноисторического процесса, протекавшего в обстановке разложения феодализма и роста новых общественных отношений, национальное самосознание выступает в ряду других существенных признаков нации и выполняет функцию этнического определителя. До сих пор, однако, генезис национального самосознания с теоретической точки зрения изучен недостаточно, а в конкретно-исторических исследованиях обычно рассматривается ограниченно, преимущественно по материалам духовной жизни так называемых образованных, «верхних» слоев общества. В результате роль народной культуры в генезисе национального самосознания остается невыясненной. Нередко это даже создает ошибочные представления о мнимой инертности, пассивности народных масс в процессах формирования наций, о том, будто бы национальное самосознание порождалось деятельностью идеологов и затем насаждалось в народной среде. Крайняя односторонность и неубедительность таких представлений ощущается уже давно. Неслучайно, в последние годы важное место в исследованиях этнографов, историков, фольклористов и представителей ряда смежных специальностей занимают проблемы национального самосознания. В данной статье мы хотим обратить внимание на ряд узловых вопросов, постановка и обсуждение которых способствовали бы лучшему пониманию механизма генезиса национального самосознания и роли в этом процессе народной культуры.

* * *

Сформулированная проблема достаточно сложна. И не только потому, что имеет, как легко убедиться, междисциплинарный характер, требующий, в частности, сочетания наблюдений и выводов этнографических и исторических исследований. Трудности во многом обусловлены ограниченностью надежных и достаточно презентативных источников и особенно неразработанностью методики их анализа. Нам уже приходилось, например, отмечать, что зачастую исследователи, особенно историки, просто не видят проявлений национального самосознания в народной среде. Игнорируя различия в образе жизни и социальной психологии отдельных классов и слоев городского и сельского населения эпохи перехода от феодализма к капитализму, они автомати-

* В сокращенном виде опубликовано на английском языке в качестве доклада на X МКАЭН. См. *Mylnikov A. S. National Consciousness and Folk Culture.—In: Soviet Studies in Ethnography. M.: USSR Acad. Sci., 1978, p. 30—41.*

чески переносят критерии, обычно применяемые при рассмотрении идеологических программ и общественно-культурного развития образованной части общества того времени, на изучение культуры социальных низов города и деревни¹. Следует также отметить, что вокруг обоих сопрягаемых понятий — народная культура и национальное самосознание — продолжаются дискуссии. Это отражается и на общем состоянии понятийно-терминологического аппарата, и на трактовке существа вопросов в работах отдельных авторов². Мы постараемся лишь в самых общих чертах наметить контуры понятий «народная культура» и «национальное самосознание», которыми будем оперировать ниже.

Принимая во внимание соображения, высказывавшиеся в разное время советскими, а также некоторыми зарубежными этнографами и историками, мы рассматриваем народную культуру в классово-анtagонистическом обществе как специфический феномен, в предметной и личностно-деятельной формах отражающий и объективирующий быт, духовные запросы и чаяния непривилегированных классов и социальных слоев. Это означает, что народную культуру нельзя сводить только к культуре крестьянской. В работах ряда советских исследователей (как этнографов и историков, так и литературоведов) справедливо обращалось внимание на то, что народная культура создавалась и обогащалась не только сельским, но и городским населением³. М. Г. Рабинович, например, указывал, что «городская культура является неотъемлемой частью традиционной народной культуры, активным элементом ее развития»⁴.

Накопленные наблюдения позволяют заключить, что в создании народной культуры и крестьянская, и городская среда, каждая по-своему, несли определенные, хотя и не тождественные функции. В совокупности возникала целостная система, составные элементы которой нельзя ни противопоставлять друг другу, ни игнорировать один из них в ущерб другому. Нельзя также упускать из вида внутреннюю неоднородность крестьянской и городской культуры, говорить о ее социальной обусловленности абстрактно, в отрыве от развития общества. В народной культуре выражались не только прогрессивные, свободолюбивые устремления масс и их достижения в трудовой и интеллектуальной деятельности, но и предрассудки и суеверия, вызванные низким уровнем образованности, тяжелой жизнью народа в условиях эксплуататорского общества и целенаправленным идеальным воздействием со стороны правящих классов. Поэтому нельзя согласиться с трактовкой народной культуры как «оценочного понятия», относя сюда только позитивные элементы⁵. Народная культура требует не идеализации, а кропотливого и критического изучения в каждом конкретном случае всех ее сторон, в том числе ее социальной обусловленности. Как явление, неразрывно связанное с жизнью масс, народная культура на определенных формационно-стадиальных уровнях, в различных социально-экономических и этнокультурных ситуациях могла приобретать и исключительно крестьянский, и смешанный крестьянско-городской, и даже преимущественно городской характер. В период перехода от феодализма к капитализму, по мере роста удельного веса и общественной роли

¹ Об этом см. Мыльников А. С. Эпоха Просвещения в Чешских землях. Идеология, национальное самосознание, культура. М.: Наука, 1977, с. 20—22.

² Важные вопросы функционирования народной культуры и национального самосознания в условиях социалистического общества выходят за рамки настоящей статьи и требуют самостоятельного рассмотрения. См. Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1977.

³ Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1965.

⁴ Рабинович М. Г. Город и традиционная народная культура.— Сов. этнография, 1980, № 4, с. 23.

⁵ Чичеров В. И. Вопросы теории и истории народного творчества. М.: Сов. писатель, 1959, с. 51.

пролетариата увеличивается и его влияние на социальное содержание народной культуры⁶.

Что касается национального самосознания, то, начиная с трудов П. И. Кушнера, увидевших свет в 1949 и 1951 гг., интерес к разработке этой проблемы все более возрастает⁷. Ю. В. Бромлей, отметив, что этническое самосознание выступает «в качестве непременного условия функционирования этноса», обратил особое внимание на необходимость рассмотрения «структуры, внутреннего механизма и объективных оснований этнического самосознания»⁸. Он справедливо указал, что национальное самосознание не сводится лишь к осознанию этнической принадлежности, а включает и другие виды осознания человеком «своих действий, чувств, мыслей, мотивов и т. д.», внешне реализуясь через соответствующий этноним. «Понятие „этническое“,— по выражению Ю. В. Бромлея,— является однопорядковым понятием „национальное“, однако не тождественным ему. Этническое— это как бы одна из сторон национального, другую сторону которого представляют социально-экономические факторы⁹». Таким образом, понятия «этническое» и «национальное» самосознание однопорядковы, но не тождественны, так как нации представляют собой не только этнические, но в первую очередь этносоциальные общности.

Этническое самосознание обозначает осознание принадлежности к определенному этносу, национальное—осознание принадлежности к определенной нации. Иначе говоря, национальное самосознание имеет этносоциальный характер. Осознавая свою принадлежность к той или иной нации, индивид вкладывает сюда не только этническое, но и социальное содержание, в том числе—на уровне обыденных представлений—некоторые оценочные моменты, стереотипы суждений о своем народе и о других народах. Это, между прочим, и порождает отмечаемые в этнографической литературе явления «двойного самосознания»¹⁰. Представление о бинарности национального самосознания помогает полнее раскрыть его специфику и своеобразие, особенно на стадии формирования наций, когда многие компоненты процесса еще не устоялись. Здесь проходит соединительная линия между национальным самосознанием и социальной психологией, между национальным самосознанием и народной культурой.

* * *

Характер, динамика и формы генезиса национального самосознания, протекавшего в эпоху перехода от феодализма к капитализму (и, следовательно, не синхронно в разных странах), несли на себе черты как всеобщего, так и особенного. Последнее во многом зависело от социально-экономической, политической и этнической ситуации, существовавшей у тех или иных народов на начальных этапах формирования наций. Эти факторы, разумеется, нельзя не принимать во внимание при рассмотрении интересующей нас темы. Один из возможных аспектов исследования—типологический подход, учитывающий не только формационно-стадиальные, но и региональные особенности процесса, такие, как наличие или отсутствие у народов, переживавших стадию формирования наций, государственной независимости, социальные

⁶ Георгиев Г. Освобождението и этнокултурното развитие на българския народ 1877—1900. София: Изд. Бълг. акад. на науките, 1979, с. 45—50.

⁷ Подробнее историю вопроса см. Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973, с. 95—102 сл.; Козлов В. И. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса.— Сов. этнография, 1972, № 2, с. 80—84.

⁸ Бромлей Ю. В. Указ. раб., с. 98.

⁹ Бромлей Ю. В. Этнические аспекты современных национальных процессов.— История СССР, 1977, № 3, с. 19. См. также Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. Очерки теории и истории. М.: Наука, 1981.

¹⁰ Современные этнические процессы в СССР, с. 17—18.

предпосылки перехода от феодальных народностей к нациям капиталистического типа, исходные для данного этапа культурные рубежи (степень воздействия культурных традиций, уровень грамотности населения и т. п.). С этой точки зрения интерес представляет этносоциальное развитие народов Центральной и Юго-Восточной Европы, проходившее во второй половине XVIII — середине XIX в. под знаком непрерывного нарастания борьбы за национальное и социальное освобождение. Основная масса народов этого ареала была лишена независимости, а нередко и единства коренной этнической территории и входила в состав монархии Габсбургов (чехи, словаки, словенцы, хорваты, сербы, поляки, западные украинцы, восточные романцы и др.), Оттоманской империи (южные славяне, восточные романцы, греки, албанцы), а отчасти в состав России, Пруссии и Саксонии (поляки, лужичане). При этом начальный этап становления наций у ряда народов (чехи, словаки, словенцы, болгары и др.) протекал в обстановке «неполных» социальных структур, т. е. при отсутствии «своего» (в отличие, скажем, от поляков, мадьяр или хорватов) господствующего класса, когда дворянство и возникавшая финансовая и промышленная буржуазия ионационального происхождения были далеки от национально-освободительных устремлений, а зачастую и враждебны им¹¹. В целом, фактор национального угнетения усложнял, а нередко и деформировал естественный и закономерный по своей сути процесс становления наций, вызывая со стороны угнетенных народов отпор, как правило, порождавший освободительные движения и комплекс идей, которые В. И. Ленин характеризовал как «национальную идеологию»¹². Буржуазная в своей основе, эта идеология на этапе становления наций имела объективно демократическое значение, поскольку содействовала решению антифеодальных задач и тем самым упрочению новых общественных отношений. Подчеркивая относительно прогрессивный характер национальных концепций того периода, В. И. Ленин указывал, что «нельзя было из феодализма перейти к капитализму без национальных идей»¹³.

Деятели национально-освободительных движений в Центральной и Юго-Восточной Европе выдвигали на первое место защиту национальных прав своих народов¹⁴. В основе такой позиции, отразившей буржуазные тенденции, лежали реальные экономические интересы классов и социальных групп, возглавлявших антифеодальные движения и представлявших, по определению В. И. Ленина, «различные слои имущих товаропроизводителей»¹⁵ (среднее дворянство в Венгрии, мелкая буржуазия в чешском, словацком и словенском движениях и т. д.). Идейные выразители этих общественных кругов выступали за кодификацию национальных языков и закрепление их в литературе и обычной жизни, за развитие науки, просвещения и книжного дела на родном языке, обогащение художественной литературы. В национальном движении чешского, словацкого, болгарского, сербского и ряда других народов важное место занимала также пропаганда общеславянского сознания¹⁶.

Объективно подобные акции отражали рост национального самосознания, в процесс формирования которого город и деревня внесли свой вклад.

¹¹ Освободительное движение народов Австрийской империи. Возникновение и развитие. Конец XVIII в.—1848 г. М.: Наука, 1980, с. 231—232.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 162.

¹³ Там же, с. 35.

¹⁴ Мыльников А. С. Культура и национальное самосознание народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху национального Возрождения.—Сов. славяноведение, 1974, № 4, с. 73—84.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 144.

¹⁶ Освободительное движение народов Австрийской империи, с. 299—319.

Вклад деревни в генезис национального самосознания определялся уже тем, что именно в крестьянской среде наиболее прочно удерживались культурно-бытовые традиции, в которых в конечном счете обективировалось этническое самосознание народа.

О том, что практически повсеместно, хотя в большинстве случаев и стихийно, крестьянство обладало таким самосознанием, свидетельствует сохранение им, несмотря на иноземное угнетение и определенные тенденции к ассимиляции, родного языка и народных обычаяев. Причем речь идет не только об их сохранении. У многих народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII—XIX вв. возникали фольклорные произведения (прежде всего песни), проникнутые патриотическими мотивами и чувством любви к родному краю, ближайшим образом ассоциировавшемуся в народном восприятии с понятием родины. Чехословацкий этнограф Й. Маркл не без основания замечал, что в чешской деревне конца XVIII — первой половины XIX в. народные песни, духовная музыка, танцы и другие формы народного творчества выполняли функции своеобразной «сельской газеты»¹⁷. Высоким художественным вкусом отличалась крестьянская обыденная и праздничная одежда, в которой выделялись, например, пльзенский, валашский, ганацкий край и другие местные стили, закрепившие локальные особенности народной культуры Чешских земель¹⁸. Эти же черты обнаруживаются и в украшении жилища, утвари и в других материальных компонентах культуры.

К сожалению, в более широком, сравнительно-историческом масштабе вклад народной культуры региона в генезис национального самосознания изучен пока недостаточно. Следовало бы, например, комплексно рассмотреть глубинные связи между становлением национального фольклорного репертуара и процессами консолидации наций. По интересному наблюдению Й. Маркла, основной репертуар чешского фольклора сложился к исходу первой половины XIX в., т. е. до появления классических сборников Я. Эрбена и других публикаций народных песен¹⁹. Это наблюдение представляется существенным в контексте проблематики генезиса этнического самосознания в народной среде.

Во многом сходная этническая специфика была присуща и другим компонентам народной культуры, хотя роль каждого из них и не была одинаковой. Заслуживают, например, внимания попытки болгарских этнографов связать историю народного костюма с основными этапами болгарской этнической истории. В частности, они исходят из того, что в эпоху болгарского национального Возрождения развитие шло от локального разнообразия к более широкой этнотERRиториальной интеграции. М. Велева пишет: «Качественно новые виды костюма возникали тогда на почве этнического и культурного объединения народности»²⁰.

Впрочем, в этих и подобных случаях необходимо соблюдать осторожность в выводах. Нельзя не принимать во внимание случаев типологической общности, особенно в материальных компонентах культуры народов, подчас в этническом отношении далеко отстоящих друг от друга²¹.

Между фактической оценкой крестьянством своей этнической принадлежности и формами ее внешнего проявления в народной культуре имелись различия, которые вполне отвечали условиям жизни кресть-

¹⁷ Markl J. Hudební folklór národního obrození a dechová hudba. — Český lid, 1976, № 1, s. 24.

¹⁸ См., например, Грацианская Н. Н. Этнографические группы Моравии. К истории этнического развития. М.: Наука, 1975.

¹⁹ Markl J. Společenský zpěv v zrcadle sbírky A. Schutze z r. 1837. — Český lid, 1972, № 2, s. 77.

²⁰ Велева М. За периодизацията в развитието на българските народни носии. — В кн.: Известия на етнографския институт и музей. Кн. 15. София, 1974, с. 41.

²¹ Ср. Иванова Ю. В. Северная Албания в XIX — начале XX в. М.: Наука, 1973.

ян. В отличие, скажем, от горожан, они в повседневной жизни так или иначе сохраняли привычный уклад и пользовались родным языком. Поэтому в фокусе крестьянского мышления находились не эти, а прежде всего социальные вопросы. Конечно, собственно национальные аспекты могли возникать (и действительно возникали), когда крестьянам, относившимся к коренному этносу, противостояли помещики, ассимилированные или иноэтнического происхождения (например, мадьярские или мадьяризованные феодалы в словацких деревнях, турецкие или потуреченные землевладельцы в болгарской деревне и т. п.). Однако распространенность такой этносоциальной структуры не следует преувеличивать. Так, вопреки существующему мнению, в центральных областях Чехии и крестьяне, и помещики (хотя в значительной мере и онемеченные) принадлежали к чешскому этносу. Наиболее типичным здесь было не этническое, а социальное противостояние. Снижение феодальных повинностей, вплоть до отмены барщины, протест против произвола и унижения личности крестьянина, право свободного отправления «своей» религии, которая часто, особенно у балканских народов, противостояла «чужой» религии угнетателей, — вот примерно круг основных требований социального и политического характера, выдвигавшихся крестьянством во время восстаний и бунтов XVIII — первой половины XIX в.

Иное дело, что объективно подобные требования в условиях процесса становления наций приобретали национальный характер, который в разных формах реализовывался через народную культуру. Как показал, например, Ю. И. Смирнов на основе анализа фольклора славянских, в том числе и русского, народов XVIII — первой половины XIX в., помимо собственно этнической народное сознание имело локальную, социальную и конфессиональную формы выражения²². И если сербский крестьянин на вопрос о его этнической принадлежности мог назвать себя «православным», а, скажем, чех из Моравии — «мораванином» или «ганаком», то подобные конфессиональные или локальные этноМимы не следует абсолютизировать. Здесь, конечно, порой можно усмотреть и этнопсихологическиеrudименты самосознания периода феодальных народностей или обнаружить элементы иерархичности этнического самосознания в его развитии. Но прежде всего за подобными самоназваниями скрывалось легко различимое, если, разумеется, подходить к этому исторически, противопоставление «мы — они», в ряде случаев отразившее своеобразие форм проявления не только этнического, но и национального самосознания в крестьянской среде. В самом деле, именуя себя «православным», сербский крестьянин стихийно вставал на путь этносоциального самоопределения. С одной стороны, он тем самым отличал себя от соседних хорватов-католиков, с которыми его роднила языковая общность. С другой стороны, он противопоставлял себя иноземным угнетателям как иноверцам (турецким, австро-немецким или мадьярским феодалам, государственным институтам Турции или Австрии и т. п.). Этот случай не следует считать универсальным. В зависимости от конкретных обстоятельств, места и времени, от локальных особенностей жизни крестьян применявшимися ими конфессиональные или локальные этноМимы могли восприниматься и истолковываться по-разному. Но в связи с приведенным примером уместно подчеркнуть, что для эпохи формирования наций это не означало простого смешения этнической и конфессиональной общностей, хотя, как известно, «в некоторых случаях сознание конфессиональной принадлежности проявляет себя с достаточной силой, а порой даже затме-

²² Смирнов Ю. И. О народном самосознании.— В кн.: Культура и общество в эпоху становления наций. М.: Наука, 1974, с. 56.

вает этническое самосознание»²³. В данном случае через конфессио-нальные или локальные обозначения проступали черты национального самосознания народных масс — «деревенского» индивидуального или коллективного для членов этнографических групп или для жителей отдельных местностей. Но ввиду недостаточной зрелости этносоциального развития на начальных этапах формирования наций, а также общей ограниченности культурных представлений крестьянства названный процесс не находил еще адекватной формы выражения.

В городской среде эти процессы воспринимались иначе. Характеризуя теоретические аспекты преобразования народностей добуржуазного типа в нации, Н. В. Юхнева определяет город как центр, где про текали важнейшие процессы, способствовавшие превращению народностей в нации²⁴. Вывод в значительной степени справедливый, хотя, разумеется, в конкретных этнографических и исторических исследованиях роль города нужно рассматривать специально. И если этностимулирующее воздействие городской среды в масштабе всей Центральной и Юго-Восточной Европы до сих пор изучено недостаточно, то, например, исследование этнокультурной ситуации в чешском городе XVIII — первой половины XIX в. позволяет сделать вывод о его важном вкладе в формирование национального самосознания. Национально-политические противоречия здесь оказались наиболее острыми между представителями мелкобуржуазной среды чешского и немецкого происхождения (торговцы, ремесленники, интеллигенция). Наоборот, национальное соперничество не определяло взаимоотношений рабочих разного этнического происхождения. Их совместные действия во время стачечного движения 1843—1844 гг. и в период революции 1848—1849 гг. показали, что основной удар они направляли против капиталистической эксплуатации. Об этом, в частности, со всей определенностью, ссылаясь на воспоминания К. Маркса, писал в 1893 г. Ф. Энгельс²⁵. Сказанное, впрочем, не означает, что чешские рабочие были индифферентны к национальной культуре. Интернациональные тенденции в их быте и социальной психологии сочетались с проявлением национального самосознания²⁶. Это, например, ощущалось с 1840-х годов, когда многие, особенно квалифицированные (и следовательно, грамотные) рабочие становились читателями чешских патриотических газет, журналов и книг, участвовали в сборе средств для разного рода национально-культурных начинаний²⁷. Да и в повседневной жизни рабочих семей, особенно недавно переселившихся в города (например, в Прагу, Брно), сохранялись этнические традиции, в частности в одежде, в способе приготовления пищи, во взаимоотношениях в семье. Об этом же свидетельствуют и материалы фольклора, сохранившегося и создававшегося в эти десятилетия в рабочей среде²⁸.

Конечно, и общий относительно высокий уровень капиталистической индустриализации чешских земель, и степень развития здесь городской жизни отнюдь не были типичными для большей части региона.,

²³ Пучков П. И. О соотношении конфессиональной и этнической общности.— Сов. этнография, 1973, № 6, с. 62.

²⁴ Юхнева Н. В. Изучение города как этнографическая проблема.— В кн.: Этнографические исследования Северо-Запада СССР. Традиции и культура сельского населения. Этнография Петербурга. Л.: Наука, 1977, с. 146.

²⁵ Novotný K. Projevy národního vědomí a mezinárodní spluprace našeho dělnictva v první pol. XIX. st.— In: Ethnografie dělnictva. Praha, 1975, s. 3—96; Robek A. Společenský a rodinný život pražských dělníků v I pol. XIX st. Praha, 1975.

²⁷ Novotný K. O národním vědomí dělnictva ve 40. letech 19. st.— In: Acta universitatis Carolinae. Philosophica et historica. T. 1 (Studia historica, 16). Praha: Univ. Karol., 1977, s. 7—9.

²⁸ Fojtik K. Príspěvek k poznání způsobu života dělnictva v Brně v druhé polovině XVIII. a první polovině XIX st.— Český lid, 1953, № 5, s. 224—226.

особенно для народов восточной части Австрийской империи и балканских народов. Тем не менее и там этническая пестрота городского населения, конкуренция в торгово-ремесленной сфере и усилившееся социально-политические противоречия приводили к обострению противоречий национальных. Это особенно характерно для таких городов, где сложная этносоциальная структура дополнялась конфессиональными различиями, нередко в основном совпадавшими с социальной стратификацией населения (например, православная славянская райя и мусульманские зажиточные слои турецкого или потуреченного населения в ряде балканских городов). В таких случаях этническая оппозиция «мы — они» проявлялась сильнее, нежели в сельской местности, обостряя уровень этнического сознания. Примечательно, что немало идеологов освободительных движений, вышедших из городской ионациональной среды, вставали на позиции защиты национально-культурных прав «чужих» угнетенных народов. Таковы, например, крупнейшие чешские национальные просветители немецкого происхождения Г. Добнер и М. А. Фойгт, сознательно причислившие себя к чешскому этносу. Не менее примечательно и демонстративное культивирование народной одежды и народных «деревенских» обычаяев как среди патриотически настроенных горожан, так и среди рабочих и ремесленников — недавних выходцев из сельской местности²⁹.

Особый интерес в связи с этим представляет вопрос о взаимодействии городской и деревенской народной культуры. Известные факты позволяют утверждать, что процесс этот во многом имел общий характер. С одной стороны, переселяясь в города, представители крестьянской среды приносили с собой многие элементы традиционной культуры, которые после известной модификации и переплавки, обогащали городскую культуру. Весьма показательным примером служит, в частности, Вена, где наряду с немецкоязычным населением в XIX в. жили выходцы из многих славянских земель Австрийской империи, удельный вес которых в городе был достаточно велик. Так, к началу 1870-х годов численность чешского населения Вены была едва ли не такой же, как в Праге,— около 100 тыс. чел. Только в 1857 г. 195 тыс. чехов в поисках заработка ушли в Австрию, а также в Венгрию и Хорватию³⁰. В тех случаях, когда подобные миграции происходили в пределах коренной этнической территории, они способствовали усилению национальных черт в быте расположенных здесь городов, как это прослеживается на примере Праги и Брно. Но с другой стороны, уже на рубеже XVIII—XIX вв. все более повышается обратное воздействие городской культуры на сельскую. Среди многочисленных примеров — широкое распространение в чешской деревне XIX в. духовой музыки; причем первонаучальный репертуар, да и образцы инструментов, были заимствованы у профессиональных военных оркестров³¹. Весьма устойчивым было усвоение опыта городской культуры в бытовой и производственной областях. Хотя в психологии чешского крестьянства длительное время существовало отрицательное отношение к городу как к месту, где портятся и распадаются семейные связи, уже в первой половине XIX в. в деревню проникли многие атрибуты городской культуры — орудия труда и предметы домашнего обихода, обстановка, одежда, отчасти даже стиль жизни. Так, «чистые» комнаты в крестьянских домах — светлицы становятся по примеру городских мещанских квартир парадными салонами, которыми разрешалось пользоваться только по праздникам.

²⁹ Moravcová M. Oděv lidové Prahy ve 30—60 letech 19 st.— Český lid, 1977, № 3, s. 132—147.

³⁰ Будилович А. С. Несколько данных и замечаний из области общественной и экономической статистики Чехии, Моравии и Австрийской Силезии за последние годы.— В кн.: Славянский сборник. Т. I. СПб., 1875, с. 212—213.

³¹ Markl J. Hudební folklór národního obrození, s. 23.

Во многом сходные тенденции в той или иной степени прослеживаются и у других народов ареала. Они вполне соответствуют наблюдениям М. Г. Рабиновича, изучавшего русскую городскую и крестьянскую среду, а равно его выводу, что подобный постоянный обмен вел к «созданию единой народной культуры»³².

В обстановке борьбы против национального угнетения патриотически настроенные горожане подчеркивали «исконный», «деревенский» характер своей культуры, тем самым противопоставляя себя ионациональной или ассимилированной городской верхушке. Крестьяне же, усваивая опыт городской культуры, включали его в контекст своих культурных традиций. То и другое содействовало росту национального самосознания. При этом деревня создавала благоприятные предпосылки для сохранения и дальнейшего развития этнического самосознания, а город, ускоряя этот процесс, как бы «упорядочивал» переход его на стадию национального самосознания, превращаясь в центр, вокруг которого консолидировалась национально-культурная жизнь прилегающей территории. Поэтому, например, отсутствие в Словакии эпохи национального Возрождения единого городского центра тормозило концентрацию национальных сил и тем самым усложняло и замедляло формирование словацкой нации³³.

* * *

Сохранение и развитие этнического характера отечественной культуры не только крестьянством, но и непривилегированными слоями города, стало решающим фактором, обусловившим самую возможность появления и последующей успешной теоретической и организационной деятельности идеологов тех социальных сил, которые стояли во главе общественного прогресса эпохи формирования наций. У народов, боровшихся против иноземного угнетения, это были ученые, писатели и другие общественно-культурные деятели, выступавшие в роли идейных выразителей или руководителей соответствующих освободительных движений. Напомним о двух важнейших и весьма типичных аспектах научного и художественного творчества периода формирования наций у славянских и ряда других народов: обращение к изучению этнической истории, быта и обычаяев своих народов (вполне закономерным, например, было становление именно в этот период славянской этнографии³⁴) и в связи с этим усиленная работа по собиранию, изучению и осмыслинию фольклора и его освоению в других видах культуры. Одной из популярных форм пропаганды народной культуры среди городского населения в 30—40-х годах XIX в. было устройство фольклорных «балов» и фестивалей у чехов, мадьяр, лужичан и некоторых других народов. О фольклоризме как важном факторе развития национального самосознания эпохи формирования славянских наций справедливо писал В. Е. Гусев, выделяющий два компонента — бытовой и идеологический³⁵. Последний имеет в интересующем нас случае особое значение. Он прежде всего свидетельствует, что в общественной психологии той эпохи народная культура воспринималась как крестьянская. Это не только вполне соответствовало господствовавшему в сфере идеоло-

³² Рабинович М. Г. Указ. раб., с. 22—23.

³³ Месарош Я., Матула В. Развитие национального движения, лишенного единого городского центра, на примере Словакии. Bratislava: vyd. Slov. akad. ved, 1972.

³⁴ Токарев С. А. Начальный период славянской этнографии.— В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1973, с. 237—249.

³⁵ Гусев В. Е. Фольклоризм как фактор становления национальных культур славянских народов.— В кн.: Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1977, с. 82—83.

гии романтическому видению мира, но и отражало позиции ведущих деятелей национальных движений, считавших крестьянство главной движущей силой национального развития. Об этом, например, неоднократно писали видный представитель чешской культуры первой половины XIX в. И. Юнгман, известный венгерский мыслитель и литератор того же времени Д. Бешеньеи и другие участники национальных движений народов Центральной и Юго-Восточной Европы конца XVIII — середины XIX в. Многие издававшиеся фольклорные тексты перерабатывались ими, дополнялись и редактировались, отражая идеиные позиции авторов таких публикаций. Это, в частности, приводило к тесному переплетению народного и профессионального литературного творчества, когда в разряд народных вошло немало произведений, созданных писателями-профессионалами³⁶. И это характерно не только для рассматриваемого ареала, но и для других народов, переживавших типологически сходный этап развития³⁷.

Однако успех при этом детерминировался в конечном счете внутренними закономерностями этносоциального развития. До сих пор, к сожалению, чрезвычайно мало внимания обращалось на сопоставление исходных программных требований, выдвигавшихся идеологами общественных движений, с их реальным усвоением на практике. Так, в начале XIX в. Юнгман выдвинул идею создания единого славянского литературного языка. Этот лозунг время от времени гальванизировался до середины XIX в., хотя, как известно, чешское этнолингвистическое развитие пошло, да и не могло не пойти, в совершенно ином направлении — в направлении выработки национального литературного языка, причем значительный вклад в этот процесс был внесен самим Юнгманом. Столь же бесперспективными оказались и попытки Яна Коллара ограничить состав «единого славянского народа» лишь четырьмя «племенами». Эти примеры показывают, что содержание программных лозунгов национальных движений корректировалось реальными процессами этносоциального развития.

* * *

Историческая миссия национальных идеологов, следовательно, заключалась не в «создании» национального самосознания, а в том, что, выражая исторический процесс в идеологических формах, они перерабатывали идеи и формы народной культуры, придавая им структурную и классовую направленность. Иными словами, они вносили национальное сознание в широкие народные массы, в первую очередь в среду крестьянства «как наиболее многочисленного и наиболее „тяжелого на подъем“ слоя населения в связи с борьбой за политическую свободу вообще и за права национальности в частности»³⁸.

Таким образом, национальное самосознание развивалось не «сверху вниз», от социальных «верхов» к социальным «низам», а как раз наоборот, из недр народной культуры. Что же касается идеологов, то они, основываясь на этом объективном процессе, обобщали и осмысливали национальное сознание и тем оказывали воздействие на народную культуру. Мера этого воздействия зависела от того, насколько усилия идеологов общественного развития отвечали условиям перехода от фео-

³⁶ Шрамкова М. К вопросу о взаимоотношении чешской фольклорной прозы и литературы.— Сов. этнография, 1978, № 4, с. 119—122.

³⁷ Чистов К. В. Этнические аспекты славянской фольклористики.— В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973, с. 374.

³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 264.

дализма к капитализму и конкретной расстановке классовых сил в той или иной стране.

В результате в рамках народной культуры совершалась своего рода «материализация» национального самосознания, переходившего от локальных к суперлокальным способам реализации. Предшествовавшие формы этнического самосознания, отразившиеся в народной культуре, видоизменялись, все более впитывая в себя и объективируя социальные структуры формировавшихся наций, образовывая сложную иерархическую систему, вершину которой составляло общеноциональное самосознание. В этих процессах народная культура играла важную этностимулирующую роль.

PEOPLE'S CULTURE AND THE RISE OF NATIONAL SELF-AWARENESS

The author raises the question of the role played by a people's culture in the rise and evolution of their ethnic-national self-awareness, this being the most important process in the forming of a nation. Having briefly defined the content of the phenomena under examination A. S. Mylnikov, basing his study on the theoretical-conceptual principles underlying contemporary Soviet ethnography, scrutinizes the nature of the process by which national self-awareness is engendered, its trends and forms — as exemplified by the ethnic-cultural development of the peoples of Central and South-Eastern Europe in the period of their transition from feudalism to capitalism. It is shown that national self-awareness arose spontaneously both in rural and in urban environment, and became expressed in people's culture. National liberation movement ideologists, while critically analysing these processes and summarizing them, imparted to them a certain structure and a class trend. In all this people's culture played an important ethnostimulating role.

А. А. Сусоколов, А. П. Новицкая

**ЭТНИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ
ГОМОГЕННОСТЬ БРАКОВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ОТДЕЛА ЗАГС КИШИНЕВА
В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД)**

В последние годы все большее внимание в социологии уделяется изучению механизма воспроизведения этнической и социальной структуры общества, в частности роли семьи как одного из важнейших звеньев этого механизма. Несмотря на возрастающее значение таких факторов социализации личности, как система образования, средства массовой информации, непосредственное межличностное общение в сфере производства, семья играет и, видимо, еще долго будет играть решающую роль в определении как социальных, так и этнических характеристик индивида. В отечественной науке имеется ряд интересных исследований, в которых рассматривалась зависимость классовой, социально-профессиональной, этнической принадлежности индивида, его культурных характеристик от состава родительской семьи¹. Особое внимание при этом уделялось смешанным семьям, предоставляющим наибольший «диапазон выбора» как в области культуры, так и в области самосознания². В ряде работ, в частности в книге Э. К. Васильевой «Социально-экономическая структура населения СССР», ставится задача изучения взаимосвязи и взаимодействия процессов воспроизведения этнической и социальной структур.

Исследованиями установлено, что как этнические, так и социально-профессиональные группы относительно эндогамны, ибо люди, как правило, склонны вступать в браки в пределах своей этнической группы и своей социальной среды. Какие факторы — социальные или этнические — оказывают в данный момент большее влияние на выбор супруга? Можно ли говорить о взаимосвязи процессов изменения социального и этнического состава браков? Эти вопросы представляют не только чисто научный интерес. Ответ на них позволит глубже понять закономерности развития социальной структуры в условиях многонационального государства.

¹ См., например: Филиппов Ф. Р., Четыркин Ю. К. Брак как форма социальных перемещений в советском обществе.— Проблемы марксистской философии. Свердловск, 1970 [Уч. зап. Свердловск. пед. ин-та, сб. 110]; Арутюнян Ю. В. Социальная структура сельского населения СССР. М.: Мысль, 1970; Васильева Э. К. Социально-экономическая структура населения СССР. Статистико-демографический анализ. М.: Статистика, 1978, с. 80 сл.; Слесарев Г. А. Демографические процессы и социальная структура социалистического общества. М.: Наука, 1978, с. 188—207.

² Обзор исследований по проблемам роли семьи в воспроизведении этнической структуры см. Терентьева Л. Н., Устинова М. Я. Межнациональные браки и их роль в этнических процессах в СССР. Исторический очерк.— В кн.: Основные направления изучения национальных отношений в СССР. М.: Наука, 1979, с. 216—245.

В некоторых работах предпринимались попытки параллельного изучения этнического и социального состава браков³. Однако до сих пор не ставился вопрос о взаимосвязи между этими факторами. В данной статье мы попытаемся подойти к изучению этой проблемы: остановимся на некоторых вопросах методики анализа материалов ЗАГС, зафиксируем основные тенденции изменения показателей смешанной брачности отдельно по социальной и этнической принадлежности брачящихся, рассмотрим некоторые предположения о взаимосвязи между этнической и социально-профессиональной принадлежностью людей, вступающих в брак. В качестве источника используются материалы городского отдела ЗАГС Кишинева за 1950, 1971 и 1980 гг.

Как известно, при регистрации брака фиксируются такие признаки, как занятие, место рождения, семейное состояние (холост, вдов, разведен), длительность проживания в данном населенном пункте, а с 1979 г.— также образование и некоторые другие социально-демографические параметры. Не случайно еще в одной из первых работ, посвященных возможности использования материалов отделов ЗАГС в качестве этнографического источника, отмечалась перспективность изучения взаимосвязи социально-профессионального и этнического состава браков⁴.

Для исследования смешанных браков в принципе можно использовать все статистические методы, применяемые в настоящее время в социологии: корреляционный и регрессионный анализ, таксономию, методы анализа качественных признаков и т. д. Кроме того, для изучения гетерогенных в социальном и этническом отношении браков разработаны специальные показатели. В отечественной науке используются две системы показателей, называемых индексами Птухи и Першица, по именам их авторов⁵. Как показал А. В. Козенко⁶, эти показатели дополняют друг друга. В данной работе будет использоваться показатель, предложенный М. В. Птухой. Одна из причин такого выбора состоит в том, что он изменяется в строго определенных пределах— от —1 до +1, в то время как основной индекс Першица может принимать сколь угодно большие значения. Известным препятствием к использованию индекса Птухи является чрезмерно сложная его запись в работах, где он используется, затрудняющая понимание очень простой идеи этого показателя.

В основе расчета любых индексов смешанной брачности лежит сравнение реальной частоты (или доли) браков и их теоретической частоты (или вероятности). Теоретическая вероятность вычисляется исходя из предположения, что социальная или национальная принадлежность супружеских пар не влияет на количество браков данного состава.

Величина эта вычисляется исходя из теоремы о вероятности совпадения двух независимых событий⁷. Рассмотрим две социальные или этнические группы, обозначим их условно А и Б. Тогда теоретическая

³ См., например, Васильева Э. К. Указ. раб.; Слесарев Г. А. Указ. раб.; Рукавишников В. О. Население города. М.: Статистика, 1980; Чуйко Л. В. Браки и разводы. М.: Статистика, 1975, с. 90—105, и др.

⁴ Трофимова А. Г. Материалы отделов ЗАГС о браках как этнографический источник.— Сов. этнография, 1965, № 5, с. 114—121.

⁵ Птуха М. В. Вибрані праці. Київ, 1971, с. 183—251; Чуйко Л. В. Указ. раб., с. 71—72; Першиц Ю. И. О методике сопоставления показателей однонациональной и смешанной брачности.— Сов. этнография, 1967, № 4.

⁶ Козенко А. В. О стандартизации методик изучения национально-смешанной брачности.— Сов. этнография, 1978, № 1, с. 72—76.

⁷ См. Ганцик О. А., Дебец Г. Ф. О графическом изображении результатов статистического обследования межнациональных браков.— Сов. этнография, 1966, № 3, с. 109—113. Обращаем внимание читателя на то, что теоретическая вероятность браков вычисляется исходя из численности (доли) женихов и невест, реально вступивших в брак, т. е. непосредственно из эмпирических величин.

вероятность браков между женихами А и невестами Б будет:

$$P_{ab}^t = \mu_a \varphi_b$$

где μ_a — доля женихов группы А, а φ_b — доля невест группы Б среди всех женихов и невест, вступивших в брак, например, в течение года. Теоретическая вероятность браков между женихами А и невестами Б показывает, какую долю составили бы эти браки от всех браков, заключенных в данном регионе, если бы люди с той же вероятностью вступали в браки в пределах «своих» групп, как и вне их. При вычислениях удобнее пользоваться не долями, а абсолютными показателями. Поэтому вводится величина, которую можно назвать «теоретической частотой» браков типа АБ:

$$AB^t = N \cdot P_{ab}^t,$$

где N общее число браков, заключенных в данном населенном пункте.

М. В. Птуха предложил использовать «индекс притяжения», если число браков того или иного состава больше их теоретической частоты, и «индекс отталкивания», если число браков меньше. Строго говоря, это не два, а один индекс, по-разному вычисляемый в различных областях значений.

Индекс отталкивания рассчитывается следующим образом:

$$S^- = (AB - AB^t) : AB^t,$$

где AB — число браков между женихами А и невестами Б. Индекс изменяется от -1 (если браки данного состава вообще не заключались) до 0 (когда число и теоретическая частота этих браков совпадают). Умноженный на 100 , индекс отталкивания показывает, на сколько процентов число браков меньше их теоретической численности.

Индекс притяжения также может быть выражен в процентах, если за 100% принять разницу между максимально возможным числом браков и их теоретической численностью. Нетрудно видеть, что максимально возможное число браков равно численности меньшей из категорий, отношения между которыми изучаются. Так, если в течение года в брак вступили 300 невест группы Б и 1000 женихов группы А, то максимально возможное число браков между ними будет равно 300 . Индекс записывается следующим образом:

$$S^+ = (AB - AB^t) : (AB^{max} - AB^t).$$

где AB^{max} — максимальное число браков типа АБ. Обращаясь к нашему примеру, допустим, что в течение года в данном городе заключено всего 3000 браков, из них 200 между женихами А и невестами Б. Теоретическое число браков типа АБ равно: $P^t = (300 \cdot 1000) : 3000 = 100$. Поскольку реальное число браков больше теоретического, вычисляется индекс притяжения:

$$S = (200 - 100) : (300 - 100) = +0,5.$$

Индекс притяжения изменяется от 0 (при совпадении теоретической и эмпирической численности) до $+1$ (если реализованы все возможности заключения браков данного состава).

Следует отметить, что нам представляется неправильной практика расчета индексов притяжения для каждого пола в отдельности с последующим вычислением среднего геометрического значения полученных показателей, введенная самим М. В. Птухой и принятая исследователями, использовавшими эти показатели. Возвращаясь к нашему примеру и следуя этой практике, мы должны были бы взять в качестве второй

Таблица 1

Национальный состав браков, заключавшихся в Кишиневе в 1950—1980-гг., %

Браки	1950 г.	1959 г. *	1971 г.	1980 г.
Однонациональные:				
Молдаване	21,2	24,2	25,5	34,2
Русские	19,9	15,6	15,4	14,1
Украинцы	4,2	4,1	4,0	3,1
Евреи	16,2	12,4	12,0	5,8
Прочие	1,3	1,1	0,6	0,5
<i>Всего</i>	62,8	57,4	57,5	57,7
Смешанные	37,2	42,6	42,5	42,3
Теоретическая вероятность национально-смешанных браков	73,9	73,0	72,5	66,5
Отношение доли смешанных браков к их теоретической вероятности	0,50	0,58	0,58	0,62

* Данные по 1959 г. разрабатывались в самом общем виде и поэтому включены лишь в эту таблицу.

максимальной величины браков число женихов группы А — 1000. Значение индекса в этом случае было бы значительно меньше:

$$S_m^+ = 100 : (1000 - 100) = + 0,11.$$

Среднее геометрическое значение, которое и предлагается принимать в качестве истинного, равно

$$S = \sqrt{0,50 \cdot 0,11} = 0,24.$$

Однако, на наш взгляд, вычисление двух индексов только запутывает суть дела и затрудняет как вычисления, так и интерпретацию индекса, усложняет запись показателя. Действительно, при заданной численности женихов и невест число браков между ними ни при каких условиях не может превысить численности меньшей из категорий (в данном случае — 300); расчет индекса показывает, что максимальные возможности браков между женихами и невестами данных категорий реализуются на 50%. Если же пойти по обычному пути, то результат (0,24) не имеет никакого реального смысла, его следует признать просто ошибочным.

Перейдем теперь к анализу конкретного эмпирического материала. В целях сопоставимости по различным годам все данные будут приводиться не в абсолютном, а в относительном выражении — в виде процентов и долей.

Общие тенденции изменения национального состава браков видны из табл. 1. До начала 60-х годов, по всей вероятности, происходило увеличение доли национально-смешанных браков, 60-е годы характеризовались стабилизацией этого показателя, а в 70-е годы наметилось даже незначительное уменьшение его. Несомненно, что одним из основных факторов, повлиявших на изменение доли национально-смешанных браков, была динамика этнического состава населения города. Однако этот фактор не мог быть единственным. Действительно, как видно из табл. 1, из года в год возрастала теоретическая вероятность заключения однонациональных браков и уменьшалась вероятность заключения смешанных браков. Это подтверждается и анализом данных переписей населения Кишинева (табл. 2). В основном уменьшение этнической мозаичности населения города явилось результатом возрастания доли молдаван, что проявилось и в значительном увеличении доли однонациональных браков у них. Однако доля однонациональных браков в

Таблица 2

Национальный состав населения Кишинева по материалам Всесоюзных переписей населения, %

Национальность	1959 г.	1970 г.	1979 г.
Молдаване	32,3	37,2	42,0
Русские	32,2	30,7	30,1
Украинцы	12,0	14,2	15,0
Евреи	19,9	14,0	8,5
Прочие	3,6	3,9	4,4
Уровень этнической мозаичности *	0,735	0,727	0,701

* Методику расчета индекса этнической мозаичности населения см. Экклез Б. М. Определение индекса мозаичности национального состава республик, краев и областей СССР. — Сов. этнография, 1976, № 2, с. 33—42.

относительно устойчива. Наименее эндогамны группы русского и украинского населения, причем уровень эндогамности украинского населения постоянно понижается. Показатели однонациональных браков еврейского населения отличаются устойчивостью. Уровень эндогамности молдавского населения, понизившийся к 1971 г. по сравнению с 1950 г., затем не только стабилизировался, но и несколько возрос. Значительно понизилась по сравнению с теоретической вероятностью доля однонациональных браков среди представителей небольших по численности групп, объединенных категорией «прочие».

Отсюда можно сделать по крайней мере три важных вывода. 1) Русские и украинцы в Кишинёве — это практически не две, а одна группа. Положительные значения индексов, говорящие об очень высокой склонности к смешанным бракам между украинцами и русскими, связаны, по всей видимости, с тем, что среди представителей обеих национальностей велик процент детей от национально-смешанных браков, к тому же значительная часть лиц этих национальностей прибыла в Кишинев из районов интенсивного межэтнического общения. Важную роль играет и родство культур двух братских народов.

2) Все большее влияние на динамику национально-смешанных браков оказывает поведение молдавского населения. В частности, именно с увеличением эндогамности молдавской группы связана отмеченная стабилизация доли национально-смешанных браков по городу в целом.

3) На частоту смешанных браков практически не влияет такой фактор, как диспропорция полового состава отдельных этнических групп. Доли лиц каждой национальности среди женихов и невест за все годы очень близки друг к другу (табл. 4). Поэтому причины изменения индексов брачности следует искать прежде всего в изменении соотношения численностей национальностей и их социально-профессионального состава.

Изучение социально-профессионального состава браков — одно из перспективных направлений социологических исследований. По мнению большинства советских специалистов в области социологии, одним из важнейших факторов, определяющих структуру населения, является характер труда. Различные занятия классифицируются в зависимости от характера труда. При этом учитывается, является ли труд физическим или умственным, управлением или исполнительским; какой уровень образования необходим для исполнения обязанностей, связанных с данным занятием; каков уровень механизации и индустриализации физиче-

50-е годы увеличивалась вопреки уменьшению вероятности их заключения, и лишь в 60-е и 70-е годы прирост их доли стабилизировался. Тем не менее отношение доли национально-смешанных браков к их вероятности постоянно возрастает, что говорит о сохранении тенденции к усилению межэтнического взаимодействия.

Расчет индексов Птухи по отдельным национальностям показывает роль каждой из них в общем изменении абсолютных и относительных показателей смешанных браков (табл. 3). Из сравнения показателей за различные годы хорошо видно, что общая картина взаимодействия между наиболее крупными национальностями Кишинева

Таблица 3

Значение индекса межнациональной брачности в Кишиневе

Национальность невест	Год	Национальность женихов				
		молдаване	русские	украинцы	евреи	прочие
Молдаванки	1950	+0,56	-0,42	-0,51	-0,96	-0,06
	1971	+0,47	-0,41	-0,20	-0,96	-0,19
	1980	+0,50	-0,44	-0,32	-0,97	-0,50
Русские	1950	-0,43	+0,38	+0,19	-0,78	-0,06
	1971	-0,41	+0,35	+0,09	-0,74	+0,03
	1980	-0,53	+0,35	+0,05	-0,81	-0,30
Украинки	1950	-0,40	+0,19	+0,21	-0,96	-0,29
	1971	-0,28	+0,09	+0,18	-0,80	0,00
	1980	-0,34	+0,05	+0,06	-0,87	-0,30
Еврейки	1950	-0,94	-0,93	-0,87	+0,88	-0,99
	1971	-0,92	-0,84	-0,99	+0,90	-0,83
	1980	-0,93	-0,83	-0,89	+0,87	-0,99
Прочие	1950	-0,46	-0,25	+0,03	-0,83	+0,33
	1971	-0,12	-0,08	0,00	-0,67	+0,13
	1980	-0,17	+0,04	+0,06	-0,86	+0,04

Таблица 4

Национальный состав женихов и невест, %

Национальность	1950 г.		1971 г.		1980 г.	
	женихи	невесты	женихи	невесты	женихи	невесты
Молдаване	30,4	30,9	38,4	38,2	46,8	49,1
Русские	33,2	35,0	28,6	30,4	27,5	27,5
Украинцы	13,2	13,3	14,7	13,7	14,0	13,0
Евреи	18,0	17,2	14,1	13,3	7,4	6,5
Прочие	5,1	3,6	4,2	4,4	4,2	3,9
Итого:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

ского труда и т. д. На основе этих критериев исследователями выделяются основные категории работающего населения. Предполагается, что лица, занятые сходными видами труда, придерживаются близких культурных норм, более склонны к общению друг с другом, а также обладают общими социальными и культурными интересами. Кардинальной проблемой современной советской социологии является доказательство того, что выделяемые исследователями элементы социально-профессиональной структуры действительно являются социальными группами, т. е. общностями, обладающими внутренним единством, целостностью, а не просто произвольно выделяемыми категориями⁸. Одним из аргументов в пользу реальности существования социально-профессиональных групп (СПГ) является склонность людей вступать в браки по преимуществу с людьми близких профессий, относящихся к той же социально-профессиональной группе. К сожалению, большинство исследователей, изучавших статистику социально неоднородных браков, ограничиваясь общей оценкой распространения этого явления, не сопоставляли долю таких браков с их теоретической вероятностью. Однако в тех случаях, когда подобный анализ проводился, были получены результаты,

⁸ Дискуссию относительно реальности существования социально-профессиональных групп см. в журнале «Социологические исследования» (1980, № 4).

подтверждающие факт «брачной гомогенности» социально-профессиональных групп (см. работы Л. В. Чуйко, Э. К. Васильевой, В. О. Рукавишникова).

Изучение социально-профессиональной структуры (СПС) в значительной степени затрудняется тем, что между различными исследователями пока нет согласия относительно многих методических вопросов. Мы будем исходить из принципов выделения основных социально-профессиональных групп, разработанных Ю. В. Арутюняном⁹, и принимаемых в настоящее время большинством этносоциологов. При разработке материалов по Кишиневу были выделены следующие категории:

А₁ — специалисты умственного труда высшей квалификации;

А₂ — специалисты умственного труда средней квалификации;

Б — служащие на должностях, не требующих специального образования;

В₁ — рабочие квалифицированного индустриального труда;

В₂ — рабочие малоквалифицированного и неквалифицированного индустриального труда;

Г₁ — рабочие квалифицированного неиндустриального труда;

Г₂ — рабочие малоквалифицированного и неквалифицированного неиндустриального труда.

В качестве самостоятельных категорий выделялись военнослужащие (так как уровень их квалификации не может быть определен по записям в актах гражданского состояния), а также пенсионеры и лица, не занятые в общественном производстве (в основном это временно не работающие и домохозяйки). Выделение последних в особую категорию не означает, конечно, что они образуют самостоятельную социальную группу, однако материалы ЗАГС, как правило, не дают оснований для отнесения их к конкретной социально-профессиональной группе.

При изучении социально-профессионального состава вступающих в брак необходимо учитывать ряд особенностей названных групп. Во-первых, это значительная диспропорция полового состава; во-вторых, более «расплывчатые», чем у этнических, поселенческих и многих других социальных общностей, границы; в-третьих, ярко проявляющаяся «иерархичность» СПГ — наличие групп различного уровня, вплоть до основных макрогрупп советского общества — классов. Прежде чем переходить к обсуждению вопроса о взаимосвязи этнического и социального состава браков, необходимо хотя бы кратко рассмотреть каждую из этих особенностей и общие тенденции изменения социально-профессионального состава браков.

Диспропорция полового состава социально-профессиональных групп увеличивает вероятность заключения социально неоднородных браков. Как видно из табл. 5, эта диспропорция бывает устойчивой, связанной с психофизическими особенностями труда (преобладание мужчин в группе В₁) и более динамичной. Так, количественное преобладание женщин среди специалистов умственного труда средней квалификации (А₂) сложилось лишь в 60-е годы; среди работников квалифицированного неиндустриального труда в 1950 г. было больше мужчин, а в 1971 и 1980 гг. — женщин. Эти изменения связаны с интенсивным вовлечением женщин в сферы просвещения, медицинского и бытового обслуживания, делопроизводства, строительства.

Расчет индексов брачности по Птухе (табл. 6) показывает, что если женихи или невесты оказываются «в дефиците» в какой-либо социально-профессиональной группе, то они склонны вступать в брак в пределах своей группы; если же они «в избытке», то помимо своей группы предпо-

⁹ Арутюян Ю. В. Социальная структура сельского населения СССР. М.: Мысль, 1971. Ю. В. Арутюян выделяет также группы руководителей высшего и среднего звена; мы вынуждены были отказаться от выделения этих групп в связи с тем, что материалы отделов ЗАГС не позволяют достаточно четко определить их границы.

Таблица 5

Социально-профессиональный состав женихов и невест в Кишиневе, %

СПГ	1950 г.		1971 г.		1980 г.	
	женихи	невесты	женихи	nevесты	женихи	nevесты
1	14,4	12,9	22,2	24,2	26,2	24,3
2	15,1	13,6	11,6	20,3	12,3	24,6
1	8,4	18,6	5,1	19,2	4,9	18,3
1	19,8	3,9	35,9	7,5	39,4	11,7
2	4,5	3,3	8,0	3,1	3,9	3,7
1	17,0	8,2	10,3	15,9	5,8	9,2
2	11,1	18,4	2,6	7,6	1,4	2,9
оеннослужащие	9,3	0,9	3,7	0,2	4,6	0,3
пенсионеры и домохозяйки	0,4	20,2	0,6	5,0	1,5	0,5
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

читают супругов из групп, близких по характеру труда. Так, по данным за 1980 г., женщины группы В₁ (квалифицированный индустриальный труд) вступали в брак чаще, чем это предполагает теоретическая вероятность, только с мужчинами той же группы; мужчины этой группы, значительно превосходя по численности женщин, «проявили склонность» к вступлению в брак с невестами 5 СПГ. Таким образом, диспропорции полового состава как бы «проявляют» и расплывчатость границ социально-профессиональных групп, и иерархический характер их внутренней структуры.

Явление иерархичности отмечено и в отношении этнических общностей¹⁰, но в современном крупном городе иерархичность играет, несомненно, более заметную роль в социально-профессиональной структуре, чем в этнической. Из отмеченных особенностей социально-профессиональных групп вытекает чрезвычайно важный для нашего исследования вывод. Говоря о численности той или иной социально-профессиональной группы, о доле однородных и смешанных браков, мы должны постоянно помнить, что эти цифры — всего лишь приблизительные оценки, способные отразить общие тенденции процесса. Действительно, приняв несколько иную типологию СПГ (например, объединив группы, близкие по характеру труда), мы должны будем отнести к однородным те браки, которые при более дробной классификации причислялись бы к смешанным. Поэтому при синхронном и диахронном сравнении необходимо пользоваться одной и той же методикой выделения социально-профессиональных групп.

Материалы отделов ЗАГС показывают, что в течение всего времени увеличивалась теоретическая вероятность заключения однородных в социально-профессиональном отношении браков. Эта тенденция — следствие возрастания как среди населения в целом, так и среди вступающих в брак доли представителей наиболее характерных для современного крупного города групп — рабочих квалифицированного индустриального труда и специалистов умственного труда высшей и средней квалификации. Доля же однородных браков, уменьшившись к 1971 г. по сравнению с 1950 г. на 5,4%, немножко увеличилась к 1980 г. (табл. 7). Важно, однако, подчеркнуть, что в социальном аспекте, как и в этническом, происходило сближение доли и теоретической вероятности браков, т. е. преобладала тенденция к усилению межгруппового взаимодействия.

¹⁰ Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры. М.: Наука, 1971, с. 32—37.

Таблица 6

Индексы брачности по социально-профессиональному составу

СПГ невест	Год	СПГ женихов								
		A ₁	A ₂	Б	B ₁	B ₂	Г ₁	Г ₂	ВС	П. Д/Х
A ₁	1950	0,71	-0,70	-0,88	-0,82	-0,85	-0,98	-1,00	0,04	—*
	1971	0,64	-0,44	-0,60	-0,64	-0,89	-0,91	-0,96	0,01	—
	1980	0,59	-0,44	-0,61	-0,64	-0,72	-0,70	-1,00	-0,04	-0,69
A ₂	1950	-0,16	0,23	-0,18	0,00	-0,64	-0,75	-0,76	0,05	—
	1971	-0,25	0,32	-0,39	0,03	-0,29	-0,45	-0,72	0,01	—
	1980	-0,23	0,37	-0,04	-0,11	-0,13	-0,23	-0,59	0,08	-0,86
Б	1950	-0,59	-0,46	0,28	0,04	0,07	-0,44	-0,57	0,40	—
	1971	-0,60	-0,02	0,41	0,13	0,02	-0,31	-0,92	—	—
	1980	-0,53	0,01	0,36	0,16	-0,10	-0,29	0,06	-0,08	—
B ₁	1950	-0,84	-0,47	-0,45	0,45	0,01	-0,20	-0,79	-0,32	—
	1971	-0,71	-0,45	-0,71	0,54	-0,37	-0,55	-0,35	-0,32	—
	1980	-0,76	-0,58	-0,56	0,57	0,03	-0,25	-0,90	-0,22	—
B ₂	1950	-1,00	-0,82	-0,21	0,31	0,19	0,06	-0,89	-0,51	—
	1971	-0,87	-0,53	-0,88	-0,22	0,42	0,09	—	—	—
	1980	-0,82	-0,61	-0,39	0,30	0,12	0,02	—	-0,06	—
Г ₁	1950	-0,97	-0,82	-0,10	-0,06	0,00	0,45	-0,56	-0,64	—
	1971	-0,85	-0,48	-0,42	0,12	0,11	0,35	-1,00	-0,49	—
	1980	-0,78	-0,44	-0,69	0,25	0,09	0,24	0,01	-0,29	—
Г ₂	1950	-0,95	-0,81	-0,37	-0,26	0,10	0,13	0,46	-0,56	—
	1971	-0,81	-0,54	-0,41	-0,23	0,04	0,08	0,72	-0,39	—
	1980	-1,00	-0,81	-0,86	-0,20	0,01	0,19	0,59	-0,30	—
П. Д/Х	1950	-0,43	-0,46	0,01	0,04	-0,35	-0,06	0,05	0,06	0,72
	1971	-0,68	-0,22	0,05	-0,08	0,00	0,03	0,11	0,03	0,63
	1980	-0,42	-0,26	0,04	-0,25	-0,63	0,04	—	-0,48	0,77

* Прочеркками обозначены сочетания, доля и вероятность которых настолько малы, что это делает невозможным расчет индексов брачности.

Однако эта тенденция по-разному проявилась в различных социально-профессиональных группах. Так, за 30 лет понизился уровень брачной гомогенности группы специалистов высшей квалификации. Скорее всего это связано с расширением системы высшего образования, а вместе с этим и социального состава студенчества. Молодые специалисты и студенты, выходцы из рабочей и крестьянской среды, чаще выбирают себе супруга или супругу иной социально-профессиональной принадлежности, чем лица, происходящие из семей служащих.

Однако основное увеличение показателей смешанной брачности приходится на группы физического труда. Особенно заметно падает уровень гомогенности браков в группе Г₁ — рабочих квалифицированного неиндустриального труда. Как видно из табл. 5, одновременно происходит и уменьшение доли работников этой группы среди вступающих в брак. На наш взгляд, все это является показателем исчезновения данной группы как самостоятельной социальной общности, что связано не только с количественным ее уменьшением, но и с постепенным «размыванием» границ и слиянием ее с группами рабочих индустриального труда. В то же время значительно повысился уровень гомогенности браков в группе рабочих индустриального труда, прежде всего потому, что все больший процент невест этой группы вступает в брак с мужчинами той же группы. Таковы, на наш взгляд, основные процессы, оказавшие влияние на динамику социально-профессионального состава браков.

Таблица 7

Соотношение доли и вероятности заключения однородных в социально-профессиональном отношении браков *

Браки	1950 г.	1971 г.	1980 г.
Доля	45,7	40,3	41,8
Теоретическая вероятность	9,9	12,8	15,7
Соотношение доли и вероятности	4,6	3,1	2,7

* Не учитываются браки, в которых хотя бы один из супругов: военнослужащий, пенсионер, временно или постоянно не работает.

Проследив тенденции изменения смешанной брачности по этническому и социально-профессиональному составу, можно сделать некоторые предположения об их взаимосвязи.

Мы уже отмечали, что в изменении этнического и социального состава вступающих в брак, наблюдаются сходные тенденции. Во-первых, в обоих случаях в течение всего тридцатилетия наблюдался рост вероятности заключения однородных браков. Во-вторых, в 50-х и 60-х годах, вопреки этой тенденции, увеличивалась доля заключаемых ежегодно смешанных браков. В 70-е годы этот рост прекратился и наметилась тенденция к увеличению доли однородных браков. В-третьих, наконец, отношение доли однородных как в этническом, так и в социально-профессиональном плане браков к их теоретической вероятности продолжало уменьшаться, свидетельствуя о том, что тенденция к возрастанию брачной гомогенности социально-профессиональных и этнических общностей не доминирующая. Является ли отмеченное совпадение случайностью или отражением глубинной социальной закономерности? Здесь, конечно, трудно претендовать на разрешение этого вопроса, однако можно высказать некоторые соображения. Вероятно, это совпадение вызвано началом общего процесса стабилизации населения Кишинева, формирования более устойчивой социально-этнической структуры города. Население Кишинева с 1939 по 1980 г. выросло в 4,6 раза, и этнический состав его за 40 лет коренным образом изменился. Кроме того, лишь в послевоенное время Кишинев превратился из провинциального административного города в современный крупный промышленный и культурный центр. Кардинальное изменение функциональных характеристик города сказалось как на социально-профессиональной, так и на этнической структуре. Необычайно высокие темпы этого изменения неизбежно вели к некоторой дестабилизации социально-профессиональных и этнических групп, выражавшейся, в частности, в резком «размытии» их границ. Стирание межгрупповых границ — одна из общих тенденций развития социально-этнической структуры современного социалистического города, однако темпы его в данном случае значительно превысили «естественный» ход событий. В 70-х годах в основном сложилась структура городского населения нового типа, характеризующаяся численным преобладанием групп основной коренной национальности в этническом аспекте и групп интеллигентии и индустриальных рабочих — в социально-профессиональном. Характерно и падение темпов прироста населения Кишинева: если в 1959—1970 гг. прирост составлял в среднем 5,9% в год, то в 1970—1979 гг.—4,9%. Хотя абсолютное число приезжающих ежегодно даже несколько увеличилось, однако их доля в населении уменьшилась; кроме того, новоселы 70-х годов попадали в качественно иную социально-этническую ситуацию, чем их предшественники 20—25 лет назад. Процесс стабилизации, естественно, сопровождается и не-

которым повышением уровня консолидации социальных общностей, образующих структуру города.

Не менее важно раскрыть и конкретный механизм процесса стабилизации социальной структуры, факторы «микроуровня», влияющие на состав заключаемых браков. Один из этих факторов — увеличение теоретической вероятности однородных браков — упоминался в работе. Этот фактор, однако, не объясняет, почему именно в 70-е годы прекратился рост доли смешанных браков — ведь теоретическая вероятность однородных браков увеличивалась и в предыдущие годы. Одним из элементов этого механизма может быть, в частности, степень распространения социально-конкурсных ситуаций, повышение которой нередко сопровождает период бурного роста больших городов. Влияние этого момента на межэтническое взаимодействие уже отмечалось в отечественной литературе¹¹.

До сих пор мы предполагали, что черты сходства в изменении социального и этнического состава браков могут вызываться тем, что оба эти процессы — проявление общих тенденций развития социальной структуры населения города. Однако можно поставить вопрос: не является ли это сходство результатом непосредственного взаимодействия этнической и социально-профессиональной структуры? Такое взаимовлияние возможно, если между контактирующими этническими группами имеются существенные различия в социально-профессиональном составе. В этом случае возрастание уровня гомогенности социально-профессиональной группы неизбежно будет связано с аналогичным процессом в этнической общности, представители которой составляют в ней большинство. Однако закономерное в условиях социалистического города сближение социально-профессионального состава национальностей привело к тому, что существовавшие ранее различия в настоящее время не играют сколь-нибудь заметной роли¹² и продолжают непрерывно уменьшаться. Так, среди однонациональных браков соотношение однородных и смешанных в социально-профессиональном отношении браков такое же, как и среди межнациональных, т. е. отсутствует статистическая зависимость между этнической и социальной однородностью браков, причем эта закономерность зафиксирована по данным за все три года (табл. 8).

Рассмотрев статистику браков отдельно по этническим и социальным параметрам, естественно задаться вопросом: как «ведут себя» в этом отношении этносоциальные категории, образующиеся как бы на пересечении этнической и социально-профессиональной структур? Здесь мы можем рассмотреть лишь наиболее многочисленные социально-профессиональные и этнические группы. Мы выбрали шесть этносоциальных групп (см. табл. 9). Интересно выяснить, какой фактор — этнический или социальный — сильнее влияет на состав заключенных браков. Другими словами, с кем люди более склонны вступать в брак: с лицами своей национальности, но иной социально-профессиональной принадлежности или наоборот? Ответить на этот вопрос также позволяет расчет индексов брачности по Птухе.

Как видно из табл. 9, среди специалистов с высшим образованием молдаване, русские и украинцы более склонны к вступлению в брак с представителями той же социально-профессиональной группы. Среди индустриальных рабочих социально-профессиональная принадлежность играла решающую роль при вступлении в брак для женщин-молдаванок. В остальных случаях большее значение имела этническая принад-

¹¹ См., например, Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР. М.: Наука, 1973, с. 299.

¹² Опыт этносоциологического исследования образа жизни. (По материалам МССР). М.: Наука, 1980, с. 41—69.

Таблица 8

Соотношение социально-профессионального и национального состава браков

Национальный состав браков	Социально-профессиональный состав браков					
	1950 г.		1971 г.		1980 г.	
	однородные	неоднородные	однородные	неоднородные	однородные	неоднородные
Однородные	46,0	54,0	42,0	58,0	41,2	58,8
Неоднородные	45,5	54,5	37,9	62,1	42,8	57,2

Таблица 9

Индексы смешанной брачности для некоторых этносоциальных категорий

Этносоциальные категории	Та же СПГ, но иная национальность	Та же национальность, но иная СПГ	Этносоциальные категории	Та же СПГ, но иная национальность	Та же национальность, но иная СПГ
Женихи	Невесты		Невесты	Женихи	
Молдаване A ₁	0,02	-0,30	Молдаванки A ₁	0,03	-0,30
Русские и украинцы A ₁	0,01	-0,30	Русские и украинки A ₁	0,00	-0,28
Евреи A ₁	-0,16	0,11	Еврейки A ₁	-0,56	0,17
Молдаване В *	-0,16	0,37	Молдаванки В	0,04	-0,22
Русские и украинцы В	0,06	0,26	Русские и украинки В	-0,19	-0,19
Евреи В	-0,73	0,65	Еврейки В	-0,77	-0,28

* Объединены категории В₁ и В₂.

лежность партнера. Таким образом, состав браков значительно различается в зависимости от социально-профессиональной и этнической принадлежности партнеров. Большая склонность мужчин — индустриальных рабочих к вступлению в браки с женщинами своей национальности частично, видимо, объясняется незначительным числом женщин в составе этой группы. Интересно отметить «профессиональную гомогенность» браков среди интеллигентии, которая традиционно считается наиболее активным носителем этнического самосознания.

Предпринятые здесь попытки анализа материалов ЗАГС — лишь первые шаги в изучении взаимосвязи процессов воспроизведения этнической и социально-профессиональной структуры многонационального города. Нельзя считать полностью раскрытыми даже затронутые здесь аспекты проблемы, не говоря уже о том, что значительная часть их вообще не затрагивалась. Далеко не полностью использована даже информация, содержащаяся в актах о заключении брака. Сделать же более серьезные выводы можно лишь при использовании различных источников.

В заключение нужно отметить следующее. Результаты, полученные по материалам Кишинева, не могут экстраполироваться на другие населенные пункты. Как уже говорилось выше, исследуя процесс воспроизведения этносоциальной структуры каждого города, следует учитывать специфические условия ее формирования. Нам кажется, что при изучении этих процессов в Кишиневе должны приниматься во внимание три обстоятельства. Во-первых, формирование новой этносоциальной структуры происходило чрезвычайно быстро, в течение жизни одного поколения, и поэтому многие процессы, сопутствующие ее становлению, просто не успевали развиться. Во-вторых, в отличие от многих столиц союзных республик в Кишиневе индустриализация охватила все главные этнические компоненты населения относительно равномерно. Например, к настоящему моменту основная коренная национальность — молдаване широко представлена как в сфере управления, так и в сфере непосредственного материального производства. В-третьих, наконец,

национальности, составляющие большинство населения Кишинева, имеют многовековой опыт непосредственных контактов, что способствовало формированию многих общих черт их бытовой культуры, а в настоящее время облегчает их общение в условиях большого современного города.

И, наконец, об очень важном вопросе — устойчивости гетерогенных и гомогенных семей. Эта проблема требует специального исследования, здесь же скажем лишь следующее. Материалы отделов ЗАГС представляют широкие возможности для изучения частоты разводов. Во-первых, при разводе заполняется бланк, включающий те же общие социально-демографические признаки, что и при регистрации браков. Во-вторых, пометка о месте и времени развода делается и на бланке, на котором записан акт о регистрации данного брака, даже если развод зарегистрирован в другом отделе ЗАГС. Относительно вероятности расторжения социально-смешанных и национально-смешанных браков высказывались различные предположения: 1) что гетерогенные браки должны распадаться чаще гомогенных из-за различий культурных норм супругов; 2) что гетерогенные браки более устойчивы, чем гомогенные, так как вступление в брак с лицом иной этнической или социально-профессиональной принадлежности предполагает более зрелый выбор партнеров; 3) наконец, что устойчивость брака не зависит от социально-профессиональной и этнической принадлежности супругов. Как нам кажется, любая из этих гипотез может быть верна в какой-то конкретной ситуации, и в то же время ни одна из них не может претендовать на абсолютную истинность. Все зависит от национальной принадлежности супругов, этнического состава региона, социальной ситуации общения и т. д. Эти вопросы предполагается рассмотреть в ближайших публикациях авторов.

Как уже отмечалось, закономерности заключения браков — лишь одна сторона механизма воспроизведения этносоциальной структуры. Вторая сторона — взаимодействие наследования социально-профессионального и этнического статуса. При изучении ее большую помощь могут оказать материалы текущего учета населения. Исследование этих вопросов может иметь большое значение для практического управления процессами формирования этносоциальной структуры города, а также для идеологической работы.

**ETHNIC AND SOCIAL HOMOGENEITY
IN MARRIAGES [BASED ON MATERIALS FROM CIVIL STATUS]
REGISTRATION CENTRES OF KISHINEV CITY
FOR THE POST-WAR PERIOD**

The problem is raised in the paper of using data on the combinations of marriage partners according to their ethnic and social grouping for studying the reproduction of the ethnosoocial structure of society. The authors demonstrate that for 30 years the theoretical probability of ethnically and socially homogeneous marriages being contracted had a predominantly upward trend. Actually, marriage registration data in Kishinev for 1950, 1971 and 1980 show that the proportion of homogeneous marriages declined during the fifties but became stable in the subsequent decades. The question is also examined whether the ethnic or the social factor plays the greater role in the choice of marriage partners.

>

Ю. В. Бромлей, М. С. Кашуба

К ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ У НАРОДОВ ЮГОСЛАВИИ

Проблемам семьи в настоящее время уделяется большое внимание как в советской, так и в зарубежной науке. Особенно активизировалось изучение института современной семьи в последние десятилетия. Отдельные аспекты брачно-семейных отношений исследуют ученые различных специальностей — социологи, этнографы, демографы, экономисты, медики, юристы и др. Дело в том, что изучение современной семьи имеет не только большое научное, но и практическое значение. Семья, являясь микроячейкой общества, с одной стороны, прямо или косвенно отражает изменения, происходящие в данном обществе, а с другой — сама воздействует на развитие общества, на формирование личности человека, его ценностных установок, идеалов, его отношения к культурному наследию, к передаче трудовых навыков и т. д. Особое значение имеет семья в воспроизводстве населения, и здесь прямое или косвенное воздействие общества очень велико.

Каждая научная дисциплина исследует свои аспекты брачно-семейных отношений. Есть определенная специфика в подходе к их изучению и у этнографии. Она обусловлена в значительной мере тем, что семье принадлежит важнейшая роль в воспроизведстве этноса, в межпоколенной передаче его характерных черт. С данным обстоятельством, в свою очередь, во многом связан тот особый интерес, который вызывает у этнографов изучение семьи в полигатнических странах. Именно этим обусловлен выбор нами в качестве исследовательского объекта современной семьи в Югославии, причем в настоящей статье основное внимание сосредотачивается на выявлении общих и специфических черт состава семьи у основных населяющих Югославию народов. Ведь состав семьи во многом предопределяет выполнение ею этнических функций.

Представляется необходимым до непосредственного рассмотрения данной проблемы, хотя бы в самой общей форме, остановиться на вопросе о типологизации семьи. Дело в том, что вопрос этот весьма сложен и в научной литературе, в том числе и в югославской, решается далеко не однозначно. Среди югославских ученых, занимающихся исследованием проблем семьи, — социологов, этнографов, демографов — нет единого мнения о типологии современной семьи, так же как нет и общих критериев, согласно которым эти типы могут быть выделены. Отдельные ученые предпринимали попытки создания типологии семьи, беря за ее основу ту или иную доминанту, которую они и выдвигали как определяющую и на основе которой разрабатывали свою типологию. При этом одни решающим фактором считали географический, другие — национально-религиозный, третьи — социальный, четвертые — демографический и т. д. Существующий в данном отношении разнобой во многом объясняется многофункциональностью семьи, открывающей широ-

кую возможность ее классификации на основе самых различных признаков. Представляется, однако, очевидным, что типологизация семьи должна проводиться прежде всего на основе выделения тех свойств, которые отличают ее от всех других объединений людей. Это отличие, как известно, состоит в том, что семья, являясь ячейкой воспроизводства населения (как биологического, так и социокультурного), объединяет людей, связанных брачными или родственными отношениями. Следовательно, структура семьи прежде всего зависит от характера этих отношений. При этом мы исходим из деления семьи на два основных типа: 1 — простую (малую, нуклеарную, индивидуальную и т. д.) семью, состоящую из одной брачной пары (или одного из родителей) с неженатыми детьми или без детей, и 2 — сложную семью (семью расширенного типа, большую семью), состоящую из двух или более семейных пар.

Говоря о сложных семьях, необходимо учитывать, что существуют две основные формы родственных связей: первая — это связь между людьми, из которых один произошел от другого, вторая — связь между людьми, которые произошли от одного предка. В первом случае люди связаны прямой линией родства, во втором — характеризуются как состоящие в родстве по боковой линии¹. Соответственно при типологической характеристике сложной семьи прежде всего следует установить, какой вид родственных отношений (прямой или боковой) является для нее определяющим. Одновременно, разумеется, необходимо учитывать брачные отношения (прежде всего брачные пары), а также число поколений.

Исходя из этих критериев, среди сложных семей, включающих лиц, связанных боковым родством, можно выделить в отдельный подтип те семьи, в которых такие родственники представлены несколькими брачными парами. Подобные семьи (и только они), даже если в них имеются лица одного поколения и всего лишь две брачные пары, могут быть выделены в отдельный подтип, который мы называем «многолинейным» (задружным)². Если же семья состоит из представителей нескольких поколений (чаще всего трех), находящихся в прямом родстве, но в каждом поколении имеет не более одной брачной пары, то она представляет собой другой самостоятельный подтип сложной семьи, который предлагается именовать «однолинейным».

Характеризуя структуру сложных семей, следует учитывать и то, что эти семьи могут обладать той или иной общностью производства и потребления, но вместе с тем таковая общность может у них и полностью отсутствовать. Иметь в виду данное обстоятельство тем более важно, что только в первом случае, на наш взгляд, сложная семья представляет собой «задругу» в полном смысле этого слова.

В качестве предварительного условия рассмотрения современной семьи у народов Югославии представляется необходимым также хотя бы в самых общих чертах получить представление о семейном быте в югославянских землях в прошлом. Без этого нельзя понять многие характерные черты развития здесь современной семьи. Хотя за время существования СФРЮ семья, точнее, различные ее типы, бытующие в отдельных регионах, испытали коренные преобразования, все же на отдельные сферы семейной жизни еще оказывают немалое влияние традиции прошлого. И сейчас нередки семьи, в которых отчетливо проступают элементы нового и старого. Не случайно государственное законодательство страны особо учитывает существование разных, в том числе архаических, форм семьи³.

¹ См. Семенов Ю. И. Происхождение брака и семьи. М.: Мысль, 1974, с. 16—17.

² Разумеется, они могут состоять (и обычно состоят) из представителей нескольких поколений и более двух брачных пар (одного поколения).

³ Так, например, для семейных задруг был повышен земельный максимум (закон об аграрной реформе и колонизации от 23.VIII.1945 г., измененный и дополненный за-

Для суждения о типах семьи, характерных для югославянских земель в прошлом, большое значение имеет тот факт, что крупнейшие знатоки народной жизни и обычного права в этих землях в XIX в. В. Караджич (1787—1864 гг.) и В. Богишич (1843—1908 гг.) проявляли немалый интерес к семье и семейному быту. Именно В. Караджич, отмечая две формы бытования семьи у югославянских народов — большую и малую (инокоштина, инокосная семья) в начале XIX в., ввел для обозначения первой формы термин «задруга»⁴, широко распространившийся не только в югославской, но и в мировой этнографической, социологической и юридической науках. В 1880-х годах В. Богишич дал более развернутую классификацию семьи у югославянских народов, учитывающую одновременно несколько факторов. Он выделяет четыре типа семьи, а именно: семейная задруга, инокоштина, городская семья и мусульманская семья. При этом он определил каждый тип и указал их наиболее характерные черты. Конечно, эта классификация давала весьма общее и схематичное представление о семье; так, например, выделялся один тип городской семьи без всякого учета социальных расслоений, которые в то время были уже весьма существенны в югославянских городах, и без учета характера самих городов. Вместе с тем В. Богишич, прекрасный знаток народной жизни и обычного права, совершенно точно отметил наиболее существенные черты в отдельных формах семьи того периода, выделяя общее и особенное в них. Так, например, он подчеркивал, что и в городской, и в сельской малой семье (инокоштине) ее основой является патриархальный строй⁵.

Наиболее распространенной у большинства югославянских народов в XIX в., особенно в первой его половине, была сложная многолинейная семья — задруга. Однако задружная форма семьи в этот период почти не была представлена у словенцев; по данным В. Богишича, она встречалась лишь в некоторых пограничных областях ее расселения⁶. Есть мнение, что в период раннего средневековья задруга существовала и у словенцев, но условия социально-экономического развития этого региона привели к ее исчезновению в большинстве его областей значительно раньше, чем в других югославянских землях⁷. Задруга была характерна и не для всех областей Черногории. Мы полностью разделяем мнение тех авторов, которые, отмечая это явление, связывали его со спецификой политического и социально-экономического развития Черногории и показывали особенности этой формы семьи в Черногории⁸.

В этнографической науке наиболее распространено деление задруг на отцовские и братские.

Следует заметить, что та семья, которая обычно в югославской литературе именуется «отцовской задругой», может представлять, согласно нашей классификации, и однолинейный и многолинейный подтипы сложной семьи. В последнем случае достаточно, чтобы в такой семье имелось

конами, принятыми в 1946 и 1947 гг.; закон о сельскохозяйственном земельном фонде 1953 г.). См. *Mladenović M. Porodica i porodični odnosi*. Beograd, 1963, s. 100.

⁴ Караджић В. Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинским ријечима. Београд, 1935, с. 181 (4-е издание).

⁵ См.: Богишић В. Правни чланци и расправе. Београд, 1927, књ. I, с. 170—172; Костић Џ. Облица наших породица.— В кн.: Гласник Етнографског Института. Београд, 1958, VII, с. 27.

⁶ См. Богишић В. Указ. раб., с. 169.

⁷ Kos M. Zgodovina slovencev. Ljubljana, 1955, s. 331—332; Vilfan S. Pravno življenje.— In: Slovensko ljudsko izročilo. Ljubljana, 1980, s. 148.

⁸ См.: Vujačić V. Smisao patrijarhalnog porodičnog kontinuitata u Crnoj Gori.— Sociologija sela, Zagreb, 1973, br. 40—42, s. 111; его же. Трансформација патријархалне породице у Црној Гори. Београд, 1977, с. 22; Лутовац М. Породичне задруге на Пештеру у Старој Рашке.— В кн.: Гласник Етнографског Института. Београд, 1973, XIX—XX, с. 1; Мартиновић Н. Брак, сродство, род, задруга и племе.— Цит. по кн.: Костић В. Правни обичаји код Кућа. Београд, 1979, с. 96—97.

не менее двух брачных пар (они могут относиться как к поколению детей, так и внуков). Что касается братских семей, то само их наименование предполагает наличие нескольких брачных пар и, следовательно, многоглинейность⁹.

Югославский этнограф Ш. Кулишич, тщательно проанализировав письменные источники периода феодализма, пришел к выводу, что в это время преобладающими были братские задруги. Однако в XIX — начале XX в. большинство задруг были отцовскими¹⁰. При сохранении основных признаков, характеризующих задругу (коллективное владение землей и имуществом, коллективное потребление, патрилокальность и т. д.), эта форма семьи имеет и целый ряд локальных различий. Впервые внимание на региональные различия во внутренней организации жизни задруг обратил известный этнограф И. Цвич (1865—1927). Так, например, он отмечал, что в отношениях членов задруг динарского горного массива, простирающегося от восточных до западных границ страны, больше теплоты, чем в аналогичных задругах населения центральной части Балкан (Моравско-Вардарской области). Самой типичной и наиболее распространенной формой он считал задругу, существовавшую у населения динарского региона и указывал, что в литературе чаще всего встречается описание именно этой формы задруги¹¹. Интересные наблюдения имеются в работах югославского социолога В. Эрлих. Основываясь на литературных данных, а также на большом анкетном материале, собранном перед второй мировой войной, она выявила конкретные различия в организации внутренней жизни задруг в разных регионах. Эти различия касаются целого ряда сторон жизни задруги. Так, например, в Македонии нередко большим авторитетом пользовались старики, независимо от пола, тогда как в большинстве других областей в этом вопросе предпочтение отдавалось всем мужчинам, независимо от возраста. В Далмации отмечалась большая единоличная власть отца — главы задруги, что приводило к нарушению одного из основных принципов задруги — коллективности ее управления. Интересные материалы автор приводит о том, кто мог стать главой задруги, указывая при этом, что в Славонии эта обязанность ежегодно переходила от одного мужчины к другому. Принципы раздела задруг также были различны¹². Недавно умерший югославский этнограф М. Филипович предпринял интересную попытку выделения типов задруги по принадлежности одного из предметов средств производства, а именно ткацкого стана. Его исследование показало, что ткацкий стан может принадлежать всей задруге в целом или отдельной супружеской паре. По этой классификации только в одной области (в Скопской котловине) были выявлены два типа таких задруг, причем там, где ткацкий стан принадлежал отдельным семьям, составляющим задруги, эти семьи жили в отдельных домах, построенных на общем дворе.

Этот же ученый выделил два особых типа задруги — неродственную (несродничка или смјеса) и разделенную (предвојена, раздвојица, надвојица), существование которых обусловлено экономическими факторами, в частности миграционными перемещениями населения¹³.

⁹ Подробнее о месте братской семьи в истории семейных отношений см. Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981, с. 202—210.

¹⁰ См.: *Kulišić Š. O postanku slovenske zadruge*.—Bilten Instituta za proučavanje folklora. Sarajevo, 1955, br. 5, s. 47; *idem. O zadruzi i patronimije* (Povodom knjige M. O. Kosvena «Семейная община и патронимия»).—Etnološki pregled. Beograd, 1963, 5, s. 73; *idem. Tragovi arhaične rodovske organizacije i pitanje balkansko-slovenske simbioze*. Beograd, 1963, s. 18, 20.

¹¹ См. Цвичић Ј. Балканское полуостров и южнославянские земли. Београд, 1966, с. 46, 70, 326, 365, 440, 469—470.

¹² См. Erlich V. U društvu s čovjekom. Zagreb, 1968, s. 219, 222—223.

¹³ См. Филиповић М. Несродничка и предвојена задруга. Београд, 1945, с. 5—7, 30, 37, 60.

В объединениях, названных М. Филиповичем «неродственными задругами», исчезал один из основных принципов задруги — родство, причем менно по мужской линии. Такие объединения могли составляться как з родственных семей, но по женской линии, когда, например, вдова с семьи возвращалась в свою семью (это бывало редко, так как детей, ак правило, не отдавали из задруги), так и из неродственных, когда, апример, объединялись совершенно посторонние семьи для совместного едения хозяйства. Это стимулировалось еще и тем, что налог часто со-ирался с «дымом», т. е. со всего хозяйства в целом, без учета числа го членов. Такого типа задруги были распространены в Хорватии и Славонии на территории Военной Границы, а также в других облас-ях — в Сербии, Боснии. Существование таких задруг признавалось и юоощрялось официальным законодательством. Так, например, по «Ос-новному закону Военной Границы» (1807 г.), малочисленным семьям (ля облегчения ведения хозяйства и исполнения воинских повинностей) разрешалось, а иногда и предписывалось принимать в свой состав от-дельных лиц или целые семьи. По принятому в 1889 г. закону, единому (ля Хорватии и Славонии, членом задруги считалось и лицо, принятое в нее по договору. В то же время, согласно Гражданскому Законнику Сербского княжества 1844 г., для членства в задруге было необходимо родство — кровное или искусственное, например побратимство, однако-то законодательство соблюдалось не всегда. По мнению М. Филипови-я, этот тип задруги был весьма распространен среди югославянских народов в XIX в., а также в XVIII в. и ранее. В таких задругах был нарушен только принцип родства; в остальном их образ жизни ничем не отличался от прочих задруг. Со временем члены такой задруги обычно начинали носить общую фамилию, отмечать общие праздники и все-меньше отличались от задруг, возникших на родственной (по мужской линии) основе¹⁴.

«К «разделенным» задругам М. Филипович относит семьи, члены которых длительное время проживают раздельно, обычно в двух, а иногда и в трех местах, удаленных друг от друга на десятки километров. Чаще всего такие семьи имеют владения в равнинных местностях, где основу их хозяйства составляет земледелие, и в горных, куда для заня-тия скотоводством отселяется одна или несколько супружеских пар с детьми. Для этих семей характерны не сезонные переселения, а постоянное раздельное проживание, причем состав живущих отдельно от основной ячейки может меняться каждые несколько лет. В «разделенных» задругах каждый дом обладает большой самостоятельностью, однако экономическое единство в значительной мере сохраняется. Прежде все-го для таких задруг характерен регулярный обмен натуральной продук-цией их труда. Глава задруги осуществляет руководство ею, направляя и контролируя жизнь отселившихся членов. По мере возможности чле-ны задруги собираются вместе, например на общесельские и семейные праздники, хотя случается, что хозяйственные заботы препятствуют об-щению членов задруги и они не собираются даже в дни таких праздни-ков, как Семейная Слава.

«Разделенные» задруги были довольно широко распространены сре-ди народов Югославии. М. Филипович совершенно правильно отмечал связь этой формы задруги с социально-экономическим развитием, ука-зываая, что вначале, в XVIII в. например, их существование могло быть вызвано тем, что одна семья вела и земледельческое, и скотоводческое хозяйство. В более поздний период, в XIX — начале XX в., развитие то-варно-денежных отношений приводило к земельному голоду в отдель-

¹⁴ Филиповић M. Указ. раб., с. 6—31; Gavazzi M. Vrele i sudbine narodnih tradicija. Zagreb, 1979, s. 83—84.

ных областях, что и вызывало переселение части задруги в другие, как правило, более отдаленные и глухие места¹⁵.

В период османского господства турецкие помешчики предпочитали на своих землях иметь крепкие задружные хозяйства, которые, случалось, они поселяли на своих землях, а инокосные семьи прогоняли. В связи с этим бывало, как например, в Старой Рашке (Сербия), что инокосные семьи были вынуждены объединяться, чтобы оставаться на своем старом или поселиться на новом месте жительства¹⁶.

Численность задруг было весьма различной. В первой половине XIX в. нередко встречались задруги, насчитывающие по 50 и более человек, а наряду с ними существовали и гораздо более малочисленные. Выделялись целые области, как, например, Ядар (Сербия) и его окрестности, где обычно задруги не были большими. Вообще же более многочисленные задруги гораздо чаще встречались среди христианского, чем среди мусульманского, населения. В конце XIX — начале XX в. вследствие участившихся разделов численность большинства задруг резко сократилась¹⁷. Теперь задруги чаще всего стали насчитывать 25—30 человек.

Если еще в первой половине XIX в. сложные семьи значительно преобладали над простыми, то в конце XIX — начале XX в. картина резко меняется в пользу простых (нуклеарных) семей. Развитие товарно-денежных отношений и проникновение капиталистических отношений в деревню вызвало массовый распад сложных многолинейных семей на простые. Период массового исчезновения задруг не был одинаковым для всех югославянских земель — он наступал раньше там, где активнее шел процесс экономического и социального развития, т. е. в западных областях. В восточных краях этот процесс особенно активизировался в начале XX в. — после окончательного освобождения от османского ига всех югославянских областей и создания единого югославянского государства. Наиболее ранние массовые разделы задруг имели место в Приморье; в остальных областях Хорватии они приходятся примерно на конец XIX в.; в Сербии — перед первой мировой войной, а также в период между двумя мировыми войнами; в Боснии — в основном на время между первой и второй мировыми войнами; в юго-восточной части Югославии — непосредственно перед второй мировой войной и после нее¹⁸. Отдельные задруги продолжали существовать в разных краях Югославии вплоть до второй мировой войны, а часть их, правда уже как исключение, бытует и в СФРЮ, о чем речь пойдет ниже.

Раздел сложных семей приводил к созданию простых семей. В то же время, разрастаясь, простая семья могла стать сложной, т. е. эти две формы могли превращаться одна в другую. На это обратил внимание еще В. Богишич¹⁹. Однако между указанными двумя формами семьи существовали коренные различия, обусловленные неодинаковым правом владения семейной собственностью. Если, как мы уже указывали, для сложной семьи многолинейного (задружного) подтипа было характерно коллективное владение и управление ее собственностью, то глава простой семьи выступал единоличным владельцем семейной собственности и распоряжался ею по своему усмотрению. Он же управлял всей жизнью семьи. В. Богишич выделил наиболее характерные черты так называемой городской семьи, которые могут быть полностью отнесены к

¹⁵ См.: *Filipović M.* Указ. раб., с. 37—60; *его же*. Таковци. Етнолошка посматранја. Београд, 1972, с. 89; *Gavazzi M.* Op. cit., s. 84—85.

¹⁶ См.: *Lutovač M.* Указ. раб., с. 89; *Filipović M.* Brak, porodica, srodstvo. — In: Lepenica, Sarajevo, 1963, s. 328.

¹⁷ См.: Ядар — Вуков завичај. — В кн.: Гласник Етнографског музеја. Београд, 1964, књ. 27, с. 378; *Erlach V.* Op. cit., s. 223; *Gavazzi M.* Op. cit., s. 82.

¹⁸ См.: *Erlach V.* Op. cit., s. 223—224.

¹⁹ См. *Bogićević B.* Указ. раб., с. 168, 185.

ростой (инокосной) семье. Эти черты следующие: отец неограниченно ладеет всем имуществом семьи, если закон не обязывает его часть имущества выделить детям; если отец по старости или болезни не в состоянии управлять семьей, лишить его этого права никто не может, ока он не откажется сам, но и в этом случае заменивший его член семьи может выступать только от имени отца; отец может выделить детям их часть наследства при жизни, но, как правило, оно делится после его смерти²⁰. Интересно отметить, что в Черногории, в общественной жизни которой значительное место занимали пережитки родо-племенных отношений, инокосная семья отличалась некоторыми особенностями, сближающими ее с задругой. Отец здесь был лишен права полновластно и единолично распоряжаться имуществом семьи, а по важным делам он должен был советоваться со своими взрослыми сыновьями²¹.

Описанные выше типы семьи и семейных отношений, в большей или меньшей мере подвергшиеся трансформации и модификации, в основном существовали в Югославии вплоть до завершения второй мировой войны и образования республики. Естественно, что, несмотря на коренные политические, социально-экономические и культурные преобразования, семья и семейный быт, устои которых складывались веками, не могли сразу перестроиться и преобразиться. Правительство и общественные организации страны проводили и проводят большую работу по искоренению тех вредных пережитков, которые оказывали отрицательное влияние на семью и семейный быт народов Югославии и которые сейчас еще сохраняются в ряде сельских семей, особенно в селах, удаленных от городов и промышленных поселков, а иногда и в городских семьях, в основном недавно переселившихся в город. К таким пережиткам прежде всего относятся неравноправное положение женщины — жены и матери — в семье; единоличная власть мужчин — мужа и отца; некоторые принципы брака, согласно которым невеста рассматривается как выгодный или невыгодный товар; отдельные элементы семейных обрядов, унижающие достоинство человека, и т. п. Более чем за 35-летний период существования Республики эти пережитки во многих регионах страны исчезли полностью или частично. Степень их бытования неодинакова в разных областях страны — она находится в тесной связи с уровнем социально-экономического и культурного развития того или иного региона. Большое значение при этом имеет то, что исторические судьбы народов Югославии сложились так, что одни из них длительное время испытывали влияние восточного, а другие — западного миров и что они находились на разных ступенях социально-экономического развития.

Как уже отмечалось, мы исходим из деления семьи на два типа — простую (малую, нуклеарную и т. д.) и сложную (семью расширенного типа, большую семью) с двумя подтипами — однолинейным и многолинейным (задружным). При характеристике этих типов необходимо учитывать не только факторы, которые имеют прямое воздействие на жизнь семьи, как, например, отношение к средствам и орудиям производства и тесно связанное с этим наличие или отсутствие производственной функции, но также комплекс таких факторов, оказывающих воздействие на семью, как политическое, социально-экономическое и культурное развитие того или иного региона, этническая и религиозная среда, демографическая ситуация, региональные особенности места жительства семьи и т. д. Без учета всех этих факторов процессы развития и становления семьи и семейного быта в том или ином обществе вообще будут представлены неполно и формально, независимо от того, какие критерии положены в основу классификации семьи.

²⁰ См.: Богишић В. Указ. раб., с. 171—172.

²¹ См.: Богишић В. Указ. раб., с. 184—185; Vujačić V. Smisao patrijarhalnog rogo-dićnog kontinuitata..., с. 113.

Рассмотрение различных аспектов структуры семьи (социальной, типов родственных связей ее членов, количественного состава, внутрисемейных отношений, авторитета в семье) позволяет полнее и глубже понять основные процессы, характерные для современной семьи в Югославии. Мы уже указывали, что коренные преобразования, произошедшие за годы существования Социалистической Федеративной Республики Югославии, охватили все стороны жизни ее народов. В частности, большие сдвиги произошли в социальной структуре, что привело к массовому отливу населения из сельского хозяйства, росту рабочего класса и интеллигенции, росту урбанизации. В результате этого в 1978 г. численность жителей, занятых в сельском хозяйстве, сократилась более чем вдвое по сравнению с 1948 г. (с 67,2 до 30%), тогда как городское население выросло за этот период более чем в два раза (20,8 и 45,9%)²². Необходимо отметить, что в сельской местности ныне проживает значительное число лиц, основное занятие которых не связано с сельским хозяйством. Все эти изменения неизбежно сказываются и на семейных отношениях, постепенно приводя к утрате части старых семейных отношений и формированию новых.

Основным объектом современной югославской статистики обычно выступает хозяйство, а не семья. Правда, эти два понятия чаще всего совпадают. Особенно такое совпадение характерно для городов, где большинство простых семей в то же время является и отдельным хозяйством. Анализ семейного состава хозяйств по переписи 1953 г. показал, что такие семьи-хозяйства в среднем по стране составляли 53,9%; в 1961 г. их было уже 56,4%; в 1971 г.—72,6%. В городах процент таких хозяйств выше среднего — в 1961 г. он составлял 61,4, а в 1971 г.—75,3²³. Вместе с тем хозяйство может быть и более крупным объединением, чем простая семья. По переписи 1953 г. хозяйства, представляющие собой сложную семью или объединение родственников и неродственников, составляли 32,8%, по переписи 1961 г.—29,7%, а по переписи 1971 г.—всего 14,38%²⁴. Неродственные хозяйства и хозяйства, объединяющие не прямых родственников, возникают чаще всего на экономической основе; эти хозяйства не имеют большого распространения в Югославии, хотя и встречаются (преимущественно в сельской местности). Это бывает обычно в тех случаях, когда пожилые люди, не способные самостоятельно вести хозяйственные дела, переселяются к родственникам или объединяются для совместного ведения хозяйства. Такое явление встречается, например, в северо-восточной Сербии²⁵.

В СФРЮ довольно значительно число хозяйств одиночек — по переписи 1971 г. они составляли 13,33%; по сравнению с 1921 г. их число возросло более чем в 2,5 раза. Хозяйства одиночек имеют наибольшее распространение среди горожан, где они составляют 17,8% (1971 г.), в селах же их — 9,57%²⁶.

Простые семьи преобладают в СФРЮ (на характеристике их состава мы остановимся ниже). Вместе с тем и в наши дни еще встречаются, преимущественно в селах, сложные семьи однолинейного и многолинейного подтипов. Так, существуют семьи, объединяющие в своем составе несколько поколений прямых родственников. Такие семьи образуются в случаях, когда все дети, достигшие совершеннолетия, отселяются из-

²² Statistički godišnjak Jugoslavije 1979. Beograd, 1979, s. 114.

²³ Sentić M. Neka razmatranja o izučavanju porodica i domaćinstava u Jugoslaviji.—Stanovništvo. Beograd, 1969, br. 3—4, s. 165; Popis stanovništva i stanova 1971. Stanovništvo. Domaćinstva i porodice. Beograd, 1974, knj. V, s. 5; последняя перепись в СФРЮ была проведена в 1981 г., но материалы ее еще не опубликованы.

²⁴ Sentić M. Op. cit., s. 166; Popis stanovništva i stanova..., knj. V, s. 5.

²⁵ См. Пантелић Н. Прилог проучавању брака и породице у становништву јердапског насеља.—В кн.: Зборник Радова Етнографског Института. Београд, 1974, књ. 7, с. 45—46, 54.

²⁶ Sentić M. Op. cit., s. 165; Popis stanovništva i stanova 1971, књ. V, s. 3.

мы, а один из них — дочь или чаще сын — остается с родителями и живет в родительский дом жену или мужа и эти две брачные пары дут совместное хозяйство. С появлением детей у молодой брачной пары в такой семье совместно живут уже три поколения родственников по ртикальной линии. Такая сложная семья однолинейного подтипа — Югославии ее называют многопоколенная, семья-ствол, бинуклеарная семья и т. д. — чаще всего состоит из трех поколений: родителей, их взрослого сына или дочери, состоящих в браке, и внуков. Нередко такие семьи распадаются или прекращают свое существование естественным путем (смерть родителей) к тому времени, когда внуки становятся самостоятельными и создают свои семьи. В современных сложных семьях однолинейного подтипа нередко основной род занятый представителей единого поколения (сына, дочери, невестки, зятя) связан с работой не в своем хозяйстве, а в других сферах народного хозяйства. Это приводит тому, что власть отца — главы семьи — становится нередко формальной, так как его дети экономически независимы, имея постоянные денежные доходы. Семьи, состоящие из нескольких поколений, чаще всего из трех, явление не новое для Югославии. Так, например, они всегда были характерны для населения северо-восточной Сербии²⁷.

Сложные семьи многолинейного подтипа (задруги или, как их сейчас чаще называют, семейные задруги) не характерны для современной Югославии, особенно такие классические, которые бытовали в прошлом веке. Однако пережитки их можно встретить почти повсеместно (исключение составляет Словения) еще и в наши дни. Следует отметить, что некоторые пережитки устоев сложных (задружных) семей и сейчас еще нередко оказывают влияние на отдельные стороны жизни простых семей, частности на принцип решения общесемейных дел, на сплоченность однодушевых семей, проявляющуюся во взаимной помощи, экономическом сотрудничестве, участии в важных семейных событиях и т. д. Некоторая экономическая общность семей, члены или предки которых раньше жили в одной семейной задруге, в значительной мере связана тем, что разделы задруг не всегда бывали полными — нередко часть задружного имущества и далее оставалась в общем владении и пользовании бывших членов задруги. Эта форма коллективной собственности, правда крайне редко, встречается и теперь. Кроме того, и сейчас еще встречаются в Хорватском Загорье (Социалистическая Республика — далее СР — Хорватия), например, такие, правда, весьма немногочисленные задружные семьи, в которых сохраняется коллективная собственность и совместный труд ее членов. Однако потребление для каждой простой семьи, составляющей такую задругу, индивидуально, в связи с чем продукция, полученная в задруге, делится на всех ее членов. Югославский этнограф В. Чулинович-Константинович, описавшая эту форму задружной семьи у населения северной Хорватии, называет ее полузадругой и считает, что она соответствует первой фазе раздела задруги²⁸.

Установить количество задружных (многолинейных сложных) семей практически невозможно, хотя бы уже потому, что мы можем пользоваться только косвенными данными, позволяющими составить весьма приблизительное представление о количестве сложных семей. В этих

²⁷ См.: Неготинска Крајина. — В кн.: Гласник Етнографског музеја. Београд, 1969, књ. 31—32, с. 316; Филиповић M. Таковци. Етнолошка посматрања. Београд, 1972, с. 82; *idem*. Brak, porodica, srodstvo, s. 82; *Drljača D., Savković D.* Kućna zajednica u Rasinskom selu Zlatari. — Etnološki pregled. Beograd, 1973, 11, s. 137, 139; *Pantelić N.* Novi rezultati istraživanja strukture porodice u istočnoj Srbiji. — Etnološki pregled. Beograd, 1973, 11, s. 153; *Culinović-Konstantinović V.* Zadružna i nuklearna porodica sjeverne Hrvatske. — Sociologija sela. Zagreb, 1974, br. 43, s. 111—114; *First-Dilić R.* Hipotetski okvir za istraživanje poljoprivredne porodice. — Sociologija sela. Zagreb, 1973, br. 40—42, s. 7; *Petroska B.* Struktura privređivanje i starešina porodične zadruge. — Sociologija sela. Zagreb, 1973, br. 40—42, s. 124.

²⁸ См.: *Culinović-Konstantinović V.* Op. cit., s. 113—114.

целях определенную возможность дают данные переписей населения страны. Как известно, количество членов сложной семьи не является решающим фактором ее существования, однако, как правило, такие семьи были многочисленными. Основываясь на этом, можно предположить, что часть хозяйств, насчитывающих восемь и более человек, составляют сложные семьи. Только за 23 года существования СФРЮ (с 1948 по 1971 г.) число таких хозяйств уменьшилось более чем в два раза — в 1948 г. они составляли 11%, а в 1971 г.—5,3%²⁹.

Современные сложные семьи, которые, как уже упоминалось, в основном распространены в селах, как правило, гораздо малочисленнее, чем существовавшие в XIX в., а также в первой половине XX в.; обычно они насчитывают 15—20 человек³⁰, хотя и сейчас встречаются и более многочисленные сложные семьи.

В источниках почти отсутствуют сведения о соотношении в наши дни у различных народов страны семей сложных, в том числе и многолинейного (задружного) подтипа, и простых. Югославский этнограф М. Филипович провел такое исследование по состоянию на 1959 г. в одной из областей — Верхней Лепенице (СР Босния и Герцеговина), где совместно живут три народа — сербы, хорваты и мусульмане (в смысле народности). Согласно его выводам, задружные, т. е. сложные, семьи больше всего были распространены у сербов — они составляли 6,4%, затем шли мусульмане — 5,1% и хорваты — 1,3%³¹. Такое резкое различие в количестве задружных семей у сербов и хорватов (6,4 и 1,3%), проживающих на одной, сравнительно небольшой территории, заставляет задуматься о факторах, которые способствуют сохранению или, наоборот, исчезновению семейных задруг у народов, живущих в одинаковой географической среде. Может быть, дело в том, что у одних народов более стойко сохраняются традиции задруг, чем у других. И это обусловлено целым рядом факторов, в том числе и религиозными различиями, однако последнее нуждается в дополнительной проверке и специальном исследовании; возможно, главная причина — в социальном составе семей, в том, какой процент активного населения занят вне сельскохозяйственной сферы, что приводит к большему проникновению товарно-денежных отношений в семью и как следствие этого к распаду сложных семей.

Мы не располагаем достаточным материалом, чтобы осветить вопрос о географическом распространении задруг и их количестве у различных народов страны. Спорадически задруги существуют почти повсеместно, за исключением Словении. Интересно, что югославские ученые сейчас обнаруживают задруги даже там, где они считались давно исчезнувшими. Так, например, писали об исчезновении еще в XIX в. семейных задруг в Хорватском Загорье (СР Хорватия), однако и там отдельные задруги (сложные семьи многолинейного подтипа) были обнаружены в конце 1960-х годов³².

В современных сложных семьях все большую роль играют те доходы (деньги), которые ее члены получают за свой труд вне семьи. Это могут быть временные сезонные работы — сельскохозяйственные, строительные, ремонтные и др. — или постоянные — работа в промышленности, горном деле, на транспорте, в сфере услуг и т. д. Переход на постоянную работу, нередко влекущий за собой и переезд на новое место жительства, естественно, способствует постепенному ослаблению связей

²⁹ Подсчитано по кн.: *Statistički godišnjak Jugoslavije* 1979, s. 114.

³⁰ См.: *Filipović M.* Таковци, с. 81—82; *idem. Brak, porodica, srodstvo*, s. 328, *Država D., Savković D.* Op. cit., s. 137, 139; *Konstantinović-Čulinović V.* Posljedne porodične zajednice u Hrvatskom Zagorju.— In: *Zbornik za narodni život i običaji...* Zagreb, 1971, knj. 45, s. 426, 428, 437, 440, 444; *Petroska B.* Op. cit., s. 123—124.

³¹ *Filipović M. Brak, srodstvo, porodica*, s. 327.

³² См. *Konstantinović-Čulinović V.* Posljedne porodične zajednice..., s. 426.

со сложной семьей. Первое время члены сложной семьи, начавшие работать вне ее, не имея квалификации и своего жилья, чувствуют себя неуверенно и видят в этой семье тот коллектив, который поможет в трудную минуту. Поэтому они поддерживают самые тесные связи с ней — отдают свой заработок, оставляя себе только необходимое, помогают в сельскохозяйственных работах и т. д. В дальнейшем, прочно обосновавшись в городе или промышленном поселке, получив работу и специальность и тем самым обеспечив себе устойчивый заработок и жилье, выходцы из таких семей забирают к себе жену и детей, а молодежь часто вступает в брак там, где работает; регулярные связи их с семьей, оставшиеся в селе, все более ослабевают и становятся нерегулярными. Правда, еще какое-то время эта связь существует — периодическая помощь оказывается деньгами на приобретение необходимых предметов, участием в срочных сельскохозяйственных работах. Сезонные работы, в которых наряду с мужчинами участвуют женщины и девушки, создают дополнительные возможности для возникновения денежных средств в руках отдельных лиц или семей внутри сложной семьи, что также способствует подрыву устоев сложных семей.

Те, в общем немногочисленные, сложные семьи, которые еще существуют в наши дни, нередко сохраняют традиционную форму, тогда как их внутренняя жизнь подверглась значительным изменениям. Это вызвано прежде всего тем, что у отдельных их членов все чаще появляется собственность, позволяющая им основать свое отдельное хозяйство. В тех же семейных коллективах, где все заняты только в хозяйстве семьи, в современных условиях отпада необходимость в большом числе рабочих рук. Это связано с постоянно растущим применением техники; кроме того, необходимую помощь оказывают различного рода кооперативные объединения, все шире распространяющиеся в стране. Учитывая все эти факторы, а также отрицательное отношение большинства молодежи к жизни в таких семейных коллективах и их стремление жить самостоятельно, можно предположить, что сложные семьи в Югославии будут постепенно исчезать, тем более что и сейчас они уже являются анахронизмами в целых регионах. В югославской науке высказывается предположение, что уже в ближайшие десятилетия большие семьи (или, как мы называем их, сложные семьи), как задружные (т. е. сложные семьи многолинейного подтипа), так и семьи, состоящие из трех поколений, исчезнут и в городах, и в селах³³.

В силу преобладания в стране простых семей, состоящих из родителей и детей, представляется целесообразным подробнее остановиться на характеристике этого типа семей, так как именно они являются основным источником воспроизводства этносов.

Югославская статистика выделяет четыре типа простой семьи (супружеские пары без детей, супружеские пары с детьми, мать с детьми, отец с детьми), в которых находят отражение два признака — наличие детей и ее полнота, т. е. наличие обоих супругов или одного из них. Уже сам факт выделения таких типов семьи представляет нам материалы для характеристики некоторых процессов, имеющих место в современном семейном быту народов Югославии. В частности, имеющееся определенное число семей без детей свидетельствует об изменениях ценностных критериев прошлого, когда главной целью вступления в брак считалось рождение детей. Точно так же наличие неполных семей, обусловленных смертью одного из супругов, разводами, рождением внебрачных детей и т. д., свидетельствует об изменении некоторых функций семьи и внутрисемейных отношений в такой усеченной семье. Нельзя забывать также и о том, что во многих семьях один из супругов, чаще всего мужчина, уезжает, нередко на длительный срок, иногда на несколько лет, на за-

³³ См. *Mladenović M. Uvod u sociologiju porodice*. Beograd, 1977, s. 281.

работки и живет в отрыве от семьи, помогая ей материально. И хотя такие семьи формально числятся полными, фактически в течение довольно длительного периода времени образ жизни в этих семьях немногим отличается, за исключением материальной помощи, от образа жизни неполных семей.

В современной Югославии процент бездетных супружеских пар в селах несколько ниже, чем в городах (в 1953 и в 1961 гг. он составлял примерно 9% в селах и 13% в городах; в 1971 г.—соответственно 10,71 и 12,37%). Югославские демографы объясняют это явление тем, что в городах разрыв между вступлением в брак и рождением первого ребенка, как правило, больше, чем в селах, а также тем, что большинство молодых супружеских пар в городах быстрее отселяются от своих родителей³⁴.

По данным переписи 1971 г., среди семей, состоящих из родителей и детей, наиболее распространены семьи из четырех человек, т. е. родителей и двух детей; в среднем по стране они составляют 37,25% всех семей. Эта группа семей преобладает почти во всех республиках. Исключение составляют только СР Хорватия и СР Сербия, в которых наблюдается некоторый перевес семей из трех человек. Эти семьи наиболее распространены в городах и смешанных поселениях. Если число семей, состоящих из трех и четырех человек, т. е. родителей с одним или двумя детьми, в целом по стране почти одинаково (соответственно 36,74 и 37,25%), то количество семей, состоящих из пяти и более человек, значительно меньше. Так, семьи из пяти человек составляют в целом по стране 14,08%, из шести человек — 6,05%, из семи человек — 3,21%, из восьми и более человек — 2,6%. Такие многодетные семьи распределены весьма неравномерно по стране — больше всего их в СР Черногории, где они составляют половину всех семей, а также в СР Боснии и Герцеговине ($\approx 43\%$) и СР Македонии (38,5%). В этих республиках большинство таких крупных семей проживает в селах, и только в Черногории семьи, состоящие из пяти человек, распределяются почти равномерно по всем типам поселений (город, село, смешанное поселение) республики с некоторым преобладанием их в смешанных поселениях и городах, что свидетельствует о распространении многодетных семей и среди черногорцев-горожан. Помимо названных выше республик, в которых процент особенно многодетных семей, состоящих из восьми и более человек, выше показателя по стране в целом в 1,5—2 раза, в СР Сербии количество таких семей приближается к среднеюгославскому показателю (в целом по стране они составляют 2,6%, а в СР Сербии — 2,34%). Необходимо отметить, что в СР Сербии распределение этих семей весьма неравномерно: если в Социалистическом автономном крае Воеводине и Сербии (без автономных краев) таких семей меньше, чем в других республиках страны (0,47% в Воеводине и 0,69% в Сербии (без автономных краев), то в Социалистическом автономном крае Косово их количество резко возрастает и достигает уже 4,23%³⁵. Такие многодетные семьи в Косово характерны главным образом для албанского населения этого региона.

В последние десятилетия отмечается уменьшение численного состава семей и в тех регионах, где они были наиболее многочисленными, что обусловлено некоторым сокращением рождаемости и там, а также разделами сложных семей. Так, например, в СР Македонии среднее число членов семей упало с 5,59 человек в 1961 г. до 4,60 человек в 1973 г.³⁶

Вместе с тем в некоторых регионах Югославии низкая рождаемость была характерна еще с конца XIX — начала XX в. и стала традиционной нормой семейного быта, сохраняющейся до наших дней. Одной из

³⁴ Popis stanovništva i stanova 1971..., knj. V, s. 5; Sentić M. Op. cit., s. 168—169.

³⁵ Popis stanovništva i stanova 1971..., knj. V, s. 299, 307, 315.

³⁶ Kopačeva T. Neki aspekti biološke reprodukcije žena u SR Makedoniji.— In: Društveni položaj žene i razvoj porodice u socijalističkom samoupravnom društvu. Ljubljana, 1979, s. 223.

таких областей в период между первой и второй мировыми войнами была Славония, где преобладали семьи с одним ребенком. Если учесть, что здесь имели место значительный отлив населения из сельского хозяйства на заработки и высокая детская смертность, то такая низкая рождаемость порой приводила к вымиранию целых сел, за что ее называли «белой чумой»³⁷. Точно так же традиционны были семьи с одним-двумя детьми в северо-восточной Сербии³⁸. Исследование структуры современной сельской семьи в ряде регионов восточной Сербии, причем преимущественно в сельских областях, показало, что почти 90% семей имеет только одного ребенка³⁹.

В ряде областей, где сейчас в семье не более одного-двух детей, еще в начале XX в. в обычай были многодетные семьи. Так, например, исследование семьи в поселении Зелена Яма (окрестности Любляны — СР Словения) свидетельствует о том, что еще перед первой мировой войной семьи, имеющие меньше четырех детей, были здесь редкостью; наиболее распространенными были семьи с шестью, семью детьми, хотя уже с 1890-х годов в Словении наряду с Иstriей и Далмацией была самая низкая рождаемость из всех югославянских земель. В 60-х годах XX в. структура семей в этом же поселении была совершенно иной: 88,6% семей насчитывали в своем составе от двух до четырех человек (29,3% — из двух человек; 33,9% — из трех человек и 25,4% — из четырех человек), и только 8,3% семей состояли из пяти человек, а на более многочисленные семьи приходилось всего 3,13% семей⁴⁰.

Анализ числа детей в семьях той или иной национальности позволяет сделать вывод о некотором влиянии национальной принадлежности на число детей в семье. Это подтверждается статистическими материалами о численности семей, а также анкетными обследованиями. Так, например, данные переписи 1961 г. свидетельствуют, что по стране в целом каждая женщина в возрасте 35—39 лет в среднем имела 2,7 ребенка, однако различия в числе детей у женщин разных национальностей весьма значительны: от 5,5 детей у турчанки (многодетны также албанки — 5,4 ребенка, мусульманки — 4,9 ребенка, черногорки — 3,3 ребенка) до двух детей у словенки (с последними близки также хорватки — 2,4 ребенка и сербки — 2,5 ребенка)⁴¹. Этот разрыв отчасти сохраняется, причем характерно, что различные и точки зрения женщин той или иной национальности на желаемое количество детей. Согласно данным анкетного опроса, проведенного в 1971 г. в 25 городах Югославии среди работающих замужних женщин, имеющих детей, было отмечено, что черногорки, македонки и мусульманки стремятся иметь больше детей, чем хорватки, словенки и сербки⁴². Однако принадлежность к той или иной национальности с присущими ей определенными ценностными ориентациями не является доминантным фактором, определяющим число детей в семье. Будучи социальной ячейкой общества, семья отражает те социально-экономические и культурные изменения, которые имеют место в определенном обществе, хотя процесс этот идет довольно медленно. В этом отношении очень показателен анализ рождаемости среди жен-

³⁷ См. Erlich V. Op. cit., s. 165.

³⁸ См.: Зајечар и околина.— В кн.: Гласник Етнографског музеја. Београд, 1978, књ. 42, с. 327; Пантелић Н. Прилог проучавања брака и породице..., с. 45—46; *его же.* Novi rezultati istraživanja strukture porodice..., s. 155—156; Костић С. Вор и околина. Beograd, 1962, s. 90.

³⁹ Draškić M. Specifična porodična struktura kao jedan od uslova za etnička mešanja i kulturno izjednačavanje stanovništva u istočnoj Srbiji.— Etnološki pregled. Beograd, 1973, 11, s. 162.

⁴⁰ Kremensek S. Ljubljansko naselje Zelena Jama kot etnološki problem. Ljubljana, 1970, s. 31, 114; Rašević M. Determinante fertiliteta stanovništva u Jugoslaviji. Beograd, 1971, s. 82.

⁴¹ Rašević M. Op. cit., s. 133.

⁴² Friganović M. Demografski podaci.— In: Žena između rada i porodice. Zagreb, 1975, s. 18, 31.

щин одной национальности, проживающих в разных республиках страны. Так, самая высокая рождаемость среди сербок отмечается в Косово и Метохии, а также в Македонии и Боснии и Герцеговине, т. е. в областях, не достигших еще такого уровня социально-экономического и культурного развития, как другие регионы, и вообще имеющих высокие показатели рождаемости. В то же время рождаемость у женщин-сербок, проживающих в Сербии (без автономных краев) Воеводине и Хорватии, т. е. в высокоразвитых регионах с более низкими показателями рождаемости, в среднем ниже, чем в *вышеназванных областях*. Точно так же упали показатели рождаемости у черногорских женщин, переселившихся после второй мировой войны в Воеводину — область с традиционно низкой рождаемостью и высокими культурно-экономическими показателями⁴³.

Социологические и демографические исследования современной семьи у народов Югославии свидетельствуют о существовании зависимости между уровнем образования и родом занятий женщины и числом детей у нее. При этом характерно, что уровень образования находится в обратной связи с числом детей — чем выше образование, тем меньше детей. Перепись 1971 г. показала, что среди замужних женщин, не окончивших или окончивших только начальную школу, не имеют детей менее 4%, среди завершивших среднюю и основную (восьмилетнюю) школу таких женщин более 6%, а среди женщин с высшим образованием — уже около 13%, т. е. более чем в три раза выше, чем среди женщин образовательного уровня группы, названной первой⁴⁴.

Упомянутое выше анкетное обследование городских женщин (1971 г.) также показало, что более многодетны те семьи, где образование женщин ниже. Так, среди женщин с высшим образованием 44,6% имеют одного ребенка, а трех-четырех детей — только 6,5%; в то же время женщины с начальным образованием (1—3 класса), имеющие одного ребенка, составляют 1,67%, а трех-четырех детей — 31,8%. Семьи с двумя детьми распределяются примерно одинаково между обеими группами женщин: 48,8% среди женщин с высшим и 43,9% — с начальным образованием. Абсолютное большинство семей — 89,4% имеют одного-двух детей; 9,6% — трех-четырех детей; 0,9% — пять-шесть детей и 0,1% — семь и более детей⁴⁵.

Статистические данные свидетельствуют, что в целом по стране многодетные семьи наиболее распространены в селах, где и рождаемость остается выше, чем в городах, однако и среди сельского населения в последние десятилетия рождаемость снижается, что связано прежде всего с социально-экономическими и культурными преобразованиями — миграции молодежи в города и промышленные поселки; временные, но часто дляящихся годами выезды на работу за пределы своего села; старение югославской деревни; распространение среди сельских жителей знаний о планировании семьи и т. д.

За 50 лет (с 1921 по 1971 г.) рождаемость на 1000 чел. уменьшилась в два раза — с 36,7 рождений до 18,2 рождений⁴⁶. Несмотря на такое снижение рождаемости в течение сравнительно небольшого периода, Югославия и сейчас еще по показателям рождаемости превосходит многие страны Европы (на 1978 г. рождаемость составляла 17,5 рождений на 1000 чел.)⁴⁷.

Развитие социально-экономических отношений и рост культурного уровня населения современной Югославии привели к пересмотру целого ряда ценностных установок в различных сферах жизни, и в частности в

⁴³ См. Ražević M. Op. cit., s. 134—136.

⁴⁴ Popis stanovništva i stanova 1971..., knj. V, s. 337.

⁴⁵ Friganović M. Op. cit., s. 24.

⁴⁶ Statistički godišnjak Jugoslavije 1979, s. 81.

⁴⁷ Брук С. И. Население мира. Этнодемографический справочник. М.: Наука, 1981, с. 353.

семейной, о чём свидетельствуют такие факты, как, например, резкое уменьшение числа детей в семье, появление значительного числа бездетных семей и хозяйств одиночек, особенно в городах.

Проблеме воспроизводства населения в современной Югославии уделяется большое внимание. Одним из аспектов этой проблемы являются вопросы, связанные с планированием семьи, когда общество при помощи воздействия различных рычагов выступает своего рода регулятором некоторых сторон семейной жизни. Проведение в жизнь политики планирования семьи преследует цель рождения только желанных детей, для чего пропагандируются медицинские и гигиенические знания, связанные с деторождением, уходом за детьми и их воспитанием; улучшается медицинское обслуживание населения, проводятся регулярные профилактические осмотры и т. д. Вопросами планирования семьи занимаются не только соответствующие государственные союзные и республиканские учреждения, но и различные общественные организации, оказывающие большую помощь.

В заключение еще раз отметим, что коренные преобразования в общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни народов СФРЮ, произошедшие в стране за более чем 35-летний период существования республики, оказали и продолжают оказывать большое влияние на формирование современной семьи. Изучение современных брачно-семейных отношений у разных народов Югославии и среди разных их социальных групп показывает, что им в целом присущи общие закономерности развития брака и семьи, отражающие основные тенденции происходящих в жизни страны изменений. Вместе с тем наряду с общими чертами брачно-семейные отношения у народов Югославии имеют также и особенности, присущие тому или иному региону, тому или иному этносу, тому или иному социальному слою.

TOWARDS A HISTORICAL-ETHNOGRAPHIC DESCRIPTION OF THE CONTEMPORARY FAMILY AMONG THE PEOPLES OF YUGOSLAVIA

The main subject of the paper consists in a historical-ethnographic description of the types of family and family composition and size in the Socialist Federal Republic of Yugoslavia, in eliciting the general and specific characteristics of the family among the country's principal peoples: the Serbs, Croatians, Slovenes, Muslims (here used in an ethnic sense), Macedonians, Montenegrins.

Direct examination of concrete questions concerning family structure among Yugoslavian peoples is preceded by a general typology of the family. The authors proceed from a classification of the family into two basic types: 1) the simple (small, nuclear, individual, etc.) family consisting of one married couple (or a single parent) with unmarried children or without children, and 2) the complex (joint, expanded, big) family comprising two or more nuclear families. Complex families are, in their turn, grouped into two subtypes — the multilinear (*zadruga*) and the unilinear subtype.

Complex families were still greatly preponderant among Yugoslavian peoples as late as the first half of the 19th century. By the end of the 19th and the beginning of the 20th century, however, the pattern changed abruptly in favour of the simple family. The mass disappearance of the *zadruga*'s took place at different periods in the different Yugoslavian lands.

In modern Yugoslavia it is the simple families that form the majority although complex families (of both subtypes — the unilinear and the multilinear) may still occasionally be encountered, mainly in rural areas.

Analysis of present-day marriage-and-family relations among Yugoslavia's different peoples and social groups shows that on the whole they are characterized by the general regularities in the evolution of marriage and family which reflect the basic trends of the changes taking place in the country. At the same time, the marriage-and-family relations among Yugoslavia's peoples possess, besides these features held by all of them in common, also characteristics peculiar to particular regions, ethnoses or social groups. Differences in marriage-and-family relationships are due to many causes; one of the foremost is the uneven socioeconomic and cultural development of the country's regions.

Л. А. Файнберг

О ВОЗМОЖНЫХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ АНАЛОГАХ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА ОХОТНИКОВ И СОБИРАТЕЛЕЙ

Общепризнано, что для реконструкции истории первобытного общества необходимо привлекать данные разных наук: антропологии, археологии, этнографии. В то же время относительное значение каждой из этих дисциплин и принципы использования их данных в процессе такой реконструкции продолжают оставаться предметом дискуссии. Подавляющее большинство исследователей придерживается той точки зрения, что по археологическим материалам можно получить представление о хозяйстве и материальной культуре людей каменного века, но невозможна восстановить их общественные отношения. Для последней цели требуется привлечь данные этнографической науки об обществах охотников и собирателей нового и новейшего времени. В литературе по первобытной истории эти общества рассматриваются или как эквиваленты, или как аналоги классической первобытности. Первая точка зрения нашла свое отражение, например, в работе В. М. Бахты о папуасах Новой Гвинеи, вторая — в статье А. И. Першица¹.

Как нам представляется, отношение А. И. Першица к этнографическим объектам лишь как к аналогам, но никоим образом не эквивалентам племен подлинной классической первобытности является хорошо обоснованным. Ведь с той отдаленной эпохи даже самые отсталые племена нового времени прошли не менее длительный путь развития, чем промышленно развитые нации, и все это время подвергались различным внешним влияниям. К тому же охотники и собиратели нового времени, как правило, живут в значительно более неблагоприятных условиях, чем их отдаленные предки в конце верхнего палеолита и мезолита. При пользовании методом этнографических аналогов, естественно, «надо руководствоваться общими принципами выводов по аналогии, включая сюда обычные требования повышения вероятности этих выводов»². А. И. Першиц, а также ряд зарубежных исследователей полагают, что при сходном уровне «приобретения жизненных средств», сходной экологии, принадлежности к одному хозяйствственно-культурному типу можно сопоставлять «однотипные общества независимо от их пространственного расположения и культурной преемственности»³. Тем самым аналоги

¹ Бахта В. М. Папуасы Новой Гвинеи: производство и общество.— В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. Т. 1. М.: Наука, 1968, с. 272—273; Першиц А. И. Этнография как источник первобытноисторических реконструкций.— В кн.: Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. М.: Наука, 1979, с. 32—36 и др.

² Першиц А. И. Указ. раб., с. 34.

³ Там же, с. 33—34; см. также Clark J. G. Archaeological Theories and Interpretation: Old World.— Anthropology Today. Chicago, 1957, p. 335.

понимаются как пространственно-неограниченные и стадиальные. Такое понимание аналогов дает широкие возможности для археолого-этнографических сопоставлений. В то же время, как мы попытаемся показать ниже на конкретных примерах, оно может привести к ошибкам при выборе наиболее репрезентативных аналогов.

Большую достоверность результатов реконструкции обеспечивает другая методика, согласно которой сравнение живых и реконструируемых черт культуры должно проводиться только в пределах тех областей, где может быть прослежена непрерывность культурного развития. Это так называемый метод *контролируемого сравнения* Ф. Эггана, К. Чанга, Р. Наррола⁴. При подобном сравнении наиболее полно учитывается конкретно-историческая специфика отдельных культур. Однако за это приходится расплачиваться дорогой ценой — ограничением сферы применения метода аналогов небольшим числом областей земного шара, где до недавних пор сохранились отсталые общества охотников и собирателей.

С нашей точки зрения, применение контролируемого сравнения абсолютно необходимо лишь на этапе предварительного исторического анализа тех этнографических групп, которые исследователь предполагает использовать в качестве этнографических аналогов первобытного общества (конкретные примеры см. ниже). На следующем этапе работы, когда уровень репрезентативности аналога уже определен, он может быть использован при реконструкции однотипных обществ охотников и собирателей, живших в различных областях земного шара, но сходных по существенным параметрам. В работах сторонников пространственно-неограниченного использования аналогов часто высказывается мнение, что в качестве аналогов годятся главным образом так называемые общества-изоляты (австралийцы, тасманийцы), что они более репрезентативны, чем «общества-регрессаты», так как у последних не обязательно имела место полная регенерация архаических форм⁵. Нам думается, что этот вывод, будучи в принципе верным, требует известных оговорок и большой осторожности в приложении к конкретному материалу. Во-первых, как недавно справедливо заметил В. И. Шнирельман, «для различных целей реконструкции одно и то же общество обладает, очевидно, и разной степенью репрезентативности»⁶. А во-вторых (этому второму моменту и посвящена в значительной части данная статья), отнесение тех или иных этнографических групп к регрессатам по большей части покоится на общих соображениях, а не на фактах. Так, нередко считают обществами-регрессатами огнеземельцев (бна, яганов, алакалуфов)⁷. Для этого, на наш взгляд, нет соответствующих фактических оснований. К настоящему времени установлено, что древнейшие группы индейцев жили на южной оконечности Америки уже 11 тыс. лет назад, т. е. в самом конце верхнего палеолита⁸. Это были верхнепалеолитические охотники и собиратели, одна из стоянок которых найдена, например, в пещере Фелл на юге Патагонии. Здесь обнаружено несколько культурных

⁴ Eggan F. Social Anthropology and the Method of Controlled Comparison.— *American Anthropologist*, 1954, v. 56, pt 1, № 5, p. 747; Chang K. Major Aspects of the Interrelation of Archaeology and Ethnology.— *Current Anthropology*, 1967, v. 8, № 3, p. 229; Narrol R. Some Thoughts on Comparative Method in Cultural Anthropology.— *Methodology in Social Research*. N. Y., 1968, p. 240.

⁵ Першиц А. И. Указ. раб., с. 34; Крюков М. В. Этнографические факты как источник изучения первобытности: проблема критериев стадиальной глубины.— В кн.: Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества, с. 49, 53.

⁶ Шнирельман В. А. Рец. на кн.: Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий. М., 1978.— Сов. этнография, 1979, № 4, с. 173.

⁷ См., например, Першиц А. И. Указ. раб., с. 34.

⁸ Forbis R. The Paleoamericans.— In: *Prehispanic America*. London, 1974, p. 13; Lanning E., Hammel E. Early Lithic Industries of Western South America.— *American Antiquity*, 1961, v. 27, № 2, p. 147.

слоев с наконечниками стрел или дротиков так называемого типа «рыбий хвост», большими боковыми скребками, орудиями из кости, которые могли служить для разделки мяса и обработки шкур, а также остатками от кремации покойников. Самый нижний слой стоянки датируется по радиокарбону 9050 ± 170 и 8770 ± 300 лет до н. э.⁹ Обитатели стоянки охотились на вымерших позднее животных — американских лошадей, земляных ленивцев, а также на гуанако.

Мы не утверждаем, что обитатели этой и других стоянок Южной Америки со сходными палеофауной и инвентарем в Аргентине, Эквадоре, Уругвае и Бразилии были предками огнеземельцев. Пока мы хотим подчеркнуть другой момент, а именно то, что в конце палеолита и начале мезолита в Южной Америке, к югу от экватора и до южной оконечности континента, жили группы примитивных верхнепалеолитических и раннемезолитических охотников и собирателей.

Вместе с тем стоит обратить внимание на то, что в прошлом она жили не только на Огненной Земле, а занимали и юг материка, т. е. район, где когда-то обитали люди, оставившие во многом сходные стоянки Фелл и Палли Айк¹⁰. Как и для людей с этих стоянок, для она была особенно важна охота на гуанако, которая велась с помощью лука¹¹. Сходство в экологии, уровне и направлении хозяйства дает возможность считать она продолжателями культурных традиций обитателей названных и сходных с ними стоянок самого конца верхнего палеолита и начальной поры мезолита в южной половине Южной Америки, а следовательно, обращаться к обществу она как к аналогу обществ этих древних охотников открытых пространств.

У двух других групп огнеземельцев — яганов и алакалуфов — важную роль в хозяйстве играли морские промыслы — охота на тюленей с помощью гарпунов, копий или просто дубинок, сбор моллюсков, рыболовство, а также охота на птиц и сбор растительной пищи¹².

Древнейшей в районе обитания огнеземельцев культурой, ориентированной на использование пищевых ресурсов моря, является культура морских зверобоев о. Энглфилд у южной оконечности Чили. Около 9 тыс. лет тому назад на этом острове жили люди, охотившиеся с помощью гарпунов и копий на морских животных, а также занимавшиеся рыболовством.

Археологических находок, относящихся к двум-трем последующим тысячелетиям, нет, и поэтому нельзя сказать, существует ли какая-либо прямая культурная преемственность между обитателями о. Энглфилд и огнеземельцами. Но несомненно, что Огненная Земля была заселена очень рано и характерные для огнеземельцев хозяйство и культура с присущим им сочетанием сбора морских моллюсков, охоты, сбора плодов и ягод, рыболовства, подвижным образом жизни, очень примитивными временными жилищами и т. п. сложились, как об этом свидетельствуют новые раскопки, не позднее 6 тыс. лет назад, если не раньше¹³.

По-видимому, со времени своего сложения и до этнографической современности культура огнеземельцев была исключительно консервативной и застойной. Как отмечает Дж. Бёрд в отношении алакалуфов, «нет заметной разницы в их пищевых обычаях и снаряжении между прошлым, как оно отражено в раковинных кучах, и настоящим»¹⁴. И нам кажется обоснованным мнение Б. Фагана, что многие корни культуры огнеземельцев — этого самого южного общества первобытного мира — восходят к

⁹ *Forbis R.* Op. cit., p. 13, 19.

¹⁰ *Cooper J.* The Ona. Handbook of South American Indians. V. I. N. Y., 1963, p. 108.

¹¹ *Ibid.*, p. 110.

¹² *Bird J.* The Alacaluf.—In: Handbook of South American Indians. V. I. N. Y., 1963, p. 58—63; *Cooper J.* The Yahgan.—*Ibid.*, p. 84.

¹³ *Fagan B.* People of the Earth. An Introduction to World Prehistory. Boston, 1977, p. 157.

¹⁴ *Bird J.* Op. cit., p. 58.

ранним охотничьим культурам, которые в других местах уже тысячелетия назад сменились культурами земледельцев¹⁵.

Не вызывает никакого сомнения, что среди верхнепалеолитических охотников и собирателей были более и менее развитые группы. И о регрессе у обитателей Огненной Земли мы могли бы говорить только в одном случае, а именно, если бы имелись доказательства того, что предки огнеземельцев принадлежали к числу наиболее развитых групп каменного века Америки, а затем деградировали. Однако подобных доказательств не имеется. Напротив, более вероятно, что поселенцы Огненной Земли вели свое происхождение от одной из наиболее отсталых групп верхнепалеолитического населения Америки, почему и были вытеснены в окраинную область континента.

Конечно, нет прямых доказательств того, что предки огнеземельцев не деградировали с того времени, когда они жили севернее, но свидетельства их деградации вообще отсутствуют. Поэтому с большой долей вероятности огнеземельцев можно считать не регрессатом, а стагнантным обществом, что дает возможность использовать этнографический материал о них для реконструкции тех обществ конца верхнего плеистоцена и голоцене, которые имели сходную экологию и сходный уровень и характер добывания средств существования.

В частности, она могут использоваться для реконструкции обществ пеших охотников саванн и памп Южной Америки. В свою очередь материалы о яганах и алакалуфах, по-видимому, могут использоваться для реконструкции образа жизни североамериканских мезолитических собирателей морских моллюсков, т. е. индейцев архаической традиции, по принятой в американистике терминологии. Более сложен и требует специального исследования вопрос о возможности привлечения материалов о яганах и алакалуфах в качестве аналогов мезолитического населения Северной Европы и Южной Африки, хотя некоторое сходство в экологии, типе и уровне хозяйства, очевидно, имеется.

Наряду с огнеземельцами в качестве регрессатов нередко фигурируют племена тропических лесов Южной Америки. Доказательству этого тезиса посвящена, например, статья известного археолога-латиноамериканиста Д. Латрапа¹⁶. Основной акцент в ней делается на то, что так называемая культура тропических лесов прежде всего является формой адаптации к воде — рекам, ручьям, протокам — и что современные племена междуречий — это осколки более развитых племен, живших в прошлом на самой Амазонке и ее крупных притоках. Отсюда следует, что культура племен тропических лесов Южной Америки вторична, является результатом деградации существовавших в этой области более высоких культур и, выражаясь словами Д. Латрапа, «вероятно, совсем не может нам прояснить природу донсолитических охотничьих культур»¹⁷.

Д. Латрап, безусловно, прав, что в прошлом по Амазонке и ее притокам жили племена с более высоким уровнем социально-экономического развития, чем потомки этих племен, бежавшие от ужасов европейской колонизации в труднодоступные районы водоразделов. К настоящему времени можно сказать иногда определенно, а иногда предположительно, но с большой долей вероятности, что многие племена тропической Америки, существовавшие в XIX—XX вв. исключительно за счет охоты, собирательства и рыболовства, в прошлом знали земледелие. В качестве примера мы могли бы назвать такие этнографические группы, как гуаяки Парагвай, кайнганг юга Бразилии, некоторые из племен жес Восточной Бразилии и т. д.¹⁸

¹⁵ Fagan B. Op. cit., p. 157.

¹⁶ Lathrap D. The «Hunting» Economies of the Tropical Forest Zone of South America. An Attempt at Historical Perspective.— In: *Man the Hunter*. Chicago, 1968, p. 23—29.

¹⁷ Ibid., p. 29.

¹⁸ Handbook of South American Indians. V. I, 3.

Вместе с тем, и это признает и Д. Латрап, есть племена охотников и собирателей (ботокуды, маку и др.), относительно которых нет сведений ни о занятиях их в прошлом земледелием, ни о каких-либо других элементах более высокой культуры, чем та, которая зафиксирована в этнографических источниках. Иными словами, у нас нет никаких оснований для утверждения, что ботокуды, маку и близкие к ним по культуре племена бразильского севера деградировали. Поэтому вопрос об использовании сведений о подобных племенах тропических лесов для гипотетической реконструкции соответствующих им по уровню развития и экологии лесных охотников и собирателей мезолита или даже конца палеолита тропических областей земли остается открытым.

Большие и неиспользованные возможности для реконструкции мезолитических, а в некоторых случаях, может быть, и финально-палеолитических обществ охотников и собирателей открытых пространств представляют племена южноамериканских льяносов, простирающихся к северу от тропических лесов. Культура индейцев льяносов — гуахибо, чирикуа, яруро и др. — имеет очень примитивный облик и, насколько можно судить, ко времени ее первоначального исследования не претерпела существенных изменений в результате европейского влияния¹⁹.

Конечно, индейцы льяносов, тропических лесов, Огненной Земли до освоения тех территорий, на которых их застали европейцы, прошли длительный путь развития и, несомненно, контактировали с различными индейскими обществами. Одни из этих обществ были более развитыми, другие — менее, но ведь такие контакты происходили и в классическом каменном веке. К тому же не удается выявить каких-либо следов влияния развитых индейских культур на те общества, репрезентативность которых мы сейчас рассматриваем, т. е. на огнеземельцев, охотников и собирателей тропических лесов и льяносов, за исключением разве что гуахибо²⁰.

Что касается европейского влияния, то одни из интересующих нас этнографических групп (маку, вайка) избегают контактов с европейцами, другие (огнеземельцы, ботокуды) были описаны до того, как их традиционная культура была разрушена колонизаторами. Поэтому, на наш взгляд, все эти общества правомерно использовать для реконструкции соответствующих им по экологии и уровню развития производительных сил обществ классической первобытности.

Очень интересны для использования в качестве этнографического аналога ведды Шри Ланка. В настоящее время подавляющее большинство веддов, живущих в сельской местности, наряду с охотой, рыболовством, собирательством занимается и земледелием. Но еще в конце XIX — начале XX в., когда культура этого народа была впервые подробно изучена сначала П. и. Ф. Саразинами, а несколько позднее К. и Б. Зелигманами, во внутренних районах юго-восточной части Шри Ланка обитало значительное число веддов, занимавшихся исключительно охотой и собирательством и использовавших в качестве жилищ пещеры.

Сравнение материальной культуры веддов с данными, полученными в результате археологических раскопок в пещерах, привело Саразинов к выводу, что ведды являются прямыми потомками древнейшего населения Шри Ланка, людей, живших на этом острове в каменном веке²¹. Позднее археологические и этнографические исследования подкрепили и

¹⁹ Handbook of South American Indians. V. 2, p. 445—468.

²⁰ О взаимодействии классовых и первобытных обществ Америки см. Файнберг Л. А. Америка.— В кн.: Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий. М.: Наука, 1978.

²¹ Sarasin P. und F. Ergebnisse Naturwissenschaftlicher Forschungen auf Ceylon. B. 3. Die Veddas von Ceylon. B. 4. Die Steinzeit auf Ceylon. Wiesbaden, 1908; Seligman C. and B. The Veddas. Cambridge, 1911.

углубили этот вывод. В ходе их, в частности, было установлено, что во многих пещерах люди непрерывно жили на протяжении длительных периодов времени. При этом непрерывная культурная традиция с постепенным развитием, но без резких граней продолжается с мезолита и до пещерных стоянок веддов XVII—XVIII вв.²² Мезолитические культурные слои трудно отграничить от неолитических, а последние незаметно переходят в культуру, принадлежащую уже веддам. На земле известно немного районов, где так хорошо прослеживается непрерывная культурная преемственность от начала мезолита и до культуры охотников и собирателей нового времени, как на Шри Ланка. И кажется правомерным предположение Б. Олчина о вероятном сходстве не только материальной культуры, но и социальной организации веддов с их далекими предками — древним населением Шри Ланка²³. В новое время общество веддов было матрилинейным и матрилокальным. Видимо, те же социальные порядки были характерны для их предков. Мы разделяем также мысль П. Дерианагала, что локальные археологические различия, выявленные при сравнении синхронных материалов из отдельных пещер, могут отождествляться с племенным делением современных веддов²⁴.

Этнографические материалы о веддах, по-видимому, могут быть использованы для реконструкции хозяйства, культуры и социальной организации не только населения Шри Ланка в эпоху мезолита и раннего неолита. Пожалуй, почти с таким же основанием общество веддов можно использовать как этнографический аналог первобытных обществ юга Индии, так как не вызывает сомнения большая близость и генетическая связь позднего каменного века на юге Индии и на Шри Ланка²⁵.

Обратимся теперь к обществам-«изолятам». Выше мы пытались показать, что часть обществ, традиционно причисляемых к регрессатам, видимо, не имеет признаков регресса. Напротив, литература об обществах-изолятах показывает, что изоляция обычно не только тормозит развитие, но и ведет к регрессу. Очень показателен в этом плане пример тасманийцев, культура которых, по мнению В. Р. Кабо, является «типичной культурой охотничье-собирательского общества на позднепалеолитической стадии развития» и представляет собой наряду с культурой австралийцев «определенный культурно-исторический тип»²⁶.

С этим трудно согласиться. Обращает на себя внимание регрессивный облик тасманийской культуры к приходу европейцев, выразившийся в отказеaborигенов Тасмании от рыболовства, утрате копьеметалок, прекращении изготовления орудий на рукояти и орудий из кости и т. д.²⁷ Это те черты регресса, которые удалось обнаружить исследователям. Но можем ли мы быть уверены, что регрессу в хозяйстве и материальной культуре не сопутствовали какие-то аномальные изменения в социальной организации? Для такой уверенности нет оснований. Трудно сказать, найдем ли мы в каком-нибудь «обществе-регрессате» столько проявлений подлинного регресса, сколько их есть у тасманийцев. И поэтому те же огнеземельцы или охотники и собиратели тропических лесов и саванн могут оказаться не менее, а более репрезентативными, чем тасманийцы.

²² Борисковский П. И. Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии. Л.: Наука, 1971, с. 120—121.

²³ Allchin B. The Stone-Tipped Arrow. Late Stone Age hunters of the Tropical Old World. London, 1966, p. 139.

²⁴ Derriyanagala P. Stone Age Ceylon.—Journal of the Ceylon Branch of the Royal Asiatic Society, 1953, v. 3, pt. 2.

²⁵ Борисковский П. И. Указ. раб., с. 120—121; Allchin B. Op. cit., p. 139; Викрамапатирана Э. Источниковедение каменного века Южной Индии и Шри Ланка: Автореф. канд. дис. ЛГУ, 1980, с. 14.

²⁶ Кабо В. Р. Тасманийцы и тасманийская проблема. М.: Наука, 1975, с. 183, 185 и др.

²⁷ Кабо В. Р. Указ. раб., с. 67, 74, 75, 81, 82, 109, 181, 182.

В связи с вопросом о соотношении изолятов и регрессатов мы даже считаем возможным высказать предположение, что полная изоляция неизбежно ведет к регрессу. Мы уже говорили выше о проявлениях регресса у тасманийцев. Насколько быстро изоляция приводит к регрессу, наглядно убеждает пример полярных эскимосов. Эта этнографическая группа появилась на северо-западе Гренландии в XII в., переселившись сюда из канадской Арктики. Примерно на рубеже XVI и XVII вв. в связи с ухудшением ледовой обстановки прервались ранее существовавшие связи полярных эскимосов с более южными группами этого народа. Изоляция полярных эскимосов от их собратьев, живших в других районах американской Арктики, длилась около двух с половиной столетий. За время жизни в изоляции полярные эскимосы потеряли каяк, умиак, лук и стрелы, дротики, применявшиеся для охоты на птиц, остроги, которыми били рыбу. По преданию, утрата каяков и умиаков была следствием смерти от какой-то эпидемии всех стариков, умевших их строить. Причины утраты других вышеперечисленных элементов традиционной культуры эскимосов совершенно не ясны, но это серьезно сказалось на хозяйстве и всей жизни полярных эскимосов. Из-за отсутствия лодок прекратилась летняя охота на морского зверя в воде. Весной, когда охота велась со льда, полярным эскимосам приходилось теперь добывать мясо на весь год. Утрата лука со стрелами повела к прекращению охоты на оленей. Возникла даже вера, что мясо оленей ядовито и поэтому его нельзя есть. Эти перемены не были необходимым следствием новой экологической обстановки, а лишь результатом совместного действия ряда неблагоприятных случайностей, закреплявшихся изоляцией. Когда в 60-х годах XIX в. к полярным эскимосам присоединилась группа переселенцев с Баффиновой Земли, под их влиянием возобновились и охота на оленей с луками, и морская охота с каяков.

Что касается другого общества-изолята — австралийцев, то в их культуре нет таких черт регресса, как у тасманийцев. Но не стоит забывать, что культурная изоляция Австралии от Юго-Восточной Азии в каменном веке была очень и очень относительной. Распространение в Австралии хоабиньской культуры «свидетельствует, — как пишет П. И. Борисковский, — о тесных многообразных связях Австралии и Юго-Восточной Азии — на протяжении мезолита, и вероятно, и позднего палеолита»²⁸.

В более позднее время, хронологически соответствующее неолиту, в Австралии получают распространение геометрические микролиты, «близко напоминающие геометрические микролиты Малайского архипелага, Цейлона и особенно Индии». По мнению П. И. Борисковского, «австралийские микролиты тоже свидетельствуют о каких-то тесных связях с Юго-Восточной Азией», хотя и с другими ее областями, чем во времена мезолитической хоабиньской культуры²⁹.

Таким образом, представляется несомненным, что своеобразное смешение в культуре австралийцев палеолитических, мезолитических и ранненеолитических элементов, о которых пишет В. Р. Кабо³⁰, является следствием не только самостоятельного развития культуры, принесенной в Австралию ее первыми поселенцами 30—35 тыс. лет назад, но и длительного влияния мезолитических и неолитических культур Юго-Восточной Азии. Мы не говорим уже о культуре северной Австралии, и в нашем тысячелетии значительно обогатившейся за счет заимствований из культур Новой Гвинеи и особенно Индонезии, где в XV в. существовали

²⁸ Борисковский П. И. Указ. раб., с. 169—170.

²⁹ Там же.

³⁰ Кабо В. Р. Происхождение и ранняя историяaborигенов Австралии. М.: Наука, 1975, с. 364.

еодальные государства, а культура давно превзошла уровень каменно-
го века³¹.

Учитывая все это, думается, что противопоставление у охотников и
сборателей нового времени регрессатов и изолятов с предпочтением
оследних в качестве этнографических источников для реконструкции
классической первобытности не вполне оправдано. Изоляция может сол-
ьвождаться значительным регрессом, а общества, живущие в перифе-
рийных в географическом и культурном отношении областях, но не изо-
лированно от других этнографических групп, совсем не обязательно
имеют регressiveные черты. Поэтому при подыскании этнографических
аналогов первобытности неправомерно выделять среди племен нового
времени, сохранивших охотничье-собирательское хозяйство, регрессаты
и изоляты, как две взаимоисключающие группы.

Более плодотворным, но и несравненно более трудоемким кажется
конкретный анализ каждого современного общества охотников и собира-
телей, для того, чтобы выяснить возможность его использования в каче-
стве аналога какого-то опять-таки конкретного, ограниченного не только
эпохой, но и географически общества классической первобытности.

Во всех сомнительных или неясных случаях представляется более
правильным не прибегать к этнографическим аналогам, чтобы не дискре-
птировать поверхностными сопоставлениями этот в перспективе пло-
дотворный метод.

Прав А. И. Першиц что, «вероятно, мы вообще не располагаем сколь-
ко-нибудь надежными этнографическими аналогами для позднепалеоли-
тических обществ Европы...»³². Этот вывод правомерно распространить
на всю приледниковою зону Евразии. Нигде на земном шаре не сохра-
нилась та экологическая обстановка, в которой жили оседлые или полу-
оседлые верхнепалеолитические охотники на мамонта Западной, Цент-
ральной и Восточной Европы, а также Сибири.

В конце верхнего палеолита с вымиранием мамонтов, переходом охот-
ников Европы и Сибири к охоте на северных оленей и одновременно с
совершенствованием охотничьего снаряжения (появлением лука) образ
жизни людей в приледниковой зоне становится более подвижным. Их
хозяйство и материальная культура, насколько они известны по археоло-
гическим данным, выглядят схожими с хозяйством и материальной
культурой охотников на оленей американского приполярья, т. е. эскимо-
сов карibu и нунамиут. Поэтому и в прошлом, и до сих пор они привле-
каются некоторыми исследователями в качестве этнографического анало-
га, эквивалента или модели европейских и сибирских охотников на се-
верного оленя конца верхнего палеолита³³.

До последних полугода-двух десятилетий эскимосы нунамиут и осо-
бенно карibu считались потомками древних охотников на северного оле-
ния, тысячелетия живших в тех же областях, которые они занимали в
конце XIX — начале XX в.³⁴ Поэтому было довольно естественно рас-
сматривать этих эскимосов как аналог или модель охотников на север-
ного оленя конца верхнего палеолита и мезолита. Однако в недав-
ние годы было точно установлено, что эскимосы карibu и нунамиут
лишь два-три века назад оставили побережье, перешли от морской охо-
ты к охоте на оленей и во многом изменили свою культуру (тип жили-

³¹ Там же, с. 329—334; Файнберг Л. А. Австралия и Океания.— В кн.: Первобыт-
ная периферия классовых обществ.

³² Першиц А. И. Указ. раб., с. 35.

³³ См., например, Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ.
Л.: Наука, 1976, с. 29; Кабо В. Р. Теоретические проблемы реконструкции первобыт-
ности.— В кн.: Этнография как источник реконструкции истории первобытного обще-
ства, с. 107; David N. On Upper Palaeolithic Society. Ecology and Technological Chan-
ge: the Noaillian Case.— In: The Explanation of Culture Change. London, 1973.

³⁴ Birket-Smith K. The Caribou Eskimos. V. 1—2. Copenhagen, 1929.

ща, форму отопления и освещения и т. д. и т. п.) в ходе приспособления к новым условиям³⁵.

Общество нунамиутов в дополнение к этому вообще прекратило свое самостоятельное существование к 1920-м годам. За несколько десятилетий до этого значительная часть нунамиутов была вывезена американскими китобоями в устье р. Макензи для использования в качестве наемных охотников. Остаток племени нунамиутов переселился в стойбища прибрежных эскимосов. Спустя некоторое время часть нунамиутов вернулась с побережья во внутренние районы Аляски. Это-то «восстановленное» общество нунамиутов изучалось этнографами, и прежде всего Н. Гебсером³⁶.

Н. Гебсер много сделал для того, чтобы реконструировать в своей монографии общество нунамиутов таким, каким оно было в XIX — начале XX в. Но все же сомнительно, можно ли использовать в качестве аналога общества классической первобытности общество, которое до того, как оно было изучено, претерпело метаморфозу, а именно сначала сменило свой хозяйственно-культурный тип, перейдя от жизни в постоянных селениях на побережье и морской охоты к более подвижной жизни охотников на оленей, затем переселилось на побережье, где испытalo европейское влияние, а потом снова вернулось (но уже не в полном составе) в тундру.

Думается, что нунамиутов нельзя использовать ни в качестве аналога, ни для построения модели общества классической первобытности. Неправомерно и использование с той же целью, например, Н. Дэвидом материалов о монтанье-наскапи и других индейских охотничих племенах американского севера. В последние десятилетия исследованиями американских этноисториков, а в нашей стране Ю. П. Аверкиевой, было установлено, что в связи с переходом от натурального хозяйства к пушной охоте и меховой торговле весь образ жизни этих племен претерпел разительные изменения. Расселение стало более дисперсным, увеличилась подвижность, распались или ослабели прежние родовые и общинные связи, на первый план выступила малая семья и т. д. и т. п.³⁷

Правда, благодаря многочисленным исследованиям этноисториков традиционные общества охотников американского севера как будто не плохо реконструируются. Но использовать в качестве этнографических аналогов или моделей классической первобытности общества, которые сами известны лишь по реконструкции, вряд ли целесообразно. Слишком низок будет уровень достоверности в окончательном результате.

Все сказанное выше подтверждает сформулированное в начале статьи положение о необходимости знать и учитывать конкретную историю этнографических групп, которые предполагается использовать в качестве аналогов. Только выполнение этого предварительного условия обеспечивает довольно высокую достоверность пространственно-неограниченных археолого-этнографических сопоставлений. Оно выявляет также случаи, когда подобные сопоставления неправомерны или правомерны лишь в отношении отдельных элементов материальной культуры (одежда, жилище и т. п.). В частности, видимо, можно утверждать с достаточной долей определенности, что не имеется этнографических аналогов не только для палеолитических охотников на мамонта, но и для финально-палеолитических и мезолитических охотников на северного оленя в Евразии.

³⁵ Oswalt W. Alaskan Eskimos. San Francisco, 1967, p. 35, 242, 243; Dumond D. The Eskimos and Aleuts. London, 1977, p. 140, 147 and others.

³⁶ Gubser N. Nunamiut Eskimos. Hunters of Caribou. New Haven — London, 1965.

³⁷ Подробнее см.: Аверкиева Ю. П. Индейцы Северной Америки. М.: Наука, 1974, гл. 1, 2; Van Stone J. Athapaskan Adaptations. Hunters and Fisherman of the Subarctic Forests. Chicago, 1974.

Для обществ конца палеолита, мезолита и начала неолита некоторых других регионов (Южной Америки, Южной Азии, возможно, прибрежной зоны Северной Европы) такие аналоги скорее всего имеются. Однако этот вопрос требует дальнейшей разработки, и прежде всего выбора наиболее репрезентативных в плане сравнения этнографических объектов. Важным условием для этого является изучение истории отдельных этносов и экологической обстановки, в которой они развивались.

ON POSSIBLE ETHNOGRAPHIC ANALOGUES FOR A PRIMITIVE SOCIETY OF HUNTERS AND FORAGERS

Two ways of interpreting ethnographic analogues and two ways of applying them in practical research are examined in the paper. Such analogues may be regarded: 1) as having no spatial boundaries and being valid for objects of similar type in every part of the globe; 2) as being valid only within regions with continuous cultural evolution.

It is shown by concrete examples that the first interpretation of analogues, while it offers wide opportunities for archaeological-and-ethnographical comparisons, at the same time not infrequently leads to errors in determining to what degree individual ethnographical groups may be regarded as representative. The second interpretation ensures a higher reliability of the conclusions drawn from the analogue, but restricts the application of the method to those regions where backward societies of hunters and foragers were still in existence a short while ago.

It is proposed in the paper to combine the advantages of both ways of using analogues. Namely, the analogue society should be chosen within regions with continuous cultural evolution, and only after this the selected analogue should be used in a broader geographical range of archaeological-and-ethnographical comparisons. The conclusion is reached through analysing various historical materials that it is not only for palaeolithic mammoth hunters that there are no ethnographical analogues in existence, but even for reindeer hunters in northern Eurasia belonging to the final palaeolithic and the mesolithic period.

At the same time, it is suggested that such analogues most probably do exist for late palaeolithic, mesolithic and early neolithic societies of certain other regions: South America, Southern Asia, perhaps the coastal regions of Europe. To resolve the question the history of the hunters and foragers of these regions must be carefully studied and considered; without this the degree to which these cultures as a whole and their various aspects may be regarded as representative of primitive society cannot be determined.

К. В. ЧИСТОВ

В. Я. ПРОПП: ЛЕГЕНДЫ И ФАКТЫ

Для того чтобы осознать подлинный масштаб деятельности ученого, особенно крупного, нужна известная временная дистанция. Условия для объективной оценки возникают, когда спадает накал текущих дискуссий. Но даже если формальных, объявленных дискуссий и не было, возникают различные толкования признанной и влиятельной концепции, особенно если она формировалась постепенно или была реализована в исследованиях, публиковавшихся не сразу, а на протяжении определенного времени. Подобные толкования приводят иной раз не только к естественной вариантности понимания деталей или оттенков; они способны порождать легенды, не согласующиеся с реальными, достаточно известными фактами научной биографии ученого.

Так произошло и с В. Я. Проппом.

Владимир Яковлевич Пропп вошел в историю мировой филологической науки XX в. как один из наиболее значительных теоретиков и исследователей¹. Его книга «Морфология сказки» признана классическим образцом структурного анализа вообще и в особенности сказки. Идеи, сформулированные в этой книге, усвоены не только отечественной наукой; они оказали сильнейшее влияние на взгляды таких ученых, как А. Дандис, А. Ж. Греймас, М. Поп, П. Маранда, Л. Хонко, Ю. Пентикайнен, Т. Себеок, Р. Барт, К. Бремон, Ц. Тодоров и многие другие.

Один из крупнейших современных лингвистов Р. Якобсон и видный современный исследователь мифологии К. Леви-Страсс признали и приняли концепцию В. Я. Проппа и способствовали ее международной популярности². Перечисленные и многие другие ученые показали ценность метода В. Я. Проппа для анализа не только сказки и архаического мифа, но и других повествовательных жанров фольклора, даже европейской литературы XVIII—XIX вв. и, в конечном счете, для понимания структуры человеческого мышления вообще. Заметим, что в столь расширенной трактовке концепции В. Я. Проппа можно, разумеется, усмотреть определенные противоречия и преувеличения, которых опасался сам создатель столь популярной концепции³. Однако даже подобные

¹ Общую характеристику научной деятельности В. Я. Проппа и биографические сведения см.: Путилов Б. Н. Предисловие.— В сб.: *Пропп В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи*. М., 1976, с. 7—15; его же. Проблемы фольклора в трудах В. Я. Проппа.— В сб.: *Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти В. Я. Проппа (1895—1970)*. М.: Наука, 1975, с. 7—15. В этом же сборнике см. библиографию работ В. Я. Проппа, литературы о нем, а также переводов его публикаций на иностранные языки (с. 16—25).

² Подробнее см. Мелетинский Е. М. Структурно-типологическое изучение сказки. В кн.: *Пропп В. Я. Морфология сказки*. Изд. 2-е. М.: Наука, 1969, с. 139—158.

³ Приведем один пример. Л. Я. Гинзбург в книге «О литературном герое» справедливо отмечает: «В. Я. Пропп сочетал блестательную исследовательскую смелость с исследовательской осторожностью. В „Морфологии сказки“ он из огромного проработо-

преувеличения весьма убедительно свидетельствуют о фундаментальности и продуктивности идей, положенных в основу концепции В. Я. Проппа. Не менее характерно также и применение его концепции в многочисленных экспериментах моделирования повествовательных текстов на ЭВМ⁴ и даже в практике детской литературы и исследований по детской психологии. Так, знаменитый итальянский детский писатель Д. Родари посвятил изложению «Морфологии сказки» несколько глав своей книги⁵.

Совершенно прав Б. Н. Путилов, констатировавший: «В. Я. Пропп был убежденным фольклористом, и одна из его заслуг перед наукой состоит в том, что он своей деятельностью в высокой мере способствовал самоутверждению фольклористики среди других гуманитарных наук и укреплению ее общественного авторитета и культурного значения»⁶.

Характерно, что даже представители фольклористических течений, достаточно далеких от идей В. Я. Проппа, считают для себя обязательным обсуждать его метод и его достижения, соглашаясь или не соглашаясь с ним. В качестве выразительного примера подобного рода можно назвать крупнейшего знатока и исследователя европейской сказки швейцарского фольклориста М. Люти. В четвертом издании его широко известной книги «Европейская сказка» появилось специальное приложение «Структурное изучение сказки». М. Люти не разделяет всех идей В. Я. Проппа, однако считает необходимым в новом издании

такого им материала сделал очень точные и немногословные выводы (а не наоборот, как это иногда бывает), и, распределяя тридцать одну сказочную функцию между семью сказочными ролями, Пропп вовсе не стремился распространить этот специфический для сказочного фольклора принцип на литературу в целом. Стоит применить, скажем, к роману XIX века этот механизм, чтобы разрушить в нем самое основное — повторяемость, предвидимость, прямое соотношение элементов. В романе, особенно психологическом, это соотношение является не только дифференцированным, усложненным по сравнению со сказкой, но качественно иным — неустойчивым, противоречивым, иногда до парадоксальности. Между свойствами персонажа и его функциями (поступками) включаются посредствующие звенья многочисленных мотивов и переменных этических оценок. Не случайно в книге «Logique du récit» К. Бремон для подтверждения своей концепции пользуется примерами из литературы архаической, фольклорной, во всяком случае предшествующей XIX веку, и даже широко привлекает басни Лафонтена» (Гинзбург Л. Я. О литературном герое. Л.: Сов. писатель, 1979, с. 38). О некоторых других, весьма, впрочем, характерных преувеличениях, см. Е. М. Мелетинский. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. Добавим, что, как правило, подобные эксперименты, как бы увлекательны они ни были, оказываются интереснее и убедительнее с точки зрения гносеологии, общих законов человеческого мышления, чем для эстетической теории или истории литературы. В этом, видимо, их основное достоинство и в равной мере основной недостаток. Сам В. Я. Пропп так писал о возможностях расширительного применения выводов, к которым он пришел в «Морфологии сказки»: «... они отнюдь не ошибочны, они только не имеют того универсального значения, которое хотел бы им придать мой уважаемый критик (К. Леви-Строс.— К. Ч.). Метод широк, выводы же строго ограничиваются тем видом фольклорного повествовательного творчества, на изучении которого они были получены» (Структурное и историческое изучение волшебной сказки.— В сб.: Пропп В. Я. Фольклор и действительность, с. 137).

⁴ См., например, исследования, опубликованные в 1980 г. в Советском Союзе: Кербелите Б. П. Методика описания структур и смысла сказок и некоторые ее возможности.— В сб.: Типология и взаимосвязь фольклора народов СССР. М.: Наука, 1980, с. 48—100; Гаазе-Рапопорт М. Г., Поспелов Д. А., Семенова Е. Т. Порождение структур волшебных сказок. М., 1980. 20 стр. (Научный совет по комплексной проблеме «Кибернетика»).

⁵ Родари Д. Грамматика фантазии. Введение в искусство придумывания историй. М., 1978. Не исключено, что Д. Родари натолкнуло на создание этой весьма примечательной книги не только чтение «Морфологии сказки», переведенной в 1966 г. на итальянский язык, но и статья В. Я. Проппа, написанная специально для этого издания, о которой мы еще будем говорить и в которой он мог прочесть следующую фразу: «Мало того, исходя из схемы, можно самому сочинять бесконечное количество сказок, которые все будут строиться по тем же законам, что и народные» (цит. по: Пропп В. Я. Фольклор и действительность, с. 145).

⁶ История и проблемы фольклора в трудах В. Я. Проппа.— В сб.: Типологические исследования по фольклору. Сб. статей памяти В. Я. Проппа, с. 9.

рассмотреть его концепцию. По его убеждению, она оказала сильнейшее влияние на международное сказковедение 1960-х и 1970-х годов⁷.

М. Лютти не случайно говорит о фольклористике 60—70-х годов. Мировую известность «Морфология сказки», действительно, приобрела с конца 50-х годов, и значительную роль в этом сыграл первый перевод ее на английский язык, появившийся только через 30 лет (в 1958 г.) после публикации книги на русском языке. Почему же она не стала популярной раньше? Что же этому мешало?

Ответ на этот вопрос, так, как он был сформулирован некоторыми авторами, писавшими о В. Я. Проппе, привел к появлению целого ряда легенд, связанных с его именем и его книгами⁸. На них мы и остановимся, так как объективная оценка значения научной деятельности В. Я. Проппа без их преодоления невозможна. Мы, вместе с тем, не будем пересказывать содержание основных работ В. Я. Проппа о сказке. Они доступны читателю.

Так, одна из легенд заключается в том, что международной известности В. Я. Проппа в 30—50-х годах будто бы препятствовал главным образом «языковой барьер», или, проще говоря, недостаточное знакомство западноевропейских и американских исследователей с русским языком. Разумеется, это обстоятельство играло определенную роль (ср. традиционное и до сих пор еще не вполне преодоленное в фольклористике *«rossica non leguntur»*). Оно сужало возможности ознакомления западноевропейских ученых с достижениями русской фольклористики⁹. Однако почему же этот «барьер» перестал существовать в 60-е и 70-е годы? Почему же именно в эти годы, а не раньше и К. Леви-Стросс, и А. Дандис, и М. Лютти, и другие зарубежные ученые узнали книгу В. Я. Проппа и стали обсуждать ее? Разве они прочитали ее по-русски? Напомним о том, что в славянских странах, где многие ученые знали русский язык, книга В. Я. Проппа в 30—50-х годах тоже не пользовалась известностью и влиянием, которые она заслуживает. Напомним и о том, что в 20—30-х годах некоторые книги советских фольклористов и этнографов переводились на западноевропейские языки или издавались прямо на этих языках и были достаточно известны. Можно назвать Л. Я. Штернберга, В. Г. Тана-Богораза, Д. К. Зеленина, М. К. Азадовского, Н. П. Андреева и др. В. Я. Проппа среди них почему-то не было. Следовательно, дело далеко не просто в «языковом барьере».

Недоразумением является и попытка утверждать, что до 1958 г., т. е. до первого перевода «Морфологии сказки» на английский язык, западноевропейские и американские ученые якобы не только ничего не знали, но и не могли знать о В. Я. Проппе. Уже в 1929 г. сведения о его первой книге можно было найти в международной этнографической библиографии (*Internationale Volkskundliche Bibliographie*) и в специальной славистической библиографии (*Slavonic Collection*); вскоре после публикации «Морфологии сказки» о ней можно было прочитать в рецензии на немецком языке Д. К. Зеленина, ученого, достаточно популярного в те годы в Европе. В 1931 г. о ней писал такой известный и авторитетный на Западе исследователь, как Ян де Фриз, а в 1945 г.—

⁷ Lüthi M. Das europäische Volksmärchen. Form und Wesen. 4. Auflage. München, 1974, с. 115—121. См. также его рецензию на немецкий перевод «Морфологии сказки» (*Zeitschrift für Volkskunde*, B. 1973, 69, S. 291).

⁸ Созданию некоторых из них в немалой степени содействовала статья И. Г. Левина, содержащая недостоверные сведения. См.: Levin I. Vladimír Propp. An Evolution on His Seventieth Birthday.—Journal of Folklore Institute, v. 4, 1967, p. 32—49.

⁹ Западноевропейские и американские ученые, к сожалению, так и не узнали, например, в достаточной мере работ А. Н. Веселовского (несомненно одного из величайших филологов второй половины XIX в. в Европе), которые могли бы оказать на зарубежное литературоведение и фольклористику столь же значительное влияние, как и на всю последующую русскую науку.

Р. О. Якобсон¹⁰. Кстати, еще менее обоснованы попытки утверждать, что «Морфология сказки» до 1958 г. будто бы была мало известна даже в Советском Союзе. О ней писали В. Н. Перетц, Д. К. Зеленин, Р. О. Шор¹¹, ее редактором был В. М. Жирмунский. Имена достаточно выразительные! О ней говорилось (хотя обычно неодобрительно) во всех учебниках и учебных пособиях 30—50-х годов. Могу свидетельствовать о том, что в предвоенные годы ее знал каждый студент ленинградских вузов, интересовавшийся фольклором.

Видимо, все-таки основную роль в своеобразной судьбе первой книги В. Я. Проппа играл не пресловутый «языковый барьер» или какие-либо факторы ненаучного характера, а общее состояние фольклористики, лингвистики и этнографии и у нас, и за рубежом, господство других школ и направлений, идеи которых до поры до времени не благоприятствовали активному восприятию «Морфологии сказки». Только интенсивное развитие общей лингвистики, теории информации, семиотики, социальной психологии, современной теории культуры, лингвистики текста и других родственных наук, приведших к развитию системных и структурных исследований, создало благоприятную почву для восприятия и широкого распространения концепции В. Я. Проппа, заставило вспомнить о ней. Она оказалась необходимой и была осознана как продуктивная. Можно без особенного преувеличения утверждать: если бы «Морфология сказки» была уже в конце 20-х годов переведена на один из западноевропейских языков, то она, вероятно, оставалась бы столь же мало влиятельной, как это было в Советском Союзе в 30—50-е годы. Популярность она и в этом случае приобрела бы также не раньше конца 50-х и начала 60-х годов¹².

У нас есть прямое свидетельство того, что именно так понимал своеобразный процесс «возрождения» его книги через 30 лет после ее выхода и сам автор. В статье, написанной для итальянского издания «Исторических корней волшебной сказки» (1966 г.), он писал: «Что же произошло и чем можно объяснить этот возродившийся интерес? В области точных наук были сделаны огромные, ошеломляющие открытия. Эти открытия стали возможны благодаря применению новых точных и точнейших методов исследований и вычислений. Стремление к применению точных методов перекинулось и на гуманитарные науки. Появилась структурная и математическая лингвистика. За лингвистикой последовали и другие дисциплины. Одна из них — теоретическая поэтика. Тут оказалось, что понимание искусства как некоей знаковой системы, прием формализации и моделирования уже предвосхищены в этой книге, хотя в то время, когда она создавалась, не было того круга понятий и той терминологии, которыми оперируют современные науки»¹³.

Другая легенда, связанная с именем В. Я. Проппа, менее распространена, однако о ней тоже следует упомянуть. Она не имеет хождения в

¹⁰ Zelenin D. Slavische Rundschau, 1929, № 4, S. 286—287; Vries de J. Over het Russische Sprookjesonderzoek der laatste Jaaren.— Mensch en Maatschappij. V. 6, 1931, S. 330—341; Jakobson R. On Russian Fairy Tales, a Selection of Afanas'ev's Folk Tales in English Translation. N. Y., 1945, p. 631—656.

¹¹ Указания на рец. Д. К. Зеленина см. выше; Перетц В. Н.— Етнографічний вісник. Київ, 1930, IX, с. 187—195; Шор Р. О.— Печать и революция, 1928, кн. 7, с. 192—193.

¹² Как отмечалось уже некоторыми исследователями (И. Г. Левин, М. Люти, О. Хольцапфель), одновременно с В. Я. Проппом сходные общие идеи о необходимости изучения сказки как цельной структуры формулировались немецким литературоведом Х. де Бором в статье «Изучение сказки» (1928), однако характерно, что и они, несмотря на отсутствие языкового «барьера» не обрели популярности (Boor de H. Märchenforschung. Zeitschrift für Deutschkunde, B. 42, 1928, S. 561—581; Boor de H. Warnung von einer bloß materialhäufenden Forschung.— Ibid., B. 47, 1933, S. 332—335 и. а...).

¹³ Русский вариант: Пропп В. Я. Структурное и историческое изучение волшебной сказки.— В сб.: Фольклор и действительность. Избранные статьи, с. 132.

Советском Союзе, но получила некоторую популярность за рубежом. Весьма туманные представления о развитии русской науки в XX в. заставляют некоторых авторов недоумевать: как сформировался в 20-х годах нашего века в России (которая представляется им, как это ни удивительно, пустынной в научном отношении) ученый, создававший уже в те годы столь современную концепцию? Так, автор пространной и содержательной статьи «Владимир Яковлевич Пропп. Жизнь, научная деятельность и ее значение» Р. Браймайер (ФРГ) пытался согласовать две крайности: «Was kann von Leningrad Gutes kommen?» (с. 37; т. е. «Что ждать интересного из Ленинграда?») и «Ex oriente lux» (там же, т. е. «Свет с востока»)¹⁴. Для того чтобы примирить эти два весьма характерных и традиционных преувеличения, Р. Браймайер вспоминает и немецкое звучание фамилии Пропп, и старое название города, в котором он жил, тщательно выписывает титулы немецких книг, на которые В. Я. Пропп ссылался, и изданных в России и Советском Союзе книг О. Вальцеля, В. Дибелиуса, К. Фослера, Л. Шпицера и др., полагая, что именно таким путем можно объяснить формирование метода и концепции В. Я. Проппа. Он, правда, упоминает, например, ОПОЯЗ (Общество изучения поэтического языка) и «формальный метод», но главным образом для того, чтобы объяснить, как мог приобщиться В. Я. Пропп к современной ему европейской, преимущественно немецкой, науке. В действительности же эти факты, разумеется, свидетельствуют только о том, что русская наука 20-х годов ни в коей мере не была оторвана от развития мирового, в том числе и немецкого, литературоведения и фольклористики и вовсе не была провинциальной, как это предполагает автор статьи. С таким же успехом он мог бы обратить внимание на книги английских, французских и особенно русских авторов, которые цитирует или на которые ссылается В. Я. Пропп.

Разумеется, В. Я. Пропп формировался вовсе не в «безвоздушном пространстве» (*im luftleeren innengrussischen Raum*). Факты, которые, казалось бы, решительно опровергают легенду о научном одиночестве В. Я. Проппа, в какой-то мере даже известны Р. Браймайеру, но он им как бы не доверяет. Так, он упоминает о том, что В. Я. Пропп в «Морфологии» несколько раз называет А. Н. Веселовского как ученого, который оказал на него особенно значительное влияние. Следовало бы добавить, что В. Я. Пропп, так же как многие фольклористы и литературоведы и 20-х годов и более позднего времени (В. Ф. Шишмарев, В. М. Жирмунский, Е. М. Мелетинский и др.), при построении своих теорий считал важнейшей точкой отсчета именно «Историческую поэтику» А. Н. Веселовского¹⁵. Вместе с тем характерно, что из западноевропейских ученых особенное внимание В. Я. Проппа в годы его работы над «Морфологией сказки» привлекали не немецкие сказковеды начала

¹⁴ Breymeyer R. V. Ja. Propp (1895—1970). Leben, Wirken und Bedeutsamkeit.—*Linguistica Biblica*, 1972, № 15/16, S. 36—78.

¹⁵ Подчеркивая общее значение работ А. Н. Веселовского в процессе формирования концепций В. Я. Проппа, отметим вместе с тем, что в «Исторической поэтике» дважды говорится о необходимости создания «морфологии сказки». При этом понимание этого термина весьма близко к принятому впоследствии В. Я. Проппом. Так, например, в главе «Сказочные схемы» раздела «Из лекций по теории эпоса» читаем: «Если свести в группы сюжеты мифа, сказки, средневековых эпических поэм, русских былин и т. д., то в результате получится нечто крайне ограниченное, получится материал далеко не богатый, а между тем в этих-то немногих группах и коренится все поразительное богатство сказок, объясняющееся простой комбинацией знаковых, простейших сюжетов. Было бы интересно сделать *морфологию сказки* (курсив мой — К. Ч.) и проследить ее развитие от простейших сказочных моментов до их наиболее сложной комбинации» (Историческая поэтика. Л., 1940, с. 455; ср. там же, с. 465, и др.). Систематический обзор идей, подготавливавших проппское понимание структуры сказки в русской фольклористике, см. Савченко С. В. Русская народная сказка (История собирания и изучения). Киев, 1914, с. 16—24.

XX в., а Ж. Бедье и его идея расчленения в сказке стабильного и лабильного.

Р. Браймайер в упоминавшейся статье говорит о семинаре С. А. Венгерова, из которого вышли столь замечательные ученые, как например, Ю. Н. Тынянов, В. М. Жирмунский, Л. П. Якубовский и др., в том числе и В. Я. Пропп, и о том, что «Морфология сказки» была одобрена В. М. Жирмунским и именно им и была издана в серии «Вопросы поэтики» Государственного института истории искусств в Ленинграде. Если придать всем этим фактам их подлинное значение, уже они могли бы заставить усомниться в существовании в Ленинграде 20-х годов «безвоздушного пространства». Кроме того, следовало бы вспомнить и о других не менее значительных и не менее известных фактах, почему-то не упоминаемых Р. Браймайером — например, о значении русской лингвистики первых десятилетий XX в. (И. А. Бодуэн де Куртенэ, Н. С. Трубецкой, Московский лингвистический кружок, Л. В. Щерба и др.), о связи Пражского лингвистического кружка с русской лингвистикой, об органической связи так называемой «формальной школы» в литературоведении с развитием лингвистики и социальной психологии, о замечательных достижениях русского литературоведения этих лет (Ю. Н. Тынянов, Б. М. Эйхенбаум, В. М. Жирмунский, М. М. Бахтин и др.), теории кино (С. М. Эйзенштейн) и др. Наконец, весьма показательно, что изучение проблем «морфологии» сказки, как понимал ее В. Я. Пропп в те годы, вовсе не ограничивалось в русской науке 20-х годов его книгой. В 1924 г. вышла в свет книга Р. М. Волкова¹⁶. В. Я. Пропп считал ее неудачной и полемизировал с ней, однако признавал ее ближайшее «соседство». Еще ближе к книге В. Я. Проппа были работы ленинградского фольклориста А. И. Никифорова, особенно его статья «К вопросу о морфологическом изучении народной сказки»¹⁷. Она была написана в 1926 г., т. е. в том же году, когда В. Я. Пропп опубликовал в бюллетене Русского географического общества «Сказочная комиссия в 1926 году» предварительное сообщение о подготавливаемой им к печати книге. Статья А. И. Никифорова появилась в печати в 1928 г., т. е. одновременно с «Морфологией сказки» и примыкающей к ней статьей В. Я. Проппа «Трансформации волшебных сказок». Впоследствии В. Я. Пропп неоднократно подчеркивал, что Никифоров вполне самостоятельно и параллельно с ним пришел к идею изучения морфологии сказки. Он писал о нем с большим уважением и в 1961 г. издал в серии «Памятники русского фольклора» сборник севернорусских сказок в записях А. И. Никифорова с большой вступительной статьей о нем¹⁸.

Наконец, следует упомянуть также об известной в европейской фольклористике тех лет статье «Фольклор как особая форма творчества», опубликованной в 1929 г. на немецком языке двумя русскими учеными, проживавшими в эти годы в Чехословакии, П. Г. Богатыревым и Р. О. Якобсоном. В ней также говорилось о функционально-структурном подходе к фольклору и шире к явлениям традиционной народной культуры¹⁹.

Можно назвать также целый ряд литературоведческих работ того времени, с которыми сближался, на которые опирался или с которыми полемизировал В. Я. Пропп в «Морфологии сказки». Так, в 1927 г. было

¹⁶ Волков Р. М. Сказка, разыскания по сюжетосложению народной сказки. Т. I. Сказка великорусская, украинская, белорусская. Одесса, 1924.

¹⁷ Сб. статей в честь академика А. И. Соболевского. Л. 1928, с. 172—178.

¹⁸ Самостоятельное значение идей А. И. Никифорова подчеркивали впоследствии Р. О. Якобсон, Е. М. Медетинский, Г. Ясон и др., включая Р. Браймайера.

¹⁹ Bogatyrev P., Jakobson R. Die Folklore als besondere Form des Schaffens.—Verzameling van opstellen door oord leerlingen en bevriende vakgenooten opgedragen aan mgr. prof. dr. Jos. Schrijen. Nijemgen.—Utrecht, 1929, S. 900—913; ср. Богатырев П. Г. Фольклор как особая форма творчества.—В кн.: Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971, с. 369—382.

опубликовано исследование М. А. Петрова «Морфология новеллы», а двумя годами раньше — очень важная в теоретическом отношении книга В. Б. Шкловского «О теории прозы». В ней автор специально касался некоторых проблем теории сказки. В. Я. Пропп в своей «Морфологии», как известно, цитировал В. Б. Шкловского, он присоединялся к его резкой критике квазигенетического изучения сказки, которое пыталось разрешить проблему происхождения сказки, расчленяя ее на отдельные мотивы или сюжеты и не считаясь с общими законами ее сюжетосложения (ее «морфологии»). Вместе с тем он ставит своей задачей опровергнуть тезис А. Н. Веселовского: сказочные мотивы формируются по определенным законам, а сочетаются в сюжеты (или, как говорил Веселовский, «снуются» в сюжеты, употребляя метафорически очень выразительный ткацкий термин, ср.: «снуется основа») более или менее свободно²⁰. Показав, что утверждение В. Б. Шкловского: сюжет — «случайная последовательность мотивов», восходит к Веселовскому, В. Я. Пропп противопоставляет ему третий основной тезис своей книги: «Последовательность элементов, как мы увидим ниже, строго одинакова»²¹.

Проблема, затронутая нами, — связь концепции В. Я. Проппа с развитием русской и мировой науки 20-х годов — еще мало изучена фольклористами. Она, несомненно, представляет большой интерес. Однако само наличие этих связей не подлежит никакому сомнению. Это было очевидно и первому редактору «Морфологии сказки» В. М. Жирмунскому, и первым рецензентам книги: оно до сих пор не оспаривалось никем, кто знаком с русской филологией 20-х годов нашего века не по на слышке²².

В 1965 году на юбилейном заседании в честь 70-летия В. Я. Проппа В. М. Жирмунский еще раз выразительно говорил об этом. Одновременно он коснулся и еще одной из легенд, связанных с именем В. Я. Проппа, согласно которой его переход от структурного («морфологического», синхронного) изучения в «Морфологии сказки» к проблемам генезиса и истории (диахронии) в «Исторических корнях волшебной сказки» (1946 г.), т. е. второй его книге, произошел будто бы под влиянием критики «формализма» в литературоведении. Подобная легенда иска жает не только процесс формирования и развития В. Я. Проппа как ученого, но и самую суть концепции сказки, созданной им. Поэтому на ней следует остановиться специально.

В действительности вторая книга В. Я. Проппа является органическим продолжением первой. В сущности, это единая двухтомная монография, которая могла бы получить название (если пользоваться современной терминологией) «Структура и генезис волшебной сказки»²³.

В. Я. Пропп считал, что исследование генезиса — это начало исторического осмыслиения сказки как жанра. В предисловии к «Историческим корням волшебной сказки» он писал: «Историческое изучение не может быть произведено сразу... Изучение генезиса есть первый шаг в этом направлении» (с. 6). В то же время для того, чтобы понять, как сказка возникла, надо изучить ее структуру, а затем дать ей историческое (точнее — историко-генетическое) объяснение. Для этого В. Я. Пропп из всего сказочного многообразия выбирает «собственно сказки», или

²⁰ Веселовский А. Н. Поэтика сюжетов. Собр. соч. Т. 2, вып. 1. СПб., 1913, с. 3 и др.

²¹ Морфология сказки. Изд. 2-е, с. 25.

²² О влиянии этой книги на дальнейшее развитие науки см. Иванов В. В. Очерки по истории семиотики в СССР. М.: Наука, 1976; Путилов Б. Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л.: Наука, 1976, и др.

²³ Позже в статье «Структурное и историческое изучение волшебной сказки» В. Я. Пропп писал: «Историческому объяснению в первую очередь подлежат не отдельные сюжеты, а та композиционная система, к которой они принадлежат. Тогда между сюжетами откроется историческая связь, и этим прокладывается путь к изучению отдельных сюжетов» (Пропп В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи, с. 139).

волшебные сказки. Волшебными он предлагает назвать сказки, подчиненные единому закону сюжетообразования или, иначе, имеющие единую (сходную) структуру. Очень важно (это едва ли не ядро концепции В. Я. Проппа), что генетической интерпретации подлежат, по его мнению, не отдельные мотивы и даже не отдельные сюжеты, а именно определенный тип сюжета, его исторически сложившаяся структура.

О том, что концепция В. Я. Проппа изначально была именно такова, свидетельствуют первые страницы книги 1928 г. Здесь говорится: «...о происхождении какого бы то ни было явления можно говорить лишь после того, как явление это описано» (с. 10). Или: «Ясно, что прежде, чем осветить вопрос, откуда сказка происходит, надо ответить на вопрос, что она собой представляет» (с. 10—11). Или иначе: «Предполагалось дать исследование не только морфологической, но и совершенно особой логической структуры сказки, что подготовляло историческое изучение сказки» (с. 8). Поэтому совершенно прав был Е. М. Мелетинский, писавший в послесловии ко второму изданию «Морфологии сказки» (1969): «В 20-х годах был очень силен интерес к проблемам художественных форм, в том числе и фольклорных; но только В. Я. Пропп довел изучение формы сказки до открытия ее структуры. Заслуживает внимания, что для В. Я. Проппа морфология как раз была не самоцелью, что он стремился не к описанию поэтических приемов самих по себе, а к выявлению жанровой специфики волшебной сказки с тем, чтобы впоследствии найти историческое объяснение единобразию волшебных сказок»²⁴. И далее Е. М. Мелетинский сообщает о чрезвычайно важном в интересующем нас смысле факте, о котором вспоминал В. М. Жирмунский на заседании, посвященном 70-летию В. Я. Проппа, в Ленинграде 26 апреля 1965 г.: «Рукопись, представленная автором в редакцию непериодической серии «Вопросы поэтики» (издававшейся Государственным институтом истории искусств), первоначально включала дополнительную главу с попыткой такого исторического объяснения. Впоследствии эта глава, не вошедшая в окончательный текст, была развернута в обширное фундаментальное исследование «Исторические корни волшебной сказки»²⁵. Насколько я помню, В. М. Жирмунский говорил при этом, что глава, о которой идет речь, тогда не была напечатана в составе «Морфологии сказки», так как он, как редактор, предложил автору подумать о превращении ее в отдельную книгу. В последующие годы В. Я. Пропп, действительно, предпринял широкое обследование этнографических материалов, которые могли оказаться необходимыми для генетической интерпретации структуры волшебной сказки. На это ушло почти десятилетие. С 1934 г. В. Я. Пропп начал публиковать отдельные заметки по проблемам генезиса сказки²⁶. К 1938 г. рукопись новой книги была готова в предварительном варианте. В 1939 г. была защищена в качестве докторской диссертации. Предполагалось ее издание, однако разразившаяся война заставила отложить осуществление этого замысла и книга была опубликована издательством Ленинградского университета в первый послевоенный год. Она получила название «Исторические корни волшебной сказки» (1946 г.).

Парадокс, породивший легенду, заключается в том, что, несмотря на ясную историко-генетическую цель, ради которой было предпринято

²⁴ Мелетинский Е. М. Структурно-типологическое изучение сказки.— В кн.: Пропп В. Я. Морфология сказки. Изд. 2-е, с. 134.

²⁵ Там же.

²⁶ К вопросу о происхождении волшебной сказки (Волшебное дерево на могиле).— Сов. этнография, 1934, № 1—2, с. 128—151; Мужской дом в русской сказке.— Уч. зап. ЛГУ, № 20, сер. филол. наук, вып. 1. Л., 1939, с. 174—198; Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмияне).— Уч. зап. ЛГУ, № 46, сер. филол. наук, вып. 3, 1939, с. 151—175; Мотив чудесного рождения.— Уч. зап. ЛГУ, № 81, сер. филол. наук, вып. 12, 1941, с. 67—97.

исследование «морфологии», несмотря на то, что свои намерения В. Я. Пропп не скрывал от читателей своей первой книги, значительную часть жизни его преследовали упреки в «формализме». При этом мы имеем в виду не только вульгарно-социологическую критику, вообще не признававшую необходимость изучения форм эстетической деятельности (или поэтики). Она действительно играла определенную роль в нашей литературной и научной жизни 30—40-х годов. Однако подобные упреки В. Я. Пропп слышал и от сторонников так называемой «исторической школы» в русской фольклористике, и от сторонников школы Азадовского — Соколовых, выдвигавших на первый план изучение деятельности исполнителей фольклора, проблемы поздней истории фольклора и т. д.

Я помню, что в предвоенные годы ученики М. К. Азадовского, руководившего кафедрой фольклора Ленинградского университета, по рекомендации своего учителя читали «Морфологию сказки» и хорошо знали ее, однако отношение к ней было сдержанно-критическим. Принято было формулировать оценку книги своеобразными метафорами, которые, кажется, не принадлежали М. К. Азадовскому, но имели широкое хождение среди многочисленных его учеников. Говорили, что В. Я. Пропп изучение архитектуры как искусства подменяет инженерным трактатом о несущих балках конструкции или изучение человека как живого организма — рентгеновскими снимками или рассмотрением скелета. По характеру наших тогдашних интересов и представлений мы не понимали сути задачи, поставленной В. Я. Проппом, и не способны были осознать (если даже оперировать теми же метафорами), что и история архитектуры не может ограничивать себя украшениями на фасаде зданий, она невозможна без инженерных проблем, как и изучение целостного организма без остеологии. Такое противопоставление не только не точно, но и бессмысленно. Думаю, что кроме всего прочего это было перенесением в сферу фольклора некоторых привычных и тем не менее теоретически ошибочных литературоведческих представлений. Разумеется, самые общие закономерности историко-литературного процесса или самые общие законы поэтики в их максимально абстрагированном выражении, как бы точно (адекватно) они ни были сформулированы, не способны сами по себе объяснить индивидуальные особенности творчества писателей или текстов литературных произведений. Но они на это и не направлены. Их познавательная функция иная. Однако это не значит, что изучение общих закономерностей бессмысленно, что оно должно противопоставляться исследованию отдельных явлений или наоборот. Специфика эстетической деятельности человека как раз и заключается в том, что общие закономерности реализуются в весьма индивидуализированных формах и научную ценность имеет изучение и тех и других. Альтернативное решение этой проблемы неверно даже для сферы индивидуального творчества. Тем более неверно такое противопоставление, когда речь идет о фольклоре.

Как это ни удивительно, в формализме упрекал В. Я. Проппа и один из виднейших структуралистов К. Леви-Стросс в знаменитой статье «Структура и форма. Размышления о книге Владимира Проппа», сыгравшей большую роль в привлечении внимания фольклористов мира к «Морфологии сказки»²⁷.

Очень высоко оценив идеи В. Я. Проппа, К. Леви-Стросс выражал удивление: почему он, начав столь блестяще, остановился на полу пути и не предпринял дальнейших шагов как по структурному, так и историческому (или, точнее, историко-этнографическому) осмыслению открытых им закономерностей.

²⁷ Lévi-Strauss C. La structure et la forme. Réflexions sur un ouvrage de Vladimir Propp.— Cahiers de science économique appliquée, 1960, mars, № 60.

Не будем подробно пересказывать статью К. Леви-Страсса и тем более отвечать на его упреки. В. Я. Пропп сделал это сам в статье, опубликованной в итальянском издании «Морфология сказки», где можно прочесть: «Проф. Леви-Стресс бросил мне перчатку, и я подымаю. Читатели «Морфологии» станут, таким образом, свидетелями поединка и смогут встать на сторону того, кого они сочтут победителем, если таковой вообще окажется»²⁸. И далее: «...проф. Леви-Стресс сообщает читателям, будто я, написав «Морфологию», затем отказался от формализма и морфологического анализа, чтобы посвятить себя историческим и сравнительным изысканиям об отношении устной литературы (так он называет фольклор) к мифам, обрядам и учреждениям»²⁹ (т. е. социальным институтам). В. Я. Пропп подчеркивает, что К. Леви-Стресс не говорит, какие это разыскания. Видимо, сведения были заимствованы из вторых рук (это могло быть, например, предисловие С. Пирковой-Якобсон к американскому изданию). К. Леви-Стресс почему-то не стремился узнать, каковы были результаты этих изысканий. Между тем он мог бы убедиться в том, что В. Я. Пропп задолго до него пошел по пути, сходному с тем, какой он предлагает в своих «Размышлениях». Как уже говорилось, в год выхода в свет «Морфологии сказки» появилась статья «Трансформация волшебных сказок», в которой анализируется механизм функционирования структуры волшебных сказок и его эволюция, а в 1946 г., т. е. за 14 лет до появления статьи К. Леви-Стресса, — книга «Исторические корни волшебной сказки». «Не зная всего этого,— пишет В. Я. Пропп,— проф. Леви-Стресс даже приписывает мне раскаяние, которое заставило меня отказаться от своих формалистических видений, чтобы придти к историческим разысканиям. Но я не испытываю никакого раскаяния и не ощущаю ни малейших угрызений совести»³⁰. В доказательство он называет свои книги «Исторические корни волшебной сказки» и «Русские аграрные праздники» (1963). Таким образом, как в 1928 г., так и в 1946 и в 1963 гг. В. Я. Пропп, по его убеждению, оперировал одним и тем же методом. Не считая его самоцелью, он предполагает структурный анализ историко-генетическим исследованиям.

Можно было бы к этому добавить, что и позже В. Я. Пропп вовсе не думал отказываться от метода, разработанного им в «Морфологии сказки». Это подтверждается (кроме работ, названных им самим в ответе Леви-Стрессу) также и статьей «Чукотский миф и гиляцкий эпос» (1945), в которой В. Я. Пропп стремился обнаружить единство «композиционной схемы» (т. е. структуры) народного героического эпоса для ее исторического объяснения, и статьей «Кумулятивная сказка», написанной в 1967 г. и прочитанной в качестве доклада в 1969 г., т. е. за год до смерти. В. Я. Пропп не успел опубликовать ее при жизни; позже она вошла в сборник «Фольклор и действительность» (с. 241—257).

В архиве В. Я. Проппа обнаружена рукопись спецкурса «Русская сказка», который он читал студентам филологического факультета Ленинградского университета в первой половине 60-х годов и в котором концепция В. Я. Проппа была изложена в наиболее полном и завершенном виде³¹. Вместе с тем этот спецкурс — еще одно и очень выразительное подтверждение того, что понимание соотношения структурного и историко-генетического изучения сказки, сформулированное В. Я. Проп-

²⁸ Пропп В. Я. Структурное и историческое изучение волшебной сказки.— В сб.: Пропп В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи, с. 133.

²⁹ Там же, с. 137.

³⁰ Там же, с. 138.

³¹ В настоящее время спецкурс готовится издательством Ленинградского университета к изданию.

пом еще в 20-е годы развивалось им и в исследовательской, и в преподавательской деятельности до последних лет его жизни.

Мы не будем выяснять, чем историческая интерпретация структуры волшебных сказок В. Я. Проппом отличается от идей К. Леви-Стресса. Это особая и достаточно сложная тема. Нам важно было показать, что упреки как в «формализме», так и, с другой стороны, в отказе от первоначальной позиции были в равной степени незаслуженными. Структурный анализ, предложенный В. Я. Проппом задолго до того, как структурализм приобрел широкое распространение в мировой фольклористике и этнографии, не был по своей природе формалистическим в буквальном и точном смысле этого слова. Структурный метод В. Я. Проппа был изначально целенаправленным и теоретически обоснованным.

Что же касается вульгарно-социологической критики и ее влияния на развитие В. Я. Проппа как ученого, то следовало бы говорить о воздействии ее не столько на «Исторические корни волшебной сказки» (как мы уже показывали, его фактически не было), сколько на другую его книгу — «Русский героический эпос» (1955; 2-е изд.— 1958). Первоначальный замысел этой книги действительно претерпел деформацию.

В 1947—1948 гг. «Исторические корни волшебной сказки» подверглись довольно резкой и явно необоснованной публицистической критике. В научной печати эта книга почти не обсуждалась. Между тем она по своему характеру не могла не быть дискуссионной. Структура, по-видимому, может быть выявлена вполне объективно и однозначно, что же касается ее исторической или генетической интерпретации, то последняя неизбежно гипотетична. Мы не будем и эту книгу подвергать специальному разбору. Напомним только, что в нашей фольклористической литературе можно назвать два особенно важных отклика на «Исторические корни волшебной сказки». Первый и наиболее ранний из них — это почти забытая, но, несомненно, достойная занять свое место в истории советской и мировой фольклористической мысли рецензия В. М. Жирмунского, опубликованная в журнале «Советская книга»³². Признавая большое значение книги, рецензент, однако, усмотрел известное преувеличение в стремлении В. Я. Проппа вывести генезис сказки однозначно из обряда инициации. Он напоминает, что подобная идея уже высказывалась П. Сентивом в его исследовании о сказках Ш. Перро (1923). Признавая, что В. Я. Пропп весьма далеко ушел от Сентива в технике и детализации доказательств, В. М. Жирмунский настаивает на том, что обряд инициации объясняет только некоторую часть сюжетов, прежде всего возникновение сюжетов типа quest (герой отправляется на поиски) и, вероятно, также сюжетов, содержащих испытание героя в лесной избушке.

Другим и наиболее значительным откликом явилась книга Е. М. Мелетинского «Герой волшебной сказки» (1958 г.). Е. М. Мелетинский выделяет несколько типов героев: младший брат, падчерица, «лысый паршивец» и др.— и связывает ареалы распространения их, главным образом, с определенными особенностями социальной истории отдельных народов или, может быть, точнее — историко-этнографических областей (миноратное/майоратное наследование и др.). Книга Е. М. Мелетинского развивает и одновременно в известной мере ограничивает универсальность выводов В. Я. Проппа, возбуждает вопрос не только об исторических типах героя, но и самой структуре сказки. Эта идея получила дальнейшую разработку в ряде работ Е. М. Мелетинского, в том числе в его весьма содержательном послесловии ко второму изданию «Морфологии сказки» (с. 134—166), широко известному и в нашей, и в зару-

³² Сов. книга, 1947, № 5, с. 97—103.

бежной фольклористике, а также в его статье «Структурализм и семиотика в СССР»³³.

После выхода в свет «Исторических корней волшебной сказки» В. Я. Пропп начал работать над книгой, которая должна была привести к выяснению генезиса героического эпоса. Предполагалось, что подход к проблеме будет сходным с выработанным уже на материале сказки, т. е. выявление структуры эпоса путем межсюжетных сопоставлений, а затем сравнительно-историческое изучение социально-бытового, ритуального, мифологического и т. д. (т. е. этнографического) субстрата эпоса. Предварительные результаты такого изучения были изложены впоследствии в вводной главе («Эпос в период разложения первобытно-общинного строя»³⁴) книги «Русский героический эпос» (1955 г.). Эта глава придала книге историческую глубину и показала перспективность подобного рода исследований, однако вся книга потеряла историко-сравнительный характер — историко-типологические проблемы глобального масштаба в ней были только намечены. Книга стала исследованием о русском героическом эпосе. Она, действительно, получилась иной, чем задумывалась первоначально. Разумеется, это само по себе еще ничего не говорит о ее достоинствах и недостатках. Не будем углубляться в эти достаточно специальные проблемы, не имеющие прямого отношения к сказковедению. Подчеркнем только, что книга В. Я. Проппа «Русский героический эпос» вошла в историю русской фольклористики как одна из наиболее замечательных работ о русских былинах. К ней примыкает фундаментальная антология «Былины» в двух томах (1958 г.), подготовленная в соавторстве с Б. Н. Путиловым.

И в заключение еще об одной, столь же несостоятельной легенде, связанной с именем В. Я. Проппа. Р. Браймайер и некоторые другие авторы вслед за И. Г. Левиным пишут в некрологах и статьях о В. Я. Проппе, будто он умер непризнанным в своей стране, несмотря на то, что приобрел международную популярность. И. Г. Левин даже сопровождает это утверждение достаточно известной цитатой из библии: «нет пророка в своем отечестве». Одновременно утверждается (как у И. Г. Левина, так и у Р. Браймайера), что то признание (совершенно, по их мнению, недостаточное), которым он все-таки хотя бы отчасти пользовался в своем отечестве, можно объяснить только его международной славой. Так, внимание к «Морфологии сказки» в Советском Союзе было привлечено якобы английским переводом книги в 1958 г. Будто бы сразу вслед за этим он был избран членом-корреспондентом АН СССР и т. д. Между тем перевод на английский язык «Морфологии сказки» никакой роли в научной судьбе В. Я. Проппа не сыграл, и членом-корреспондентом он, к сожалению, так и не был избран. Не будем возвращаться к вопросам, которые мы уже рассматривали. Нарастающее влияние и первой, и второй книги В. Я. Проппа и в советской, и в мировой фольклористике, а вслед за этим и в филологии, и гуманитарных науках вообще имело свои причины. Об этом мы уже говорили. Что же касается самого В. Я. Проппа, то следует сказать, что последние 20 лет его жизни были не только весьма плодотворными для него как ученого, но и годами его всеобщего признания и славы как в СССР, так и за рубежом. В это время выходят вторыми изданиями его «Морфология сказки» и «Русский героический эпос», книга «Русские аграрные праздники», двухтомное издание былин, трехтомное переиздание сборника А. Н. Афанасьева, том «Лирические песни» в большой серии

³³ Meletinskij E. Structuralism et sémiotique en URSS.— Diogène, v. 73, 1971, p. 94—116; Soviet structural folkloristics/Introduced and edited by P. Maranda. V. 1. París: Mouton, 1974, 194 p.

³⁴ См. предварительную публикацию из этого цикла работ — «Чукотский миф и гиляцкий эпос» (Научный бюллетень ЛГУ, № 1945, с. 29—30); см. также сб.: Фольклор и действительность, с. 300—302.

«Библиотеки поэта», он издает сборник сказок в записях А. И. Никифорова, сборник избранных фольклористических работ И. И. Толстого³⁵, заведует кафедрой литературы ЛГУ. Аудитории, в которых он читал лекции, едва вмещали желающих. Их посещали не только студенты, но и коллеги В. Я. Проппа. 70-летний юбилей ученого в 1965 г. был подлинным праздником советской фольклористики. Все это говорит о том, что эта легенда не имеет под собой реальной почвы.

V. YA. PROPP: LEGENDS AND FACTS

V. Ya. Propp's folktale research has gained him world-wide renown. At the same time, his name, his ideas, and his scholarly career have, in the interpretation of some authors who had written about him, become cluttered with legends, which cannot stand up against confrontation with facts. Several such legends are examined in the paper: a) that of V. Ya. Propp's «loneliness» in the 1920ies; b) that of his having, after publishing his «Morphology of the Folktale», renounced his structuralist conception and having only then adopted the historical-genetic method; in reality, his two major books (the one mentioned above and the «Historical Roots of the Fairy Tale») form two parts of a single work conceived in the early twenties; c) that of his having been forgotten in the USSR beginning with the 1930ies and only having attention drawn to him after the first English-language publication of the «Morphology» in 1958; d) that, according to which it was the language barrier that constituted the main obstacle to V. Ya. Propp's gaining popularity in West European countries and the U. S. A.

The author demonstrates the close ties of V. Ya. Propp with Soviet philology in the twenties and shows how it was only natural for his studies to attract especial interest in the fifties, sixties and seventies with the development of systems research in linguistics, literature studies and social psychology, with the rise of semiotics and information theory.

³⁵ См. Библиография трудов В. Я. Проппа. Составил Б. Н. Путилов.— В кн.: Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти В. Я. Проппа (1895—1970).

А. А. Воронов

ЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕНОГЕОГРАФИИ ДЕФИЦИТА ФЕРМЕНТА Г-6-ФД У НАСЕЛЕНИЯ СССР

Генетически человечество представляет собой иерархическую систему различных по объему, в основном социально и географически обусловленных популяций, имеющих разную степень эндогамии. Такими популяциями являются этносы, этнические, племенные, родовые и кастовые группы, поселения и т. д. В зависимости от численности, степени эндогамии и времени существования эти популяции обладают различной степенью генетической изменчивости, имеющей большое значение для географического расселения человечества и существования его в разных географических и экологических условиях.

Человеческие популяции имеют различные частоты аллельных генов и соответственно различные соотношения фенотипов. В некоторых географических зонах могут получить широкое распространение отдельные мутации, имеющие адаптивное значение и, следовательно, селективную ценность в определенных географических условиях.

Распространение отдельных аллельных генов и фенотипов, популяционные и географические характеристики, закономерности распределения генов, зависимость этого распределения от географических и социально-исторических условий изучает область знаний, которую А. С. Серебровский назвал геногеографией¹.

На географическое распределение генетических особенностей у человека большое влияние оказывают не только биологические, но и исторические процессы. Они создают генные потоки и способствуют тем самым достаточно интенсивному переносу генофонда на большие расстояния. Однако этническая обособленность отдельных групп создает генные барьеры, которые могут препятствовать распространению генетических особенностей. Популяционная структура, создающаяся под влиянием этнических особенностей того или иного народа, может обусловить очень неравномерное распределение генных частот в популяции. Таким образом, геногеография тесно связана с этнической историей, этнической структурой, а в ряде случаев и с материально-бытовой культурой изучаемых народов. Одним из ярких примеров, подтверждающих это положение, является геногеография дефицита фермента Г-6-ФД.

Некоторые аллели генетических систем в гомозиготной форме могут приводить к различным нарушениям и заболеваниям, поддерживая достаточно высокую частоту такого гена за счет биологических преиму-

¹ Серебровский А. С. Проблемы и метод геногеографии.— В кн.: Труды Всесоюзного съезда по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству, 1929. Т. 2. Л., 1930, с. 71—86.

ществ гетерозигот. Такой наиболее широко распространенной, генетически обусловленной аномалией среди населения всего земного шара является дефицит активности фермента Г-6-ФД. По данным ВОЗ², дефицит активности этого фермента имеют около 100 млн. человек, число носителей (обоего пола) аномального гена достигает 300 млн. чел.

Глюкозо-6-фосфатдегидрогеназа (Г-6-ФД) — один из ферментов, участвующих в углеводном обмене: он обеспечивает осуществление первого этапа пентозофосфатного цикла. Существует целый ряд генетически обусловленных вариантов этого фермента. К настоящему времени на основании физико-химических свойств различают более 100 типов Г-6-ФД. Отдельные типы распространены широко. Некоторые из них имеют крайне низкую ферментативную активность. Это снижение ферментативной активности в литературе традиционно принято называть наследственно обусловленным дефицитом фермента Г-6-ФД. Различные молекулярные варианты Г-6-ФД, в частности имеющие низкую ферментативную активность, часто отличаются от нормального варианта всего одной аминокислотой в составе своих полипептидных цепей. Снижение активности фермента происходит, если замена аминокислот в результате мутации структурного гена располагается вблизи активного центра молекулы фермента.

Структурный ген и ген-регулятор, обуславливающие синтез Г-6-ФД, расположены на X-хромосоме, поэтому наследование дефицита активности фермента в эритроцитах также спреплено с X-хромосомой. Мужчины — носители гена дефицита Г-6-ФД гемизиготны и всегда имеют снижение активности фермента, так же как и гомозиготные по этому гену женщины. Гетерозиготные женщины обнаруживают снижение активности лишь в 50% случаев. Подсчет частоты гена дефицита Г-6-ФД при геногеографических исследованиях обычно делается на основании определения активности фермента у мужчин.

Одним из проявлений недостаточности Г-6-ФД являются гемолитические реакции и развитие гемолитической анемии на различные внешние факторы. Они развиваются при употреблении некоторых лекарственных препаратов (противомалярийных, например, примахина, сульфамидов, салицилатов, в частности пирамидона и аспирина и т. д.), при вирусных и бактериальных инфекциях, а также при употреблении в пищу конских бобов (фавизм).

Аллельные гены, приводящие к дефициту активности Г-6-ФД, как и все гены, имеющие патологические проявления, подвержены отрицательному отбору. Поэтому очень значительные генные частоты дефицита активности Г-6-ФД в некоторых популяциях могут быть объяснены лишь выраженным положительным отбором в определенных экологических условиях генотипов, содержащих аллели вариантов фермента с дефицитом активности. Эти экологические условия в свою очередь связаны с целым рядом географических особенностей, в частности с климатическими зонами земли и ландшафтом.

Наследственно обусловленная недостаточность активности фермента Г-6-ФД распространена преимущественно среди населения тропического и субтропического поясов земли. Генные частоты в отдельных популяциях достигают здесь 15—40%. Ландшафтные исследования показали, что генные частоты значительно снижаются в горных местностях. Именно особенности географического распространения, совпадение с зонами распространения тропической малярии заставили первоначально

² Всемирная организация здравоохранения. Стандартизация методов исследования глюкозо-6-фосфатдегидрогеназы эритроцитов. Доклад научной группы ВОЗ.— Серия технических докладов, № 336. Женева, 1968. Luzzatto L. New Developments in Glucosidase Deficiency. Genetic Polymorphisms and Diseases in Man.— In: Sheba Internat. Sympos., Tel Aviv, 1973. New York — London, 1974, p. 358—372.

предположить, что положительный отбор генотипов, содержащих аллель дефицита активности Г-6-ФД, происходит под влиянием малярии³. Однако в дальнейшем выяснилось, что есть еще ряд заболеваний, при которых повышаются защитные свойства носителей гена дефицита активности Г-6-ФД по сравнению с лицами, имеющими обычный генотип. Поскольку гомозиготные и гемизиготные формы Г-6-ФД приводят к патологии, увеличение генных концентраций может быть объяснено адаптивным преимуществом гетерозиготных форм. При этом образуется система генетически сбалансированного полиморфизма, в которой преимущество гетерозиготного варианта по сравнению с гомозиготами поддерживает частоту обеих аллельных генов. Это одна из защитных биологических систем популяции от неблагоприятных условий внешней среды, в частности от паразитарных и инфекционных заболеваний.

Первые популяционные исследования дефицита Г-6-ФД в СССР были проведены в 1967 г. в Азербайджане⁴. С тех пор в различных республиках СССР многочисленными экспедициями было обследовано более 60 000 человек, в том числе более 40 000 мужчин. Массовость исследований стала доступной благодаря использованию для определения дефицита Г-6-ФД качественной пробы Бернштейна, которая основана на обесцвечивании 2,6-дихлорфенолиндофенола при его восстановлении в присутствии феназинметасульфата, который активно переносит электрон от НАДФ-Н к красителю (2,6-дихлорфенолиндофенолу). Реакцию катализирует фермент Г-6-ФД, и при его нормальной активности обесцвечивание красителя происходит за 10—13 мин⁵.

Обобщенные по этническим группам результаты исследований представлены в таблице. Наибольшая частота гена дефицита активности Г-6-ФД была обнаружена в Закавказье и восточной части северных склонов Большого Кавказа (рис. 1).

Первые же массовые обследования населения для изучения распространения недостаточности Г-6-ФД в Закавказье показали, что этот признак имеет выраженную этническую зависимость⁶. В Азербайджане генные частоты недостаточности Г-6-ФД достигают очень высоких цифр, приближающихся к цифрам мирового максимума (рис. 2). Распространение недостаточности Г-6-ФД в Азербайджане в целом достигает 11% (средняя генная частота 9,9%). В некоторых селениях, расположенных в центральных районах Азербайджанской ССР (Куринская низменность), наблюдалась генная частота выше 37%. Наряду с этим при обследованиях, проведенных в Армении, были получены цифры, не превышающие 1% (в отношении армян). Выборочные исследования, проведенные в Грузии (Колхидская низменность), также показали необъяснимо низкие генные частоты недостаточности Г-6-ФД, достигающие здесь лишь 0,3%.

³ Motulsky A. G. Metabolic Polymorphisms and the Role of Infectious Diseases in Human Evolution.—Human Biol., 1960, v. 32, p. 28—62.

⁴ Воронов А. А., Красильников А. А. Популяционные исследования дефицита фермента глюкозо-6-фосфатдегидрогеназы в Закавказье.—Проблемы гематологии и перевивания крови, 1973, т. 18, № 11, с. 21—23.

⁵ Bernstein R. E. A Rapid Screening Dye Test for the Detection of G-6-PD Deficiency in Red cells.—Nature, 1962, v. 194, p. 192—194; Идельсон Л. И., Котоян Э. Р. Об оценке качественного метода Бернштейна для определения активности фермента глюкозо-6-фосфатдегидрогеназы в эритроцитах в условиях экспедиции.—Лаб. дело, 1970, № 7, с. 428—431.

⁶ Lysenko A. Ya., Voronov A. A. Distribution of the G-6-PD Deficiency in the Soviet Republics of Transcaucasia.—In: IX Internat. Congr. Tropical Med. and Malaria. Athens, 1973, p. 198; Воронов А. А., Лысенко А. Я., Неуймин Н. И. Этнические особенности распространения фермента Г-6-ФД в Закавказье.—В кн.: Полевые исследования Ин-та этнографии, 1974. М., 1975, с. 249—253.

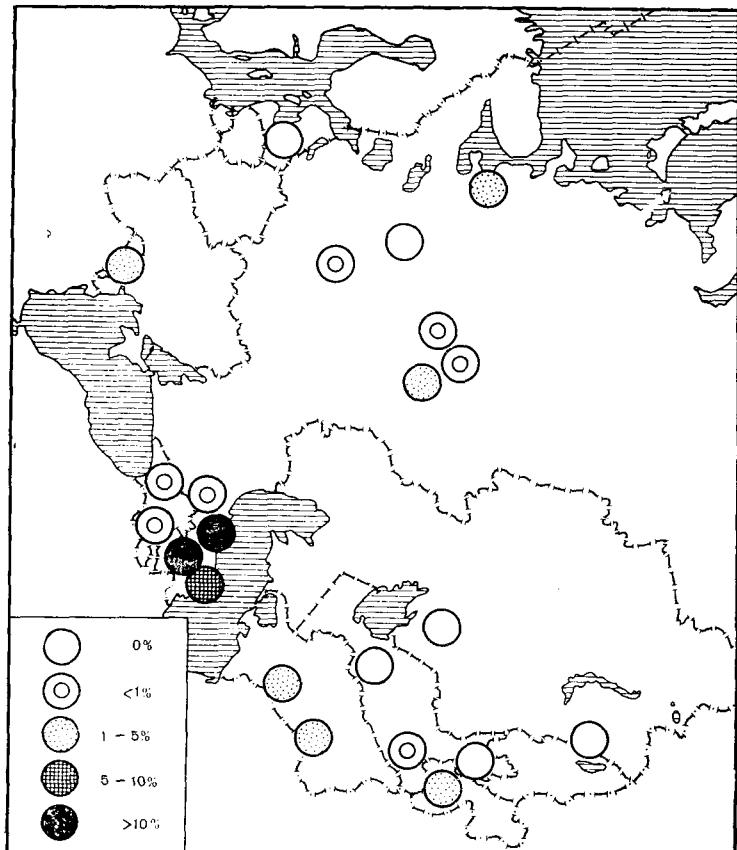

Рис. 1. Карта распределения генных частот дефицита Г-6-ФД у населения обследованных районов СССР

В Азербайджане геногеографические исследования проводились в 22 административных районах (25 349 чел. в 108 населенных пунктах)⁷. В центральных районах Азербайджана в Куриńskiej низменности (Агдашский, Геокчайский, Зардобский районы) средние порайонные генные частоты находятся в пределах 13—14% с колебаниями от села к селу от 3,6 до 37,3%.

Для более детального изучения географической изменчивости генных частот и ее зависимости от этнической (популяционной) структуры в Азербайджане была изучена непрерывная цепь 19 сел, расположенных в предгорьях Кавказского хребта (Шекинский р-н) в совершенно сходных экологических условиях. При этом были исследованы села, расположенные на одной линии, за которую была выбрана естественная линия рельефа перехода долины в предгорье, тем более что здешние села — наиболее древние места обитания, именно здесь были постоянные «яйлачные» поселения при отгонном скотоводстве, которое характерно для этих мест в прошлом. При средней генной частоте дефицита активности Г-6-ФД, равной 12,3%, генные частоты колебались от села к

⁷ Лысенко А. Я., Абрашкин-Жучков Р. Г., Алексеева М. И. и др. Распространение наследственного дефицита активности Г-6-ФД эритроцитов в Азербайджанской ССР.—Пробл. гематол. и переливания крови. 1973, т. 18, № 11, с. 16—21. Воронов А. А., Красильников А. А. Указ. раб.; Воронов А. А., Лысенко А. Я., Красильников А. А., Моисеева Р. В., Гаджиев И. А., Эфендиев С. Некоторые закономерности распространения дефицита фермента Г-6-ФД в Закавказье.—В кн.: Болезни тропиков и субтропиков, М., 1976, с. 66—78.

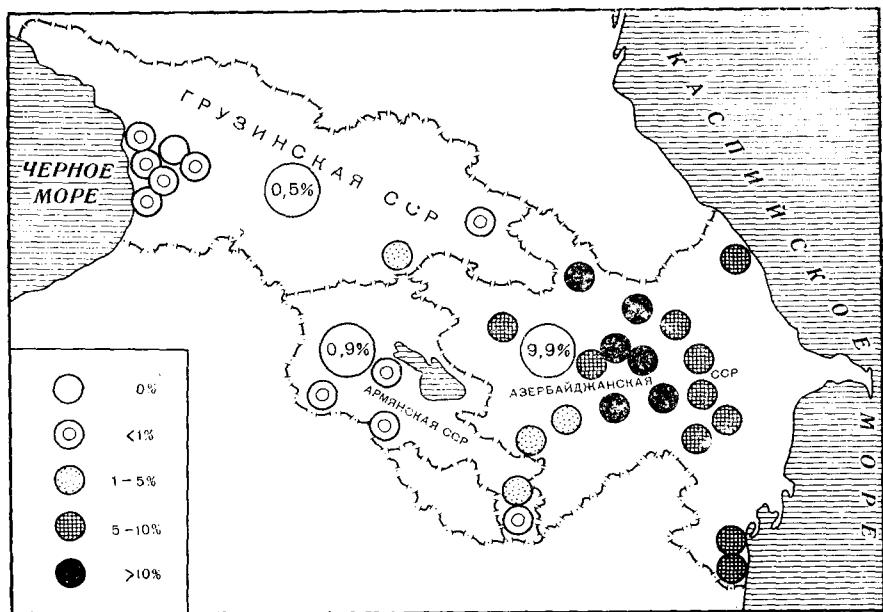

Рис. 2. Карта распределения генных частот дефицита Г-6-ФД в Закавказье

селу от 5,0 до 18,3 %, с наибольшим перепадом между соседними селами до 10 %. Численность населения этих сел от 500 до 2000 человек, частота браков внутри села доходит до 90 %.

На этом примере мы видим, как велика генетическая изменчивость, наблюдаемая у малых популяций в пределах большей популяции внутри этноса. Этот выбор сел на одной линии рельефа позволил построить график колебаний генных частот от одного села к другому, представленный на рис. 3. На этом графике на горизонтальной оси слева направо нанесены номера сел в соответствии с их географическим положением на линии рельефа с северо-запада на юго-восток. В середине графика, в соответствии с его географическим положением между исследованными селами, показан г. Шеки, который «делит» территорию исследуемых сел приблизительно пополам, «резервуар» большого старого города должен в какой-то степени являться естественным разделителем между тесно расположеными малыми популяциями соседствующих сел. Брачный круг населения в этих селах и до настоящего времени достаточно узок. Эти исследования показали также клинальное снижение генных частот по району в целом в западном направлении.

Общее клинальное снижение генных частот от центральных районов Азербайджана, расположенных в Куриńskiej низменности, к периферийным районам, преимущественно к югу и к западу, хорошо прослеживается по средним порайонным генным частотам. Такая же тенденция наблюдается и при исследовании коренного азербайджанского населения в пограничных с Азербайджаном низменных районах Грузии (Марнеульский р-н) и в Армении (Кафанский р-н), где генные частоты дефицита активности Г-6-ФД достигают у азербайджанцев всего 2,3—2,5 %.

В Азербайджане хорошо прослеживается также ландшафтная зависимость распределения генных частот дефицита Г-6-ФД. Например, при средней генной частоте в центральной части Эгричайской долины более 12 % (Шекинский, Куткашенский районы) в поселениях рядом расположенной горной зоны на высоте 1200 м она снижается до 3,0 %, на высоте 1800 м — до 1,5 %.

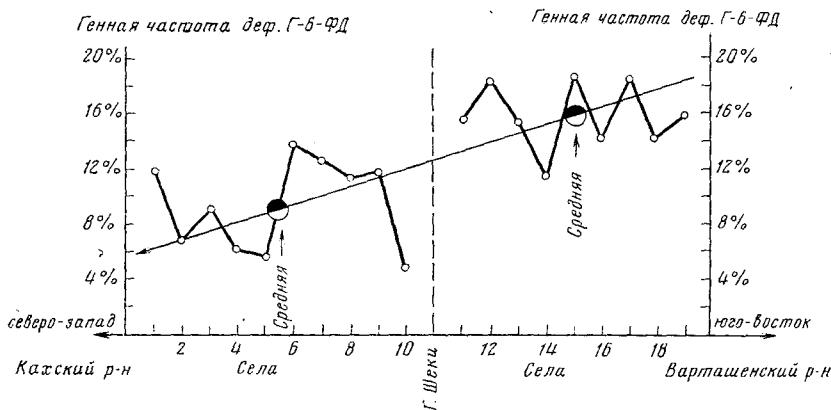

Рис. 3. График распределения генных частот дефицита Г-6-ФД в исследованных селах Шекинского района Азербайджанской ССР. Цифрами на горизонтальной оси обозначены следующие села: 1 — Джунут, 2 — Баш-Лайски, 3 — Баш-Гейнюк, 4 — Ашага-Гейнюк, 5 — Баш-Шабалыт, 6 — Ашага-Шабалыт, 7 — Ичча-Зунут, 8 — Гохмух, 9 — Охут, 10 — Киш, 11 — Верезет, 12 — Баш-Зейзит, 13 — Орта-Зейзит, 14 — Кобар-Зейзит, 15 — Бидеиз, 16 — Баш-Кюнгут, 17 — Ашага-Кюнгут, 18 — Баш-Кельдек, 19 — Орабан

В различных этнических группах, проживающих в Азербайджане, наблюдается несколько иная картина распределения генных частот дефицита Г-6-ФД. Например, у русского населения, переселившегося в центральные районы Азербайджана в XVIII в., и у лезгин аномальный ген не обнаруживается. Напротив, у татов-иудаистов (горских евреев) г. Варташена генная частота достигает 62,3%. Подобные столь высокие цифры в мире известны только у курдских и североиракских евреев — 66,1 и 70,6%, что, возможно, указывает на их этногенетическое родство. Такие показатели генных частот могут быть объяснены только результатом положительного отбора и длительной изоляции небольшой эндогамной группы. Отсутствие гена дефицита Г-6-ФД в некоторых этнических группах, переселившихся в Азербайджан более 200 лет назад, может быть объяснено только очень значительной до самого последнего времени этнической изоляцией, создавшей генный барьер, гораздо более выраженный, чем возникающий под влиянием различных географических причин. Примером может служить исследование, проведенное в лезгинском селе Шин Шекинского района. Оно расположено также на границе долины и предгорий, между азербайджанскими селами Баш-Лайски (6,8% деф. Г-6-ФД) и Баш-Гейнюк (9,0% деф. Г-6-ФД). В с. Шин был обследован 131 мужчина, из них с дефицитом Г-6-ФД был лишь один, причем при опросе выяснилось, что его мать — азербайджанка (ген дефицита Г-6-ФД передается сыну с X-хромосомой только от матери). Таким образом, у лезгин этого села генная частота дефицита Г-6-ФД — 0,0%. Селение Шин появилось в конце XVIII в. на торговом пути из Дагестана в Азербайджан, его основали переселенцы-лезгины из горных районов северных склонов Большого Кавказского хребта.

В Грузии с учетом ландшафтной приуроченности распространения гена дефицита активности Г-6-ФД было обследовано коренное население, проживающее в низменных районах⁹.

⁸ Horowitz A., Cohen T., Goldschmidt E., Levene G. Thalassaemia Types among Kurdish Jews in Israel.—Brit. J. Haematol., 1966, v. 12, p. 555—568.

⁹ Воронов А. А., Красильников А. А. Указ. раб.; Воронов А. А., Лысенко А. Я., Неуймин Н. И. Указ. раб.; Инасаридзе Е. В. О распространении наследственного дефицита фермента Г-6-ФД в эритроцитах в Грузинской ССР.—Материалы XXVII научн. сесс. ГрузНИИ гематол. и переливания крови. Тбилиси, 1975, с. 384—385; Воронов А. А., Лысенко А. Я., Красильников А. А., Моисеева Р. В., Гаджиев И. А., Эфендиев С. Указ. раб.

Одними из наиболее непонятных результатов первоначальных гено-географических исследований в Закавказье были крайне низкие (по сравнению с Азербайджаном) цифры генных частот дефицита Г-6-ФД у населения трех районов Грузинской ССР, расположенных в зоне Колхидской низменности (Ланчхутский р-н — 0,3%, Абашинский р-н — 0,0%, Миха-Цхакайский р-н — 0,9%). При этом в Ланчхутском районе исследовались гурийцы, а в Абашинском и Миха-Цхакайском — мегрэлы. По общему признанию, Колхида является одним из наиболее древних эндемичных очагов малярии, поэтому фактор отбора здесь должен быть достаточно мощным, не менее мощным, чем в Куриńskiej низменности в Азербайджане. Различие генных частот дефицита Г-6-ФД в этих географических регионах настолько поразительно, что оно вызвало необходимость расширения исследований населения Колхидской низменности для подтверждения первоначальных результатов и увеличения представительности выборки. Для этого были изучены гурийцы — в 5 селах Махарадзевского района (378 чел.), мегрэлы — в 4 селах Зугдидского района (424 чел.), имеретины — в 4 селах Самтредийского района (421 чел.). Таким образом, с учетом предшествующих исследований в пределах Колхидской низменности к настоящему времени обследовано 6 районов и представлены все основные населяющие ее этнические группы. Выборки для каждого района следует считать достаточно представительными. Всего в Колхидской низменности обследовано 1963 человека. Средняя генная частота дефицита Г-6-ФД у населения Колхидской низменности — 0,25%, генные частоты в отдельных районах такого же порядка (см. таблицу).

Для подтверждения факта этнических различий в распространении дефицита фермента Г-6-ФД в Закавказье и определения градиента перепада генных частот было обследовано население Алазано-Эгричайской долины (Авторханской владины), разделенной в средней части границей между Грузинской и Азербайджанской ССР.

Алазано-Эгричайская долина с севера ограничена склонами водораздельного хребта Большого Кавказа, с юга — Кахетинским хребтом, Иорским нагорьем и горной цепью Конделендаг. Протяженность долины почти 200 км, ширина самой широкой ее части, где сливаются реки Алазань и Эгричай, 20—30 км. На всей территории Алазано-Эгричайской долины экологические условия сходны. Малярия с одинаковой силой свирепствовала в обеих ее частях. Население долины — коренные жители, принадлежащие к единой антропологической совокупности¹⁰, в далеком прошлом оно было единой группой и лишь впоследствии оказалось разделенным религиозной и этнической границей. Со стороны Грузии были обследованы кахетинцы Гурджаанского района, со стороны Азербайджана — азербайджанцы Шекинского района. Оба района отстоят от межреспубликанской границы на 50—60 км.

В Гурджаанском районе Грузинской ССР было обследовано 212 кахетинцев. В Шекинском районе Азербайджанской ССР, как мы уже говорили, были обследованы все села района, расположенные на границе долины р. Эгричай и склонов Большого Кавказского хребта. Всего в 19 селах Шекинского района было обследовано 2872 азербайджанца. Исследования показали, что кахетинцы Гурджаанского района имеют частоту дефицита Г-6-ФД 0,5%, в то время как азербайджанцы Шекинского района — 12,3%. Следует отметить, что население этих двух районов не только принадлежит к единой антропологической группе, но также имеет достоверно однородные генные частоты по большинству систем групп крови¹¹. Различие частот дефицита Г-6-ФД в этих двух

¹⁰ Абдушелишвили М. Г. Антропология древнего и современного населения Кавказа. Тбилиси, 1964.

¹¹ Воронов А. А. Антропологические особенности распространения групп крови в Закавказье.— В кн.: Антропология и геногеография. М., 1974, с. 175—197.

Этногеографическое распределение дефицита активности Г-6-ФД у населения ССР

Территория, этнос	Число обследованных			Генная ча- стота де- фицита Г-6-ФД %	Источник	Территория, этнос	Число обследованных			Генная ча- стота де- фицита Г-6-ФД %	Источник
	всего	мужчин	*				всего	мужчин	*		
Азербайджанская ССР азербайджанцы тальши таты-иудаисты удины	25 349	18 720	9,9	2, 4, 9		Узбекская ССР узбеки	2 817	1 263	0,3	1	
	237	237	8,0	2, 9		арабы	855	353	3,4	1	
	90	90	62,3	4		каракалпаки	637	295	0,0	1	
	75	75	21,4	4		бухарские евреи	198	98	3,0	1	
Грузинская ССР грузины: гурьиццы мегрэлы имеретины кахетинцы	625	625	0,3	2, 4		Туркменская ССР туркмены	1 514	1 514	2,2	5, 10	
	817	817	0,3	2, 3, 4		Казахская ССР казахи	445	380	0,0	10	
	421	421	0,2	4		уйгуры	165	165	0,0	10	
	212	212	0,5	3, 4		Татарская АССР татары	2 422	1 289	2,1	13	
Армянская ССР армяне ассирийцы	10 579	5 161	0,9	7		Удмуртская АССР удмурты	2 040	1 707	0,8	8	
	289	289	0,0	7		Молдавская ССР молдаване	955	955	1,1	12	
	691	691	1,3	14		РСФСР русские: Московская обл.	900	500	0,2	10	
	210	210	0,0	14		Волгоградская обл.	175	175	0,0	10	
Чечено-Ингушская АССР чеченцы ингуши	691	691	1,3	14		Кировская обл.	2 045	1 680	0,8	10	
	210	210	0,0	14		Архангельская обл.	642	279	2,1	6	
	100	100	19,0	11		Латвийская ССР латыши	573		0,0	15	
	377	373	0,0	5							
Дагестанская АССР аварцы	759	759	1,6	5							
	143	143	0,7	5							
	377	373	0,0	5							
	100	100	19,0	11							
Таджикская ССР северные таджики южные таджики локайцы	759	759	1,6	5							
	143	143	0,7	5							
	377	373	0,0	5							
	100	100	19,0	11							

* При составлении таблицы использовалась следующая литература: 1. Бахрамов С. М. и др. — В кн.: Новое в гематологии и трансфузиологии. Ташкент, 1975, с. 90—93; 2. Воронов А. А., Красильников А. А.: Проблемы гематологии, 1973, № 11, с. 21—23; 3. Воронов А. А. и др. — В кн.: Полевые исследования Института этнографии 1974. М., 1975, с. 249—253; 4. Воронов А. А. и др. — В кн.: Болезни тропиков и субтропиков, М., 1976, с. 66—78; 5. Воронов А. А., Аксянова Г. А. — Популяционные исследования дефицита Г-6-ФД в Таджикской ССР. — Проблемы гематологии и переливания крови, 1981, № 9; 6. Ермилович Г. В., Соловьев Н. П. — Проблемы гематологии, 1973, № 11, с. 23—26; 7. Идельсон Л. И., Котоян Э. Р. — Проблемы гематологии, 1970, № 12, с. 39—43; 8. Корчукян Р. А. — В кн.: Современные методы диагностики и терапии болезней крови. М., 1976, с. 68—72; 9. Лысенко А. Я. и др. — Проблемы гематологии, 1973, № 11, с. 16—21; 10. Лысенко А. Я. и др. — В кн.: Первая Всесоюзная конференция по медицинской генетике (тезисы докладов). М., 1975, с. 70—71; 11. Лысенко А. Я. и др. — В кн.: Современные методы диагностики и терапии болезней крови. М., 1976, с. 110—111; 12. Лысенко А. Я. и др. — В кн.: Болезни тропиков и субтропиков. М., 1976, с. 78—79; 13. Маньков А. Н. — В кн.: Современные методы диагностики и терапии болезней крови. М., 1976, с. 66—68; 14. Машеева Р. В. и др. — В кн.: Болезни тропиков и субтропиков. М., 1976, с. 79—81; Яворковский Л. И. — Терапевтический архив, 1968, т. 40, вып. 10, с. 56—59.

районах очень велико и статистически высоко достоверно. Таким образом, этническая граница одновременно является границей перепада генных частот дефицита Г-6-ФД.

В Армянской ССР в 5 административных районах было обследовано 10 569 человек коренного населения, из них 5161 мужчин¹². Средняя генная частота дефицита активности Г-6-ФД по Армении составила 0,9%, с колебаниями средних порайонных генных частот от 0,1 до

¹² Идельсон Л. И., Котоян Э. Р. Распространение дефицита активности Г-6-ФД эритроцитов среди населения Армении. — Пробл. гематол. и переливания крови, 1970, т. 15, № 12, с. 39—44.

0,9%, причем даже при этих небольших цифрах была обнаружена показательная зависимость генных частот от абсолютной высоты местности.

Таким образом, в Армении генные частоты дефицита Г-6-ФД значительно отличаются от цифр, которые мы наблюдаем в Азербайджане. Однако этнические различия не столь показательны, как по отношению к Грузии, так как большая часть районов в Армении — горные районы.

Такие же большие генные частоты дефицита активности Г-6-ФД, как и в Азербайджане, были обнаружены у аварцев Дагестанской АССР — 19,0%¹³. Обследовались жители нескольких населенных пунктов, расположенных в долине Аварское Койсу, на территории Советского района, где прежде малярия была распространена очень широко.

У других народов Северного Кавказа генные частоты оказались небольшими: у чеченцев — 1,3%, у ингушей — 0%¹⁴.

В республиках Средней Азии генные частоты дефицита активности Г-6-ФД невелики.

В Казахстане ни у казахов, ни у уйгуров дефицит активности Г-6-ФД не обнаружен¹⁵. У каракалпаков он также отсутствует¹⁶.

В Ферганской долине экспедицией Центрального ордена Ленина ин-та гематологии и переливания крови и Андижанского медицинского института обследовано несколько населяющих ее этнических групп. В некоторых из них были обнаружены лица с недостаточностью Г-6-ФД (бухарские евреи — 5,88%, корейцы — 5,77%, татары — 3,33%, узбеки — 2,52%, киргизы — 2,36%, казахи — 2,28%, русские — 2,17%)¹⁷. Целый ряд этих этнических групп не очень давно поселился в Ферганской долине. Характерно, что в сравнительно небольшой группе таджиков (41 чел.), лиц с дефицитом Г-6-ФД выявлено не было.

В Таджикской ССР распределение аномального гена оказалось неравномерным в ее северной и южной частях. Так, в Ферганской долине было обследовано население 2-х районов, а именно таджики Ходжентского района в долине Сырдарьи и таджики Исфаринского района в долине р. Исфара. У изученных здесь 377 человек дефицит Г-6-ФД обнаружен не был. В Южном Таджикистане исследования проводились в бассейне р. Кызылсу и ее притоке Яхсу (т. е. в восточной части Южного Таджикистана). В средней части долины р. Яхсу изучено наиболее автохтонное в этой зоне население Муминабадской котловины (Кулябский р-н). В нижнем течении Яхсу обследованы таджикские кишлаки Восейского района. В Муминабадской котловине в 4 селах на 470 человек было обнаружено 5 случаев дефицита Г-6-ФД (1,1%), в Восейском районе в 4 селах на 289 обследованных было выявлено 7 случаев дефицита Г-6-ФД (2,4%).

¹³ Лысенко А. Я., Ермолин Г. А., Гаджисуллов М. М., Андрианова Л. Н. Первое обследование жителей Дагестана (аварцев) на наличие дефицита Г-6-ФД. — В кн.: Современные методы диагностики и терапии болезней крови. М., 1977, с. 110—111.

¹⁴ Моисеева Р. В., Петраков А. А., Ошаев А. Х. Результаты первого обследования жителей Чечено-Ингушской АССР на дефицит глюкозо-6-фосфатдегидрогеназы. — В кн.: Болезни тропиков и субтропиков. М., 1976, с. 79—81.

¹⁵ Лысенко А. Я., Идельсон Л. И., Воронов А. А. и др. Распространение наследственного дефицита активности Г-6-ФД эритроцитов среди населения СССР. — В кн.: I Всес. конф. по мед. генетике. М., 1975, с. 70—71.

¹⁶ Левин Г. С., Бахрамов С. М., Фарманкулов Х. К., Махмудова М. А. Распространение гемоглобинопатий и дефицита глюкозо-6-фосфатдегидрогеназы эритроцитов среди жителей некоторых областей Узбекской ССР. — Пробл. гематол. и переливания крови, 1974, т. 19, № 10, с. 26—29.

¹⁷ Салиев К. К., Сеттарова Д. А., Чуканин Н. Н. и др. Распространение недостаточности глюкозо-6-фосфатдегидрогеназы эритроцитов среди этнических групп населения Ферганской долины. — Пробл. гематол. и переливания крови, 1977, т. 22, № 8, с. 59—60. Салиев К. К., Сеттарова Д. А., Токарев Ю. Н. и др. Региональные особенности распространения дефицита глюкозо-6-фосфатдегидрогеназы эритроцитов в Ферганской долине. — В кн.: Гемолитические анемии. Материалы I Республиканской конференции. Душанбе, 1976, с. 158—161.

Таким образом, в Южном Таджикистане у таджиков средняя генная частота дефицита Г-6-ФД равна 1,6%¹⁸. В одном из западных районов долинной части Южного Таджикистана (Шаартузский р-н) в смешанной по этническому составу группе (узбеки, таджики и арабы) была определена частота недостаточности Г-6-ФД в 1,68%, в том же районе в узбекском изоляте с высокой степенью эндогамности она достигала 11,4%¹⁹. Долинная часть Южного Таджикистана, в частности территория бассейна р. Кызылсу, раньше была одной из наиболее пораженных малярией частей Таджикской ССР. По данным обследования 1925 г., пораженность населения в Пархаре достигла 100%, в Муминабаде — 96%, в Боджуане — 90%, в Кулябе — 88%. Особенно процветала здесь тропическая форма малярии.

Таджики — автохтонное европеоидное население Средней Азии. Они являются прямыми потомками древнейшего местного оседлого населения — бактрийцев, согдийцев и хорезмийцев. Это были в основном земледельческие народы. Эндемичное распространение тропической малярии известно здесь с древних времен. Можно предположить, что если бы среди европеоидного земледельческого населения Средней Азии существовал первичный древний очаг распространения дефицита Г-6-ФД, мы имели бы значительно большие генные частоты в исследованных нами группах таджиков. Таким образом, есть основания думать, что распространение гена дефицита Г-6-ФД в Таджикистане (а скорее всего и в Средней Азии вообще) началось сравнительно недавно и генные частоты еще не успели достичь значительных цифр. Распределение генных частот на территории Таджикистана указывает, что распространение гена скорее всего шло с запада или, вернее, юго-запада, так как на юг и юго-восток от Таджикистана находятся территории, не эндемичные по малярии. Гиссарский, Зеравшанский и Туркестанский хребты, разделяющие Северный и Южный Таджикистан, могли затормозить распространение гена на север. Этим, видимо, и объясняется отсутствие случаев дефицита Г-6-ФД среди таджикского населения Ферганской долины. В какой-то мере эти соображения подтверждаются и данными, полученными в результате исследования локайцев и туркмен.

Исследованная в Южном Таджикистане группа локайцев (были изучены локайцы в 5 кишлаках Джарыпкульской долины) в среднем течении р. Кызылсу (Советский р-н) показала генную частоту, значительно меньшую, чем у окружающего таджикского населения, и равную 0,7%. Локайцы — народность узбекского происхождения. Они не являются автохтонным населением Южного Таджикистана. Эта этническая группа образовалась в степях Дешти-Кыпчака и продвинулась в бассейн верховьев Амударьи совместно с другими кочевыми узбекскими племенами в XVI в. Локайцы являются небольшой эндогамной группой, и если бы население с геном дефицита Г-6-ФД попало в эту группу достаточно давно, то в соответствующих экологических условиях он быстро достиг значительных цифр. Это позволяет предположить, что ген недостаточности Г-6-ФД появился у локайцев, когда они уже находились в бассейне Амударьи. Возможно, значительно меньший процент случаев дефицита Г-6-ФД у локайцев по сравнению с окружающим таджикским населением указывает на то, что распространение гена де-

¹⁸ Воронов А. А., Аксянова Г. А. Популяционные исследования дефицита активности глюкозо-6-фосфатдегидрогеназы в Таджикской ССР.— Пробл. гематол. и переливания крови, 1981, № 9.

¹⁹ Асанов А. Ю. Частота дефекта глюкозо-6-фосфатдегидрогеназы в долинной части Южного Таджикистана.— Материалы научн. конф. молодых ученых Ин-та мед. генетики АМН СССР, 1972, с. 3—5; Гарькавцева Р. Ф., Мусницкая Е. Н., Асанов Ю. Н. Геногеографическое изучение гемоглобинопатий в СССР.— Генетика, 1973, т. 9, № 5, с. 124—131.

фицита началось в Южном Таджикистане до прихода сюда локайцев. Небольшая группа обследованных туркмен указывает на некоторое распространение дефицита Г-6-ФД с генной частотой 2,2% в Марыйском оазисе, в долине р. Мургаб, и тем самым подтверждает наши предположения о путях распространения гена дефицита Г-6-ФД.

Таким образом, характер географического распространения гена дефицита активности Г-6-ФД в Средней Азии говорит о его очень недавнем проникновении в этот регион.

В Европейской части СССР небольшие частоты гена дефицита активности Г-6-ФД обнаружены у татар — 2,1%²⁰, удмуртов — 0,8%²¹, молдаван — 1,1%²², у русских Московской и Архангельской областей — 0,2 и 2,1%²³. У русских Вологодской области и у латышей дефицит активности Г-6-ФД обнаружен не был²⁴.

Судя по характеру этнической приуроченности дефицита активности Г-6-ФД, можно считать, что распространение аномального гена на территории СССР началось исторически недавно. Об этом свидетельствуют резкие этнические различия в Закавказье, а также клинальное снижение частоты гена в Азербайджане по направлению от центра к периферии. Об исторически недавнем проникновении гена на территорию Средней Азии говорят сравнительно небольшие генные частоты в южных районах Средней Азии с отдельными очагами более высоких концентраций, которые указывают на потенциальные возможности селективного пресса, и полное отсутствие гена в северных районах Средней Азии. Особенности распространения дефицита активности Г-6-ФД в Средней Азии и у народов на прилегающих к ней территориях говорят о движении гена в этом регионе с юго-запада на северо-восток.

После проведения исследований в Средней Азии нет оснований считать, что аномальный ген был занесен в Азербайджан тюрками в ходе их завоеваний в Закавказье²⁵. Скорее всего он был занесен в ходе арабской экспансии в VIII—IX вв. из стран Арабского Востока.

Только ли тропическая малярия играла роль в накоплении гена дефицита активности Г-6-ФД? Возможно, что быстрота распространения исключительно высокой частоты этого гена в Азербайджане является следствием одностороннего действия многих факторов (например, массивный занос мутантного гена, особенности мусульманских брачных отношений, традиция узкого брачного круга и селективное действие тропической малярии).

Отсутствие дефицита активности Г-6-ФД (вернее, очень небольшая его распространенность) у населения Колхидской низменности в Грузии вызывает определенное недоумение. Одним из первоначальных

²⁰ Маньков А. Н. К вопросу о распространении дефицита активности глюкозо-6-фосфатдегидрогеназы эритроцитов среди детей Татарской АССР.— В кн.: Современные методы диагностики и терапии болезней крови. М.: Медицина, 1976, с. 66—68.

²¹ Корчушкин Р. А. Определение активности фермента глюкозо-6-фосфатдегидрогеназы в эритроцитах у населения Кировской области и Удмуртской АССР.— В кн.: Современные методы диагностики и терапии болезней крови. М., 1976, с. 68—72.

²² Лысенко А. Я., Алексеева М. И., Ермолин Г. А. и др. Результаты первого обследования жителей Молдавии на дефицит активности глюкозо-6-фосфатдегидрогеназы.— В кн.: Болезни тропиков и субтропиков. М., 1976, с. 78—81.

²³ Ермилович Г. В., Соловьева Н. П. Изучение частоты дефицита активности Г-6-ФД в крови у лиц из популяции Архангельской области.— Пробл. гематол. и переливания крови, 1973, т. 18, № 11, с. 23—26.

²⁴ Лысенко А. Я., Идельсон Л. И., Воронов А. А. и др. Распространение наследственного дефицита активности Г-6-ФД эритроцитов среди населения СССР.— В кн.: I Всес. конф. по мед. генетике, с. 70, 71; Яворковский Л. И. О содержании глюкозо-6-фосфатдегидрогеназы в эритроцитах у жителей Латвийской ССР.— Терапевт. архив, 1968, т. 40, № 10, с. 56—59.

²⁵ Lysenko A. Ya., Voronov A. A. Distribution of the G-6-PD Deficiency in the Soviet Republics of Transcaucasia.— In: IX Internat. Congr. Tropical Med. and Malaria. Athens, 1973, p. 198.

центров распространения дефицита Г-6-ФД считается Средиземноморье. О древних связях населения этого региона с населением Колхида широко известно. Трудно предположить, чтобы ген дефицита Г-6-ФД не был тогда внесен в население Колхидской низменности. Может быть, распространение дефицита активности Г-6-ФД в самом Средиземноморье является не таким уж древним?

Факт преимущественного распространения (к тому же с высокими генными частотами) дефицита активности Г-6-ФД в одном, сравнительно недавно консолидировавшемся большом этносе (азербайджанцы) показывает, что этнос с достаточно выраженной эндогамией может являться реальной генетической популяцией, и подтверждает на экспериментальном материале вывод о сопряженности этноса и генетической популяции с известным уровнем обмена генофондом внутри нее²⁶. При этом надо отметить, что антропологически на территории Азербайджана выделены две малые расы, однако распространение дефицита активности Г-6-ФД в отличие от некоторых групп крови не обнаруживает к ним никакой приуроченности.

Видимо, в принципе мономерные генетические признаки с выраженным селективным значением имеют скорость распространения настолько большую и сравнимую со скоростью социальных процессов, что их географическое распределение может отражать современную популяционную структуру, не совпадая с более древним популяционным слоем — расами.

Общая картина этногеографического распределения дефицита активности Г-6-ФД в Советском Союзе становится постепенно ясной. Однако это только начало геногеографических исследований дефицита активности Г-6-ФД в нашей стране с ее большой территорией и большим количеством населяющих ее этнических групп. Очень желательны, например, такие исследования на территории Дагестана, Кабардино-Балкарской АССР и в Осетии. Отсутствуют какие-либо данные о народах Сибири и Дальнего Востока. Необходимо уточнить распределение гена дефицита активности Г-6-ФД на территории Украины и Белоруссии. Зоны, в которых выявлены значительные генные частоты дефицита активности Г-6-ФД, требуют дальнейших планомерных и детальных геногеографических исследований.

Такие геногеографические исследования имеют и очень большую практическую важность, так как должны выявить районы с высокой концентрацией дефицита Г-6-ФД, где затем потребуется общее обследование всего населения. Каждый носитель аномального гена должен быть предупрежден о возможности развития у него гемолитического криза после приема лекарств. Он должен знать список лекарств, которые ему не следует принимать. В зонах значительного распространения дефицита активности Г-6-ФД районные медицинские учреждения должны иметь биохимические наборы для определения дефицита активности Г-6-ФД и лиц, владеющих соответствующей методикой. В этих медицинских учреждениях должны знать меры профилактики и лечения гемолитических кризов при дефиците активности Г-6-ФД²⁷.

Проведение геногеографических исследований методологически всегда достаточно сложно. Оно требует хорошего знания генетики исследуемой аномалии или системы, популяционной структуры населения, умения статистически представительно охарактеризовать каждый популяционный уровень, каждую этническую группу с учетом изменчи-

²⁶ О сопряженности этноса и популяции см.: Бромлей Ю. В. Этнос и эндогамия.—Сов. этнография, 1969, № 6, с. 75; его же. Этнос и этнография. М., 1973, с. 120—124.

²⁷ Лысенко А. Я., Идельсон Л. И., Алексеева М. И. и др. Распространение в СССР, клиника, лечение и профилактика гемолитических анемий, обусловленных наследственным дефицитом активности глюкозо-6-фосфатдегидрогеназы.—Терапевт. архив, 1976, т. 48, с. 107—114.

вости на более низком популяционном уровне. Геногеографические исследования требуют знания географических и экологических закономерностей распределения фенотипов исследуемой полиморфной генетической системы. Изучение закономерностей этнического и географического распределения гена дефицита активности Г-6-ФД, исторических путей его распространения может быть осуществлено на должном уровне только при комплексных исследованиях специалистов исторического, антропологического и медико-географического профилей науки.

ETHNIC FEATURES IN THE GENOGEOGRAPHY OF G6PD DEFICIENCY AMONG THE POPULATION OF THE USSR

Glucose-6-Phosphate Dehydrogenase is a ferment participating in carbohydrate metabolism; it has activity-deficient variants with hemolytic manifestations. The gene frequencies of G6PD deficiency rise rapidly with a population's adaptation to malaria; consequently it is widespread in countries with a tropical or subtropical climate. In the Transcaucasian regions of the USSR the gene frequency of G6PD deficiency equals 9.9 per cent in Azerbaijan SSR and as much as an average of 14 p. c. in the Kura lowland (varying, by villages, from 3.6 to 37.3 p. c.). In contrast to this Georgia's Kolkhida Lowland and Armenia have gene frequencies under 1 p. c. High gene frequencies (19.0 p. c.) have been found among the Avars of Daghestan ASSR, while among certain other peoples of North Caucasus they are quite low. In the southern parts of Middle Asia the gene frequencies in the valleys are around 2 p. c.; in its northern regions they are down to zero. In the European part of the Soviet Union it is only among the Tatars that gene frequencies are as high as 2.1 p. c.; in its northern parts they are under 1 p. c.

G6PD deficiency has only recently begun to spread over Soviet territory; it is related to historical processes and ethnic differences. The distribution of this characteristic reveals a correlations between the ethnos and the genetic population with a fairly pronounced level of internal exchange of the gene pool.

И. И. Гохман, А. М. Решетов

О ЮЖНЫХ ГРАНИЦАХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ СЕВЕРОАЗИАТСКИХ МОНГОЛОИДОВ В ДРЕВНОСТИ

Советская антропология внесла большой вклад в изучение антропологического состава народов Азии. Занимаясь специально вопросами расовой дифференциации народов Азии, Н. Н. Чебоксаров, используя значительный набор краинологических и соматологических признаков, выделил в составе монголоидной расы два крупных подразделения — северные (континентальные) и южные (тихоокеанские) монголоиды¹. В классификации Г. Ф. Дебеца эти подразделения названы сибирской и тихоокеанской ветвями большой монголоидной расы². Краинологически северные, или сибирские, монголоиды характеризуются низкой черепной коробкой, сочетающейся с очень широким, высоким, ортогнатным и плоским лицом, уплощенным переносцем и слабо выступающими носовыми костями. Наиболее полно этот комплекс признаков выражен у представителей байкальской расы сибирских монголоидов — эвенков, ногайцев, орочей, юкагиров и др. Однако он достаточно четко прослеживается и у народов, относимых к центральноазиатской расе, — монголов, тувинцев, бурят, якутов и даже у представителей контактных (по Н. Н. Чебоксарову) уральской и южно-сибирской рас, в составе которых фиксируется древняя европеоидная примесь³. Признаки сибирских монголоидов в несколько смягченной форме характерны и для нивхов, выделенных М. Г. Левиным в особый амуро- сахалинский антропологический тип⁴.

Тихоокеанские монголоиды значительно отличаются от сибирских. Черепа их меньше по продольным и поперечным диаметрам, но выше. Лицо уже и в общем ниже, чем у сибирских. По вертикальному профилю оно мезогнатно или ортогнатно. По горизонтальному профилю, особенно в средней части, на уровне скуловых костей, при сравнении с сибирскими монголоидами лицо уплощено менее. Переносце плоское, а угол носовых костей к линии профиля даже меньше, чем у сибирских монголоидов.

Описанный комплекс особенно характерен для групп из Юго-Восточной Азии и Южного Китая, но, как показал Н. Н. Чебоксаров, он хорошо представлен и у северных китайцев и корейцев⁵.

¹ Чебоксаров Н. Н. Основные направления расовой дифференциации в Восточной Азии. — Труды Ин-та этнографии АН СССР (далее — ТИЭ). Т. II. М.—Л.: Наука, 1947.

² Дебец Г. Ф. Опыт графического изображения генеалогической классификации человеческих рас. — Сов. этнография, 1958, № 4.

³ Чебоксаров Н. Н. Основные принципы антропологических классификаций. М.—Л.: Наука, 1951 (ТИЭ, т. XVI).

⁴ Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М.—Л.: Наука, 1958 (ТИЭ, т. XXXVI).

⁵ Чебоксаров Н. Н. Основные направления расовой дифференциации в Вост. Азии, с. 67—68

Современная граница между сибирскими и тихоокеанскими монголоидами очерчивается южным ареалом распространения первых. О древних границах судить труднее. В южных районах Сибири признаки сибирских монголоидов отчетливо выражены на черепах из неолитических и энеолитических могильников Прибайкалья⁶ и Забайкалья⁷ и на черепе из Шилкинской пещеры в верховьях р. Амура⁸. Однако на черепах культуры Яншо (prov. Ганьсу), если судить о них по данным Д. Блэка⁹, прослеживаются черты северокитайского типа, т. е., согласно классификации Н. Н. Чебоксарова, они относятся к тихоокеанским монголоидам. Анализируя новые краниологические серии раннего неолита, обнаруженные в последние десятилетия в среднем течении р. Хуанхэ и ее правого притока р. Вэйхэ, Н. Н. Чебоксаров пришел к заключению, что, несмотря на их некоторое разнообразие, вариации признаков не выходят за пределы, характеризующие тихоокеанскую ветвь монголоидов¹⁰. Сопоставляя эти серии черепов со старыми материалами Д. Блэка из Ганьсу — провинции, расположенной к северо-западу от Вэйхэ, Н. Н. Чебоксаров сделал крайне ценное наблюдение, отметив, что различия между ними идут в том же направлении, в котором монголоиды отличаются от европеоидов¹¹. Рассматривая интерпретацию этого факта в свете двух гипотез: географического полиморфизма недифференцированного типа и возможности проникновения в Ганьсу европеоидной примеси из Средней Азии,— Н. Н. Чебоксаров склоняется к первой¹².

Однако недооценивать возможность контактов неолитического населения Ганьсу с европеоидами тоже не следует. На это указывают новые палеоантропологические открытия в Центральной Азии. В. А. Дремов, исследовавший неолитические черепа из могильников Усть-Иша и Иткуль в Верхнем Приобье, установил европеоидную примесь в составе неолитического населения Алтая и наиболее вероятным источником такой считает протосредиземноморское население Таджикистана¹³. А недавние находки европеоидных черепов эпохи бронзы в Монголии¹⁴ и Туве¹⁵ показывают, что европеоиды были гораздо более близкими соседями азиатских монголоидов, чем это представлялось ранее. В свете этих данных многие вопросы формирования антропологического состава населения Центральной Азии и Южной Сибири нуждаются в пересмотре. В частности, положительное разрешение получает и затянувшаяся на 30 лет дискуссия о европеоидной примеси в неолитическом населении Прибайкалья и Забайкалья¹⁶. Антропологические особенности серий черепов из Баоцзи, Хуасяня и Баньпо (бассейн р. Вэйхэ), особенно-

⁶ Дебец Г. Ф. Антропологические исследования в Камчатской области. М.—Л.: Наука, 1951 (ТИЭ, т. XVII).

⁷ Гохман И. И. Материалы по антропологии древнего населения низовьев Селенги.—Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР (далее — КСИЭ). Вып. XX. М.: Наука, 1954.

⁸ Левин М. Г. Древний череп с реки Шилки. М.: Наука, 1953 (КСИЭ, вып. XVIII).

⁹ Black D. A Study of Kansu and Honan Aeneolithic Skulls and Specimen from Later Kansu Prehistoric Sites in Comparison with North China and Other Recent Crania.—Palaentologia sinica. Ser. D, 1928, № 6, fasc. 1.

¹⁰ Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы. Проблемы этногенеза. М.: Наука, 1978, с. 122.

¹¹ Там же, с. 128.

¹² Там же, с. 128—130.

¹³ Дремов В. А. Антропологические материалы из могильников Усть-Иша и Иткуль (К вопросу о происхождении неолитического населения Верхнего Приобья).—В кн.: Палеоантропология Сибири. М.: Наука, 1980, с. 39—44.

¹⁴ Малюкова Н. Н. Антропологический тип древнего населения Западной Монголии по данным палеоантропологии.—Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР (далее — МАЭ). Вып. XXXVI. Л.: Наука, 1980.

¹⁵ Гохман И. И. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов. Л.: Наука, 1980 (МАЭ, вып. XXXVI), с. 22—28.

¹⁶ Там же, с. 29—34.

но сильная уплощенность лица¹⁷, действительно сильно отличают их от серий черепов из Ганьсу. В свете сказанного можно допустить, что население бассейнов среднего течения рек Хуанхэ и Вэйхэ испытывало влияние сибирских монголоидов. Неолитические культуры бассейна Хуанхэ распространены на относительно небольшой территории в поясе между 34° и 35° северной широты¹⁸. К северу от этой полосы палеоантропологические материалы эпохи неолита неизвестны, но судя по тому, что раннескотоводческое население Центральной Азии I тысячелетия до и после нашей эры характеризовалось в основном чертами сибирских монголоидов, можно думать, что в древности граница их распространения была смешена к югу по сравнению с современной.

На Дальнем Востоке картина такова. У корейцев, по мнению М. Г. Левина, несомненно, имеется примесь байкальской расы, а у нивхов, нанайцев и ульчей — тихоокеанской. М. Г. Левин считал, что характерный для нивхов амуро- сахалинский тип (следовательно, и особенности сибирских монголоидов) в древности был распространен шире¹⁹. Но прямых доказательств тогда не было, поскольку палеоантропологические материалы с территории Дальнего Востока отсутствовали. Недавно Т. С. Балуевой был опубликован небольшой краинологический материал неолитического времени из пещеры «Чертовы ворота» в Приморье²⁰. Особенности байкальской расы выражены на черепах совершенно четко. Интересно, что на одном хорошо сохранившемся черепе оказалась очень большая высота свода черепа, что характерно и для современных представителей этого региона.

Фрагментарный материал из стоянки «Малая подушечка» культуры I тысячелетия до н. э.²¹ был изучен И. И. Гохманом и также характеризуется чертами байкальской расы. Очень большой интерес представляет палеоантропологический материал из Троицкого могильника мохской культуры, расположенного недалеко от г. Благовещенска²². В. П. Алексеев, изучивший эту серию черепов, отмечает ее наибольшее сходство с черепами ульчей и нанайцев²³, которое проявляется и в размерах высоты черепа. Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что байкальская раса в ее дальневосточном варианте была представлена в Приморье и в бассейне Амура. Но как далеко она была распространена на юг, оставалось неизвестным.

В этой связи очень большой интерес представляет опубликованный китайским антропологом Янь Инем палеоантропологический материал из неолитического могильника близ местечка Давэнъкоу на п-ове Шаньдун²⁴. Краинологическая серия состоит из 19 мужских и 18 женских че-

¹⁷ Сводку данных см.: Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Указ. раб., с. 124, 125, 136, 137.

¹⁸ Кучера С. Китайская археология 1965—1974 гг.: палеолит — эпоха Инь. М.: Наука, 1977.

¹⁹ Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока.

²⁰ Балуева Т. С. Краинологический материал неолитического слоя пещеры «Чертовы ворота». — Вопр. антропологии, 1978, вып. 58.

²¹ Андреева Ж. В. Приморье в эпоху первобытнообщинного строя (железный век). М.: Наука, 1977.

²² Деревянко Е. И. Мохские памятники Среднего Амура. Новосибирск: Наука, 1975, ее же. Троицкий могильник. Новосибирск: Наука, 1977.

²³ Алексеев В. П. Материалы по краинологии мохэ. — В кн.: Палеоантропология Сибири. М.: Наука, 1980.

²⁴ Давэнъкоу (Вэнъкоучжэн) расположен на берегу р. Давэнхэ у слияния рек Вэншуй и Сяовэнхэ в западной части провинции Шаньдун, между уездами Ниньян и Тайань. Неолитическая стоянка Давэнъкоу расположена вблизи города того же названия. В 1959 г. сотрудники Цзинаньского городского музея (провинция Шаньдун) раскопали 133 могилы, из которых и происходит исследуемый костный материал. Некоторые предварительные сведения о раскопках в Давэнъкоу были опубликованы в китайских научных журналах и в книге «Археология нового Китая» (Пекин, 1961, с. 19, 20, на кит. яз.). Антропологический материал впервые исследован позднее. Подробнее см. Янь Инь. Доклад об исследовании костных останков неолитических людей из Давэнъкоу. — Каогу

репов (возраст субъектов от 20 до 60 лет). Правда, основные измерительные характеристики могли быть взяты лишь на 12 мужских и 14 женских черепах, а по лицевым размерам часто немного меньше, но программа очень большая, и на основании приведенных данных можно составить полное представление об описанной серии. Измерительная и описательная характеристика хорошо дополняется приведенными в работе автора фотографиями и сагиттальными обводами черепов²⁵.

Все черепа серии из Давэнькоу искусственно деформированы. Повязка, очевидно, была широкой и накладывалась в младенческом возрасте таким образом, что охватывала лобный и затылочно-теменной отделы в области верхней затылочной чешуи и нижней части теменных костей. Можно полагать, что повязка менялась в процессе роста головы, но в конечном итоге она замедляла рост черепа в продольном направлении, но стимулировала в поперечном и в особенности в высотном. Это обстоятельство, естественно, сказалось на размерах основных осей черепной коробки и их соотношениях. Так, продольный диаметр на мужских черепах из Давэнькоу 168,7 мм, поперечный — 150,1 мм, высотный от точки базион почти равен ему — 147,9 мм. При таких соотношениях размеров форма черепов ультрабрахицранная (черепной указатель — ♂ 90,5; ♀ 91,0) с крайне повышенным высотно-продольным и высотно-поперечным указателями. Ясно, что все эти размеры выпадают из сравнительного расового анализа. Правда, Янь Инь пытается реконструировать «истинные» размеры черепной коробки, приводя следующие данные для мужских черепов (в мм): продольный диаметр — 181,1, поперечный — 145,7, высотный — 142,9, черепной указатель — 78,7. Если принять эти данные, то черепа должны быть охарактеризованы как среднедлинные, высокие, широкие, мезократные. Понятно, что они могут рассматриваться лишь как весьма ориентировочные.

Другие параметры, не подверженные изменению под влиянием искусственной деформации или меняющиеся очень мало, дают следующее представление о черепах из Давэнькоу. Наименьший лобный диаметр небольшой (♂ 91,6; ♀ 90,2), лицо широкое и довольно высокое. Так, средняя ширина лица у мужчин (106,4 мм) очень велика, скуловая (140,6 мм) обычна для сибирских монголоидов, верхняя высота лица (74,8 мм) тоже довольно большая. Последний размер измерялся автором от точки назион до простиона, в то время как в краниологической программе, которой пользуются советские ученые, принято измерять его от назиона до альвеолярной точки. При пересчете его для получения сравнимых данных по способу Г. Ф. Дебеца²⁶ мы имеем величину 77,5 мм, т. е. опять-таки типичную для сибирских монголоидов. Пересчет таким же образом высоты лица у женских черепов дает размер 71,4 мм при скуловой ширине 129,1 мм. Полученным величинам высоты лица вполне соответствуют приводимые автором размеры высоты носа — 54,7 мм у мужчин и 51,7 мм у женщин. Ширина грушевидного отверстия соответственно 27,5 и 25,7 мм. Высота орбиты (♂ 35,2 мм; ♀ 34,5 мм) в общем довольно большая, но при значительной ее ширине по указателям орбиты могут рассматриваться как средневысокие.

По вертикальному профилю лицевая часть черепов из Давэнькоу имеет склонность к мезогнатии, причем у мужских черепов она выражена больше, чем у женских. Общий угол лица соответственно 83,6 и 84,4°. Такие величины угла обычны и для других древних серий с территории

сюэбао, 1972, № 1 (37), с. 91—122 (на кит. яз.). Материал для работы предоставлен Янь Инью Цзинаньским музеем, обмеры и подсчеты помогали провести Гу Юйминь, Пань Цифэн, Чжао Чуньшэн. На русском языке сводка о материалах из Давэнькоу впервые приведена в работах: Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайской цивилизации. М.: Наука, 1976, с. 250—255; Кучера С. Указ. раб.

²⁵ Янь Инь. Указ. раб.

²⁶ Дебец Г. Ф. О путях заселения северной полосы Русской равнины и Восточной Прибалтики.—Сов. этнография, 1961, № 6, с. 69.

Китая (Баоцзи, Баньпо, Хуасянь, Сисяхуо, Баньшань). У северных китайцев угол несколько меньше, а у сибирских монголоидов больше. Такие же углы вертикального профиля лица, как на черепах из Шаньдуна, фиксируются и у представителей арктической расы — чукчей, эскимосов, алеутов, а близкие к ним показатели — у обитающих на Дальнем Востоке нанайцев, негидальцев и в особенности у нивхов.

Несомненно, что наибольший интерес представляет характеристика у рассматриваемых черепов горизонтального профиля лица и переносья. Автор приводит эти данные для серии в целом и для отдельных черепов. Они показывают, что у древнего населения Шаньдуна лицо было очень сильно уплощено. Величина назомалярного угла у черепов из Давэнькоу (σ 149,8°; φ 148,4°) обычна для эвенков, юкагиров, негидальцев, орочей — наиболее плоскоголовых групп сибирских монголоидов. Зигомаксиллярный угол у черепов из Шаньдуна относительно меньше (σ 134,7°; φ 136,4°) и сходен с таковым у групп арктической расы и нивхов. Переносье у рассматриваемых черепов низкое, широкое и плоское, носовые кости выступают слабо. По этим показателям черепа из Давэнькоу также сходны с сибирскими монголоидами. Заметим, однако, что черепа северных китайцев по признакам, характеризующим переносье и выступание носовых костей, мало отличаются от сибирских.

Пытаясь определить место людей, оставивших черепа из Давэнькоу, среди древнего и современного населения Азии, Янь Инь сравнивает их с тем и другим. Из древних материалов автор привлек четыре серии с территории Китая (уже упомянутые серии черепов из Баньпо, Баоцзи, Хуасяня и сводная серия Блэка по культуре Яншао), два черепа из Индокитая и суммарные серии прибайкальского неолита по данным Г. Ф. Дебеца. Программа сопоставления очень мала и содержит по существу основные размерные признаки и углы вертикального профиля лица — параметры, по которым вообще довольно затруднительно делать выводы о генетическом родстве.

Результаты формального анализа, приводимого автором, показывают, что он это прекрасно понимает. Так, при разбивке всех сопоставляемых серий по степени близости по 100%-ной шкале получалось, что сходство серии из Давэнькоу с группой Баньпо составляет 26,7%, с группой Баоцзи — 13%, с группой Хуасянь — 20%, с прибайкальским неолитом — 10%, с материалами культуры Яншао — 23,3%, с черепами из Индокитая — 7%²⁷.

Полученные результаты свидетельствуют, что серия черепов из Давэнькоу стоит особняком. От неолитических черепов из Китая она отличается шириной лицевого скелета, от черепов прибайкальского неолита — высотой черепной коробки, мезогнатизмом, сильным уплощением переносья. Остальные сопоставляемые признаки варьируют неопределенно. Уместно вспомнить, однако, что черепа из Давэнькоу характеризуются не только широким, но и очень плоским лицом, что явно сближает их с прибайкальскими неолитическими и отличает от других серий черепов неолитического времени из Китая.

В 1973 г. Янь Инь опубликовал еще одну серию из неолитического могильника Сисяхуо (Шаньдун)²⁸. Для представления об антропологическом составе неолитического населения Северного и Северо-Восточного Китая эта серия черепов имеет очень большое значение. Дело в том, что антропологически черепа из могильников Сисяхуо и Давэнькоу, расположенных в том же регионе, различаются весьма значительно. Если даже не считать разницы по основным параметрам черепной коробки, которые могут быть связаны с искусственной деформацией черепов в обоих могильниках, остаются различия по углу наклона лба,

²⁷ Янь Инь. Указ. раб., с. 93, 103.

²⁸ Янь Инь. Доклад об изучении костных останков неолитического человека из Сисяхуо. — Каогу сюэбао, 1973, № 2 (на кит. яз.).

высоте и вертикальной профилировке лица и, что самое главное, горизонтальной уплощенности лицевого скелета. Отличия по последним признакам слишком велики, чтобы их можно было считать случайными. Специфические особенности черепов из Давэнькоу на этом фоне выступают отчетливей, а их происхождение хорошо объясняется примесью сибирских монголоидов. Другим существенным результатом, вытекающим из факта существования на одной территории населения разных антропологических типов, впрочем, как из сравнительного анализа всех неолитических серий, является вывод об относительной разнородности древнего населения Северного Китая. Прежние представления Д. Блэка о том, что антропологический тип северных китайцев сформировался в неолите и что неолитическое население этой территории не отличается от современного, в свете этих данных следует считать устаревшими. Как и у других народов, антропологический тип китайцев формировался в процессе длительного исторического развития, испытывая влияние различных факторов, в числе которых существенное место принадлежало контактам с окружающими группами населения.

Данный вывод легко проиллюстрировать при сопоставлении черепов из Давэнькоу с сериями черепов современных китайцев. Серии современных черепов как из Южного, так и из Северного Китая²⁹ гомогенней древних и отличаются от них по многим, и в первую очередь по таксономически ценным признакам. Это относится и к современной китайской серии черепов из Шаньдуна, изученной Н. Н. Чебоксаровым. Так, высота лица у черепов современного населения из Шаньдуна 74,5 мм, у древних черепов из Давэнькоу — 77,5 мм, склеральная ширина у современных — 131,8, у древних — 140,6 мм, назомалярный угол — соответственно 145,7 и 149,8°; зигомаксиллярный угол — 131,1 и 134,7°; носовой указатель — 46,4 и 49,5 и т. д. Черепа из могильника Сисяхуо сходны с современными по углам горизонтального профиля, но отличаются большой шириной лица. То же следует при сравнении с современными сериями черепов из Баньпо, Баоцзи и Хуасяня. Таким образом, Янь Инь прав, когда пишет, что древние серии черепов в целом более сходны с черепами из Давэнькоу, чем современные³⁰. Но невозможно согласиться с мнением автора, считающего, что из современных крааниологических серий наиболее сходны с черепами из Давэнькоу черепа полинезийцев! Это мнение основано просто на недоразумении, на отсутствии у Янь Иня данных о горизонтальной профилированности лица у полинезийцев. Они недавно опубликованы В. Хауэллом³¹. Полученные им цифры назомалярного (144,4°) и особенно зигомаксиллярного (126,7°) угла показывают, что горизонтальная профилировка лицевого скелета полинезийцев резко отличается от таковой у черепов из Давэнькоу, обнаруживая сходство с профилированностью лица у австралийцев и некоторых групп меланезийцев. К идее Янь Иня о сходстве черепов из Давэнькоу с полинезийскими сочувственно отнесся Н. Н. Чебоксаров, усмотревший в ней подтверждение своей теории преимущественно южных связей неолитического населения Шаньдуна³². Между тем одно другому не мешает. Н. Н. Чебоксаров в качестве аргумента южного направления связей указывает на вертикальную профилировку лица на черепах шаньдунского неолита. Действительно, по углу общего профиля лица черепа из Давэнькоу и Сисяхуо мезогнатны, а не ортогнатны, как древние монголоиды Сибири. Но мезогнатизм характерен не только для шаньдунских, а для всех неолитических серий черепов Китая. Что касается угла аль-

²⁹ Сводку данных по сериям современных черепов китайцев см.: Чебоксаров Н. Н. Основные направления..., с. 28, 29.

³⁰ Янь Инь. Доклад об исследовании костных останков..., с. 92—94, 103—105.

³¹ Howells W. Cranial Variation in Man.— Peabody Museum of Archaeology and Ethnology Harvard University. V. 67. Cambridge, Massachusetts, 1973, p. 201, 202.

³² Крюков М. В., Софонов М. В., Чебоксаров Н. Н. Указ. раб., с. 130, 131.

веолярного профиля лица, то к этому признаку вообще нужно подходить с большой осторожностью. Это один из немногих крааниологических признаков, измерения которого крайне субъективны. Неслучайно Г. Ф. Дебец предложил не проводить его прямое измерение, а рассчитывать по специальной номограмме³³. В серии черепов из Сисяхуо Янь Инь приводит для угла общего профиля лица цифру 84,4° у мужчин и 84,6° у женских черепов, а для угла альвеолярного профиля лица — соответственно 60,4 и 61,6°. На наш взгляд, разница между общим и альвеолярным углами слишком велика (более 23°!), чтобы быть истинной. На черепах других неолитических серий Китая, в том числе и черепах могильника Давэнькоу, угол альвеолярной части лица (σ 77,6°; φ 77,1°) обычен как для древних и современных китайских, так и сибирских серий черепов.

Возвращаясь к вопросу происхождения и генетического родства населения, представленного антропологическими материалами из Давэнькоу, следует подчеркнуть, что таксономический вес признаков горизонтальной профилированности лицевого скелета больше других. А по этим признакам черепа из Давэнькоу сходны с черепами представителей байкальской расы сибирских монголоидов Дальнего Востока, таких, как ульчи, нанайцы, в меньшей степени нивхи (таблица). Янь Инь не обратил на это внимания, так как почему-то не привлек серии черепов по этим народам для сравнительного анализа, ограничившись сопоставлением с монголами и эскимосами. Сходство черепов из Давэнькоу по таксономически ценным признакам именно с тунгусо-маньчжурскими народами Дальнего Востока, а не с полинезийцами может быть продемонстрировано на графике.

Морфологическое сходство черепов сибирских монголоидов с черепами из Давэнькоу позволяет сделать вывод о весьма вероятных связях сопоставляемых групп населения. Вероятно, в изучаемых регионах сибирские монголоиды в древности были распространены южнее.

Учитывая ответственность и научную значимость сделанных выводов, следует хотя бы кратко рассмотреть вопрос о том, в какой мере они соответствуют данным других наук. Напомним, что лингвисты отмечают наличие широких языковых связей народов Азии уже в глубокой древности, подчеркивая родство алтайских языков с японским и корейским. Например, нивхский язык обнаруживает значительное типологическое и фактическое сходство, с одной стороны, с алтайскими языками, с другой — с языками Восточной и Юго-Восточной Азии (китайским, бирманским, качинским и др.)³⁴.

У древних аборигенов, живших в прибрежных районах Восточной Азии, существовали особенности культуры, сближавшие их с южными соседями. Напомним, например, об обычаях экстракции зубов³⁵, частично сохранившемся у некоторых народов юга Восточной и Юго-Восточной Азии до последнего времени.

На наличие тесных связей между носителями культур Приморья и Юго-Восточной Азии³⁶ по крайней мере с неолита указывают и данные

³³ Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Крааниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964, с. 63, 64.

³⁴ Подробнее см.: Панфилов В. З. Нивхско-алтайские языковые связи.— Вопр. языкоznания, 1973, № 5; *его же*. О связях нивхского языка с некоторыми языками Юго-Восточной Азии.— В кн.: Генетические и ареальные связи языков Азии и Африки. Тезисы докладов. М.: Наука, 1973, с. 55—58.

³⁵ Kanaseki Takeo. The Custom of Teeth Extraction in Ancient China. VI Congrès International des sciences anthropologiques et ethnologiques. Paris, 1960. T. 1. Paris, 1962, p. 201—205.

³⁶ Сводку работ археологов по данному вопросу см. Решетов А. М. Основные вопросы древнейшей истории юга Восточной Азии.— В кн.: Проблемы этнографии и этнической истории народов Азии. М., 1968, с. 250—281. Следует подчеркнуть, что соседние культуры были связаны переходными вариантами и, таким образом, отличались друг от друга на этой значительной территории.

Сравнение черепов из Давэнькоу с другими сериями черепов

№ по Мартину	Серия Признаки	Давэнькоу (Янь Инь)				Неолит Китая (Д. Бэйж)	Китайцы Шавадуна (Н. Чебок- саров)	Ульчи (Г. Ф. Дебен)	Нанайцы (Г. Ф. Дебен)	Иркутчи (Г. Ф. Дебен)
		♂		♀						
		\bar{x}	n	\bar{x}	n	\bar{x}	n	\bar{x}	n	\bar{x}
1	Продольный диаметр	168,7	12	160,5	11	181,7	179,5	183,3	184,6	179,9
8	Поперечный диаметр	150,1	12	145,2	14	137,0	139,2	142,3	142,3	147,8
8:1	Черепной указатель	90,5	11	91,0	11	74,4	77,7	78,3	77,4	88,2
17	Высотный диаметр	147,9	11	143,0	8	136,8	137,5	134,4	137,8	133,5
20	Высота от пориона	122,2	11	117,4	8	—	—	113,6	115,9	114,8
5	Длина основания черепа	104,6	11	101,4	8	—	—	103,3	104,1	105,2
9	Наименьшая ширина лба	91,6	14	90,2	12	92,3	92,4	92,5	91,4	94,7
32	Угол наклона лба	73,4	9	78,3	11	—	83,6	81,0	84,1	81,0
40	Длина основания лица	98,3	9	94,4	8	—	—	102,5	102,9	106,7
45	Скуловая ширина лица	140,6	8	129,1	8	130,7	131,8	139,9	139,7	142,5
48	Верхняя высота лица	74,8*	10	69,0*	10	74,8*	74,5	77,6	78,3	77,3
48:45	Верхнелицевой указатель	54,3	7	53,3	8	56,5	56,5	54,5**	55,5**	54,2**
72	Общий угол профиля лица	83,6	9	84,4	10	82,2	85,4	86,0	85,9	84,5
74	Альвеолярный угол профиля лица	77,6	9	77,1	11	—	79,4	76,8	77,0	77,0
77	Назомалярный угол	149,8	11	148,4	12	—	145,7	146,2	147,7	146,0
Zim'	Зигомаксиллярный угол	134,7	11	136,4	10	—	131,1	137,5	137,3	135,9
55	Высота носа	54,7	9	51,7	11	55,0	—	55,4	55,4	53,4
54	Ширина носа	27,5	10	25,7	12	25,6	—	27,1	26,7	26,5
54:55	Носовой указатель	49,5	8	50,8	10	47,3	46,4	48,3	49,1	49,6
DC	Дакриальная ширина	22,30	8	21,10	8	—	—	19,68	20,68	19,31
DS	Дакриальная высота	8,64	7	7,88	8	—	—	8,71	8,71	9,85
DS:DC	Дакриальный указатель	38,8	7	38,5	8	—	40,2	44,3	42,3	51,4
SC	Симотическая ширина	7,29	10	7,43	11	—	—	6,94	7,34	6,94
SS	Симотическая высота	2,47	9	2,17	9	—	—	2,22	2,47	2,96
SS:SC	Симотический указатель	33,9	9	26,2	9	—	35,0	32,8	35,0	43,5
75 ¹	Угол носовых костей	19,7	5	16,9	7	—	18,8	17,0	15,1	16,9
51	Ширина орбиты от m _f	43,1	12	41,7	11	45,0	—	43,4	43,4	43,7
51a	Ширина орбиты от d	40,5	9	38,7	8	42,0	—	40,6	41,7	40,9
52	Высота орбиты	35,2	12	34,3	13	33,8	—	35,7	35,3	34,8
52:51	Орбитный указатель от m _f	81,8	12	82,3	11	75,0	81,9	82,2	81,4	79,6
52:51a	Орбитный указатель от d	86,6	9	86,7	8	80,5	88,6	87,1	86,7	85,0

* Измерение до точки простион.

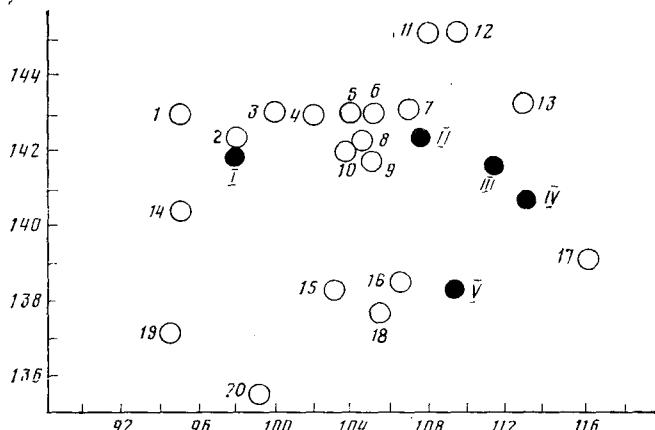
** Индекс средних.

археологии. Не случайно выдающийся советский востоковед Н. В. Кюнер писал о Дальнем Востоке и островах, окаймляющих Японское и Желтое море: «В период неолита вся эта область была в сущности более или менее единой в отношении этнического состава и характера первобытной культуры»³⁷.

Как известно, С. М. Широкогоров помещал прародину эвенков (тунгусов) в районах нижней и средней частей водораздела рек Янцзы и

³⁷ Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Изд-во вост. лит., 1961, с. 217. Н. В. Кюнер считал, что впервые этот ареал очерчен Н. Я. Бичуринным (Иакинф).

Хуанхэ³⁸. Учитывая недостаток в то время археологического материала, отсутствие данных нарративных источников и каких бы то ни было антропологических свидетельств, С. М. Широкогоров строил свою теорию, исходя из так называемых «общих тенденций племенных движений». Естественно, что теория С. М. Широкогорова подверглась развернутой и аргументированной критике со стороны ряда ученых³⁹. Но не следует упускать из вида и рациональное зерно его рассуждений — указания на распространение в древности североазиатских монголоидов

Положение серии черепов из Давэнькоу среди современных и некоторых древних краинологических групп Азии по признакам горизонтальной профилированности лица и переносья (шкала межгрупповая). На оси ординат — профилированность лица, на оси абсцисс — профилированность переносья. Способ расчета см.: Гохман И. И. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов.— Сб. МАЭ, 1980, вып. XXXIV, с. 8. Пустые кружки обозначают современные серии, заполненные — древние: 1 — чукчи, 2 — монголы, 3 — буряты Забайкалья, 4 — долганы, 5 — буряты тункинские, 6 — юкагиры, 7 — буряты западные, 8 — нацицы, 9 — ульчи, 10 — якуты, 11 — эвенки, 12 — негидальцы, 13 — ороши, 14 — нивхи, 15 — китайцы Джунарии, 16 — китайцы Шаньдуна, 17 — китайцы Внутренней Монголии, 18 — весты, 19 — японцы, 20 — полинезийцы; I — Прибайкалье, II — Давэнькоу, III — Баньпо, IV — Баотоу, V — Сисяхуо

(в языковом отношении скорее всего тунгусо-маньчжуротов) южнее современного ареала. Данные современной археологии о локализации китайских неолитических культур на сравнительно небольшой территории в бассейне Хуанхэ и Янцзы, на что мы уже обращали внимание, дают фактическое обоснование этому предположению.

Интенсивность связей была, по-видимому, особенно велика в прибрежном регионе Восточной Азии. Неслучайно А. П. Окладников в одной из работ писал: «Общее направление древнейших культурных связей ведет нас как бы в обход континентальных областей Восточной Азии»⁴⁰.

Население восточноазиатского прибрежного региона, вероятно, не было однородным в этническом отношении. Не вдаваясь в рассмотрение

³⁸ Shirokogoroff S. M. Northern Tungus Migrations.— Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society. V. LVII. Shanghai, 1926; *idem*. Social Organisation of the Northern Tungus. Shanghai, 1929; *idem*. Psycho-Mental Complex of the Northern Tungus. London, 1935.

³⁹ Подробнее см. Окладников А. П. К изучению начальных этапов формирования народов Сибири.— Сов. этнография, 1950, № 2; Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока.— ТИЭ, т. XXXVI. М.: Наука, 1958; Васильевич Г. М. Эвенки. Л., 1969; Yettmar K. Zur Problem der tungusischen «Urheimat».— Kultur und Sprache, 1952, B. IX.

⁴⁰ Окладников А. П. Новое в археологии Дальнего Востока.— Проблемы Дальнего Востока, 1972, № 3, с. 113.

вопроса, кем были древнейшие насельники этой области, мы тем не менее можем предполагать, что в неолите на этой территории жили древние палеоазиаты и тунгусо-маньчжуры. Если рассматривать эту территорию как зону контактов северо- и южноазиатских монголоидов, то последними могли быть северные группы древних малайцев⁴¹.

Об общих элементах духовной культуры древних аборигенных прибрежных народов свидетельствует, в частности, мифология. Так, в искусстве приморских племен был распространен образ дракона как властителя водной стихии, вероятно, заимствованный позднее пришедшими в эти районы китайцами⁴². Обращают на себя внимание также некоторые сюжеты каменных барельефов погребения Улянцы в Шаньдуне (147—167 гг. н. э.), которые могут быть интерпретированы в свете древнекорейских этногенетических мифов, например мифа о Тангуне — первом человеке на Земле, родившемся от женщины, бывшей ранее медведицей, и от духа сандалового дерева⁴³.

Очень важны свидетельства о расселении аборигенного населения в восточных приморских районах, в частности на территории современной провинции Шаньдун, содержащиеся в древнекитайских письменных памятниках. Согласно представлениям древних китайцев (как это зафиксировано в конфуцианском сочинении середины I тысячелетия до н. э.), они жили в центре, а вокруг них по четырем сторонам света расселялись «варвары»: на востоке — «и», на юге — «мань», на западе «жун», на севере — «ди»⁴⁴. «Те, кто живут на востоке, называются «и», (они) носят волосы нерасчесанными, тело татуируют, некоторые из них не готовят пищу на огне»⁴⁵. Китайские источники говорят о южных и восточных «и»⁴⁶. Таким образом, термин «дун и» (живущие на востоке «и») следует понимать расширительно, т. е. не только те, кто жил непосредственно на востоке, но и на юго- и северо-востоке. Все группы «и» не представляли собой этнического единства и занимали довольно значительную территорию современных провинций Шаньдун, Цзянси, Аньхой. Вполне вероятно, что они также жили в провинции Хэнань⁴⁷. Зафиксированы локальные названия «и». В Шаньдуне жили «лай и» и «цзе и».

Большинство авторов полагают, что название «и» имело преимущественно географический характер, этническое же содержание его можно толковать довольно широко. Так, определяя этническую принадлежность восточных «и», некоторые ученые склонялись к мнению, что это были древние тунгусы (прототунгусы)⁴⁸.

В иньскую эпоху (XVI—XII вв. до н. э.) против восточных варваров «и» велись, как свидетельствуют китайские источники, длительные грабительские войны; захваченные в плен «и» погибали или подвергались ассимиляции.

⁴¹ Янь Инь. Исследование костей неолитических людей из Хуасянь.— Каогу сюэбао, 1962, № 2; Янь Инь, Лю Чанчжи, Гу Юминь. Доклад об исследовании костей неолитических людей из Баоцзи.— В кн.: Палеонтология и палеоантропология, 1960, т. 2, № 2 (на кит. яз.).

⁴² О распространении образа дракона в искусстве прибрежных народов см.: Решетов А. М. Основные вопросы древнейшей истории юга Восточной Азии.— В кн.: Проблемы этнографии и этнической истории народов Азии. М.: Наука, 1968, с. 278; Окладников А. П. Новое в археологии Дальнего Востока, с. 111, 114.

⁴³ См. об этом Джарылгасинова Р. Ш. Историческая трансформация древнекорейского мифа о Тангуне.— В кн.: Роль традиций в истории Китая. М.: Наука, 1968, с. 25—26.

⁴⁴ Лицзы чжэньи (Записи о нормах поведения, истинный смысл). Пекин, 1957 (Серия «Шисань цин чжу шу»). Т. 2 (20), гл. 12, с. 156 (0584).

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Подробнее об этом см. Крюков М. В. Об этнической картине мира в древнекитайских письменных памятниках II—I тыс. до н. э.— В кн.: Этнонимы. М.: Наука, 1970, с. 40.

⁴⁷ Ян Баоцюнь. Луньюй и чжу (Луньюй, перевод и комментарий). Пекин, 1958, с. 98, пр. 1.

⁴⁸ Подробнее см. Eberhard W. Lokalkulturen in Alten China. T. 2 (Die Lokalkulturen den Südens und Ostens). Peking, 1942.

Н. В. Кюнер считал, что древние китайцы только в начале I тысячелетия до н. э., двигаясь по долине р. Хуанхэ и ее притокам на восток, достигли морского побережья и приступили к его освоению⁴⁹. К началу периода Чуньцю (VIII в. до н. э.) Ци включило в свой состав большинство царств, располагавшихся на территории современного Шаньдуна, однако, как свидетельствуют древнекитайские источники, на этой территории жило еще немало «и», представлявших определенную силу. Правители этого царства даже выдвинули лозунг: «Чтить вана, бороться против варваров „и“»⁵⁰.

Следовательно, китайские источники дают право утверждать, что по крайней мере в середине I тысячелетия до н. э. к востоку от древнекитайского центра («срединных государств») еще жили «варвары „и“», которые во второй половине I тысячелетия до н. э. все более и более подвергались ассимиляции со стороны древнекитайских маргиналов⁵¹. Постепенно «и» переняли китайский язык, китайские традиции, китайскую культуру, перестав к началу нашей эры выделять себя из среды китайцев⁵².

Таким образом, основываясь на данных антропологии, археологии, лингвистики, фольклора, письменных памятников, можно говорить о том, что в древности границы ареала сибирских монголоидов были значительно южнее современных. Различные их группы вступали в контакты со своими южными соседями, воздействовали на их антропологический тип и культуру и сами, в свою очередь, испытывали такое же воздействие. Следы таких связей зафиксированы в науке довольно полно. Дальнейшее исследование всего комплекса вопросов с широким привлечением данных разных наук поможет по возможности полно осветить этническую историю этого региона.

ON THE SOUTHERN LIMITS OF THE AREA INHABITED IN ANTIQUITY BY NORTH ASIAN MONGOLOIDS

The authors examine anthropological materials from the neolithic burial ground of Dawenkou (Shandong Province) published by Yan Yin and compare them with other neolithic and modern craniological series. It is made clear that the neolithic population of Northern China was anthropologically heterogeneous. According to their anthropological type, the Dawenkou crania belong to the North Asian Mongoloids. The anthropological type of the Hwangho drainage area population had evolved through complex ethnic and racial contacts including those with their neighbours to the north and to the south. It is shown that in antiquity the habitation area of North Asian Mongoloids was bounded by a line lying to the south of their present-day boundary.

⁴⁹ Кюнер Н. В. Лекции по истории развития главнейших основ китайской материальной и духовной культуры. Владивосток, 1921, с. 97.

⁵⁰ Надо также иметь в виду, что этот лозунг использовался цзискими правителями для установления своей гегемонии среди древнекитайских царств в эпоху Чуньцю. Подробнее см. Очерки истории Китая/Под ред. Шан Юэ М., 1959, с. 42, 43.

⁵¹ Подробнее см. Решетов А. М. К проблеме реконструкции маргинальных ареалов в Китае.— В кн.: Ареальные исследования в языкоznании и этнографии. Тезисы III конференции. Л.: Наука, 1975, с. 91, 92.

⁵² Об этом см. подробнее: Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока, с. 220—224. О китайизации некитайских народов и их роли в формировании древнекитайского этноса см.: Решетов А. М. Основные вопросы древнейшей истории юга Восточной Азии, с. 275; Решетов А. М., Чебоксаров Н. И. Антропология и этнография о происхождении китайцев.— В кн.: Рассы и народы. Вып. З. М.: Наука, 1973; Итс Р. Ф. Этническая история юга Восточной Азии. Л.: Наука, 1972; Васильев Л. С. Указ. раб

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

В. А. Попов

ПОЛОВОЗРАСТНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ И ВОЗРАСТНЫЕ КЛАССЫ ДРЕВНЕАКАНСКОГО ОБЩЕСТВА

(К постановке проблемы)

Половозрастная стратификация — универсальное социальное явление, исторически восходящее к половозрастному разделению труда и общественных функций. Как отметил К. Маркс, первым разделением труда было естественное разделение, возникшее «вследствие половых и возрастных различий, т. е. на чисто физиологической почве»¹. Ряд специальных исследований советских этнографов² подтверждает это положение и позволяет считать установленным, что на ранних этапах развития обществ первичной формации половозрастной принцип лежал в основе социальной организации, поскольку «возраст и пол достаточно четко определяли место и роль индивида в производстве и общественной жизни, обуславливая общность конкретных задач каждой возрастной группы»³.

Если это положение о ведущей роли половозрастной стратификации на определенном этапе развития общества взять в качестве исходной посылки, то представляется логичным предположить, что и у народов аканской группы (ашанти, фанти, аквапим, ачем, изима, бауле, анья и других, населяющих океанское побережье Ганы и Берега Слоновой Кости) социальная организация в прошлом базировалась на принципе половозрастной стратификации. Но в каких конкретных вариантах реализовался в древнеаканском обществе этот принцип? Были ли у древних аканов возрастные корпоративные группирования или возрастные классы?

Следует отметить, что проблема возрастных группирований у аканов в литературе даже не ставилась, более того, С. Н. Айзенштадт называл ашанти среди тех народов Африки, у которых не обнаружены возрастные группировки⁴. Однако имеются материалы, которые не только подтверждают мысль о половозрастной стратификации древнеаканского общества, но и позволяют поставить вопрос о функционировании у древних аканов возрастных корпоративных группирований. Но сначала несколько предварительных замечаний относительно терминологии.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 364.

² Ольдерогге Д. А. Население и социальный строй.— В кн.: Абиссиния, М.—Л. 1936, с. 107—123; Толстов С. П. К истории древнетюркской социальной терминологии.— Вестник древней истории, 1938, № 1—2; Андреев И. Л. О характере социальных связей в эпоху перехода от первобытнообщинного строя к классовому обществу.— Сов. этнография, 1971, № 2; Калиновская К. П. Возрастные группы народов Восточной Африки. Структура и функции. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит-ры, 1976, и др.

³ Калиновская К. П. К вопросу о соотношении возрастной и кровнородственной систем. М., 1973 (Доклад на IX МКАЭН), с. 4.

⁴ Eisenstadt S. N. African Age Groups: a Comparative Study.— Africa, 1954, v. 24, № 2, p. 106.

Для описания возрастных явлений в общественных науках используется несколько терминов, но практически каждый из них многозначен и зачастую применяется к совершенно разным понятиям, т. е. до сих пор не выработан единый категориальный аппарат, хотя и предпринимаются попытки систематизации возрастных категорий и преодоления междисциплинарной разобщенности⁵. Даже основная категория исследования возрастной стратификации — «возраст» используется для обозначения по крайней мере двух разных явлений — биологического (хронометрического, абсолютного) возраста и социального (условного) возраста.

У разных этносов существуют различные представления о числе биологических возрастов и о градациях жизненного цикла или возрастных степенях (*age-grade*), но основными у всех являются следующие: детство, юность, зрелость и старость⁶. Биологические сверстники (биологическое поколение) составляют одну возрастную когорту⁷. Социальные сверстники (социальное поколение) или индивиды, одновременно инициированные в социально-возрастную группу (*age-group*), составляют возрастной класс (*age class*)⁸. Каждая возрастная группа представляет корпоративный производственный коллектив, выполняющий ряд социально-экономических функций, необходимых для существования всего общества, причем эти функции соответствуют реальному возрастному составу (биологическому возрасту) каждой возрастной группы⁹ и меняются в процессе перехода из одного возрастного класса в другой.

В словарях И. Г. Кристаллера¹⁰ и Дж. Берри¹¹ зафиксирована терминология для обозначения различных возрастных состояний в аканских языках ашанти, фанти, аквапим, ачем, абури, кваху и некоторых других. Анализ этой информации позволяет высказать предположение о том, что аканы различают не менее четырех основных возрастных степеней или периодов жизненного цикла — *бере* («беге», мн. ч. «ттеге»):

- 1) *ммофра-бере* — детство;
- 2) *ммеранте-бере* — молодость;
- 3) *мпаньин-бере* — зрелость;
- 4) *нквакора-бере* — старость.

Эти четыре периода составляли жизненный путь мужчины, женский цикл состоял из тех же основных периодов, только последний из них обозначался другим термином — *ммерева-бере* («ттмерева-бере»).

⁵ Кон И. С. Возрастные категории в науках о человеке и обществе. — Социологические исследования, 1978, № 3.

⁶ Ариэс Ф. Возрасты жизни. — В кн.: Философия и методология истории. М.: Прогресс, 1977, с. 221. Erikson E. N. Life Cycle. — In: International Encyclopaedia of Social Sciences. N. Y., v. 11, p. 287; Driberg J. H. Age Grades. — Ibidem. V. 1, p. 163; Gulliver P. H. Age Differentiations. — Ibidem. V. 1, p. 157; Radcliffe-Brown A. R. Age-Organisation Terminology. — Man, 1929, v. 29, N 13; Eisenstadt S. N. From Generation to Generation. Glencoe, 1956, p. 21—24; Haviland W. A. Cultural Anthropology. N. Y., 1957, p. 420; Кон И. С. Понятие поколения в современном обществоведении. — В кн.: Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука. Л.: Наука, 1979, с. 212—213.

⁷ Rider N. B. The Cohort as a Concept in the Study of Social Change. — American Sociological Review, 1965, v. 30, № 6.

⁸ Cp.: Gulliver P. H. Op. cit., p. 159; Radcliffe-Brown A. R. Op. cit., p. 24; Eisenstadt S. N. From generation..., p. 58; Haviland W. A. Op. cit., p. 420; Jeffreys M. D. Age-Groups among the Ika and Kindred Peoples. — Journal of African Society, 1950, v. 9, № 4, p. 158; Кон И. С. Понятие поколения в современном обществоведении, с. 211—213, 227—228.

⁹ Калиновская К. П. Возрастные группы народов Восточной Африки, с. 43, 125.

¹⁰ Christaller J. G. A Grammar of the Asante and Fante Language, Called Tshi (Chwee, Twi). Basel, 1875; idem. A Dictionary English, Tshi (Asante). Akra — Basel, 1877; idem. A Dictionary of the Asante and Fante Language, Called Tshi (Chwee, Twi). Basel, 1881.

¹¹ Berry J. English, Twi, Asante, Fante Dictionary. London, 1960.

Слово «*mtegewa*» представляет собой множественное число от «*abegewa*» — пожилая, старая женщина, матрона. Термин *aberева* употребляется также в качестве почетного титула, и, если акан хочет подчеркнуть свое особо почтительное отношение к собственной матери, он называет ее «*m'abegewa*», а не обычным «*me pa*» (моя мать). Слово *akora* («*akora*», «*akwakoga*», «*akwakwagawa*») — старый человек — функционально аналогично термину *aberева*. В современном языке тви (чи) слово *akora* приобрело новые значения: хозяин, руководитель.

Кроме этих основных периодов аканы, возможно, выделяют еще один — период глубокой старости (сенильности) — *otete-bere* (от «*oteten'i*» — очень старый человек).

Период молодости («*ttmerante-bere*») подразделяется на подпериоды: отрочества («*tttañipi-bere*») у мужчин и женщин, юности («*nkwankwa-bere*») у мужчин и девичества («*ttmaba-bere*») у женщин.

Несколько подпериодов выделяется и в периоде детства («*ttmofrabege*», «*ttmofraase*», «*nkisiwase*», «*nkwadwaase*»):

- 1) *akokoaa* — младенец;
 - а) *bafan* — ребенок, не научившийся ходить;
 - б) *abotafova* — ребенок 1—2 лет;
- 2) *abofra* (*abafra*, *omfra*), *немма*, *абадома*, *акисива* — дитя (приблизительно от 3 до 6—7 лет);
- 3) *abasiriva* — дитя, девочка 6—12 (14) лет; *апаньимма* — девочка 7—12 лет.

Периодизация жизненного пути и категоризация биологических возрастов — явление универсальное, и нет ничего удивительного в том, что и аканские народы имеют соответствующую терминологию, но обращает на себя внимание обилие терминов. Аканная категориальная система для обозначения возрастных явлений явно перенасыщена, каждый термин имеет как минимум два-три синонима, а для выражения понятия «дитя» зафиксировано более 10 слов. Нельзя также не обратить внимания на то, что среди возрастных терминов встречаются слова, в состав которых входят форманты «*nte*» и «*fo*», придающие слову значение собирательности, множественности, корпоративности, т. е. можно предположить, что такие составные термины как «*ttmerante*», «*aberante*», «*trpanyinfo*», «*abegemtronfo*» в прошлом могли быть названиями возрастных корпоративных группирований. Кроме того, в аканских языках есть слово *фекую* («*фекио*», «*фекиу*»), которым в XIX — начале XX в. называли один из видов военных формирований. Однако семантика этого слова: «группа, коллектив людей одного возраста» («*фекио*» = «*afe*» + «*екио*»; «*afe*» — год, лицо равного возраста или ранга, товарищ, компаньон (у фанти — сосед); «*екио*» — коллектив, отряд, группа людей¹² — довольно ясно указывает не только на возрастной, но и на корпоративный характер тех группирований, которые обозначались термином *фекую*. При соотнесении значения этого термина с возрастными терминами, имеющими в своем составе корпоративные форманты, по-видимому, возникают основания для того, чтобы поставить вопрос о функционировании в древнеаканском обществе каких-то возрастных корпоративных институтов, возможно, типа возрастных групп.

Обозначение термином *фекую* одного из видов военных отрядов может свидетельствовать о том, что корни военной организации аканских народов восходят к системе возрастных корпоративных группирований. Возникновение военной организации на базе возрастных систем широко известно в истории обществ первичной формации. Особенно ярко это проявилось у бантуязычных народов Юго-Восточной Африки, у ко-

¹² Christaller J. G. A Dictionary of the Asante and Fante, p. 120; Wilks I. Asante in XIX Century. The Structure Evolution of a Political Order. Cambridge, 1975, p. 464.

торых система военных формирований была построена исключительно на возрастном принципе¹³.

В предколониальный период у ашанти зафиксировано два основных вида военных формирований: фекуо и асафо («asafo» = «а» + «оса» + «фо», где «оса» — война, «а» — префикс — показатель множественного числа). Каждый отряд асафо насчитывал несколько десятков (точных цифр ни один источник не сообщает) физически здоровых людей молодого и зрелого возраста, проживающих в одной деревне или в одном квартале большой деревни. Многие авторы утверждают, что асафо — это отряды молодежи, и даже указывают, что словом асафо называют всю молодежь деревни. У фанти слова асафо и *ммерантэ* являются синонимами¹⁴. Некоторые источники сообщают, что у фанти в XIX в. люди зрелого и даже пожилого возраста тоже входили в состав асафо, но на правах советников и судей¹⁵, молодые же люди играли более активную роль, и не только в период военных действий¹⁶. Юноша мог стать членом асафо после несложного обряда, который заключался в том, что ему вручалось ружье его отца и он давал клятву *асафохене* — предводителю отряда.

Что касается военных формирований фекуо, то относительно них имеются довольно противоречивые сведения. По преданию, они были созданы первым *асантехене* (верховным правителем Конфедерации Ашанти) Осеем Туту (1680—1717 гг.) и формировались из потомков аканов, взятых в плен во время междуусобных войн¹⁷. Однако имеются сведения о функционировании и до правления Осея Туту¹⁸ аналогичных отрядов, составлявшихся из «королевских» охотников¹⁹. В отличие от асафохене, получавших свою должность по наследству, предводители фекуо назначались *асантехене*²⁰. Членами фекуо, как и асафо, были молодые люди.

Представляется вполне логичным предположение о том, что в древности каждый военный отряд представлял собой возрастную группу возрастного класса юношей-воинов. Во всяком случае, у родственных аканам га и лагунных племен Берега Слоновой Кости, у которых система возрастных классов функционирует и поныне, выделяется особый возрастной класс воинов, состоящий из групп молодых людей в возрасте от 15 до 30 лет²¹.

Следует отметить, что отряды асафо и фекуо имели не только военные функции. В мирное время эти отряды использовались для строительства дорог, рынков и т. п., привлекались для выполнения сельскохозяйственных и других общественных работ, выполняли полицейские функции, принимали активное участие в организации и проведении различных праздников²². В связи с этим, видимо, появляется возможность

¹³ Брайант А. Т. Зулусский народ до прихода европейцев. М.: Иностранная литература, 1953, с. 302—303; Потехин И. И. Военная демократия матабеле.— В кн.: Родовое общество (Тр. Ин-та этнографии АН СССР). М.: Издательство АН СССР, 1951, с. 245—250; Kuper H. An African Aristocracy. Oxford, 1947, р. 117—133, и др.

¹⁴ Christensen J. B. Double Descent among the Fanti. New Haven, 1954, р. 118.

¹⁵ Ffoulkes A. The Company System in Cape Coast Castle.— Journal of African Society, 1907, v. 7, № 25, р. 266.

¹⁶ Datta A. K., Porter R. The Asafo System in Historical Perspective.— Journal of African History, 1971, v. 2, № 2, р. 280.

¹⁷ Busia K. A. The Position of the Chief in the Modern Political System of Ashanti. Oxford, 1951, р. 93; Tordoff W. The Ashanti Confederacy.— Journal of African History, 1962, v. 3, № 3, р. 403.

¹⁸ Nketia J. H. Drumming in Akan Communities of Ghana. London, 1963, р. 103.

¹⁹ Lombard P. The Kingdom of Dahomey.— West African Kingdoms in XIX Century. Oxford, 1967, р. 7.

²⁰ Busia K. A. Op. cit., р. 93.

²¹ Field M. J. Social Organisation of the Ga People. London, 1940, р. 168; Paulme D. Les classes d'âge dans le sud-est de la Côte d'Ivoire.— Classes d'âge en Afrique de l'Ouest. Paris, 1971, р. 209.

²² Datta A. K. The Fante Asafo: a Re-examination.— Africa. London, 1972, v. 42, № 4, р. 309.

объяснить истоки так называемых обществ взаимопомощи «nnoboadi» («noboa», «doboaa», «adofo»)²³, функционирующих у аканов и в настоящее время и о которых известно, что они состоят из молодых мужчин и используются для общественных и сельскохозяйственных работ²⁴. Правда, нельзя не оговориться, что общества взаимопомощи могут представлять еще одну форму реализации половозрастного принципа.

Аканские пословицы: «Среди одехье²⁵ нет ни одного ребенка»²⁶ и «Нельзя преднамеренно родить старейшину»²⁷ — в контексте уже сказанного могут быть истолкованы как свидетельства некогда существовавшего в аканском обществе порядка, при котором старейшиной и вождем нельзя было стать по наследству. На ранних этапах развития первичной формации такой порядок мог сформироваться только при возрастной стратификации социального организма. Этимология ряда терминов, обозначающих статусы и титулы аканского общества, дает основания для подтверждения вывода о том, что возраст был в свое время основным критерием при формировании потестарного аппарата²⁸. Так, для обозначения понятия «старейшина» в аканских языках используются два термина: *опаньин* и *аберемпон*. Однако термин *опаньин* («орáуіп»), имеет еще значения: взрослый, зрелый. Слово *аберемпон* («оберемпрон»), по мнению Р. С. Рэттрея, происходит от «obarіma» (женский род — «obarіmawa») — взрослый, зрелый мужчина и «роп» — большой²⁹. Все члены советов старейшин у аканов — *аберемпон*, этим же термином обозначают и мелких вождей (*охене*) и вождей племен (*оманхене*) и даже асантехене³⁰. Одни только *аберемпон* имеют право носить сандалии, украшенные золотом³¹. Они также относятся к категории *ахопрафо* («ахорграфо»)³², т. е. тех, кто имеет право носить в качестве символа своего высокого социального положения хвост слона³³. (Ахопрафо в прошлом — высшая категория среди охотников — охотники на слонов³⁴.) Вождь племени, который еще не вступил в должность и не дал клятву верности, назывался *нкванкважене* («nkwankwahene»)³⁵, т. е. вождь юношей. Существование этого термина свидетельствует по крайней мере о связи института вождя племени с возрастными группировками молодежи. Лидеры молодежи у ашанти и фанти и в XIX в. играли заметную роль в общественной жизни, они были посредниками между молодежью и старейшинами, представляли интересы молодежи в советах старейшин общин и племен³⁶.

²³ *Danquah J. B. Akan Law Customs and Akim-Abuakwa Constitutions*. London, 1928, p. 198.

²⁴ *Field M. J.*, Op. cit., p. 135; *Twumasi Appiah. Some Aspects of Material Culture, Social Organisation and Customary Law of the Akan of Ghana*. Ленинград, 1971, с. 184.— Рукопись диссертации.

²⁵ «Cdehye» = «ode» + «hye»; «ode» — обладать, владеть («odefo» — богатый человек); «hye» — известность, слава, ранг и т. п. Одехье — знатный, обладатель высокого социального статуса, вождь и т. п.

²⁶ *Rattray R. S. Ashanti Proverbs*. Oxford, 1916, p. 118.

²⁷ *Danquah J. B. The Akan Doctrine of God*. London, 1968, p. 122.

²⁸ Ср. Снесарев Г. П. О реликтах мужских союзов в истории Средней Азии. М.: Наука, 1964, с. 7.

²⁹ *Rattray R. S. Ashanti Law*, p. 81.

³⁰ *Tordoff W.* Op. cit., p. 404; *Wilks I.* Op. cit., p. 727; *Rattray R. S. Asanti Law*, p. 94; *Kyerematen A.* Op. cit., p. 3; *Nketia J. H. Funeral Dirges of the Akan Peoples*. N. Y., 1969, p. 85; *Anti A. A. The Ancient Asante King*. Ackra, 1974, p. 30, 73; *Ward W. E. F. A History of the Gold Coast*. London, 1948, p. 133; *Connolly R. M. Social Life in Fante-land*.— *Journal of Royal Anthropological Institute*, 1897, v. 26, p. 137.

³¹ *Bowdich T. E. Mission from Cape Coast Castle to Ashantee*. London, 1819, p. 256; *Tordoff W.* Op. cit., p. 406.

³² *Nketia J. H. Funeral Dirges*, p. 85; *Wilks I. Ibidem*, p. 727.

³³ Президент Республики Гана К. Нkruma (изима по этнической принадлежности) в официальных случаях также держал в руках хлыст из хвоста слона.

³⁴ *Nketia J. H. Drumming in Akan Communities*, p. 77.

³⁵ *Rattray R. S. Ashanti Law and Constitution*. Oxford, 1929, p. 87.

³⁶ *Busia K. A. Op. cit.*, p. 10; *Wilks I. Op. cit.*, p. XIII, 729; *Kyerematen A. Inter-State Boundary Litigation in Ashanti*. London, 1971, p. 4.

Таким образом, с большей или меньшей вероятностью можно предположить, что в древнеаканском обществе функционировала система возрастных групп (фекуо). Но были ли у древних аканов возрастные классы? Думается, что есть основания утвердительно ответить и на этот вопрос, поскольку в функциональном отношении довольно четко прослеживается разграничение возрастных групп на младших (молодежь) и старших (старейшин). Первые выполняли основные хозяйствственные функции, вторые — осуществляли руководство социальной и экономической жизнью. Следовательно, может быть выделен возрастной класс молодежи (ммерантэ). Что касается старейшин, то наличие двух терминов для их обозначения, а также использование одного из них (мпаньин) для названия определенной возрастной степени — зрелости (мпаньин-бере) — наводит на мысль, что возрастные группы, имевшие право и обязанность управлять хозяйственной и общественной жизнью, могли входить в состав не одного, а двух возрастных классов: взрослых (мпаньин-фо) и старейшин (аберемпондо). С разрушением системы эти два возрастных класса, по-видимому, слились в одну категорию — взрослых/старейшин, руководящих жизнью общества.

Цикл социальной жизни у древних аканов, по-видимому, составлял 50 лет (от 10 до 60), на что указывает одно из значений термина родства «оба» — лица 10 и 60 лет³⁷ (современное значение — дитя). Фактически оба — это категория лиц, еще не вошедших в систему возрастных классов, и тех, кто уже прошел весь цикл и вышел из него. Другими словами, оба — это группа индивидов, находящихся в социально-пассивном состоянии «предка-потомка». Аналогичные явления наблюдаются, например, у нилотов-нанди: возрастная группа старейшин у них выходит из активной фазы жизни в системе возрастных классов и вновь появляется в начале цикла как группа «маленьких мальчиков»³⁸. У галла также старейшие члены, выйдя из последней степени системы «гада», объединяются под одним именем «немые» в одну группу с неиницированными детьми³⁹. Показательно также, что слово «оба» в аканских языках одновременно является суффиксом, придающим словам значения молодости и старости⁴⁰. Кроме того, у ашанти термином «аквада» обозначают маленького мальчика, а у фанти — старика. В системах терминов родства большинства аканских народов есть термин «папа», которым называют всех представителей как второго восходящего, так и второго нисходящего поколений эгоцентрической схемы (поколения дедов и внуков).

Что касается времени пребывания возрастных групп в каждом возрастном классе, то можно лишь предположить, что оно равнялось приблизительно 15 годам по аналогии с лагунными племенами, у которых весь цикл составлял 64 года с периодами по 15—16 лет⁴¹. У других народов гвинейской группы, у которых зафиксирована действующая система возрастных классов, возрастной класс молодежи состоял из лиц от 15 до 30 лет⁴². Есть также сведения, что жены асантхене подразделялись на три возрастные группы и каждая группа жила в отдельном доме: в возрасте 30—45 лет — во дворце асантхене, моложе 30 лет — в другом доме за дворцом асантхене, старше 50 лет — на другой улице⁴³.

При определении времени нахождения в каждом возрастном классе следует учитывать также, что понимание времени, как известно, зависит от стадиального уровня социального развития. В обществах первичной формации отсутствовало представление об абстрактном, векторном

³⁷ Christaller J. H. A Dictionary of the Asante.

³⁸ Калиновская К. П. Возрастные группы..., с. 20.

³⁹ Там же, с. 21.

⁴⁰ Christaller J. G. A Grammar..., p. 24.

⁴¹ Paulme D. Op. cit., p. 209.

⁴² Mair L. African Societies. Cambridge, 1974, p. 153.

⁴³ Anti A. A. Op. cit., p. 20.

времени. Для них характерно представление о времени как о вечно вращающемся по кругу; эта цикличность была обусловлена сменой природных сезонов. Преобладало предметное восприятие времени, и единицей его измерения, как правило, служили либо природные циклы, либо какие-то специфические обрядовые моменты социальной жизни. Календарь чаще всего представлял циклы сельскохозяйственных работ, связанных с чередующимися временами года⁴⁴. Возраст исчислялся по таким приметам, как период, в течение которого участок земли оставался невозделанным, или по периодам цветения винных пальм и пизанг, которые сажали в день обрезания у ибибио⁴⁵. У галла время высчитывалось по дереву далла, которое цветет один раз в 8 лет⁴⁶. У заирских комо счет велся по периодам сбора гусениц «сага»⁴⁷. Неясно пока, какое именно явление природы послужило единицей измерения у аканов, но оно, по-видимому, было связано с 15-летним циклом.

Возрастная степень ммофра-бере — это период детства (от рождения или младенчества до половой зрелости, т. е. до 14—16 лет). Однако семантика термина оба, а также то обстоятельство, что именно в 10 лет у аканов происходит отделение мальчиков от девочек и вступает в силу запрет на совместные игры, позволяет разбить этот период на два подпериода: собственно детский (до 10 лет) и подростковый (старше 10 лет). Поскольку среди тех терминов, которыми обозначают детей и подростков, нет ни одного с корпоративными формантами, то нет никаких оснований для предположения о возрастном классе подростков у аканов. Тем не менее возможно, что подростки 10—15 лет могли составлять некое подготовительное группирование, аналогичное галласскому⁴⁸.

Как известно, использование терминов, обозначавших первоначально детей, юношей, девушек и неинициированных, для номинации лиц низкого социального положения (рабов, зависимых, подчиненных) — универсальное явление в истории социального развития⁴⁹. Поэтому не удивительно, что у аканов термин абофра (дитя) получил еще значения: слуга, зависимый; акоа (дитя) — раб, слуга и т. п.; абаава (молодая женщина) — служанка; абасимма (молодая женщина) — низшая, простая; и др.

Вполне естественно также, что в социально стратифициированном позднепервобытном обществе аканов XIX в. словом ммеранте стали обозначать уже независимо от биологического возраста всех тех, кто не был старейшиной, советником или вождем, т. е. не относился к высшему слою общества. Термин ммеранте в англоязычной литературе часто переводится как общинники («communers»), а М. Фортес даже называет мме-

⁴⁴ По проблеме «время и его восприятие различными обществами» существует уже довольно обширная литература. См., например: Гуревич А. Я. Время как проблема истории культуры.— Вопросы философии, 1969, № 3; *его же*. Представление о времени в средневековой Европе.— История и психология. М.: Наука, 1972; *его же*. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1972, с. 28—29, 84—138; Стеблин-Каменский М. И. Миf. Л.: Наука, 1976, с. 43—57; Файнберг Л. А. Представление о времени в первобытном обществе.— Сов. этнография, 1977, № 1; Бейлис В. А. Проблемы использования устной традиции для реконструкции истории народов Африки.— Источниковедение африканской истории. М.: Наука, Гл. ред. восточной лит-ры, 1977, с. 82—90; Львова Э. С. Устная историческая традиция как исторический источник.— Источниковедение африканской истории, с. 97; Иорданский В. Б. Тропическая Африка: время в народном сознании.— Народы Азии и Африки, 1978, № 2; Философские аспекты проблемы времени. Л.: Изд-во Ленинградского гос. пединститута, 1978 и др.

⁴⁵ Андрески А. Старые женщины рассказывают. М.: Наука, Гл. ред. восточной лит-ры, 1976, с. 102, 121, 129.

⁴⁶ Калиновская К. П. Возрастные группы..., с. 39.

⁴⁷ Иорданский В. Б. Указ. раб., с. 92.

⁴⁸ Калиновская К. П. Возрастные группы, с. 27.

⁴⁹ См.: Ариес Ф. Указ. раб., с. 231; Трубачев О. Н. История славянских терминов родства. М.: Изд-во АН СССР, 1959, с. 35—47; Свердлов М. Б. Общественный строй славян в VI—VII веках.— Советское славяноведение, 1977, № 3, с. 55; Гухман М. М. Доиндевропейские термины родства в германских языках.— В кн.: Памяти Марра. М.: Изд-во АН СССР, 1938.

ранте «третьим сословием» в ашантийском обществе⁵⁰. Отметим также, что знатность и сейчас ассоциируется у аканов со старческим возрастом, поэтому даже молодого по возрасту вождя называют при обращении дедом⁵¹.

Если попытаться рассмотреть аканский материал по возрастным группированием с типологической точки зрения, то по критерию вступления в систему возрастных классов — от рождения или от инициации⁵² — аканская система ближе к хамитскому типу (отсчет от инициации), чем к новогвинейскому (отсчет от рождения) по классификации М. Д. Джейфриса⁵³. Однако у аканов в XIX в. обряда инициации как такового не существовало, к тому же в литературе преобладает утверждение, что для настоящих аканов не характерны ни татуировка, ни обрезание⁵⁴, ни другие атрибуты инициальных обрядов, которые известны у многих народов мира. По-видимому, единственным ритуальным пережитком каких-то инициальных обрядов у аканов может считаться обряд посвящения девушек, который устраивается по достижении ими физиологической зрелости, и сохранился он, возможно, только в силу матрилинейности аканского счета социального родства. Эта церемония называется *обра-огору* («obra-ogoru») у ашанти (у фанти — «obrahyu»⁵⁵, у аchem — «огобогра» или «bradwu»⁵⁶, «օօբրգա» — менструация). До этой церемонии девушка не считается полноправным членом общества (если она умрет до обра-огору, то ее похоронят как младенца без всяких обрядов), после церемонии она получает право выходить замуж⁵⁷. Вся церемония индивидуальна и длится 8 дней; девушке бреют голову (делают это ее отец и сестра отца) — бритье головы у аканов сопровождает переход из одного статуса в другой и связано с представлением о ритуальной чистоте — и, одев в лучшие одежды с золотыми украшениями, ведут к реке, в которой она совершает ритуальные омовения⁵⁸. С этим обрядом, по-видимому, связан термин родства «акуегева» — сестра (для этого мужского пола), буквальное значение этого термина: дающая детей⁵⁹. Только *ачереба* имеет право и обязанность иметь детей. Сожительство с девушкой до обряда обра-огору (такую девушку иногда называют *опоку* — взрослая девушка; «ороки» — грудь) рассматривается как страшное преступление и приравнивается к убийству⁶⁰, поэтому добрачная беременность позорна и проверка девственности составляет один из важных компонентов ритуала брачной ночи⁶¹.

Что же касается юношей, то никаких особых ритуалов посвящения для них уже не сохранилось. Символическим актом достижения социальной зрелости, по-видимому, можно считать передачу юноше ружья его отца и включение в военный отряд асафо, после чего он получал право жениться⁶². (У лагунных племен переходу в социально полноправное состояние предшествовала «охота за головами», позднее — за рабами или золотом⁶³.)

⁵⁰ Fortes M. Kinship and the Social Order. London, 1970, p. 148.

⁵¹ Antubam K. Ghana's Heritage of Culture. Leipzig, 1963, p. 165.

⁵² Eisenstadt S. N. From Generation to Generation, p. 108.

⁵³ Jeffreys M. Op. cit., p. 159.

⁵⁴ В легендах бауле говорится о заимствовании чужого для них обычая обрезания мальчиков и девочек (Аура Поку. М.: Изд-во АН СССР, Гл. ред. восточной лит-ры, 1960, с. 195).

⁵⁵ Christensen J. B. Op. cit., p. 85.

⁵⁶ Field M. Akim-Kotoku. Westport, 1970, p. 134.

⁵⁷ Fortes M. Op. cit., p. 208.

⁵⁸ Ibidem, p. 210; Christensen J. B. Op. cit., p. 85.

⁵⁹ Balmer W. T., Grant F. K. F. A Grammar of Fante-Akan Language. London, 1929, p. 63.

⁶⁰ Fortes M. Op. cit., p. 156.

⁶¹ Lystad R. A. The Ashanti: a Proud People. New Brunswick, 1958, p. 117.

⁶² Fortes M. Op. cit., p. 211.

⁶³ Palme D. Op. cit., p. 207.

Таким образом, есть достаточные основания полагать, что социальное развитие аканских народов в доколониальный период их истории прошло через стадию половозрастной стратификации. Приведенные здесь материалы XIX—XX вв., несмотря на фрагментарность и известную противоречивость (вызванную переплетением с более поздними по происхождению явлениями), свидетельствуют о большой вероятности того, что в прошлом (по-видимому, до XVIII в.) у аканских народов могла функционировать система возрастных групп (фекуо). Каждая возрастная группа представляла корпоративное объединение, осуществлявшее социально и экономически значимые функции, причем эти функции регулярно менялись во время перехода из одного возрастного класса в другой и соответствовали специализации каждого из них. Реконструированная методами пережитков и этнографических аналогов⁶⁴ система древнеаканских возрастных классов может быть представлена примерно следующим образом:

- 1) *ммеранте* — от 14—16 до 30 лет;
- 2) *мпаньинфо* — от 30 до 45 лет;
- 3) *аберемпонфо* — от 45 до 60 лет.

В заключение представляется необходимым отметить, что в этносоциологической литературе по африканистике сложилась своеобразная традиция: основной интерес исследователей западноафриканских обществ сосредоточился главным образом на системах родства и тайных союзах, в то время как при изучении этносоциальных организмов Восточной Африки наибольшее внимание уделялось возрастным группированием. Такое распределение установилось потому, что, когда началось интенсивное изучение социальной организации африканских народов (конец XIX — начало XX в.), эти элементы общественного строя выступали наиболее ярко именно в таком соотношении. Поэтому в зарубежной науке сложилось представление о том, что возрастные системы — характерная черта преимущественно восточноафриканских народов, причем только скотоводов⁶⁵. Однако в последующие годы возрастные системы были обнаружены у многих народов Западной и Южной Африки, а также на других континентах, причем не только у скотоводов, но и у земледельцев. Думается, есть достаточно оснований включить в этот перечень древних аканов, хотя, разумеется, предложенная здесь реконструкция системы возрастных классов древнеаканского общества весьма гипотетична и нуждается в дальнейшем совершенствовании.

SEX-AND-AGE STRATIFICATION AND AGE CLASSES IN ANCIENT AKAN SOCIETY [INTRODUCING THE PROBLEM]

The suggestion is put forward for the first time of the existence of an age-and-sex stratification and the functioning of corporative institutions based on age-and-sex principle in ancient Akan society. The starting premise of the study was the well-known thesis that sex-and-age stratification plays a leading role in society in the early stages of its development. A comparison of survivals in the social organization and intellectual culture of the Akans in the 19th and 20th centuries with phenomena recorded in the theory of primitive society and with ethnographic analogues has permitted the author to reconstruct the system of age groups and also to advance a hypothesis according to which ancient Akan society possessed age classes.

⁶⁴ Першиц А. И. Этнография как источник первобытноисторических реконструкций.— В кн.: Этнография как источник реконструкций первобытного общества. М.: Наука, Гл. ред. восточной лит.-ры, 1979, с. 35.

⁶⁵ Калиновская К. П. Возрастные группы, с. 11.

И. С. Кон

К ПРОБЛЕМЕ ВОЗРАСТНОГО СИМВОЛИЗМА

Статья В. А. Попова поднимает два основных круга вопросов. Первый касается реконструкции конкретной системы возрастных классов, второй — общеметодологических и терминологических проблем, связанных с определением возрастных категорий. В данных заметках я остановлюсь только на втором круге вопросов.

Возрастная терминология, которой уделяют много внимания как советские, так и зарубежные этнографы¹, по самой сути своей является междисциплинарной. Термин «возраст» употребляется всюду, где возникает необходимость зафиксировать процессы и изменения, происходящие во времени.

Уже самое общее, формальное определение возраста имеет два значения. *Абсолютный, или хронологический, возраст* выражается числом временных единиц (минут, дней, лет и т. п.), отделяющих момент возникновения объекта от момента его измерения. Это чисто количественное, абстрактное понятие, обозначающее длительность существования объекта, его локализацию во времени. *Условный возраст, или возраст развития*, определяется путем установления местоположения объекта в определенном эволюционно-генетическом ряду, в некотором процессе развития, на основании каких-то качественно-количественных признаков. Оба понятия широко применяются как в историко-биологических науках, так и в науках о неживой материи. Определение хронологического возраста объекта называется датировкой, установление условного возраста связано с процессом периодизации, которая предполагает выбор не только хронологических единиц измерения, но и самой системы отсчета и принципов ее расчленения.

Изучение человеческого возраста в общественных и гуманитарных науках осуществляется в трех главных системах отсчета, вне связи с которыми возрастные категории вообще не имеют смысла².

1. *Индивидуальное развитие*, описываемое в таких понятиях, как «онтогенез», «текущее жизни», «жизненный путь», «жизненный цикл», «биография», их составляющих («стадии развития», «возрасты жизни» и т. п.) и производных («возрастные свойства»). Возраст развития и его эталоны всегда многомерны и конкретизируются в понятиях биологического, социального и психического возраста, с соответствующей каждому из них системой индикаторов³.

¹ См. подробнее: Gulliver P. H. Age Differentiation.— International Encyclopaedia of the Social Sciences. N. Y., 1968, v. I, p. 157—162; Калиновская К. П. Возрастные группы народов Восточной Африки. М.: Наука, 1976; ее же. Категория «возраст» в представлениях некоторых народов Восточной Африки.— В кн.: Африканский этнографический сборник. Вып. XII. Л.: Наука, 1980.

² См. Кон И. С. Возрастные категории в науках о человеке и обществе.— Социологические исследования, 1978, № 3, с. 76—86.

³ См. Анальев Б. Г. Человек как предмет познания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1969.

2. Социально-возрастные процессы и возрастная структура общества, описываемые в таких терминах, как «возрастная стратификация», «возрастное разделение труда», «возрастные слои», «возрастные группы», «поколения», «когортные различия» и т. д.⁴

3. Взрослый символизм, т. е. отражение возрастных процессов и свойств в культуре («возрастные обряды», «возрастные стереотипы» и т. п.).

Каждая из этих проблем является междисциплинарной и имеет свой этнографический аспект. Чтобы уточнить категориальный аппарат этнографии, в частности такие термины, как «возрастные степени», «возрастные классы» и «возрастные группы», необходимо соотнести их с более общими, формальными социологическими и психологическими категориями жизненного цикла и возрастной стратификации. При этом оказывается, что этнографические термины, обозначающие возрастные объединения, имеют разные точки отсчета, но всегда соотносятся с системой возрастного символизма.

Возрастные степени обозначают стадии жизненного цикла, но не всякие, а только особо выделяемые и символизируемые культурой; их достижение обеспечивает индивиду определенный социальный ранг и идентичность.

Возрастные классы обозначают возрастные слои населения, но тоже не всякие, а только занимающие особое место в системе возрастной стратификации данного общества и соответственно выделяемые и символизируемые культурой.

Возрастные группы обозначают организации, основанные на общности хронологического и/или условного возраста своих членов, имеющие специфические структуру, функции и знаковые средства и соответственно воспринимаемые и символизируемые культурой. Иначе говоря, возрастные степени обозначают культурно-нормативные аспекты жизненного цикла, а возрастные классы и возрастные группы — соответственно социально-структурные и функционально-организационные аспекты возрастных отношений.

Отсутствие должной концептуальной ясности часто приводит к смешению категорий индивидуального и социального возраста, а также демографических, социально-структурных и социально-психологических свойств возрастных слоев и объединений (достаточно вспомнить споры о том, являются ли члены возрастных классов и групп первичной формации сверстниками и в каком именно смысле — хронологическом, биологическом или социальном). Этнографические данные на сей счет обычно систематизируются либо в связи с проблемой возрастных объединений, либо в связи с обрядами перехода. Однако возрастные объединения чаще всего рассматриваются в контексте социальной организации общества, тогда как обряды перехода подразумевают также членение индивидуального жизненного пути. Взаимосвязь данных явлений можно понять лишь с учетом возрастного символизма, т. е. системы представлений и образов, в которых культура воспринимает, осмысливает и легитимирует жизненный путь индивида и возрастную стратификацию общества.

Возрастной символизм как подсистема культуры включает в себя, на мой взгляд, следующие взаимосвязанные элементы:

1) нормативные критерии возраста, т. е. принятую культурой возрастную терминологию, периодизацию жизненного цикла с указанием длительности и задач его основных этапов;

2) аскриптивные возрастные свойства или возрастные стереотипы — черты и свойства, приписываемые культурой лицам данного воз-

⁴ Наиболее разработанную социологическую модель возрастной стратификации см. в кн.: Riley M. W., Johnson M., Foner A. Aging and Society. V. III — A Sociology of Age Stratification. N. Y., 1972 (ред. на эту книгу: Кон И. С. Старение и общество.— Вестник ЛГУ, 1974, № 11, с. 159—160).

раста и выступающие для них в качестве подразумеваемой нормы;

3) *символизацию возрастных процессов* — представления о том, как протекают или должны протекать рост, развитие и переход индивида из одной возрастной стадии в другую;

4) *возрастные обряды* — ритуалы, посредством которых культура структурирует жизненный цикл и оформляет взаимоотношения возрастных слоев, классов и групп;

5) *возрастную субкультуру* — специфический набор признаков и ценностей, по которым представители данного возрастного слоя, класса или группы осознают и утверждают себя в качестве «мы» отличного от всех остальных возрастных общностей.

Все эти элементы соответствуют определенным аспектам жизненного цикла и возрастной стратификации общества. Нормативные критерии возраста соответствуют стадиям жизненного цикла и структуре возрастных слоев. Аскриптивные возрастные свойства — культурно-нормативный аналог и эквивалент индивидуальных возрастных различий и свойств соответствующих возрастных слоев (классов). Символизация возрастных процессов и возрастные обряды — не что иное, как отражение и легитимация возрастных изменений и социально-возрастных процессов, а возрастная субкультура производна от реальных взаимоотношений возрастных слоев и организаций. Однако эти явления обладают известной автономией.

Нормативные критерии возраста, объективированные в возрастной терминологии, тесно связаны с развитием временных представлений и категорий. При всех этнокультурных вариациях здесь четко вырисовываются некоторые общие закономерности. Прежде всего бросается в глаза сравнительно позднее появление понятия хронологического возраста. Этимология славянских терминов «возраст» и «век»⁵ показывает, что названия, восходящие к первоначальному значению «годы» или «время», возникли позже, чем слова, восходящие к значениям «рост» и «сила». «Возраст» происходит от слова «рост», его семантика связана с глаголами «родить», «вскормливать», «растить», «воспитывать». Слово «старый» — позднейшее образование от этого корня значит, поживший (ср. пожилой). Понятия, описывающие длительность, течение, собственно время жизни (англ. lifetime, нем. Lebenszeit), являются исторически наиболее поздними. Они возникли на базе нерасчлененного понятия «жизнь», в котором количественные характеристики еще не отделились от самих жизненных процессов.

Древнейшая интуиция времени, свойственная бесписьменным культурам, фиксирует не длительность и необратимость, а ритмичность, повторяемость, цикличность процессов (на эту проблему обращается внимание и в обсуждаемой статье В. А. Попова.) У первобытного человека «имелось не отчетливое чувство самого времени, а только некоторые временные ассоциации, которые разделяли время на интервалы, подобные тактовым чертам в музыке»⁶. Так называемое «мифологическое время» — всегда циклическое, повторяющееся.

Течение жизни воспринималось архаическим сознанием не как линейный, а как циклический процесс. Тем более, что субъектом его считался не отдельный индивид, а род, племя, община. Представители бесписьменных народов, как правило, не знают своего индивидуального хронологического возраста и не придают ему существенного значе-

⁵ См. Гаврова Е. Славянские термины «возраст» и «век» на фоне семантического развития этих названий в индоевропейских языках.— В кн.: Этимология, 1967. М.: Наука, 1969, с. 36—39.

⁶ Уитроу Д. Естественная философия времени. М.: Прогресс, 1964, с. 74. Ср. Файнберг Л. А. Представления о времени в первобытном обществе.— Сов. этнография, 1977, № 1, с. 128—136.

ния. Им вполне достаточно указания на коллективный возраст, факт своей принадлежности к определенной возрастной степени или классу, порядок старшинства, часто выражаемый в генеалогических терминах и т. п. Такая установка типична для всех традиционных обществ⁷. Там, где нет ласпортной системы, этнографы и сегодня на вопрос о возрасте часто получают ответы типа: «А кто их считал, мои годы?» — или нечто весьма приблизительное.

Идея постоянства жизненного цикла подкрепляется распространенной во многих древних религиях идеей инкарнации, вселения в тело новорожденного ребенка умершего предка или его души, т. е. представлением о ребенке как о вернувшемся и повторяющем свою жизнь предке. В свете этого представления понятно и характерное для архаического сознания смешение социально-возрастных категорий с генеалогическими, вплоть до подмены первых вторыми. Пока индивидуальная жизнь еще не обрела самостоятельной ценности, а идея чередования природных циклов не сменилась идеей развития, такая символизация абсолютно логична и естественна.

Как же конкретно представляют разные культуры жизненный цикл и его этапы? Все народы, по-видимому, различают этапы детства, взрослости (зрелости) и старости. Но внутри этой периодизации существует множество вариаций, выявляющихся при сравнительно-историческом изучении возрастной терминологии и особенно систем возрастных степеней.

Разные культуры выделяют неодинаковое число «возрастов жизни», причем количество институционализированных возрастных степеней часто значительно меньше, чем число имплицитно подразумеваемых возрастов. Это вполне естественно. Хотя возрастные степени всегда соотносятся с периодизацией жизненного пути, их непосредственной системой отсчета является возрастная стратификация и соответствующие социальные институты и нормы, не одинаковые у разных народов. Например, мужчины масай имели в XIX в. шесть возрастных степеней, тогда как мужчины нуэр знают только две возрастные степени — мальчиков и взрослых мужчин, причем члены данных возрастных классов символизируются соответственно как «сыновья» и «отцы». Отметим также частое несовпадение числа возрастных степеней у мужчин и женщин. Это говорит о том, что мужской и женский жизненные циклы символизируются по-разному и дело здесь отнюдь не в возрасте⁸.

По мере того как возрастная терминология отходит от жесткой системы возрастных степеней и начинает обозначать только стадии жизненного цикла, она становится более гибкой, но одновременно менее определенной. Неопределенность, условность хронологически выражаемых возрастных границ — общее свойство любой развитой культуры.

Чрезвычайно важный факт, доказывающий условность возрастных границ и периодизации жизненного цикла, хотя она кажется основанной на инвариантах онтогенеза, — зависимость этой периодизации от свойственной каждой данной культуре символики чисел. Хотя все народы имеют свои излюбленные «священные числа», числа эти не всегда совпадают. В греко-римской традиции, воспринятой позже в средневековой Европе, одним из главных священных чисел было 7. «Семница» лежит в основе античных космологических представлений (7 планет), а также в основе возрастной периодизации: 7—14—21 и т. д. лет. Реже встречается идея пятилетнего цикла (у готов, салических франков, датчан и шведов). Некоторые древние германские племена пред-

⁷ См. Ариес Ф. Возрасты жизни.— В кн.: Философия и методология истории. Сб. статей/Ред. Кон И. С. М.: Прогресс, 1977, с. 221.

⁸ См. подробнее Калиновская К. П. Категория «возраст»..., с. 74—78.

почитали четное число 6; у саксов, англосаксов, лангобардов, норвежцев, исландцев, баварцев и аллеманов жизненный цикл членится на шестилетние периоды: 6—12—18—24 и т. д.⁹ У африканского народа комоко «базовым» числом является 8, по их верованиям целостный человек — ме состоит из 8 элементов, а жизненный цикл делится на 8 стадий¹⁰. Исключительно сложная символическая система существует у бамбара¹¹.

Любая периодизация жизненного цикла не только описательна, но и ценностно-нормативна. Нагляднее всего это выступает в таких понятиях, как «созревание», «совершеннолетие», «зрелость». Фактически же нормативными являются все возрастные категории, включая понятия «детства», «юности», «взрослости» и т. д.

Определение возрастных свойств как аскриптивных, т. е. приписываемых культурой и изменяющихся вместе с нею, может сначала показаться странным. Разве не являются наши понятия о детстве или старости отражением реальных возрастных свойств? Недаром в них так много повторяющегося, устойчивого. Но культурология изучает не «подлинного», конкретного ребенка или старика, а их стереотипизированные образцы в той или иной культуре. Между реальными свойствами индивидов и их образами в культуре всегда существует обратная связь: культурные стереотипы отражают свойства эмпирических индивидов и одновременно служат им ценностными ориентациями, образцами, которым люди стараются подражать или, напротив, их избегать. Непонимание этой диалектики порождает серьезные недоразумения.

Психологи, считающие возрастные свойства простыми инвариантами онтогенеза, говорят о детстве или старости как об универсальных, вечных категориях, которые всегда обладают одними и теми же свойствами. Но почему тогда столь изменчивы их образы в массовом сознании, философии, литературе и искусстве? Кроме того, если универсальны возрастные свойства, то такой же неизменной должна быть и структура личности. Это делает историческую социологию и психологию, равно как и этнопсихологию, невозможными и ненужными.

Представители гуманитарных наук, напротив, подчеркивают историчность и социокультурную обусловленность возрастных свойств. Но чрезмерная «историзация» возрастных категорий чревата опасностью релятивизма. Спор о том, когда и в связи с чем было «открыто» детство или «изобретена» юность, остается бесплодным, пока мы не уточним: а) какое содержание мы вкладываем в эти понятия и, б) как соотносится история понятия с историей обозначаемого им явления, т. е. реальных поведенческих и социально-психологических структур. Здесь проявляются общие трудности исторической и сравнительной психологии, о которых я писал в другом месте¹².

Спор о том, являются ли конкретные возрастные свойства универсальными или историческими, никуда не ведет, потому что эти свойства не существуют и не имеют смысла вне более общих психологических и культурологических симптомокомплексов. Да и сам принцип «или — или», здесь не работает, поскольку возрастные стереотипы

⁹ Boll F. Die Lebensalter. Ein Beitrag zur antiken Ethnologie und Geschichte der Zahlen.— Neue Jahrbücher für das klassische Altertum, 1913, Jg. XVI, S. 87—145; Hofmeister A. Puer, Juvenis, Senex.— In: Papstium und Kaisertum. München, 1926, S. 287—316; Ariès Ph. L'Enfant et la vie familiale sous l'Ancien Régime. Paris, 1973, ch. I.

¹⁰ Lebeuf J. P. Personne et système du monde chez les Kotoko.— La Notion de personne en Afrique Noire. Colloques Internationaux du CNRS, № 544. Paris, 1973, p. 373—384.

¹¹ Cissé J. Signes graphiques, représentations, concepts et tests relatifs à la personne chez les Malinké et les Bambara du Mali.— La Notion de personne en Afrique Noire, p. 131—179.

¹² См. Коц И. С. Открытие «Я». М.: Политиздат, 1978, с. 111—145.

всегда и везде имманентно многозначны, противоречивы и амбивалентны.

Во-первых, эти образы одновременно описательны (дескриптивны) и нормативно-предписательны (прескриптивны). Во-вторых, онтогенетические инварианты возрастных свойств всегда существуют в единстве с культурно-специфическими особенностями (например, переходный возраст всюду сопровождается ростом сексуальных интересов, но их содержание и последствия зависят от норм соответствующей культуры). В-третьих, возрастные стереотипы многозначны, так как они отражают условность возрастных границ и терминологии. В средние века в Европе ребенка от 7 до 14 лет называли и *infans*, и *infantulus*, и *juventus*, и *erhebus*, и *ragulus*, и *preparvulus*, и *adolescens*¹³. В-четвертых, любые аскриптивные свойства соотносятся не просто с возрастом как таковым, а с определенной социальной идентичностью, где возраст является важным, но не единственным компонентом. Прежде всего, аскриптивные (как и реальные) возрастные свойства тесно связаны с полом индивида и принятыми в культуре стереотипами маскулинности и фемининности. Мальчикам и девочкам одного и того же возраста приписываются разные свойства и ожидают от них разного поведения. В одних случаях эта дифференциация по полу формулируется прямо, в других молчаливо подразумевается, но существует она всегда. Многие «возрастные экспектации» вообще касаются только мужчин. Детально описывая и регламентируя жизненный путь мужчины, культура очень мало говорит об особенностях развития женщин. Например, у мужчин масаев жизнь до наступления взрослости делится на четыре степени: маленький мальчик, старший мальчик, воин и взрослый мужчина, каждой из которых соответствует определенный набор аскриптивных свойств, тогда как у женщин есть только две возрастные степени — девочка и молодая взрослая женщина¹⁴.

Жесткость возрастных систем первобытного общества, как справедливо отмечает Ф. Стюарт, обусловлена именно тем, что его возрастные степени суть социальные идентичности, а возрастные классы и группы не что иное, как «классы идентичностей», с которыми соотносятся и от которых производны аскриптивные возрастные свойства¹⁵. Это убедительно продемонстрировали Л. Керк и М. Бартон на примере масаев¹⁶.

Наконец, нужно учитывать, что приписывание возрастных свойств всегда содержит элемент бессознательной проекции. Говоря о ребенке, взрослом или старике, мы невольно проецируем на этот образ свой собственный жизненный опыт, разочарования и чаяния. Эта проекция является одновременно индивидуальной, возрастно-групповой и социально-исторической. Романтическая трактовка детства как воплощения невинности и чистоты, в противоположность отчужденному и извращенному миру взрослых, — такой же симптом разочарования в наличном социальном бытии, как и свойственная той же эпохе романтизма идеализация «благородного средневековья» и «естественной жизни» дикаря. Писатели, преданные идеи старины, патриархального уклада (например, Аксаков, Толстой, Бунин), высвечивают преимущественно гармонию детства, тогда как авторы, более склонные к социальной критике, подчеркивают скорее конфликтную сторону становления характера, рисуют семейные, социальные и, наконец, внутренние, нравственно-психологические конфликты детства. Без учета таких,

¹³ Riché P. Education et culture dans l'Occident Barbare. VI—XIII siècles. 2 ed. Paris, 1962, p. 500.

¹⁴ Kirk L., Burton M. Meaning and Context: a Study of Contextual Shifts in Massai Personality Descriptors.— American Ethnologist, 1977, v. 4, № 4, p. 734—761.

¹⁵ Stewart F. H. Fundamentals of Age-Group Systems. N. Y. London, 1977, p. 229.

¹⁶ Kirk L., Burton M. Op. cit.

большой частью неосознаваемых проекций изучать историю возрастных стереотипов нельзя. Отсюда принципиальная ограниченность количественно-элементного анализа, разрушающего имманентную многозначность и амбивалентность этих образов (а это именно образы, а не понятия).

Следует отметить, что принцип развития, с которым мы обычно ассоциируем идею возраста, лишь один из возможных способов символизации возрастных процессов. Представления о том, как происходит переход из одной возрастной фазы в другую, производны от общей концепции времени и движения. Современное понятие развития исходит из идеи единства прерывности и непрерывности. В архаическом сознании простой количественный рост, увеличение или уменьшение и скачок, внезапная резкая трансформация сосуществуют как бы параллельно, независимо друг от друга. С одной стороны, это древний преформизм — представление, что в семени уже содержатся все свойства взрослого индивида, мысль о неизменности души и типичные для раннего средневековья изображения ребенка как уменьшенной копии взрослого. С другой стороны, это столь же древний миф о многократном перерождении, представление, что на каждом новом этапе жизни человек меняет свое имя, свойства и сущность, что ребенок — это вселившийся в новое тело предок и т. п. Мифологическое сознание не знает противоречия между новым и старым, рождением и смертью, поскольку любые инновации воспринимаются как повторение одних и тех же прообразов, архетипов, вечного круговорота, возвращения на круги своя.

«Возрастные процессы», символизируемые архаическим сознанием, имеют в виду не данную конкретную индивидуальную жизнь, а универсальный космический цикл. Отсюда, в частности, равнодушие к хронологическому времени и индивидуальному уровню развития, в результате чего жесткие нормативные рамки возрастных степеней и классов допускают неожиданно широкие вариации хронологического возраста индивидов, совместно проходящих обряд инициации или являющихся членами одного возрастного класса. Поэтому-то, хотя возрастные степени обозначают не что иное, как стадии жизненного цикла, истолкование их в современном психофизиологическом духе наталкивается на непреодолимые трудности.

Закон гетерохронности, лежащий в основе современной биологии и психологии развития, открыт и сформулирован только наукой XX в. Однако интуиция такой гетерохронности, исключающая возможность однозначности возрастных граней и цезур, присутствует уже в архаическом сознании, которое воспринимает человека не как единство, а как множественность, где одновременно сосуществуют или сменяют друг друга несколько разных душ. Идея множественности душ, разновременно вселяющихся в одно и то же тело и имеющих свои собственные циклы существования, зафиксирована у многих народов¹⁷. Это значит, что в глазах африканца течение жизни выглядит не менее гетерохронным и многомерным, чем в глазах европейца, хотя и по другим основаниям. Кроме того, на ранних стадиях развития общества человек воспринимается не как самостоятельный субъект деятельности, а как нечто сделанное, как продукт внешних потусторонних сил.

Сравнительное исследование символизации возрастных процессов в разных культурах предполагает целую серию вопросов. Мыслятся ли возрастные процессы роста, созревания и старения однозначно инвариантными или допускающими какие-то вариации? Каковы движущие

¹⁷ См., например, Thomas L. V. Le pluralisme cohérent de la notion de personne en Afrique Noire traditionnelle.— La Notion de personne en Afrique Noire, p. 387—420.

силы возрастных изменений, мыслятся ли они как результат божественной воли, законов природы, воспитания или собственных усилий индивида? Считается ли переход из одной возрастной стадии в другую внезапным и скачкообразным или незаметным и постепенным и распространяется ли эта модель на все или только на некоторые возрастные свойства?

Свойственная культуре символизация возрастных процессов объектируется и институционализируется в системе возрастных обрядов. Наиболее общим формальным понятием здесь является обряд перехода, который А. ван Геннеп определял как ритуалы, сопровождающие каждую перемену места, состояния, социального положения и возраста¹⁸. Каждый такой ритуал обозначает переход из одного состояния в другое, причем этот процесс подразделяется на три стадии: 1) отделение, оставление прежнего состояния; 2) собственно переход, когда индивид или группа находятся буквально на пороге, между двумя состояниями, и 3) вступление (инкорпорация) в новое состояние. Обряды перехода связаны не только с возрастом, но жизненные процессы и события, начиная с беременности и родов и кончая смертью и похоронами, занимают среди них центральное место.

Для понимания возрастного символизма особенно важен вопрос, означает ли данный ритуал только переход индивида из одной стадии жизни в другую или же появление новой социальной идентичности, т. е. переход в другую возрастную степень, класс или группу? Хотя второе предполагает и имплицитно включает в себя первое, далеко не одно и то же, связывать ли обряд перехода или инициацию с онтогенетическими инвариантами и/или индивидуальными вариациями жизненного цикла или же с особенностями возрастной стратификации и возрастного символизма данного общества, народа. Уже ван Геннеп, изучая так называемые «пубертатные инициации», столкнулся с тем, что физиологическое половое созревание и «социальный пубертат» качественно различны и очень редко совпадают по срокам.

Что же конкретно оформляется соответствующим обрядом? Какие именно жизненные переходы или события оформляются специальными ритуалами и почему? Насколько важны эти ритуалы и как они институционализированы в системе культуры? Являются ли данные обряды и обозначаемые с их помощью процессы перехода из одной возрастной категории (степени, класса, группы) в другую групповыми или индивидуальными? Каковы их половые и социально-классовые вариации? Каковы социальные и психологические функции этих обрядов с точки зрения поддержания определенной системы возрастной стратификации, межпоколенной трансмиссии культуры, структурирования жизненного пути и формирования некоторого типа личности? Наконец, каков культурологический смысл ритуальной символики?

Осмысливая и легитимируя возрастные процессы и различия, культура тем самым активно конструирует возрастное самосознание и субкультуру. В определенной степени это также универсально. Возрастные различия всегда воплощаются в каком-то групповом «мы», что стимулирует создание специфических возрастных организаций. Но такая общность не может обойтись без какой-то собственной знаковой системы. Возрастное «мы» может основываться на оппозиции отцов и детей, или старших и младших, или на когортных различиях, или на оппозиции условных, символических поколений¹⁹. Какому из этих принципов культура придает большее значение? По каким приз-

¹⁸ Gennep A., van. Rites de passage. Paris, 1909.

¹⁹ См. об этом подробнее Кон И. С. Понятие поколения в современном обществоведении.— В кн.: Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука. Л.: Наука, 1979, с. 209—228.

накам индивиды конструируют свое возрастное «мы» и как они представляют свои взаимоотношения с другими возрастными слоями? Институционализируется ли эта возрастная субкультура в особую систему учреждений (организаций, групп) или существует в виде отдельных разрозненных элементов и комплексов? Эти вопросы снова возвращают нас к процессам возрастной стратификации, но в более широком историческом контексте.

TO THE PROBLEM OF AGE SYMBOLISM

The study of processes and categories having to do with age grades can be approached from three different initial points: 1) the individual life cycle; 2) the stratification of society by age groups; 3) age symbolism in culture. In the paper the concept of age symbolism is formulated and its main components are distinguished. These are: normative criteria of life cycle; ascriptive age characteristics (age stereotypes); symbolization of age processes; age-based rites and rituals; the age group subculture. The interrelation of these concepts is discussed as well as their importance for the study of the life cycle and age stratification.

Н. М. Гиренко

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ ПОЛОВОЗРАСТНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ

В статье В. А. Попова «Половозрастная стратификация и возрастные классы древнеаканского общества» поднимается весьма важная и актуальная для социологии архаической формации проблема соотношения половозрастной стратификации и особого типа социального института, который в этнографической литературе получил название системы возрастных классов. Правда, в рассматриваемой статье автор ограничивается узким, хотя и весьма важным для истории социальных институтов народов группы акан вопросом о том, существовала ли у них система возрастных классов. Таким образом, по существу мы имеем две проблемы, и мне представляется, что от полноты раскрытия первой, более широкой, в значительной степени будет зависеть и решение второй. Наши замечания будут касаться в основном постановки проблемы в широком смысле. Она представляется наиболее дискуссионной. Несмотря на то, что возрастные классы и другие виды половозрастных группирований исследовались многими зарубежными и отечественными этнографами, что отмечено и в солидной библиографии, приведенной В. А. Поповым, ряд вопросов остается неясным.

К вопросам половозрастной стратификации, как правило, прямо или косвенно обращаются исследователи социальной структуры доклассовых и раннеклассовых обществ, так как без учета этого явления трудно понять действие систем социальных отношений обществ того же исторического уровня, а также происхождение многих форм социальных институтов. В марксистской литературе при обращении к этому явлению приводится известное положение о роли физиологических различий, лежавших в основе первоначального разделения труда. В настоящее время этот тезис вряд ли требует особых доказательств, но при этом, на мой взгляд, часто недостаточное внимание уделяется второй стороне процесса разделения труда, а именно объединению по общему физиологическому признаку и соответственно по общей трудовой деятельности, единству общественно значимых функций или их набору. Представляется, что процессы разделения и объединения идут параллельно, выступают вialectическом единстве, которое можно определить как процесс специализации общественных функций и развития системы социальных отношений. Если учитывать обе отмеченные стороны, то половозрастная стратификация предполагает не только образование социальных связей между лицами и группами, различающимися по признакам пола и возраста, но одновременно и возникновение особых видов социальных связей в пределах групп, организовавшихся по тем же признакам. Такая система отношений, организованных по признакам пола и возраста, собственно, и обозначается в этнографических описаниях термином «половозрастная стратификация». Несмотря на то что половозрастная страти-

фикация сосуществует с другими системами отношений, может действовать в их пределах, ее допустимо рассматривать как относительно самостоятельное явление, способное проявляться как нормативное в сфере мировоззрения или выступать в качестве относительно самостоятельного социального института, приобретающего весьма жесткие формы.

При рассмотрении роли таких традиционных институтов в общей системе социального устройства в историческом аспекте обнаруживается, что как явление половозрастная стратификация и отдельные институты, на ней основанные, могут быть обнаружены практически в любом обществе, на любой стадии социальной эволюции. Тем не менее их роль, значимость в общей системе социальной организации меняются в зависимости как от уровня социального развития, так и от типа хозяйственной деятельности. На более ранних этапах социальной эволюции половозрастной принцип выступает в качестве ведущего и прослеживается в организации практически всех форм социальных отношений. На более поздних этапах особенно в связи с образованием классов и государства, он вытесняется другими принципами общественного устройства, в значительной степени теряет свое значение в системе в целом, отходит как бы на периферию социальной структуры. Социальные институты, активно использующие этот принцип, не являются ведущими в общественной системе вторичных формаций.

Если активное действие принципа половозрастной стратификации в организации общественных систем первичной формации вряд ли может вызывать сомнения, то обязательность существования конкретных отдельных форм социальных институтов, основывающихся на этом или преимущественно на этом принципе, представляет собой вопрос весьма дискуссионный.

Важно уточнить, какое содержание мы вкладываем в такие понятия, как возрастной принцип, половозрастная стратификация, социальный институт. Под социальным институтом нами здесь подразумевается общественное подразделение, которое характеризуется единством общественно значимых функций, единым механизмом воспроизведения состава этого подразделения, единой системой воспроизведения структуры данного социального института. Возрастной принцип — это такой способ оформления взаимоотношений индивидов и групп, при котором в качестве критерия выступает различие во времени пребывания (функционирования) в обществе в целом, в отдельном социальном институте или в его подразделении. Здесь сразу же обнаруживается относительность, многозначность возрастного принципа, как и категории «возраст». Наиболее ярким примером относительности этого показателя при одновременной большой социальной значимости его для стратификации коллективов в обществах первичной формации служит закрепленная в идеологии стратификация групп родственников, родов и племен (в социальном значении этого термина) по времени появления на определенной территории, в данном обществе или на земле вообще. Первобытное мировоззрение фиксирует преемственный статус более древнего в данном качестве и соответственно этому критерию делит группы и индивидов на знать и простолюдье, что само по себе делает возможным возникновение в процессе роста производительных сил экономического неравенства, экономической стратификации.

При изучении функционирования в обществе отношений, регламентированных по признаку возраста, обнаруживается, что далеко не всегда, и в особенности в обществах первичной формации, временная шкала и, следовательно, представление о возрасте соответствуют представлениям об абсолютной временной шкале. В частности, минимальным периодом (единицей счисления) такой шкалы могут быть год, два, восемь лет и т. д., но в каждом таком периоде индивиды, вне зависимости от их индивидуального возраста в обычном современном понимании, будут счи-

таться сверстниками и исчислять свой возраст именно по этой шкале. Следует помнить, что индивид обязательно одновременно участвует в целом ряде общественных подразделений, и в связи с этим в разных социальных институтах он может одновременно иметь различный возраст, менять свой возраст, причем даже по нисходящей линии. Иными словами, возраст выступает в качестве относительного признака, в соответствии с которым индивид или группа признаются способными к исполнению той или иной функции. Возраст, как и время, оказывается существенным только в конкретной системе как отношение конкретных явлений, конкретных индивидов и групп; он изменяется в зависимости от системы отношений, в которых эти индивиды и группы участвуют. В связи с этим при обращении к истории возникновения и трансформации систем социальных отношений, активно использующих в качестве структурообразующего половозрастной принцип, необходимо разграничивать относительный возраст в конкретной социальной системе и абсолютный, или хронометрический, возраст. Можно заметить, что категория «биологический возраст» (по содержанию приближающаяся к хронометрическому, абсолютному возрасту настолько, что для исследования истории первобытности это различие мало существенно), используемая В. А. Поповым, выражает столь же реальный возраст, как и прочие виды возраста. В данном случае, судя по тексту, она обозначает такое объективное состояние множества индивидов, при котором их физиологическое развитие признается достаточным для исполнения определенного набора функций в обществе, а индивидуальные различия в этом качестве не имеют значения и не зависят от различий в хронометрическом возрасте. Многомерность и относительность временной или возрастной характеристики особенно важно учитывать при обращении к генезису форм социальных отношений и соответствующих социальных институтов, основанных на половозрастном принципе. Так, при образовании ранних форм социально-возрастных группирований вряд ли мог приниматься во внимание хронометрический возраст. В основе, что более вероятно, лежал возраст биологический, обеспечивающий минимально необходимое условие для выполнения множеством индивидов некоторой общественной функции. Это само по себе приводило к большой вероятности возникновения относительной корпоративности на базе соучастия в одном или близком видах деятельности, было предпосылкой коллективной деятельности и возникновения коллектива. Учитывая факт половозрастного разделения труда, можно предположить, что общество как система возникало и продолжало развиваться из множества коллективов, или общественных подразделений, различающихся своими функциями, обменивающихся результатами деятельности, взаимодействующих.

Система возрастных классов представляет особую форму реализации в обществе принципа половозрастной стратификации. Эта форма, на возможное существование которой у народов группы акан в прошлом обращает внимание В. А. Попов, предполагает существование корпоративных групп, организованных по признаку пола и возраста, причем не только в виде компонентов различных социальных институтов, но в виде самостоятельного социального института, осуществляющего экономические, военные и управленческие функции группами лиц, занимающими строго определенное положение в соответствии с пребыванием в определенной возрастной страте. Ввод лиц в эту систему и смена социальных ролей традиционно регламентированы устойчивым интервалом. Значительное число обществ, имеющих такие системы, описано в монографии К. П. Калиновской, на исследования которой В. А. Попов в своей статье ссылается. Следует сразу же обратить внимание на то, что подобные системы практически не встречаются в чистом виде; они переплетены и взаимодействуют с прочими системами социальной организации, меняют свой облик как в ходе собственной эволюции, так и эволюции

других социальных институтов. К. П. Калиновская убедительно показала, что такие системы возникли естественным путем, их структура функционально обусловлена и исторически изменчива. Но тем не менее остается открытым вопрос о роли систем возрастных классов в процессе эволюции систем социальных отношений, их месте в естественноисторическом процессе.

Материалы статьи В. А. Попова как будто указывают на то, что в традиционном социальном устройстве народов группы акан активно действовали возрастные корпоративные образования. Насколько известно, аналогичные группирования, обладающие различной значимостью в системе общественной организации, существовали и во многом представлены в настоящее время у большинства этносов Африки, как, впрочем, и на других континентах. Эти группирования, как правило, составляли основу военной организации, осуществляли целый ряд хозяйственных функций, формировали «тайные союзы» и «танцевальные общества». В колониальное время на их основе могли возникать спортивные и прочие клубы и даже «политические» партии. Но вопрос состоит в том, была ли у акан именно *система* возрастных классов. Чтобы ответить на него, нужно знать, как происходили смена или воспроизведение таких группирований, что происходило с возрастными группами в процессе изменения их хронометрического возраста, существовал ли единый принцип, характерный для движения по этому социальному институту. Так, у многих бантуязычных народов корпоративные группы молодежи могли образовывать самостоятельные земледельческие общины, и старшее поколение со временем передавало им всю административную власть, совершая при этом определенные ритуалы. В других этносах отдельные группы сверстников могли уходить на значительные расстояния и организовывать самостоятельные общины и даже племена (в социальном значении этого понятия), а если в таком походе приобретались жены, то у этих групп могли формироваться и культурные особенности. Можно ли называть подобные образования системой возрастных классов? Вряд ли, хотя в каждом случае налицо и половозрастная стратификация, и корпоративные группы. Существует ли система возрастных классов у австралийских аборигенов, где половозрастная стратификация, если можно так сказать, «усугубляется» действием института брачных секций?

Представляется, что система возрастных классов функционирует в рамках единого социального организма, на единой производственной базе, традиционными совладельцами которой являются сразу все поколения, регулярно передающие свои конкретные функции последующим поколениям по мере их инициации в соответствующие подразделения системы. Материалы В. А. Попова действительно достаточны для того, чтобы утверждать, что роль возрастных корпоративных группирований в древнеаканских обществах была более значительной, чем это фиксировалось учеными в прямых этнографических наблюдениях. Приведенные в тексте статьи примеры достаточно ясно указывают на то, что существовала определенная (регламентированная?) взаимосвязь между отдельными звеньями этих группирований. Однако свидетельств того, что все эти звенья увязывались в единую систему возрастных классов, по-видимому, недостаточно.

Вопрос по существу сводится к следующему: имеем ли мы здесь остаточные, разрозненные элементы системы возрастных классов, существовавшей в прошлом, или же это элементы различных систем, различных социальных институтов и у акан в ходе исторического развития половозрастная стратификация не оформилась в систему возрастных классов? Насколько мне известно, обязательность прохождения социальной эволюции на каком-то историческом этапе через образование системы возрастных классов еще не была доказана. Остается сожалеть, что в данном случае, автор, видимо, не располагает достаточными этнографи-

ческими данными по группе акан. Наиболее сильным свидетельством является обращение к системам возрастных классов у соседних этносов, в частности у «лагунных племен». Сравнительные материалы, их анализ, конечно, могут помочь решению поставленной проблемы, но только в том случае, если посредством сравнительно-исторического метода будет рассмотрено соотношение систем социальных институтов в сопоставляемых обществах. Тем не менее даже после подробного анализа по методу системных этнографических аналогов мера гипотетичности останется значительной, так как решение подобных задач упирается в проблему, заключающуюся в том, как отличить разрушившийся социальный институт от не сложившегося. Статья В. А. Попова еще раз демонстрирует, что подчас это более важно, хотя и не менее сложно, нежели различие автохтонного и заимствованного.

SOME REMARKS IN CONNEXION WITH THE PROBLEM OF SEX-AND-AGE STRATIFICATION

The author considers that the materials at present available are insufficient for answering the question posed by V. A. Popov as to the existence of a system of age classes in Akan society. In order to answer it a system of methods must be worked out for distinguishing an institution yet unformed and one that has perished, an undeveloped tendency and a survival. So far no such system of methods exists. V. A. Popov's paper shows that the role of stratification by among the Akans was much greater in the remote past than in the historically recorded period, and this once again points to the necessity of closer attention on the part of ethnographers to institutions based on association or, conversely, separation according to the criteria of sex and age.

Сообщения

Т. М. Айтберов

ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ СТРОЕ РУТУЛЬЦЕВ (КОНЕЦ XVI — НАЧАЛО XVII в.)

Общественный строй горских народов Кавказа до их присоединения к России — одна из важных проблем кавказоведения, разработка которой затрудняется, как отмечают исследователи, «состоянием источников»¹. Поэтому каждый новый памятник, проливающий свет на эту проблему, представляет несомненный интерес.

В данной статье рассматривается ранее неизвестный письменный источник, содержащий сведения об общественном строе рутульцев — одного из народов Дагестана². Следует, правда, отметить, что эти сведения касаются только рутульцев Шиназского округа (магала), объединявшего присамурские селения Шиназ, Пилек, Уна, а также, видимо, Амсар и Кала³. Источник этот хранится в Рукописном отделе Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР; названия он не имеет и поэтому условно обозначен мною как «Шиназский аноним»⁴. Написан «Аноним» каламом на лицевой стороне бумажного свитка размером 75×21 см; здесь же (перед «Анонимом») помещены «Тарих Абу Муслим» и краткие записи о легендарной предыстории ислама («даты пророков») и о появлении этой религии в Дагестане. Чернила, которыми написан «Аноним», черные; почерк — насх; бумага желтоватая, плотная, западноевропейского производства. В Дагестане на такой бумаге писали в конце XVII — начале XVIII в.

На лицевой стороне свитка есть три серо-черных эллипсовидных оттиска (размером 3,4×2,8 см) печати, которую предварительно коптили на огне. На оттисках удалось прочесть следующее:
1-я строка — «Я довольствуюсь тем, что выделил [мне] Аллах»;
2-я — «Кто будет справедливым, тот будет владеть [миром], а кто будет поступать несправедливо, тот погибнет»;
3-я — «Мои дела я доверил моему Творцу»;

¹ Кушева Е. Н., Усманов М. А. К вопросу об общественном строе вайнахов (Письмо 1657 г. из Шибутского джамаата царю Алексею Михайловичу). — Сов. этнография, 1978, № 6, с. 99.

² Рутульцы расселены в основном в верховьях р. Самура, вблизи Главного Кавказского хребта. Подробнее о них см. Лавров Л. И. Рутульцы в прошлом и настоящем. — В кн.: Кавказский этнографический сборник. III. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1962.

³ См. Ибрагимов Г. Х. Рутульский язык. М., 1978, с. 142—143; Описание Самурского округа. — В кн.: Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX века. Архивные материалы/Составление, предисловие и примечания Хашаева Х.-М. М., 1965, с. 27—29.

⁴ Шифр А-310. О его существовании мне сообщила бывшая заведующая архивом Ленинградск. отд. Ин-та востоковедения АН СССР А. И. Михайлова, за это я ей искренне признателен.

- 4-я — плохо различимые цифры, среди которых выявлены две тройки;
5-я, находящаяся слева сбоку, — «'Абд ар-Рахман»;
6-я, расположенная справа сбоку, — «Курайшит (Кураш)»⁵;
7-я, находящаяся справа, ниже 6-й, — одно не разобранные мной слово.

Почерк, которым сделаны надписи на печати, — насталик. По мнению старшего научного сотрудника Государственного Эрмитажа А. А. Иванова, такой почерк появляется на иранских печатях не ранее второй половины XVI в., а характерен он для печатей XVII в. и более поздних, причем не только иранских, но и изготовленных в соседних странах⁶.

Текст 2-й строки надписи на печати соответствует тексту, который согласно дагестанскому нарративному сочинению «Тарих Абу Муслима» (на свитке оно помещено, как уже говорилось, перед «Анонимом»), был на перстне известного политического деятеля VIII в. Абу Муслима Хорасанского⁷. В 5-й и 6-й строках надписи на печати упоминается курейшит Абд ар-Рахман, а по «Тарих Абу Муслиму», настоящее имя Абу Муслима Хорасанского было Абд ар-Рахман и происходил он от курейшита Абд ал-Мутталиба⁸. Можно предположить поэтому, что печать, которой скреплен изучаемый свиток, выдавалась за личную печать Абу Муслима Хорасанского.

Текст на свитке частично огласован и снабжен пояснительными подстрочными знаками.

«Шиназский аноним» написан по-арабски. Однако, грамматические ошибки, а также неправильное употребление слов приводят к выводу, что для автора «Анонима» арабский язык не был родным. В то же время в рассматриваемом источнике есть одно рутульское слово; это позволяет предположить, что автор был рутульцем.

Как уже отмечалось, в тексте источника немало ошибок. Так, рутульское слово «иахв» (полба) превращено в «фахвā» (смысл), в результате чего получилось, что в пользу шиназских правителей (халифа) на «род Бутак [наложено] два кафиза»⁹ смысла, а не два кафиза полбы; рутульский топоним Унад¹⁰ превращен в Унал; слово «йахруджūна» (они выходят) — в «йахзūна» (они позорятся); «лахфан» (покрывала, одеяло, большой платок; в винительном падеже) — в «лахā» (ее, ей) и т. д. Все это свидетельствует о том, что рассматриваемый текст «Анонима» — не авторский экземпляр, а копия, причем снятая малограмотным и невнимательным человеком.

«Шиназский аноним» помещен на свитке за «Тарих Абу Муслим». В конце же «Анонима» сказано, что правители Шиназского магала имеют право на привилегии и на повинности с населения, потому что их предком является Абу Муслим, которому, как известно, посвящен названный «Тарих». Следовательно, «Шиназский аноним» был написан в качестве продолжения «Тарих Абу Муслим».

Дагестанская историческая традиция, повествующая о событиях первых веков после хиджры, возникла, по мнению В. В. Бартольда, примерно в XV—XVI вв.¹¹ Это относится и к «Тарих Абу Муслим», оформление окончательной редакции которой, по аргументированному

⁵ Член арабского племени курайш, к которому принадлежал пророк Мухаммед.

⁶ Эти сведения А. А. Иванов любезно сообщил мне в письме от 9.IV.1979 г.

⁷ О нем см.: Бартольд В. В. Абу Муслим.— В кн.: Сочинения. Т. VII. М., 1971, с. 479, 480; Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII—XV веках. Л., 1966, с. 58—59.

⁸ Об Абд ал-Мутталибе см. Петрушевский И. П. Указ. раб., с. 15; о достоверности указанных фактов см. Бартольд В. В. Указ. раб., с. 479.

⁹ Кафиз — мера объема на Ближнем Востоке. О ней см.: Хинц В. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему; Давидович Е. А. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М., 1970, с. 51.

¹⁰ Ибрагимов Г. Х. Указ. раб., с. 122, 142.

¹¹ Бартольд В. В. Дагестан.— В кн.: Сочинения. Т. III. М., 1965, с. 412.

① فان اولاد هذا خليفة هم من ذيقي وان
 سفلوا فان صدر منهم الخطاء او العد فصاصاً
 او دية او قطعاً ② فيجب عليهم الاداء في القرية ولا
 يخرجون ③ منها اى خارجها اذ جاء شهناز نزل في منازلهم
 ضيقاً باجدادهم لانهم رؤساد ④ هؤلاء القرى الخمسة
 فانهم .. حرسون عقبات شنواض وسائر باشنى
 عشر خارجاً منها واهل قرية يلك وغريه اثل ⑤
 ينفقون لهم في ايام الحراسة بالعادة فلما جل هذا اعطي
 لاولاد الخليفة المذكور ما حصل من جماعة شنواض اعنى
 ثوراً ⑥ وسرابيل المسيسي بشوار وهم على ذمة قبيلة
 بطون قفيزان فخواً ⑦ وعلى ذمة قبيلة جهيل الات
 الحراة مع مصالحها اينى ⑧ بالتركى خيش يوبىه روغ
 وعلى ذمة قبيلة اكتافان ارسال عرسهم اليهم
 لامتياز التبن عن الجبوب وعلى ذمة ارشلوا ربعة
 رطل حديداً ⑨ وعلى المرسل اليهم ⑩ اعطاء ثلاثة اذرع
 لها ⑪ من مستور رأسها في وقت الرجوع الى اهلها
 وعلى ذمة جماعة شنواض ان يترثوا لهم ذروعهم
 ⑫ ثلاثة ايام في وقت الحراة وان يحصلوا لهم

ثلثة ايام في وقت الحصاد فان هذا اعنى خليفة

мнению А. Е. Криштопы, произошло не ранее второй половины XVI в.¹² Сказанное дает нам основание отнести и создание «Шиназского анонима» ко времени не ранее второй половины XVI в.

В источниках конца XVIII — начала XX в., уже проанализированных рядом исследователей, не упоминаются те повинности и сословные

¹² Криштопа А. Е. К вопросу о письменных источниках по периоду феодализма в Дагестане.— В кн.: Вопросы истории и этнографии Дагестана. Вып. VII. Махачкала, 1978, с. 150, 151.

لا يذهب (10) لاستقبال احد من الامراء والكبار العسكري
 شمال فاته رئيس اهال هؤلاء القرى الخمسة وقت
 خروج عسكرهم (11) فادا ارادت جماعة القرى الخمسة
 اطلاع مكتوب الخليفة فانهم اتوا ثوراً اى بابه وافقوا
 فيه ثم قرؤوه (12) واطلعوا بما في المكتوب هكذا جرت
 عادتهم عظيماً ونوعياً لأنهم اولاد ابو مسلم رضي الله
 عنه فلن كنتم تحبون الله ورسوله فلا تولوا عن اولادي
 وذرتي ما حاموا على معاونة في اجراء (13) احكام
 الشرع نصرنا الله تعالى واياكم امين بحرمة سبي المرسلين
 محمد المختار

1 Чит.	2 Чит:	3 Чит.
زخوا	زخروم	زخ
4 Чит.	5 Чит.	6 Чит.
زاملسلة	لحفا	زروهم

«Шиназский аноним». Цифры, заключенные в кружки, показывают деление автором текста перевода на абзацы и пункты

привилегии, на которые, по сведениям «Анонима», имели право шиназские правители — халифа¹³. Это, в свою очередь, позволяет думать, что публикуемый источник написан не позднее середины XVIII в.

Следовательно, «Шиназский аноним» создан не ранее второй половины XVI в. и не позднее середины XVIII в. Нам представляется, что составление его скорее всего относится к концу XVI — началу XVII в. Это подтверждается и материалами самого «Анонима»: в нем упоминаются куначеские связи между правителями Шиназского магала и шамхалами, которые могли иметь место, как мы покажем ниже, не позднее начала XVII в. (см. примеч. 4 к переводу).

Идея «Шиназского анонима» — закрепление прав и привилегий местной знати. Она выражена в конце сочинения, где автор от имени Абу Муслима призывает жителей Шиназского магала «не отворачиваться» от потомков Абу Муслима, т. е. признавать их господство. Видимо, автор «Шиназского анонима» либо сам был одним из представителей этой привилегированной фамилии, либо выполнял ее социальный заказ.

¹³ Об этом см.: Лавров Л. И. Указ. раб., с. 115—121, 133, 134; Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961, с. 185, 186; Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964, с. 165.

Ниже приводится перевод «Шиназского анонима».

Деление текста перевода на абзацы и пункты произведено автором этих строк.

ПЕРЕВОД¹

Отпрыски (валад) этого халифа — мои потомки, [почитайте их] даже если они опустятся².

1) Если с их [стороны] будут иметь место [убийства или ранения, совершенные] по ошибке (хатा) или с умыслом («амд), то их следует подвергать кровной мести (кисас), [уплате] дийата или отрезанию [соответствующей части тела] в селении (карят), не изгоняя за его пределы³;

2) Если в [Шиназский магал] приходит шамхал, то он останавливается в их жилищах (манзил) в качестве гостя их предков, потому что они — главы (райс) тех пяти селений⁴;

3) Они охраняют [горные] проходы Шинада и других [селений] с двенадцатью слугами (хадим) из [числа] его [жителей];

4) Жители селения Пилек и селения Унал⁵ по обычанию дают им содержание в дни [выхода на] охрану. За это же отпрыскам упомянутого халифа отдано и то, что получают⁶ с джамаата Шинада — я имею в виду быка и штаны⁷ по названию «шалвэр»;

5) На род (кабилат) Бутак [наложено] в их пользу два кафиза полбы (нахв)⁸;

6) На род Джакхар [поставка] орудий для пахоты вместе со [всем] необходимым (масалих) — я имею в виду [то, что] по-туркски [называют] «хиш байундуруг»⁹;

7) На род Акакан — отправка к ним своих невесток для отделения соломы от зерен;

8) На Арапшл — четыре ратла¹⁰ железа;

9) [Женщина], отправленная к ним, должна отдать [потомкам халифа] при возвращении к своим родичам (ахл) три зара¹¹ [ткани] от [большого] платка (лахф), покрывающего ее голову;

10) На джамаате Шинада [лежит обязанность] в период пахоты пахать для них их поля¹² в течение трех дней, а также жать им в течение трех дней в период жатвы;

11) Он — я имею в виду халифа¹³ — не ходит на встречу ни к кому из эмиров и великих людей (кабир), кроме воинов шамхала¹⁴;

12) Он является главой тех пяти селений, во время выступления их войска [в поход];

13) Когда жители пяти селений захотят ознакомиться с записью [адатов, хранящейся] у халифа, они приводят к его воротам быка и ставят его в них, а затем^{*} просят зачитать¹⁵ ее и, [таким образом], знакомятся с тем, что [говорится] в этой записи¹⁶.

Так.

Эти¹⁷ адаты установлены для возвеличивания [их] и придания [им] почета потому, что они — отпрыски Абу Муслима.

Если вы любите Аллаха и его посланника, то не отворачивайтесь от моих отпрысков и потомков до тех пор, пока они будут продолжать помогать [вам] в проведении установлений шариата¹⁸.

Примечания к переводу

1. Выше мы уже говорили, что на свитке между «Тарих Абу Муслима» и текстом «Шиназского анонима» находится несколько кратких записей о легендарной предыстории ислама и о появлении этой религии в Дагестане. В них, в частности, сообщается: «Завоевание стран ислама (Иран, Сирия.—Т. А.) и селений в окрестах (нахийат) Дагестана и Шарвана [имело место] через триста лет после хид-

жры [пророка]..., во время прихода туда Абū Муслима. С тех пор как в этом нашем округе имеют место установления шариата, [прошло] после завоевания [его мусульманами? — Т. А.] восемьсот пятьдесят три года» (300 г. х.=912—913 гг., 1153 г. х.=1740—1741 гг.).

Содержание первой записи имеет прямые параллели в «Тарих Абу Муслим» (о достоверности содержания записи см.: Шихсаидов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане. Махачкала, 1969, с. 153—156).

2. Согласно «Тарих Абу Муслим», при расселении «потомков Абу Муслима Хорасанского» в Дагестане один из них, по имени Мухаммад, кажется, сын михтара Синджаба, обосновался в сел. Шиназ. В тексте «Анонима» — здесь и в пункте 4 — титул «халифа»дается скорее всего этому Мухаммаду, а фраза же о его отпрысках приписана самому Абу Муслиму.

3. Об этом см.: Петрушевский И. П. Ислам..., с. 165—168; Комаров А. В. Сборник адатов шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского.— В кн.: Памятники обычного права..., с. 187—189, 192, 193, 198, 199.

4. В тексте «Анонима» приведены названия трех из пяти селений магала: Пилек, Уна и Шиназ. Источник XIX в. позволяет предположить, что оставшиеся два селения — это Амсар и Кала (см.: Описание Самурского округа, с. 27—29).

В XIV — начале XVII в. дагестанские шамхалы значительную часть года проводили в подвластном им Казикумхе, который расположен довольно близко от Шиназского магала, признававшего, как отмечено ниже, верховенство названных правителей (см.: Шихсаидов А. Р. Новые эпиграфические памятники.— В кн.: Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1978—1979 гг. Махачкала, 1980, с. 42—44; Бартольд В. В. Дагестан, с. 411—414; Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 1. М., 1966, с. 214, 215; ч. 2, М., 1968, с. 153; История Дагестана. Т. I. М., 1967, с. 183, 184, 247, 248; Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963, с. 42—47). В последующее время, однако, шамхалы потеряли свою власть в Казикумхе и других частях горного Дагестана, за исключением Акуши (см.: История Дагестана, т. I, с. 247—250; Письмо Даргинского общества к ген. Ермолову от 1-го сафара — 1242/1826 года.— В кн.: Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. VI, ч. II. Тифлис, 1875, с. 85; Айтберов Т. М., Шихсаидов А. Р. Из дагестанских памятных записей.— В кн.: Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980, с. 114). Торжественные посещения ими ранее подчиненных земель, как известно, прекращаются (см.: История Дагестана, т. I, с. 249). О поездках же шамхалов в верховья р. Самура в середине XVII—XIX в. в источниках сведений нет. Все это и дало нам основание думать, что куначеские связи между шамхалами и главами Шиназского магала, о которых говорится в «Анониме», не могли иметь место позднее начала XVII в.

5. Чит. «Унад». Об этом см. Ибрагимов Г. Х. Указ. раб., с. 142.

6. Букв. «получено».

7. Здесь говорится о нескольких парах «шальвар».

8. «Нахв», как уже говорилось, слово рутульское. Полбу и сейчас выращивают в Шиназе (см. Агаров М. Очерк этнографии земледелия Южного Дагестана.— В кн.: Дагестанский этнографический сборник. Вып. 1. Махачкала, 1974, с. 210—211).

9. В переводе с азербайджанского: «соха с яром».

10. Об этой мере см. Хинц В. Указ. раб., с. 64—71.

11. Об этой мере см. Хинц В. Указ. раб., с. 64.

12. Букв. «посевы».

13. Здесь «халифа» — это глава Шиназского магала в конце XVI — начале XVII в.

Термин «халифа» арабский. Его первоначальное значение — заместитель, наместник. Надо полагать поэтому, что институт шиназских «халифа» происходит от наместников, поставленных когда-то в Шиназе соседними мусульманскими правителями.

14. Текст «Анонима» дает основание думать, что шиназский халифа в изучаемый период признавал верховенство шамхалов.

Противопоставление воинов эмирят и прочей знати свидетельствует, на наш взгляд, о том, что в источнике речь идет о военных вассалах шамхала, происходивших из родовых фамилий.

15. Букв. «заставляют зачитывать».

16. Аналогичный порядок существовал в другой части Дагестана — Кайтаге

(см.: Магомедов Р. Свод заповедных законов Кайтаг-Дарго. Махачкала, 1964, с. 27; Постановления Кайтахского уцмия Рустем-хана.— В кн.: Из истории права народов Дагестана. Материалы и документы./Сост. Омаров О. С. Махачкала, 1968, с. 176; Уцмневские адаты.— Там же, с. 195).

17. Букв. «Их».

18. Эти слова приписываются, по-видимому, Абу Муслиму Хорасанскому (см. примеч. 2).

К моменту написания «Анонима» положение «потомков Абу Муслима» в Шиназском магале, вероятно, пошатнулось, раз возникла необходимость в таком обращении к жителям. Можно полагать, что это случилось в результате каких-то социально-политических перемен в рутульских обществах (падение власти шамхалов в большей части горного Дагестана?). Следует отметить, что не позднее конца XVIII в. в Шиназском магале произошло то же, что и в ряде других районов Кавказа: население освободилось от власти феодалов и учредило у себя демократические порядки (см. Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978, с. 14, 15).

Публикуемый источник дает представление о некоторых сторонах общественного строя части рутульцев — жителей Шиназского магала в конце XVI — начале XVII в.

Магал составляли пять селений — Шиназ, Пилек, Уна, а также, видимо, Амсар и Кала. Среди населения магала «Аноним» выделяет две общественные категории: рядовых крестьян и привилегированную фамилию «потомков Абу Муслима Хорасанского»; вполне вероятно также, что там, как и в других частях Дагестана, были рабы, не отмеченные, однако, в «Анониме».

Крестьяне магала были объединены в сельские общины-джамааты. У них сохранялись и патронимии (в арабском тексте «Анонима» — кабилат), служившие единицей обложения повинностями, что содействовало консервации этой социальной единицы. В юридическом отношении крестьяне были, вероятно, свободными людьми, о чем свидетельствует их право на кровную месть и дийат в отношении членов привилегированной фамилии.

«Потомки Абу Муслима» за убийство или ранение рядового общинника хотя и подвергались наказанию в соответствии с нормами шариата, но их не изгоняли при этом из селения, как того требовал адат в отношении непривилегированной категории населения. Из этой фамилии выходили главы Шиназского магала, носившие титул «халифа».

Халифа командовал ополчением магала. Он был обязан также с 12 «слугами» охранять горные проходы, ведущие к главному сел. Шиназу; за это жители Пилека и Уна давали халифе в дни охраны «содержание», а шиназцы (ежегодно?) быка и несколько пар шальвар.

Жители Шиназа должны были ежегодно отработать на полях халифы по шесть дней: три дня во время пахоты и три в период жатвы. В его пользу несли ряд повинностей некоторые тухумы магала. Например тухум Бутак давал халифе ежегодно по 2 кафиза полбы; тухум Джаддар поставлял пахотные орудия «со [всем] необходимым»; тухум Акакан отправлял на его ток своих невесток для пропеивания зерна; Арашлу поставлял ему (ежегодно?) по 4 ратла железа. Каждая крестьянка, отправляемая к халифе (из текста, к сожалению, не ясно, с какой целью), должна была при возвращении к своим родичам отдать ему 3 зара ткани от большого головного платка (типа покрывала). С общинников, пожелавших ознакомиться с записями хранившихся у халифы местных адатов, брали одного быка.

Среди феодальных правителей Дагестана халифа пользовался уважением, он был наследственным кунаком шамхала; если кто-нибудь из эмиров или знатных людей, не принадлежавших к числу шамхальских вассалов, проезжал через Шиназский магал, то он был обязан первым посетить халифу в его доме и высказать ему тем самым уважение.

Публикуемый источник дает, таким образом, основания характеризовать общественный строй рутульцев Шиназского магала конца XV — начала XVII в. как феодальный.

Г. Д. Джавадов

**ТРАДИЦИОННОЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЕ ПАХОТНОЕ
ОРУДИЕ *гара котан****

Историко-этнографическое изучение традиционной земледельческой техники представляет большой научный и практический интерес. В этом плане этнографами Азербайджана сделано немало. Создана классификация земледельческих орудий, определены области их распространения, реконструированы некоторые традиционные, ныне исчезнувшие виды и т. п.¹. Все эти материалы широко используются составителями Азербайджанского историко-этнографического атласа.

Разнообразие почвенно-географических условий Азербайджана, а также способов ведения земледельческого хозяйства обусловили применение здесь различных типов пахотных орудий. Так, широко было распространено орудие типа рала — *хыш* и его разновидности. Земледельцы Азербайджана, опираясь на опыт предшествующих поколений, знали, на каких почвах рациональнее использовать ту или иную разновидность *хыша*. Для первой обработки подсечных почв обычно применяли изготовленный из цельного куска дерева *колахыш*, для пахоты залежных земель — *уламалыхыш* — безотвальное орудие с грядилем. Кроме *хыша* пахали плугами — *дийирчекли котаном* и *гара котаном*.

Данная статья посвящена одному из основных типов азербайджанских пахотных орудий — тяжелому отвальному плугу *гара котан*. Народ дал ему несколько названий, в которых отражены те или иные особенности орудия: *ата-баба котаны* (плуг предков), *агыр котан* (большой тяжелый плуг), *кэл котаны* (буйволинный плуг), *эйрибазы ко-*

* В основу статьи положен доклад, прочитанный на Всесоюзной сессии, посвященной итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1976—1977 гг.

¹ Измайлова А. А. О некоторых пахотных орудиях Ленкоранского, Лерикского и Астаринского районов (в конце XIX — начале XX в.). — Докл. АН АзССР, 1964, № 2; Гулиев Ш., Рустамов Я., Бунятов Т. Азербайджанский тяжелый плуг — *гара котан*. — Докл. АН АзССР, 1964, № 6 (на азерб. яз.); Гулиев Г. А. О пахотных орудиях и системах земледелия в Азербайджане. — Азербайджанский этнографический сборник. Вып. II. Баку: Элм, 1966; Бунятов Т. А. К истории земледелия в Азербайджане. Баку: Элм, 1964 (на азерб. яз.); Джавадов Г. Дж. Некоторые земледельческие орудия северо-восточного Азербайджана. — Изв. АН АзССР. Серия истории, философии и права, 1966, № 2 (на азерб. яз.); *его же*. О пахотных орудиях Талышской зоны Азербайджана. — Там же, 1975, № 4 (на азерб. яз.); *его же*. О пахотных орудиях Шеки-Закатальской зоны Азербайджана в XIX — начале XX в. — Докл. АН АзССР, 1975, № 1; *его же*. Об орудиях молотьбы «джарджар» в Азербайджане. — Там же, 1976, № 2; *его же*. Земледельческая техника Нахичеванской этнографической зоны Азербайджана в XIX — начале XX в. — Изв. АН АзССР. Серия истории, философии и права, 1976, № 4; *его же*. Орудия боронования в Азербайджане (XIX — начало XX в.). — Сов. этнография, 1977, № 4; *его же*. Классификация пахотных орудий Азербайджана. — Изв. АН АзССР. Серия истории, философии и права, 1979, № 3 (на азерб. яз.); *его же*. Земледельческие орудия Азербайджана в XIX — начале XX в. Баку: Элм, 1979 (на азерб. яз.); Гулиев Ш. А. Рисоводство в Азербайджане (историко-этнографическое исследование). Баку: Элм, 1977 (на азерб. яз.).

тан (кривогрядильный плуг), *агач котан* (деревянный плуг). Однако повсюду в Азербайджане для него было единое название — *гара котан*².

Азербайджанский термин *гара котан* состоит из двух частей: *гара* и *котан*. Слово *кара* (*гара*) в тюркских языках имеет ряд значений: «земля», «суша», «огромный», «большой»³. О термине *котан* написано немало⁴, но этимология и происхождение его до сих пор не вполне ясны и требуют специального исследования. В языках многих народов Кавказа плуг обозначается терминами, аналогичными азербайджанскому: *kutan* (арм.), *kotan* (курд.), *gutani* (груз.), *a'-k'-atan* (абх.), *kutan* (аварск.), *kotan* (удинск.), *gutan* (дарг.), *götan* (балкарск., чеченск.), *guton* (осетин.)⁵. В. В. Радлов и Л. З. Будагов считали термин *котан* азербайджанским⁶. А. Н. Генко высказал предположение, что слово *котан*, означавшее тяжелый плуг с упряжкой, не является коренным ни для одного из названных языков⁷. Г. С. Читая также относил это слово к заимствованным⁸. По мнению В. И. Абаева, термин *guton/goton* общеизвестный, и происхождение его пока не выяснено⁹.

В Азербайджане термином *котан* обозначалась также мера земельной площади. Например, в указе Шейх-Алихана Кубинского от 1806 г. упоминается «участок [земли] размером в один *котан*»¹⁰. В том же значении слово *котан* применялось в Дагестане. Кумыки так называли поле, засеваемое 12 мешками зерна, т. е. от 12 до 15 дес. земли¹¹. В средневековой Турции термин *котан* тоже имел два значения: «плуг с упряженной быков» и «мера земли, вспаханная таким плугом за день»¹².

Большой плуг *гара котан* был известен в Азербайджане (и повсюду в Закавказье) в IX—XII вв.¹³ В XIX — начале XX в. он был основным пахотным орудием в большинстве районов Азербайджана. В последующие годы традиционный *котан* постепенно вытесняли заводские плуги, и сейчас его практически нет. Образцов этого орудия не имели даже республиканские музеи. Чтобы восполнить этот пробел, *гара котан* по нашей просьбе был реконструирован старейшими жителями с. Алпан

² Джавадов Г. Д. Земледельческие орудия Азербайджана в XIX — начале XX в., с. 50—51; Гулиев Ш., Рустамов Я., Бунятов Т. Указ. раб., с. 82.

³ Кононов А. Н. О семантике слов «кара» и «ак» в тюркской географической терминологии. — Изв. отд. общ. наук АН ТаджССР, 1954, вып. V, с. 83—85; Книга моего деда Коркута. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1962, с. 259.

⁴ Генко А. Н. О названиях плуга в северокавказских языках. — Докл. АН СССР, 1930, № 7, с. 128—135; Читая Г. С. Ксанское пахотное орудие. — Вестн. Ин-та языка, истории и материальной культуры. Т. V, VI. Тбилиси, 1940 (на груз. яз., резюме на русск. яз.); Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1958, с. 527.

⁵ Генко А. Н. Указ. раб., с. 133—134; Абаев В. И. Указ. раб., с. 527.

⁶ Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. II, ч. 2, СПб., 1899, стб. 1216; Будагов Л. З. Справительный словарь турецко-татарских наречий. Т. II, СПб., 1871, с. 114.

⁷ Генко А. Н. Указ. раб., с. 134.

⁸ Читая Г. С. Указ. раб., с. 505.

⁹ Абаев В. И. Указ. раб., с. 527.

¹⁰ Шукюрзаде Э. Б. Указы кубинских ханов. Баку (Научный архив Ин-та истории АН АзССР, ф. 1, д. 6881, док. 30).

¹¹ Гаджиева С. Ш. Кумыки. М.: Изд-во АН СССР, 1961, с. 63.

¹² Barkan O. L. XV ve XVI-ci asirlarda Osmanli Imparatorlugunda zirai ekonomikin hukuki ve mali esaslar. Berinci cilt, Kanunlar. Istanbul, 1943, p. 132.

¹³ Гулиев Ш., Рустамов Я., Бунятов Т. Указ. раб., с. 82; Джавадов Г. Д. Земледельческие орудия Азербайджана в XIX — начале XX в.; с. 42; Ибрагимов Ф. А. Металлообрабатывающее ремесло в средневековых городах Азербайджана в IX—XIII вв. Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук, Баку: Ин-т истории АН АзССР, 1969, с. 11; Ахмедов Г. М. Средневековый город Байлакан. Баку: Элм, 1979, с. 155 (на азерб. яз.); Кафадарян К. Г. Город Двин и его раскопки. Ереван, 1952, с. 155 (на арм. яз.); Джалаабадзе Г. В. К истории земледельческих орудий Восточной Грузии: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Тбилиси: Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН ГССР, 1955, с. 9; Народы Кавказа. Т. II (серия Народы мира. Этнографические очерки). М.: Изд-во АН СССР, 1962, с. 239.

Кубинского района и затем отдан в Музей истории Азербайджана АН Азербайджанской ССР¹⁴.

Изготавлялся гара котан в селах, расположенных в лесной полосе, специальными мастерами по дереву, работавшими в основном на заказ. Этот процесс начинался с заготовки древесины: для каждой детали выбирались наиболее подходящие породы дерева. Древесину сушили или обжигали, и только после этого придавали ей нужную форму.

В гара котане различали три основные части (см. рис. 1): собственно плуг, колесный передок и яремную. Корпус плуга состоит из подошвы (3), грядиля (1), передней стойки (6), соединяющей грядиль с подошвой, и задней стойки (4) с рукояткой (5) для управления плугом. Рабочие части плуга — асимметричный втульчатый лемех (7) в форме треугольника, отвальная доска (2), один конец которой фиксируется у передней, другой — у задней стойки, и резец (8), укрепленный в грядиле. Колесный передок состоит из оси (11), двух колес (9) разных размеров (обычно колесо, идущее по борозде, больше, чем колесо, идущее по невспаханной полосе), ступицы (10), правила с подмогой (кривулиной) (12), соединительного бруса (13), дышла (14). Соединительный стержень (15) скрепляет дышло с правилом с подмогой. На оси передка закрепляется грядиль плуга.

К яремной части относятся несколько ярем нашейного типа (18), ремень (16), несколько смычек (19) и колышков (20), колотушка (21). На перекресте ярем и смычек закреплены бруски-сидения (17) для погонщиков.

Все части и детали плуга имели названия:

1. Грядиль	— <i>еърибазы, гол. ешишк</i>
2. Отвальная доска	— <i>тахта, чевирен, лайдыр</i>
3. Подошва	— <i>топал, бине, котук, денд, диш</i>
4, 5. Стойка с рукояткой ¹⁵	— <i>деста, тутаг, елчек, мач//маж</i>
6. Передняя стойка	— <i>дараг</i>
7. Лемех	— <i>демир, гавахын</i>
8. Резец	— <i>кылынч, зивинч</i>
9. Колеса	— <i>текер, чарх, дийирчек, зийрик</i>
10. Ступица	— <i>топ, текер топу</i>
11. Ось	— <i>ох</i>
12. Правило	— <i>колбасан, чембер, алаф тахтасы</i>
13. Соединительный брус	— <i>гыр</i>
14. Дышло	— <i>еждаха, чилле</i>
15. Соединительный стержень	— <i>шиликар</i>
16. Ремень	— <i>гайыш, каган, чанчерек</i>
17. Сидения погонщиков	— <i>отурачаг тахтасы</i>
18. Ярмо	— <i>боюндуруг</i>
19. Смычки	— <i>чаталлар</i>
20. Колышки	— <i>самы//соначулे</i>
21. Колотушка	— <i>тохмаг, топпуз, парасанг</i>

¹⁴ Этнографический фонд Музея Истории Азербайджана АН АзССР, № 7708/КП 10213.

¹⁵ Термин *мач//маж* («рукоятка») нашел отражение в холоварах — древних земледельческих песнях азербайджанцев:

Даг дёшунде ятана

Ложась на склон горы,

Гюн гедер ай батана

Солнце идет к закату луны.

Гара келим гаргыяр

Мой черный буйвол бранит.

Котан мажы тустана

Держащего рукоятку плуга.

Или:

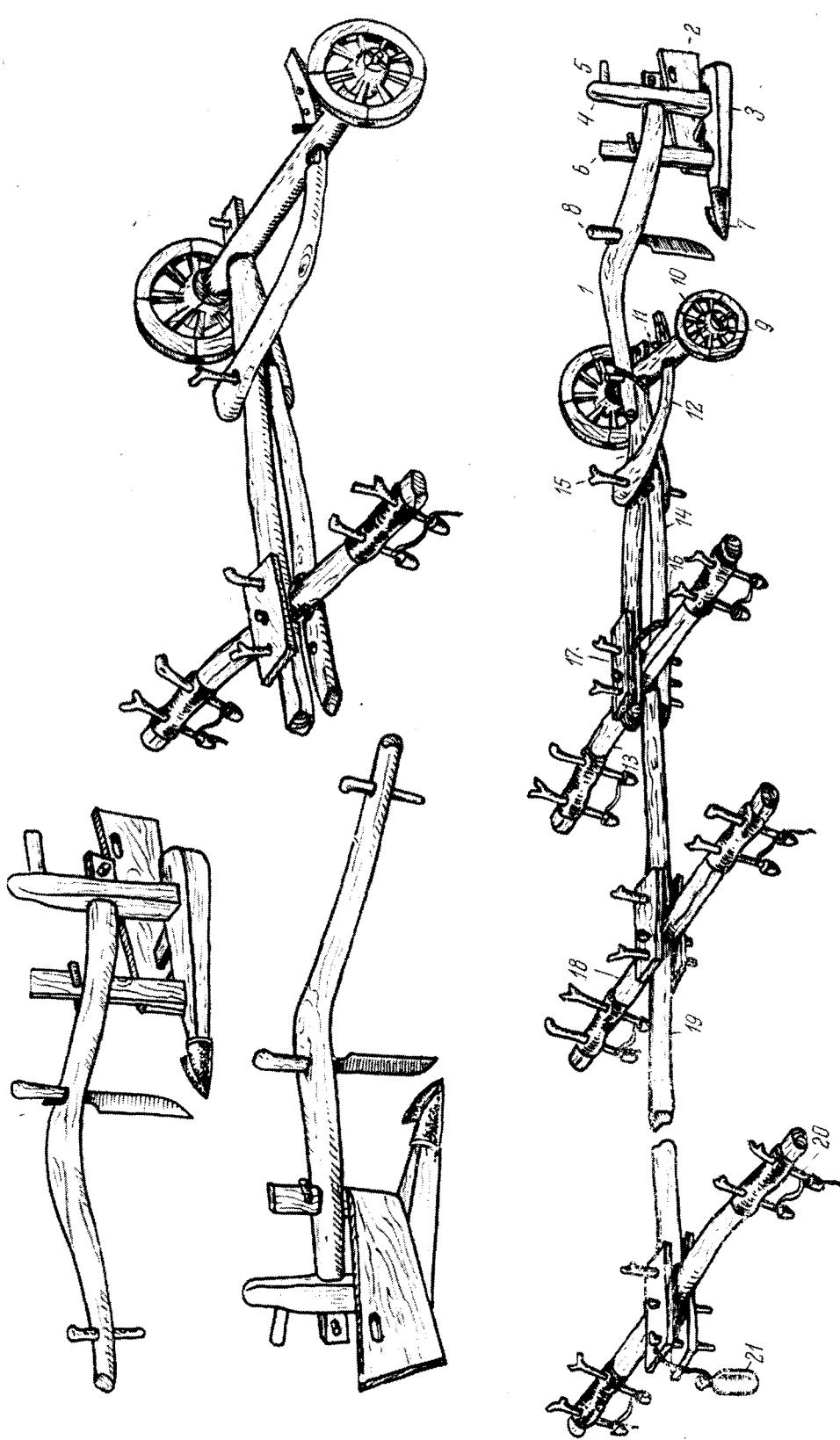
Котан мажы гырылды

Рукоятка плуга сломалась,

Зехметим боша кетди

Труд мой пропал.

См. Баяты, Баку, 1956, с. 567—568 (на азерб. яз.).

Одной из характерных особенностей гара котана является естественная кривизна грядиля (длина 2,1 м). Отмечая это, И. Серебряков писал: «Грядило у плуга в Елисаветпольском уезде делается из ясеня и представляет кривую линию с двумя изгибами. Изгибы эти не во всех плугах одинаковы, так как они природны и не придаются дереву рукой мастера»¹⁶. Грядиль выпуклой частью был обращен кверху, передний конец его лежал на оси передка. Подошва плуга (длина 1,2 м, ширина 20 см), являвшаяся опорой орудия, соединялась с грядилем и отвальной доской двумя вертикальными стойками. На подошву крепили лемех.

Отвал имел изогнутую, «отваливающую» форму (длина 1,15 м, ширина 28 см, толщина 5 см).

Металлическими частями котана были только резец и лемех. Резец (длина 50—60, ширина — 6—8 см) разрезал пласт земли по вертикали. Лемехи гара котана во всех районах Азербайджана были примерно одинаковой асимметричной формы и различались только размерами, зависящими от почвы¹⁷. Во время этнографических экспедиций в Дивичинском, Кубинском, Кусарском и Шемахинском районах нами обнаружено несколько лемехов (рис. 2).

Как уже говорилось, гара котан имел два колеса¹⁸. Обод каждого из них состоял из четырех дугообразных частей, изготовленных из ясения. Регулировка глубины вспашки и ширины отваливаемого пласта производилась правилом, закрепленным на соединительном брусе и на оси колесного передка.

Тягловый скот впрягали при помощи смычек. Деревянные смычки в отдельных случаях заменялись ремнями. Такие ремни делали специальные мастера (*серраджи*) из сплетенных определенным образом полос буйволиной кожи (рис. 3). На один ремень требовалось две-три буйволиные шкуры. Поэтому владелец ремня считался одним из совладельцев (пайщиков) сборного плуга. Для соединения орудия с первым ярмом употреблялся ремень менее плотного плетения — *чембер* или *баш гайышы* (рис. 3, 1).

Основным упряженным приспособлением для тягловых животных было ярмо, которое изготавлялось из твердых пород дерева¹⁹. На концах круглого бревна длиной около 2 м делались по два вертикальных отверстия, в которые вставлялись колышки длиной 30—40 см. Когда впрягали вола, колышки оказывались по обе стороны шеи животного и соединялись под нею веревкой (*самыбагы*). Чтобы ярмо не натирало шею, на внутренней части его крепили специальную подушку *ястыг* из бараньей шкуры шерстью внутрь. В середине ярма делалась выемка для привязывания грядиля.

¹⁶ Серебряков И. Л. Сельское хозяйство в Елисаветпольском уезде. Тифlis, 1862, с. 107.

¹⁷ Джавадов Г. Д. Земледельческие орудия Азербайджана в XIX — начале XX в., с. 55—57; *его же*. О формах лемехов азербайджанского тяжелого плуга гара котана.— Докл. АН АзССР, 1979, № 11.

¹⁸ *Calx* («колесо») — общеиндоевропейское слово, распространено и в кавказских языках; арм. *'aҳg* — «вращение»; груз. *сагхі* — «станок», *‘чан*», *сагха* — «колесо»; авар. *сагх* — «точило»; анд. *сагх* — «колесо»; лезг. *сагх* — «точило»; кабард. *сагх*, чечено-ингушск. *сагх* — «колесо» (см. Абаев В. И. Указ. раб., с. 288).

¹⁹ Термин, означающий ярмо, в несколько измененной форме — *боюнтурк*//*боюнтирик*//*бойундурук*//*моюнтурк*//*муинтурк* распространен также среди турок и ряда тюркоязычных народов Средней Азии; см.: *Mürsel Köse. Karsta kötän*.— *Turk soñklor Arastırımları*, 1963, № 170, S. 3176; *Курилев В. П. Хозяйство и материальная культура турецкого крестьянства (новейшее время)*. М.: Наука, 1976, с. 39; *Джаббаров И. М. Из истории техники и культуры земледелия Южного Хорезма (конец XIX — начало XX в.)*.— В кн.: *История материальной культуры Узбекистана*. Вып. 2. Изд-во АН УзССР, 1961, с. 283—287; *Бежкович А. С. Историко-этнографические особенности киргизского земледелия*.— В кн.: *Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана*. Л.: Наука, 1973, с. 39; *Атаев К. О приемах земледелия туркмен Атека в конце XIX — начале XX в.*— В кн.: *Очерки по истории хозяйства и культуры туркмен. Ашхабад: Ылым, 1973*, с. 55.

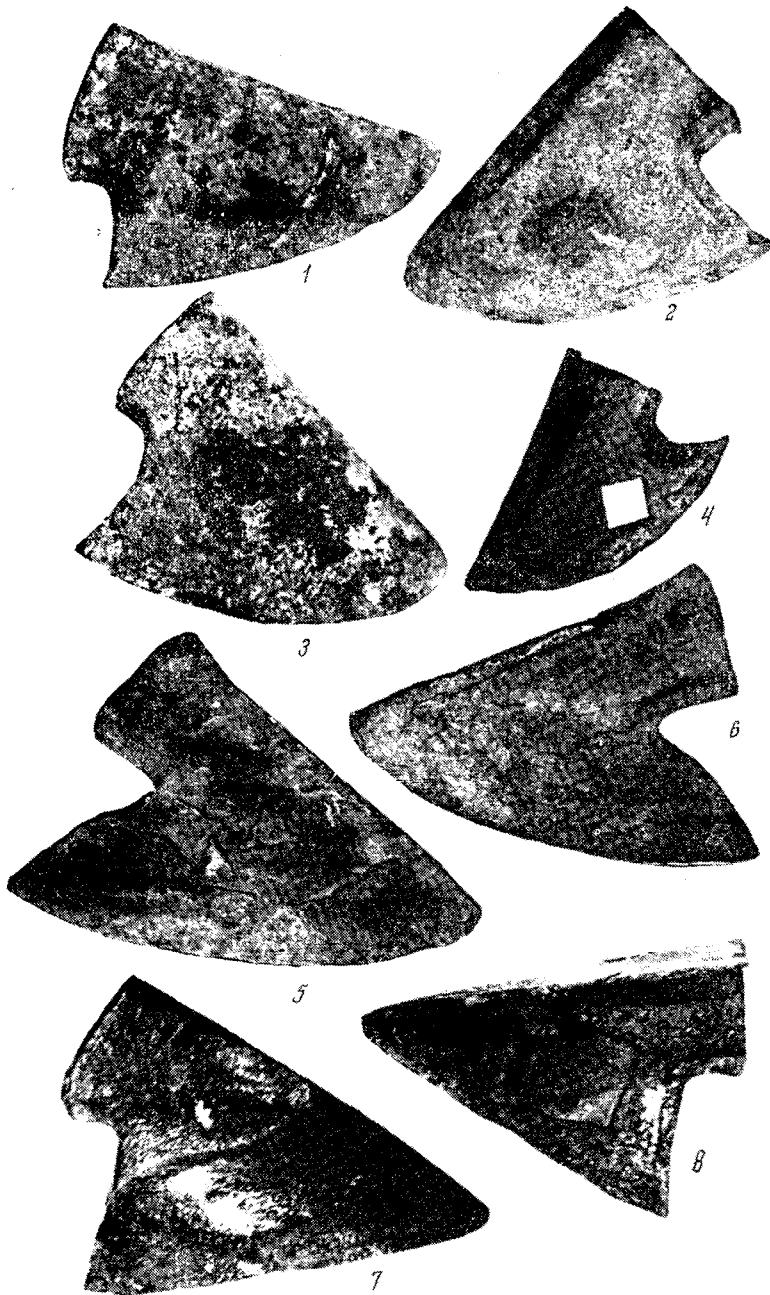

Рис. 2. Лемехи гары котана. 1, 2 — найдены в равнинной части (с. Пирамисан Дивичинского р-на; длина 43 см, ширина втулки 33 см, ширина передней части 5 см). 3, 4 — найдены в предгорной части (с. Рустов Кубинского р-на и с. Гиль Кусарского р-на; длина 37 см, ширина втулки 24 см, ширина передней части 5 см). 5, 6 (с. Чанахчай Дашибесанского р-на; длина 50 см, ширина втулки 23 см, ширина передней части 4 см). 7, 8 (с. Хыныслы Шемахинского р-на; длина 53 см, ширина втулки 22 см, ширина передней части 3 см)

В тяжелый плуг впрягали (в зависимости от почвы и характера местности) от 4 до 12 пар волов или буйволов. Обычно упряжки чередовали: в первую пару впрягали буйволов как более сильных животных, во вторую — волов, затем опять буйволов и т. д. По этому поводу И. Л. Серебряков писал: «... для плуга оказывается необходимым около 10 пар волов, а если впрягаются и буйволы, что большею частью и бывает, тогда при трех парах буйволов нужно еще, по крайней мере, 5 пар волов. Одним словом... плуг требует рабочей силы более, чем всякое подобное ему орудие в мире»²⁰. Аналогичные сообщения мы встречаем в записках иностранных авторов. А. Петцольд, путешествовавший по Закавказью и побывавший в Азербайджане в 1863 г., писал, что местные орудия обработки почвы все без исключения грубы и тяжелы: «важнейшее» из них — «плуг, для приведения в движение коего часто необходимо не менее 20 буйволов и быков... Едва ли поверят этому в Европе, скорее сочтут невероятностью»²¹. Сюжеты связанные с традиционной упряжью гара котана, встречаются нередко в азербайджанском фольклоре²².

В зависимости от природных условий менялась конструкция пахотного орудия, а также число волов в упряжке. Так, в низинных частях Казахского уезда на поливных землях тяжелый плуг не употреблялся. На возвышенных местах использовали плуг менее громоздкий, в который впрягали 8—10 пар, а в предгорьях до 12 пар волов²³. Для каждой пары тягала в разных зонах Азербайджана были определенные названия (см. таблицу).

По традиции каждыми двумя парами тягала управлял один человек (*чукухчу ходак*). Погонщик первой и второй пар назывался *харазан ходагы*, третьей и четвертой — *гарагайыш ходагы*, пятой и шестой — *текбойун ходагы*, седьмой и восьмой — *хорук ходагы* или *ходек баши*. По сообщению А. К. Алекперова, в зоне Лачина и Кельбаджара в

²⁰ Серебряков И. Л. Указ. раб., с. 103.

²¹ Отчет о сельскохозяйственном путешествии по Закавказскому краю проф. А. Петцольда в 1863 году.— В кн.: Записки Кавказского общества сельского хозяйства. Год десятый, № 1. Тифлис, 1864, с. 4.

²² Однажды старик пахал хышем, рассказывается в одном из преданий. Когда он увидел, что в их село везут невесту, то вышел на дорогу и, по обычаю, положив на землю хлеб и соль, преградил путь свадебной процессии. В таких случаях традиция требовала, чтобы везущие невесту выставили вперед силача. Если он не победит преградившего путь, сопровождающие невесту обязаны были дать ему подарок-выкуп. Однако старик сказал, что бороться он не может, но взамен предложил такую загадку:

Бой ола, ай байгуш ола,
Байгуда ятан гуш ола.
Сэксэн айаг, гырх буйнуз
Бу нэ эчб иш ола?

Будь счастлива, будь славной птицей,
Живи этой птицей в гнезде.
Восемьдесят ног, сорок рогов,
Что это может значить?

Сопровождающие невесту не смогли найти ответа и опечалились. Ответ на загадку нашла невеста. Укрытая традиционным покрывалом, она не имела права вступать в беседу, но шепнула свахе ответ на загадку, и та сказала:

Бой ола, бойтан ола,
Байгуда ятан ола
Сэксэн айаг, гырх, буйнуз,
Баба, олмая котан ола?

Счастлива будет, славна будет,
Будет жить в гнезде.
Восемьдесят ног, сорок рогов,
Дед, не плуг ли это?

В другом баяты говорится:

Дагдан кэлир дан гара,
Гүйругу Ширван гара.
Ериши таппыр-туппур
Дирнагы сэксэн гара

С горы идет великий восход,
Хвост огромен, как Ширван.
Походка его неровная,
Восемьдесят огромных копыт.

(См. Джавадов Г. Д. Земледельческие орудия Азербайджана в XIX — начале XX в., с. 67).

²³ Ерицов А. Д. Экономический быт государственных крестьян Казахского уезда Елисаветпольской губернии.— Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края (далее — Материалы...). Т. II, ч. II. Тифлис, 1886, с. 156.

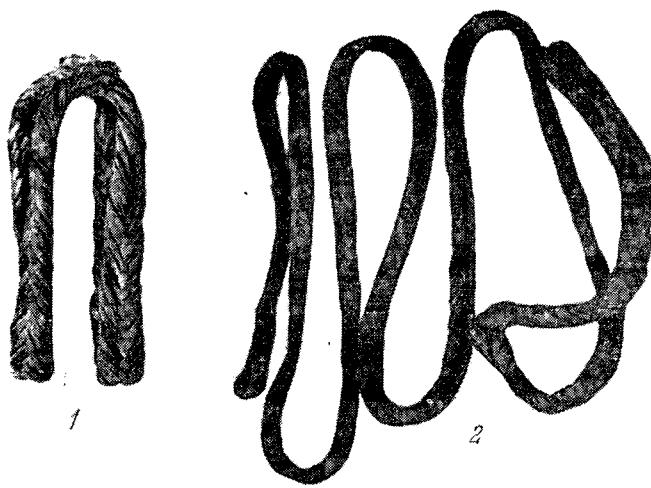

Рис. 3. Ремни плуга гара котан: 1 — чембер (бай гайышы), 2 — гайыш (каган)

курдских селениях первый погонщик именовался *ходак амбулчи*, второй — *ходак торза*, третий — *ходак салхов*, четвертый — *ходак пеши*²⁴.

Первыми парами тягла управляли наиболее опытные погонщики, последними — иногда новички. Для каждой пары выбирали соответствующих (совместимых) животных. В первой паре шли обычно послушные, спокойные и самые сильные животные. От этой пары во многом зависела пахота. Пахарем (*котанчи*, *гарван*, *мажгал*, *котан анасы*, *речджбар*) был, как правило, опытный в сельских работах крестьянин.

Наблюдавший процесс пахоты котаном А. Петцольд писал, что в области хозяйства он не знает более удивительного зрелища, чем вспашка гара котаном. Каждый погонщик сидел на специальном бруске-сидении и управлял двумя парами тягла, находившимися перед ним. Погонщики объяснили А. Петцольду, что, когда они сидят на этом брусье, ярмо лучше держится и это облегчает работу²⁵. У переднего ярма погонщик не сидел, поэтому к середине этого ярма подвешивали тяжелую деревянную колотушку, чтобы оно не поднималось.

Одновременно колотушка выполняла роль молотка, ударами которой закрепляли расшатавшиеся части плуга.

Небольшие по численности крестьянские семьи, преобладавшие в Азербайджане в конце XIX — начале XX в., экономически были мало-мощны и обычно не имели в своем хозяйстве гара котана. «Трудно найти хозяина, у которого имелось бы такое количество рабочего скота, — писал Н. А. Абелов, — поэтому здесь (в зоне Геокчая и Шемахи. — Г. Д.), как вообще повсеместно у туземцев, имеют большое применение „супряги“. При работе туземным плугом обязательно должно участвовать пять работников. Сборный плуг с 4-мя и 5-ю парами рабочего скота распахивает 5 и 6 полос, распределемых между хозяевами скота и плуга»²⁶. Индивидуальное использование таких плугов было характерно лишь для зажиточных, кулацких хозяйств и крупных землевладельцев беков. Живший на рубеже XVIII—XIX вв., автор «Истории Карабага» Мирза Джамал, повествуя о доходах Ибрагим-хана

²⁴ Алекперов А. К. К вопросу об изучении культуры курдов.— В кн.: Исследования по археологии и этнографии Азербайджана. Баку: Изд-во АН АзССР, 1960, с. 145.

²⁵ Petzoldt A. Der Kaukasus. Eine natur-historische sowie land- und volkswirtschaftliche Studie. Leipzig, 1867, S. 124.

²⁶ Абелов Н. А. Экономический быт государственных крестьян Геокчайского и Шемахинского уездов Бакинской губернии.— Материалы..., т. VI, 1887, с. 128.

Названия упряжных пар

Упряженные пары	Этнографические зоны				
	Куба-Хачмасская и Ширванская	Гянджабасарская	Казахская	Карабахская и Зангелан-Кубатлинская	Нахичеванская
Первая *	Диб, топгел	Хамбал	Хоразен	Амбыл//хамбил	Амбыл//хамбыл, диб, дигов
Вторая	Чарго, чаргов	Гарагайыш	Салламчаг	Амбыл габагы, даллаг	Чаргов
Третья	Миник, орта	Дабан, чергой	Гарагайыш	Гарагайыш	Гарагайыш
Четвертая	Чилов, хорук	Чилой, йедек	Гарагайыш, сурейи	Саскуп, ходаг	Орта
Пятая			Текбююн	Зыггыр	Сазгил
Шестая			Текбююн алты	Терези	Габаг
Седьмая			Хёрук алты	Терези габагы	Хёрук алты
Восьмая			Хёрук	Низам	Хёрук
Девятая				Габах	
Десятая				Хёрук	

* Счет пар ведется с начала упряжки.

Карабахского (1756—1806), писал: «Помню, как-то однажды при подсчете оказалось, что у хана столько скота и плугов, сколько у всего населения Карабага, вместе взятого, и даже на две пары больше»²⁷.

Зажиточные крестьянские семьи, владевшие всем («живым» и «мертвым») инвентарем котана, встречались крайне редко. Семья, которая во всякое время и без постороннего содействия могла выставить плуг с 10—12 парами быков и буйволов, пахаря и до 10 погонщиков, пользовалась большим почетом. Такая семья, называвшаяся *ампа*²⁸, стала «единицей масштаба для измерения силы крестьянского дома и потребности его в земле»²⁹. Имевшие две пары быков назывались *ярым ампа* (полуампа), а одну пару тягla — *дирнаг ампа*, т. е. четверть ампа.

Крестьяне — бедняки для обработки почвы объединялись в супряги, именовавшиеся в различных зонах Азербайджана по-разному: *ортаглыг*, *шериликлик*, *хой//хав*, *бедел*, *авача*, *джей*, *модкэм*. Члены супряги обрабатывали землю общим плугом, называвшимся *йыгма котан* или *ортаглы котан* (совместный плуг)³⁰. Земли, подлежащие вспашке, распределялись соответственно количеству рабочего скота, который предоставляли участники супряги³¹. При организации сборного плуга одного из крестьян выделяли в качестве ночного пастуха (*геллах*), который пас волов неподалеку от поля.

В конце XIX в. в Азербайджане началось распространение усовершенствованных плугов заводского изготовления. Знаток азербайджан-

²⁷ Мирза Джамал Джаваншир Карабагский. История Карабага. Баку, 1959, с. 103.

²⁸ По мнению Егизарова С. А., это слово происходит от *häm* («со»)+*phal* («доля», «часть»); *hampa* означает «соучастник, совладелец или общинник»; см. Егизаров С. А. Исследования по истории учреждений в Закавказье. Ч. I.—Сельская община. Казань, 1889, с. 51. В Азербайджане употребляется еще термин *hampa-чerek* (черек — «четверть») как единица веса и объема; см.: Сегаль И. Л. Крестьянское землевладение в Закавказье. Тифлис, 1912, с. 38; Ерицов А. Д. Указ. раб., с. 156.

²⁹ Котляревский П. В. Экономический быт государственных крестьян северной части Кубинского уезда Бакинской губернии.—Материалы... Т. II, ч. II, с. 95—96.

³⁰ Об этом подробно см.: Каракашлы К. Т. О пережитках древнего института взаимопомощи в Азербайджане.—Изв. АН АзССР. Серия обществ. наук, 1958, № 2, с. 42—52; Джавадов Г. Д. О формах взаимопомощи ортаглыг.—Докл. АН АзССР, 1969, № 7, с. 84—88; *его же*. О формах взаимопомощи, связанных с пахотными орудиями Азербайджана.—Уч. зап. Азерб. гос. ун-та. Серия истории, философии и права, 1971, № 1, с. 71—80; Гулиев Ш. А. Указ. раб., с. 42.

³¹ Раджабов Г. А. Пережитки сельско-общинного быта в дореволюционном Азербайджане: Автoref. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Баку: Ин-т истории АН АзССР, 1966, с. 20.

ского быта Г. М. Зардаби отмечал, что состоятельные земледельцы привозят лучшие плуги из московских мастерских³². А. Д. Ерицов придавал большое значение внедрению плуга в хозяйство Закавказья. «Единственное нововведение, какое замечается в Казахском уезде,— писал он,— заключается в обзаведении некоторых хозяев плугами нового образца. Таким образом, коренная реформа здешнего крестьянского хозяйства начинается с плуга, этого важнейшего орудия в хлебопашестве. В настоящее время местное население, по-видимому, начало сознавать недостатки своего тяжелого плуга. В 1885 г. мною насчитано в уезде до 30 европейских плугов, известных здесь под именем „красных“ и „болгарских“»³³.

Однако заводские плуги в селах Азербайджана до установления здесь Советской власти насчитывались единицами, они были лишь в хозяйстве помещиков и кулаков, а также у русских переселенцев³⁴. Социально-экономические факторы тормозили распространение этих более усовершенствованных форм орудий, и традиционный гарант продолжал бытовать в качестве одного из основных пахотных орудий до 1930-х годов, вплоть до коллективизации сельского хозяйства в Азербайджане.

³² Зардаби Г. М. Плуг и его основные части.— Газета Экинчи (Пахарь), 1876, № 2 (на азерб. яз.).

³³ Ерицов А. Д. Указ. раб., с. 155—156.

³⁴ См.: Сумбат-заде А. С. Сельское хозяйство Азербайджана в XIX веке. Баку: Изд-во АН АзССР, 1958, с. 319—322; Исмаилов М. А. Капитализм в сельском хозяйстве Азербайджана на исходе XIX — начале XX в. Баку, 1964, с. 48—57.

М. У. Раманаяка

КАСТОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ У СИНГАЛОВ В ОКРУГЕ ВЕЛИМУЛЛА (ШРИ ЛАНКА)

Кастовая система у сингалов, имеющая многовековую давность, играет существенную роль во многих сферах общественной жизни. Свой расцвет она пережила в феодальном государстве Канди (1591—1815 гг.). Однако по мере распространения западноевропейской колониальной экспансии в XVI—XIX вв. и развития капиталистических экономических отношений многие древние социальные институты распадались, в том числе и кастовый. Тем не менее последний в несколько измененном виде был приспособлен к новым условиям не только в сельских районах, где традиционная жизнь мало изменилась, но и в значительной мере в городах, переживающих процессы интенсивной урбанизации и капиталистического классообразования.

В задачу данной статьи не входит исследование происхождения кастовой системы у сингалов. По этому вопросу существует значительная литература как западноевропейских, так и русских и советских ученых. Автор поставил цель описать кастовый строй у сингалов в сельском округе Велимулла центрального горного района Шри Ланки¹.

Велимулла находится в котловине провинции Ува. Округ расположен на плато, находится на высоте около 1000 м над уровнем моря. Некоторые горы, окружающие его, достигают высоты более 1500 м. Среднегодовая температура равна +16° С. Среднегодовое количество осадков 1265—1900 мм.

Горная котловина Ува труднодоступна. Сообщение с другими провинциями страны осуществляется по железной дороге Коломбо — Бадулла, которая идет через Ува, а также по асфальтированным дорогам.

В ранний период истории Шри Ланки интересующий нас район входил в страну Малая, а в Кандийском государстве — в провинцию (*дисавана*) Ува. С падением государства Канди в 1815 г. Ува вместе с другими провинциями вошла в состав британской колонии.

Последствия английского колониального господства тяжело отразились на жизни населения провинции. В результате британской земельно-налоговой политики и капиталистического плантационного хозяйствования значительная часть крестьянства была лишена земли².

¹ Материалами для статьи служат многолетние наблюдения самого автора. Название округа и его центра взято условно. Но в целом его характеристика как в кастовом, так и социально-экономическом плане приемлема для всех районов Кандийской провинции.

² Obeysekera G. Land Tenure in Village Ceylon. Cambridge, 1967, p. 108—129; Kala-gama T. B. Economy of Rural Ceylon and the Problem of the Peasantry.—In: The Ceylon Economist. Dehiwala, 1959, v. IV, № 4, p. 356—357.

После завоевания Шри Ланкой независимости в 1948 г. население Велимуллы достигло значительных успехов в экономической жизни благодаря мероприятиям, предпринимавшимся национальным правительством по улучшению положения сельского населения.

В округе Велимулла в 1977 г. проживало свыше 53 тыс. чел. Из них кандийские сингалы составили 60%, равнинные сингалы — около 8%, ланкийские тамилы — свыше 2%, ланкийские мавры — почти 11%, индийские тамилы и мавры — 19%.

Подавляющее большинство населения — сингалы — приверженцы буддизма, тамилы исповедуют индуизм, мавры — ислам.

Сингалы Шри Ланки делятся примерно на два десятка каст³. В Велимулле представлены многие крупные кандийские касты (*кула*): *говигама* (земледельцы), составляющие около 75%, *ачари* (кузнецы и ювелиры) — 2%, *рада* или *хена* (прачки) — 5%, *берава* (барабанщики) — 5%, *кумбал* (гончары) — 3%; *паду*⁴ — 2%, *вахампурा* (изготавливающие пальмовый сахар «хакуру» из сока китул) — 2%, *роди* (неприкасаемые) — 4%; равнинные касты *карава* (рыбаки), *салагама* (сборщики корицы), *дурава* (изготавливающие алкогольный напиток тоди из сока пальмы кокос) — 1%.

Природно-климатические условия способствуют ведению сельского хозяйства. Население независимо от кастовой принадлежности в основном занято террасовым земледелием. Даже во время кандийского царства, когда кастовая дифференциация сингалов была максимально выражена, члены почти всех каст дополнительно занимались сельским хозяйством. Члены неземледельческих каст и малоземельные говигама арендовали землю у крупных землевладельцев, выплачивая им ренту и неся трудовую повинность в зависимости от кастовой профессии⁵.

В настоящее время в Велимулле основной земельный фонд находится в руках членов касты говигама, считающейся самой высокой кастой у сингалов, а также у буддийских и индуистских монастырей. Члены других каст (кузнецы, гончары, барабанщики и др.) владеют небольшим количеством земли. Они занимаются в первую очередь своей кастовой профессией, а в оставшееся время — земледелием. Некоторые из них, как уже упоминалось, арендуют землю у крупных землевладельцев.

Велимулла разделяется на 12 административных единиц — *васама*. Каждая *васама* состоит из нескольких гам (деревень). Деревни являются многокастовыми, однако обычно значительная часть семей в них принадлежит к одной касте. В большинстве деревень преобладают члены касты говигама. Встречаются деревни, населенные членами только одной касты. В многокастовых деревнях каждая каста занимает определенный квартал; по окраинам, как правило, располагаются дома и земли низших каст.

Органом административного управления *васама* является древний институт общинного самоуправления — *гамасбхава* (деревенский совет). Его лидер — *грамасевака* назначается теперь не общинниками-крестьянами, а государством. Ранее почти в каждой деревне был свой *гамасбхава* во главе со старостой — *гамарала*, обычно принадлежавшим к касте говигама.

Несмотря на то что государство официально не признает кастового строя, практически при выборе *грамасевака* учитывается не только его

³ Ryan B. Caste in Modern Ceylon. New Brunswick, 1953, p. 95—137.

⁴ Предки касты *паду* в кандийское время жили на царских землях (*батгам*), которые и обрабатывали. Кроме того, они выполняли много мелких работ, таких, как переноска паланкинов, грузов и т. д.

⁵ Knox R. An Historical Relation of Ceylon. London, 1680—1681, p. 43—44; Coomaraswamy A. K. Medieval Sinhalese Art. London, 1908, p. 22—28; Pieris R. Sinhalese Social Organisation. The Kandian Period. Colombo, 1956, p. 64—70.

образование, но и авторитет, основывающейся на высоком кастовом положении. Таким образом, грамасевака принадлежит, как и ранее, к касте говигама.

Не имеется сведений о существовании в Велимулле специальных судов для решения кастовых конфликтов, поэтому подобными вопросами приходилось заниматься гамсабхаве наряду с различными хозяйственными делами. В настоящее время грамасевака редко касается кастовых проблем, уделяя внимание преимущественно хозяйственным мероприятиям. Функцию же регулятора кастовых конфликтов часто выполняет общественная организация *сама мандалая* (мирный совет), имеющаяся почти во всех деревнях. Необходимо отметить, что гамсабхава и *сама мандалая* стараются разрешать кастовые конфликты, опираясь на нормы государственного правосудия, а не на кастовые обычаи.

В Велимулле местная администрация, а также и депутаты в парламент (Государственную Национальную Ассамблею) от этого округа выбираются исключительно из касты говигама.

Высокое имущественное положение не всегда сопутствует только членам высоких каст. Ряд представителей относительно низких каст карава, салагама и др., которые в кастовой иерархии принадлежат к средним, занимаются торговлей и предпринимательской деятельностью и достигают высокого имущественного положения. Примером служат отдельные богатые торговцы в городе Велимулла. Некоторым богатство обеспечивает большую роль в общественной жизни вне зависимости от кастового ранга.

За последние три десятилетия патриархальный образ жизни местного населения начал разрушаться в результате развития товарно-денежных отношений и интенсификации связей между районами страны, а также изменений в идеологической жизни.

Как рассказывают представители старшего поколения, еще два десятилетия назад взаимосвязи между разными кастами были весьма разнообразны. Обслуживающие касты выполняли обязанности, установленные традицией, в пользу обслуживаемых каст, получая вознаграждение продуктами натурального хозяйства, которое велось замкнутыми общинами. В настоящее время непосредственный натуральный обмен между кастами резко ослабел, сохраняется преимущественно обмен услугами, которым придается как общественное, так и ритуальное значение.

Услуги прачек незаменимы при похоронах, свадьбах, разного рода домашних и ритуальных церемониях членов говигама, которые они обеспечивают бельем, белыми покрывалами, драпировками для потолка, занавесками, полотенцами и т. д. Иногда прачки сами принимают участие в организации торжеств и церемоний. Говигама придают большое ритуальное значение совершеннолетию девушки (*котахалу магула*), в честь которого устраивается семейное торжество, длившееся около недели. Прачки (*реди нанда, реди мама*) всегда обслуживаются этот праздник. Они также обеспечивают бельем религиозные храмовые и домашние ритуалы.

Члены касты говигама вынуждены пользоваться услугами прачек, поскольку стирка считается низким и ритуально нечистым занятием, а потому не приемлемым для высоких каст. Однако собственное белье, не имеющее ритуального значения, представители высоких каст, как правило, стирают сами и редко обращаются к прачкам.

Члены более низких каст — барабанщики, гончары, кузнецы и др. — сами обеспечивают себя чистым бельем для исполнения ритуалов. Лишь немногие влиятельные и богатые семьи могут позволить себе пользоваться услугами прачек-рада.

Услуги касты барабанщиков состоят в участии в домашних и храмовых религиозных торжествах, ритуальных церемониях *бали, товил* и т. д.,

посвященных соответственно планетным богам и злым духам, а также в похоронах. Они играют на барабанах и устраивают ритуальные танцы. Некоторые влиятельные представители этой касты занимаются астрологией. Их называют *накати*. Барабанщики обслуживают все касты, кроме роди. В настоящее время труд прачек и барабанщиков оплачивается главным образом деньгами. В день барабанщик получает около 15 рупий, а прачка — 10 рупий. Кроме того, за услуги их кормят и одаривают тканями, рисом и пр.

В Велимулле имеется более 10 буддийских монастырей, владеющих большими земельными участками, которые арендуют наряду с говигама барабанщики, гончары, прачки и др. Часть урожая (чаще всего половину) они отдают монастырю, а также в качестве трудовой повинности должны по традиции оказывать монахам разного рода услуги в соответствии с кастовой профессией.

Члены касты вахампурा обеспечивают членов других каст, главным образом говигама, сахаром «хакуру». Вместе с членами касты паду они обслуживают говигама, работая поварами на торжествах. В их обязанности входит также ношение (*када*) подарков, пищи и пр., если члены касты говигама совершают визиты в связи с торжественными случаями (рождением, свадьбой, совершеннолетием девушки и пр.). Эта служба считается очень низкой, и многие вахампурा и паду даже отказываются от нее.

В деревне Кандугама член касты говигама по имени Аппухами носит *када* ввиду своей бедности. Остальные члены касты, и даже его родственники, игнорируют его семью, не признавая их за равных как нарушителей традиций.

В настоящее время изменились взаимосвязи ремесленников с другими кастами. Около 10 лет назад члены каст кузнецов, ювелиров, гончаров носили свои изделия по домам разных деревень и обменивали их главным образом на продукты питания. В настоящее время они продают свои товары преимущественно прямо в мастерских, либо на городском базаре. Чтобы приобрести новые орудия труда или отремонтировать старые, крестьяне приходят в мастерские и расплачиваются деньгами. Кузнецы, работающие в мастерских, пользуются уважением даже со стороны говигама, к ним обращаются с большим почтением.

До достижения страной независимости семьи из неземледельческих каст почти не имели наследственной земли. Затем государство наделило многие безземельные семьи участками, но все же вследствие быстрого прироста населения нехватка земли резко ощущается и сейчас.

Члены обслуживающих каст, имеющие достаточно земли или способные получить доход другим путем, оставляют «низкие» кастовые занятия; в результате говигама резко ощущают нехватку обслуживающего персонала. Используя это обстоятельство в своих интересах, обслуживающие касты требуют повышения платы за свой труд, и говигама вынуждены с этим мириться.

Таким образом, в системе обслуживающих каст округа Велимулла наблюдается изменение стимулов к труду — резко выделяется стремление к материальной выгоде, а сознание традиционной ценности своей профессии отодвигается на второй план.

Молодежь всех каст все больше отходит от кастовых профессий и ищет работы в государственных учреждениях, сельском хозяйстве и сфере торговли. Однако изменение никогда наследственного занятия семьи не меняет ее кастовой принадлежности.

В округе Велимулла самую низкую ступеньку социальной и имущественной иерархии занимает каста неприкасаемых — роди. 15 семей роди (120 человек) живет в деревушке Дхармарава, на окраине г. Вели-

мулла. В сингальском кастовом обществе роди всегда находились в самом угнетенном положении⁶. Они почти не имеют земли, кроме той, на которой стоят их жалкие домики и шалаши, и не могут, таким образом, заниматься сельским хозяйством. Получить землю в аренду для них практически невозможно.

Традиционным способом существования для роди остается милостыня. Они считают, что это занятие практиковалось со времен первого мифического мирового правителя Махасаммата. Соответственно другие касты считают своей обязанностью подавать роди.

Однако молодое поколение, принадлежащее к этой касте, ведет неустанную борьбу за свои экономические и социально-политические права, стремясь получить образование, работу в государственных учреждениях, а также изменить свое социальное положение путем принятия фамилий, имен, формы обращения, одежды и т. д., характерных для более высоких каст.

Ортодоксальный буддизм выступает против несправедливых общественных делений, включая в кастовые⁷. Но практически эти положения нередко сосуществуют с местными традициями, адаптируясь к новым условиям. Так, в Шри Ланке буддийское монашество разделено на три секты и множество подсект, выражаяющих интересы различных каст и социальных слоев⁸.

В округе Велимулла подавляющее большинство монахов принадлежит к секте Сиам. Монахи этих монастырей преимущественно выходцы из касты говигама данной местности и соседних округов.

В одном буддийском монастыре округа живут монахи секты Амарапура, говигама по кастовой принадлежности. Жители же этой местности — члены касты барабанщиков, и всего лишь несколько семей принадлежит к говигама. Будучи глубоко верующими, барабанщики щедро содержат монахов. Однако они хотят, чтобы в монастыре были представлены монахи и из их касты. Монахи говигама возражают им: «Если мы примем в монашество мирян из другой касты, то монахи-говигама из соседних монастырей откажутся участвовать в наших религиозных обрядах, и тогда наш монастырь окажется изолированным».

Буддисты из касты роди не имеют возможности беспрепятственно совершать религиозные обряды. Монахи Велимуллы не принимают от них пищи (дана), приход роди в храм крайне нежелателен для служителей культа и мирян высших каст. Лет 10 тому назад роди построили в Дхармараве маленький монастырь и назначили монаха из своей касты. Однако этот храм был разрушен людьми говигама из соседних деревень, а монах изгнан. В настоящее время для участия в крупных религиозных праздниках роди уезжают в другие города (Анурадхапура, Махиянганая, Канди, Катарагама), скрывая свою кастовую принадлежность.

Аналогичная ситуация сложилась в деревне Галтанна, где в основном живут члены касты паду, в то время как монахи монастыря принадлежат к говигама. Постройка нового монастыря специально для паду послужила причиной религиозно-кастового конфликта между монахами старого монастыря, членами касты говигама и паду.

Монахи из касты говигама редко и неохотно участвуют в религиоз-

⁶ Грандидье. Индия и Цейлон. Путешествие. СПб., 1871, с. 211—214; *Raghavan M. D. Handsome Begger, The Rodiyas of Ceylon. Colombo, 1957.*

⁷ *Malalasekera D. P. Jayati Lake, Buddhism and the Race Question. UNESCO, Paris, 1958.*

⁸ *Raghavan M. D. The Karava of Ceylon. Society and Culture. Colombo, 1961, p. 51—52, 136—143; Кочнев В. И. Шри Ланка. Этническая история и социально-экономические отношения до начала XX века. М., 1976, с. 311—315.*

ных обрядах *бана*, *пирит*, *дана* и пр., организуемых представителями более низких каст⁹.

Один уважаемый монах говигама из секты Сиам в личной беседе с автором отметил, что существующую кастовую систему изменить невозможно, ибо она является традиционной и общепринятой. Ее изменение, сказал он, ведет к хаосу мира. Подобное убеждение в незыблемости кастового устройства общества в Велимулле характерно для всего старшего поколения.

У различных каст существуют наследственные фамилии:

у говигама — Джаясундара Мудиянселаге, Ратнаяка Мудиянселаге и др.,

у берава — Накатиге, Ранхавади Дураялаге, Варана Дураялаге и др.,

у вахампура — Васал Пелиге, Ранкот Пелиге, Ранхавади Пелиге,

у паду — Хоратал Пелиге, Джаясинха Пелиге и др.,

у роди — Гуная Хулавалаге, Сеневиратиа Вилиялаге, Ран Вилиялаге, Риди Вилиялаге и др.

Существуют также типичные кастовые имена:

для мужчин касты говигама — Локубанда (большой принц), Кудабанда (маленький принц), Сияту (с благородными), Аппухами (вождь) и др.;

для женщин — Судуманика (светлая драгоценность), Бандараманика (принцесса-драгоценность), Кумарихами (принцесса) и др.

Имена у членов низких каст имеют уничтожительный оттенок:

мужские — Пунча (маленький), Ратта (красный), Уккува (от слова молоко), Гуная (добреный) и др.,

женские — Гирави (попугай), Бади (имеющая живот) и др.

В последнее время в Велимулле представители низких каст иногда берут себе имена и фамилии, свойственные высшим кастам, несколько смягчая кастовые различия.

Значительные изменения произошли в семейно-брачных отношениях сингалов, хотя в этой сфере и продолжают сохраняться традиционные нормы. При заключении браков каждая каста строго соблюдает правила эндогамии, нарушение которой вызывает резко негативную реакцию со стороны общества. Так, несколько лет назад иногородний учитель по имени Джаясекера, выдавший себя за члена касты говигама, посватался к местной учительнице из той же касты. При регистрации брака родственникам невесты стала известна настоящая фамилия жениха (Ранкот Пелиге) и тем самым его принадлежность к касте паду. Заключенный брак через несколько месяцев пришлось расторгнуть из-за конфликта между обеими семьями по поводу кастовой несовместимости супругов. Приведем еще один случай. Богатый торговец Радала, выдавший себя за члена подкасты говигама, женился на женщине из богатой семьи говигама. Вскоре стало известно его истинное происхождение — каста рада. Братья жены решили застрелить обоих супругов, чтобы отомстить за поруганную честь семьи и касты. По совету родителей семья переселилась в другую провинцию.

Полигамные браки в Велимулле уже не практикуются, но старшее поколение еще помнит случаи братской полиандрии (*экагей кема*). В сингальском обществе преобладают патрилокальные браки (*дига*); матрилокальные (*бинна*) заключаются редко, ибо муж переселяется к жене лишь в случае отсутствия у нее братьев, наличия большого количества земли и т. д.

Кросскузенный брак не является обязательным, но часто принимаются во внимание даже дальние родственные отношения (*апе минис-*

⁹ См. подробнее об этих обрядах *Краснодембская Н. Г. Обрядовая практика современных сингальских буддистов*.— В кн.: Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии. М., 1980, с. 151—164.

су — наши люди). Имущество положение семей считается очень важным условием при заключении брака, большое значение придается приданому, которое обычно состоит из движимого и недвижимого имущества. По билинейной системе наследования, практикующейся у сингалов, дочери получают определенную часть родительского имущества, как и сыновья. Однако выдавая девушку замуж, предпочитают давать ей в приданое движимое имущество, главным образом в денежной форме, чтобы сохранить целостность земли, остающейся у сыновей. В рамках одной деревни браки заключаются редко, чаще всего брачующиеся происходят из соседних деревень, а также деревень соседних округов.

Различия членов разных каст в манере одеваться все больше уходят в прошлое. Так, если раньше у низких каст верхнюю часть тела принято было оставлять открытой, то теперь почти все стараются одеваться одинаково. Исключение составляют только обнаженные нищие из касты роди.

Возможность участия в одной трапезе членов разных каст до сих пор резко ограничена. Говигама особенно стараются избегать совместного принятия пищи с низкими кастами. В домах говигама и храмах членов низких каст во время их работы кормят остатками пищи, им не разрешают пользоваться посудой, предназначеннной для хозяев и гостей из высших каст. Для членов низких каст посудой служат банановые листья, корзины, скорлупа кокоса, банки, испорченная посуда и пр. Им также не предлагаются общих стульев, диванов, а сажают на низкие скамейки (*коломбува*), маты или на пол.

Вот пример кастовой нетерпимости в отношении принятия пищи. Несколько лет назад в одном новом буфете, принадлежавшем корпорации жителей Велимулла, вместе с представителями касты говигама стали питаться роди; они пользовались той же посудой и сидели на тех же местах. Заметив это, говигама отказались посещать буфет. Тогда организаторы буфета выделили для роди отдельную посуду и сидения. Оскорбленные этим, женщины роди толпой ворвались в буфет, разбили всю посуду и поломали сидения. Хозяева восстановили буфет, но теперь говигама появляются там редко.

При обращении к людям говигама члены низких каст еще стараются употреблять традиционные почетные термины: для мужчин — *тамуннансе, хамудуруване, бандара маҳаттая, ралахами, локкуннахе*, а для женщин — *манике, кумарихами и др.*

Различным кастам в сингальском обществе были ранее свойственные специальные символические знаки, знамена и др. В Велимулле разные касты до сих пор сохраняют некоторые символы. Их можно обнаружить на фасадах и стенах домов, фронтонах крыш, мебели, деревьях, скоте, камнях, обозначающих границы земельных участков и т. д.

К ним относятся: у говигама — знак свастики, металлическое перо, у берава — барабанные палочки, у прачек — квадратный камень, на котором стирают белье; у кузнецов — наковальня и т. п.

Сознание необходимости и извечности кастового устройства общества так глубоко проникло в представления сингалов, что оно проецируется ими даже на окружающую природу и выражается в разделении природных явлений на своеобразные касты.

Вот примеры разделения на касты животного мира. Среди змей кобр считают кшатриями, им приписывается царская храбрость, справедливость и божественность. Крестьяне очень редко убивают их и относятся к ним с боязливым уважением. В противоположность кобрам гарандия, походящая на ужа, считается очень низким существом и отождествляется с роди. Полагают, что после укуса человека гарандией более сильная змея из высоких каст не будет его кусать, так как он осквернен.

Высшее кастовое положение среди слонов занимают *раджали* — слоны-кшатрии, крупные особи, имеющие большие бивни. Мелкие же породы относятся к низким кастам.

На касты делится и растительный мир. Твердые, крупные деревья, такие, как джак, красное, черное, принадлежат к высшим кастам, мелкие и слабые породы — к низшим.

Таким образом, отнесение животных и растений к той или иной касте обусловлено их качествами.

Итак, рассмотрев кастовое устройство округа Велимулла, мы можем утверждать, что этот древний социальный институт сохраняет большое значение в жизни сингалов, несмотря на то что кастовая дискриминация в любой форме запрещена конституцией Шри Ланки.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

М. Г. Рабинович

БЫТОВОЙ АСПЕКТ СЕМЕЙНОЙ ДРАМЫ ГРОЗНОГО

Почти за три года до своей смерти Иван Грозный лишился наследника, на которого ранее возлагал большие надежды¹. Убийство царем сына вскоре стало распространенным драматическим сюжетом исторических источников, научной и художественной литературы, изобразительного искусства. Можно сказать, что это — одно из наиболее известных широким кругам читателей событий царствования Ивана IV.

То обстоятельство, что физической расправе предшествовали «дерзкие речи» царевича, обращенные к отцу, пытались использовать еще летописцы, говорившие, будто наследник престола требовал от царя решительных мер «для выручения града Пскова»². Другие современники «каким-то неясным способом», — говорит С. Б. Веселовский³, — ставили убийство Ивана Ивановича в ряд деяний, связанных с опричниной и с политическими казнями.

Наиболее подробное описание обстоятельств гибели царевича принадлежит перу иезуита Антонио Поссевино (или, как принято писать иногда на русский лад, Антония Поссевина), который играл довольно значительную роль в дипломатических переговорах того времени, но не был непосредственным свидетелем событий в семье царя и даже не приезжал еще тогда в Александрову слободу; он ссылался, однако, на верные сведения, исходившие от одного из его переводчиков, состоявшего тогда при царевиче Иване Ивановиче. Видимо, такое опосредование делало повествование Поссевино источником, для исследователей недостаточно достоверным⁴.

«Разнообразие и разноречивость сведений о смерти царевича, — писал С. Б. Веселовский, — объясняется просто тем, что все дело происходило во внутренних покоях дворца, доступных немногим приближенным лицам... Несомненным можно считать, что царь Иван по какому-то поводу так побил и напугал беременную сноху, что вызвал преждевременные роды, а затем избил сына, который умер через семь-восемь дней от раны, может быть, от кровоизлияния в мозг»⁵. Сопоставляя различ-

¹ Горсей Д. Путешествия. Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1907, кн. 2, с. 35.

² Псковские летописи. В. П. М., 1955, с. 35.

³ Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М.: Наука, 1963, с. 50—51, 337—340.

⁴ Наиболее подробный разбор различных версий см.: Скрыников Р. Г. Иван Грозный. М.: Наука, 1980, с. 233—236.

⁵ Веселовский С. Б. Указ. раб., с. 338—339.

ные версии современников об этом трагическом событии, Р. Г. Скрынников — автор последнего исследования об Иване Грозном — также приходит к выводу, что, хотя царевич, по-видимому, и не был убит наповал, а проболел еще одиннадцать дней, причем последнюю его болезнь называют горячкой, все же истинной причиной его смерти были побои и страшное нервное потрясение⁶.

Остановимся, однако, на повествовании Поссевино, поскольку там содержатся весьма убедительные, с нашей точки зрения, бытовые подробности, позволяющие предполагать, что переводчик, давший иезуиту информацию, если и не присутствовал непосредственно при тех событиях, о которых рассказывал, то во всяком случае получил подробные сведения от очевидцев.

Сообщив, что его сведения восходят к переводчику, состоявшему в тот период при царевиче Иване Ивановиче, Поссевино и далее говорит не от себя, а излагает мнение тех, кто пытался восстановить истинную картину. Наиболее правдоподобной причиной смерти царевича эти люди считали все же избиение, отмечая обстоятельства, при которых оно произошло. Видимо, они же пояснили иностранцу, что в России все знатные и богатые женщины обычно надевают одна на другую три одежды соответственно времени года — либо тяжелые, либо легкие.

Если же надевают только одну одежду, то о таких женщинах идет дурная слава. Третья жена Ивана Ивановича была одета как раз в одну простую одежду, поскольку она была на сносях и считала, что никто к ней не войдет. Когда царь (Поссевино называет его еще великим князем московским — *Magnus Dux Moscoviae*) неожиданно вошел, она лежала на скамье и сейчас же встала перед свекром, но не смягчила его гнева. Он дал ей пощечину (*alapa*), а затем ударил жезлом, которым так сильно ушиб ее, что на следующую ночь она преждевременно родила мальчика. Далее Поссевино приводит слова вступившегося за жену царевича (не содержащие никаких политических упреков, а касающиеся исключительно семейных дел), обратившие гнев отца на него самого⁷.

Итак, Поссевино (или, точнее, его информатор) считал, что причиной гнева Ивана IV было то, что сноха при его неожиданном посещении не была одета подобающим образом. Как сказали бы позже, она была в *négligé*, чего в те времена не допускали приличия даже между близкими родственниками, членами одной семьи.

В чем же именно мог усмотреть нарушение приличий вспыльчивый царь?

Поссевино не называет точно предметов одежды, которые были на княгине Елене, употребляя лишь общий термин «одежда» (*vestis*), что естественно для иностранца, не слишком хорошо знакомого с бытовой культурой страны. Он говорит только, что Елена была в одной простой одежде (*simplici veste induita*), тогда как приличия требовали надеть три, т. е. была одета так, как одевались женщины, пользовавшиеся дурной репутацией.

Какие же три одежды могли здесь подразумеваться?

Несколько позже описываемых событий в Московии побывал англичанин Джильс Флетчер. В своем сочинении «О государстве Русском» он написал, что в летнее время русские женщины надевают «только по две рубахи (ибо так они их называют) одна на другую и дома, и выходя со двора»⁸. Наблюдательный иностранец заметил важное для того

⁶ Скрынников Р. Г. Указ. раб., с. 236.

⁷ Мы пересказываем здесь латинский текст повествования Поссевино (*Possevino A. De Moscovia commentarii*, 1), приведенный С. М. Соловьевым (Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. VI. М.: Изд-во Общественная польза, б. г., стб. 323—324).

⁸ О государстве Русском. Сочинение Флетчера. Изд. III. СПб.: Изд-во А. С. Суворина, 1906, с. 127. Флетчер впервые напечатал свою книгу в Англии в 1591 г.

времени явление: превращение первоначально единственной рубахи (у мужчин и женщин) в нижнее белье, поверх которого зажиточный человек надевал еще одну рубаху. Сомнения Г. Г. Громова в достоверности этого наблюдения вряд ли справедливы⁹. При таком изменении функций нижняя рубаха стала простой, не украшенной. Украшали теперь верхнюю рубаху. Ношение простой нижней сорочки и нарядной, расшитой «верхницы» было в XVI в. обычным. В то время были известны уже и женские сарафаны, надевавшиеся поверх обеих рубах. Знаменный Домострой — своеобразная энциклопедия домашнего хозяйства XVI в.— не раз упоминает эту женскую одежду, характерную для богатых горожан и их домочадцев¹⁰.

Возможно, говоря о «трех одеждах», надевавшихся знатными и богатыми женщинами, Поссевино имеет в виду как раз две рубахи и сарафан — наиболее обычную городскую комнатную (а в теплое время и уличную) одежду.

Известно, что в древней Руси, как и в средневековой Европе, существовали весьма строгие понятия о том, кто как должен быть одет в тех или иных случаях. Сам Иван IV на всю жизнь запомнил, например, что в его детские годы один из князей Шуйских позволял себе являться ко двору в недостаточно роскошной шубе¹¹. Этот, казалось бы, незначительный факт характеризует не только прекрасную память царя, но и его обостренное с детства внимание к соблюдению подобного рода обычая.

Известно и то, что древний обычай был особенно строг к женской одежде, а относительно головных уборов он даже был закреплен официальными письменными документами. Замужняя женщина ни в коем случае не должна была «светить волосом» (употребляя позднейшее выражение) — ей полагалось тщательно закрывать свои волосы сложным головным убором. Можно думать, что открытые волосы замужней женщины даже считались в какой-то мере вредоносными для окружающих (вероятно, в первую очередь для мужчин). Наряду с заклинаниями от топоров, стрел и прочего железного оружия существовал заговор «от колдуна и от ведуна, от бабы простоволосой и от девки гладковолосой»¹². Судя по контексту, субъектом заговора был мужчина. Новгородская грамота XII в., каравшая высоким штрафом «за сором» того, кто сорвет с женщины повой «и явится простоволоса»¹³, возможно, учтывала и эти представления о вредоносности для окружающих женских волос.

По мнению В. О. Ключевского, не допускалось, чтобы женщина ходила простоволосая и дома. Обычай разрешал ей лишь несколько облегчить здесь тяжесть головного убора (например, снять кику, но обязательно оставить волосник)¹⁴.

Богатая вышивка женского головного убора и верхней рубахи имела значение не только (и даже не столько) эстетическое, украшательное, но и, главным образом, значение оберега и магических пожеланий¹⁵.

⁹ Громов Г. Г. Одежда.— В кн.: Очерки русской культуры XVI в. Ч. I. М.: Изд-во МГУ, 1977, с. 211.

¹⁰ Домострой по Коншинскому списку и подобным. К изданию подготовил А. Орлов. М., 1908, ст. 30, 34, с. 29, 31.

¹¹ Первое послание Курбскому. В кн.: Послания Ивана Грозного. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1951, с. 134.

¹² См., например, записи заклинаний в Архиве Географического общества СССР. Разряд II, оп. 1, № 65, л. 8 об.

¹³ Договорная грамота Новгорода с Готским берегом и немецкими городами 1189—1199 гг.— В кн.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1949, № 28, с. 55—56.

¹⁴ Кирхман П. История общественного и частного быта. Дополнено В. Ключевским. Ч. I. М., 1867, с. 188.

¹⁵ См., например, Маслова Г. С. Орнамент русской народной вышивки. М.: Наука, 1978, с. 16—17.

Вышивкой украшались края одежды — те места, сквозь которые могла проникнуть какая-либо вредоносная сила.

У рубахи (женской и мужской) это были ворот, подол, края рукавов. Нам представляется справедливым предположение Г. Г. Громова, что вышивка на рукавах женских рубах ниже плеча говорит о том, что когда-то и здесь был край одежды: рукава рубахи в древности бывали и короткими, а иногда вовсе отсутствовали¹⁶.

Именно то, что верхняя рубаха была богато вышита, позволяло делать нижние сорочки более простыми, без орнамента. Оберег имел, по-видимому, двоякое значение: он предохранял владельца вещи от всякого вреда извне, а других людей от какого-либо вредного воздействия самого носителя вещи. «Нечистая сила» не могла ни войти, ни выйти через отверстие, защищенное вышивкой,— ворот, подол, рукава и пр.

Нужно думать, что беременная женщина должна была особенно заботиться о соблюдении всякого рода мер против возможного зла в интересах как своего будущего ребенка, так и окружающих.

Итак, неожиданно войдя в покой сына, Иван Грозный застал его жену лежащей на лавке и притом еще одетой не так, как надлежало перед свекром и царем. Был ли царь и без того раздражен чем-то и настроен против сына и его семьи (существует мнение, что незадолго до этого Иван IV изменил свое отношение к наследнику, в чем-то его подозревая), или же гнев главы семьи возбудило то, что сноха одета «как блудница» в одну сорочку, без верхницы и сарафана, что она несоблюдает оберегов? (Может быть, и головной убор был как-то облегчен или из-под волосника выбилась прядь волос.) Мнительный царь мог попросту испугаться за свое здоровье! Возможно, соединились все эти обстоятельства.

Так или иначе, вспышка гнева вылилась в трагедию, страшную и для простой семьи. А для семьи царской все еще усугублялось тем, что государство лишилось наследника.

¹⁶ Громов Г. Г. Указ. раб., с. 210.

ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»

12—14 мая 1981 г. в столице Калмыцкой АССР г. Элисте проходила Всесоюзная конференция «Этнокультурные процессы в современном мире», организованная Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР и Калмыцким научно-исследовательским институтом истории, философии и экономики при Совете Министров Калмыцкой АССР. Знаменательно, что работа конференции совпала с важным событием в культурной и научной жизни республики — 40-летием Калмыцкого НИИИФЭ. Создание научного учреждения в Калмыкии, где до Октябрьской революции практически не было специалистов с высшим образованием, и успехи калмыцких ученых в различных областях знаний служат ярким свидетельством торжества ленинской национальной политики.

В работе конференции приняли участие свыше 150 человек — специалистов различных отраслей обществоведения, в сфере интересов которых находятся история, языки, культура народов СССР и зарубежных стран. Среди них — представители 39 городов из 11 союзных и 17 автономных республик, в том числе сотрудники академических и других научно-исследовательских институтов, преподаватели высших учебных заведений, а также научные сотрудники этнографических и краеведческих музеев. В работе конференции участвовали также представители Калмыцкого обкома КПСС.

На двух пленарных заседаниях конференции было заслушано 7 докладов, на 15 заседаниях секций — 100 докладов и сообщений¹.

Конференцию, начавшую свою работу в зале заседаний Верховного Совета Калмыцкой АССР, открыл директор Института этнографии АН СССР академик Ю. В. Бромлей (Москва), который подчеркнул актуальность изучения этнокультурных процессов в современном мире.

С вступительным словом к участникам конференции обратился первый секретарь Калмыцкого обкома КПСС В. И. Никулин (Элиста). Он рассказал о достижениях калмыцких ученых и пожелал собравшимся успешной работы.

Первым на пленарном заседании был заслушан доклад Ю. В. Бромлея «Задачи советской этнографической науки в свете решений XXVI съезда КПСС». Указав на большое внимание, которое было уделено на XXVI съезде КПСС проблемам развития науки, докладчик подчеркнул, что некоторые из задач, выдвигаемых XXVI съездом КПСС перед советскими учеными, теснейшим образом связаны с перспективами развития отечественной этнографической науки. В связи с изучением народов СССР Ю. В. Бромлей прежде всего отметил актуальность исследования национальных процессов в СССР, изучения формирования и развития новой исторической общности — советского народа — и культурно-бытовых аспектов советского образа жизни. При этом, как отметил докладчик, особую значимость приобретает комплексное изучение этнических и социальных аспектов национальных процессов, а также более интенсивное изучение этнографии городов. Ю. В. Бромлей обратил внимание на важность изучения специфики этнического развития групп некоренного населения, живущих в иноэтнической среде, и исследования путей этнического развития малых народов. Разработка всех этих вопросов, — подчеркнул он, — приобретает особую значимость в связи с исполняющимся в 1982 г. 60-летием образования СССР.

¹ См. Всесоюзная конференция «Этнокультурные процессы в современном мире», май, 1981 год. Краткие тезисы докладов и сообщений. Элиста, 1981.

В докладе говорилось также о большой практической значимости изучения семьи как важнейшей ячейки общества, о необходимости исследования этнодемографических аспектов воспроизводства трудовых ресурсов.

В свете выдвинутых на съезде задач, связанных с формированием нового человека, большое значение,— сказал докладчик,— приобретают изучение и разработка советской обрядности, которая выполняет важные этические функции и требует обязательного учета этнических традиций.

Специальный интерес с точки зрения актуальности и практической важности представляет и исследование основных тенденций современных этнических и культурно-бытовых процессов, протекающих в зарубежных странах (на данной конференции этим проблемам была посвящена особая секция).

В связи с возрастанием в последние годы роли религиозного фактора в национально-освободительных движениях и жизни некоторых развивающихся стран в докладе указывалось на необходимость усиления внимания этнографов к изучению мировых религий и их роли в современных условиях.

На съезде отмечалась актуальность критики буржуазных концепций общественного развития. Ю. В. Бромлей отметил, что этнографам следует активизировать разработку тем, сопряженных с задачами идеологической борьбы, больше уделять внимания разоблачению теории и практики современного расизма, критическому анализу зарубежных этнографических школ.

В заключение докладчик подчеркнул, что непременным условием дальнейшего развития советской этнографической науки и успешного выполнения намеченных XXVI съездом КПСС научных задач является повышение теоретического уровня исследований, разработка методологических проблем, творческие дискуссии по актуальным проблемам этнографии.

К. П. Катушов (Элиста) выступил с докладом «Становление автономии калмыцкого народа и формирование социалистического образа жизни». Советская Калмыкия,— сказал докладчик,— в прошлом отсталая окраина царской России, благодаря всесторонней помощи партии и государства, оказывавшейся ей на всех этапах социалистического и коммунистического строительства как в становлении автономии, так и в развитии различных отраслей материального производства и в осуществлении коренных преобразований в укладе жизни народа, являет собой образец торжества ленинской национальной политики. При всем своеобразии и неповторимости исторические судьбы калмыцкого народа, как подчеркнул К. П. Катушов, во многом схожи, а в главном единны с судьбами других народов нашей страны, миновавших капиталистическую стадию развития. В докладе были охарактеризованы различные этапы становления социалистического образа жизни в Калмыкии, неразрывно связанного с решением важнейших вопросов в области национальной и социальной политики.

Исходя из задач, поставленных XXVI съездом КПСС в XI пятилетке перед общественными науками, в том числе по исследованию социалистического образа жизни, Т. А. Жданко (Москва) в докладе «Региональные аспекты изучения нового и традиционного в сфере сельского быта (на примере Средней Азии и Казахстана)» остановилась на собственно этнографических аспектах изучения советского образа жизни.

Она отметила необходимость проведения широкого круга новых этнографических и этносоциологических исследований.

На примере разработки темы «Новое и традиционное в быту сельской семьи народов Средней Азии и Казахстана», включенной в план Института этнографии АН СССР на 1981—1985 гг., Т. А. Жданко показала целесообразность и перспективность исследований на уровне региона. Такие исследования, по мнению докладчицы, необходимый этап последующих исследований в масштабе всей страны, так как слагавшиеся веками черты региональной общности становятся в современных условиях важным фактором, способствующим этнокультурному взаимодействию и межэтнической интеграции.

Завершилось первое пленарное заседание докладом Л. М. Дробижевой (Москва), посвященным влиянию межнациональных отношений на этнические процессы.

Рассматривая такие области этнокультурных явлений, как язык, обычаи, нормы поведения, художественная культура и этническое самосознание, докладчица делает вывод о неодинаковых характере и мере воздействия межэтнических контактов на эти сферы. Например, дружественный характер межнациональных отношений способствует рас-

в пространению двуязычия (прежде всего национально-русского), причем способствует не только овладению русским языком, но и его активному употреблению, а этнические ориентации в сфере профессиональной художественной культуры относительно независимы.

На втором, заключительном пленарном заседании были заслушаны три доклада.

Выступивший с докладом «Особенности современных сигнальных систем (и современные этнокультурные процессы) Ю. В. Кирозов (Ленинград) рассмотрел понятие «сигнальная система» и дал характеристику ее составляющих, а также привел примеры функционирования сигнальных систем в бытовой культуре на современном этапе.

А. М. Решетов (Ленинград) выступил с докладом «Роль государства в развитии этнических процессов». Рассматривая вопросы формирования государственного и этнического единства в связи с этнонациональной структурой государства, он обратил внимание на важность решения языковой проблемы в полиглоссических государствах.

Остановившись на этнических процессах в современном мире, А. М. Решетов указал на существенную роль «политической специфики государства» в определении характера направленности этих процессов.

М. Г. Рабинович и М. Н. Шмелева (Москва) в докладе «Город и этнические процессы (из опыта этнографического изучения восточнославянских городов)» коснулись ряда проблем этнографического изучения города: роли города в современных ему этнических процессах (на разных исторических этапах), взаимосвязанности культурного развития городского и сельского населения, характера этнических процессов в многонациональных городах и его зависимости от этнического состава населения городской округи и т. д.

Доклад был построен на большом разнообразном материале восточнославянских городов, начиная с эпохи Древней Руси и кончая современностью.

Обсуждение и рассмотрение актуальных проблем этнокультурных процессов было продолжено на заседаниях пяти проблемных секций, работавших 12—14 мая.

На двух заседаниях секции «Этнокультурные изменения в СССР (общие проблемы)» были заслушаны и обсуждены 25 докладов, основанных на большом фактическом материале, свидетельствующем о том, что в настоящее время происходят глубинные этнические изменения, в каждом этнокультурном регионе имеющие свою специфику.

Часть докладов имела методический и источниковедческий характер. В. К. Бондарчик (Минск) охарактеризовал основные этапы изучения этнокультурных процессов в Белорусской ССР и достижения белорусских этнографов. Г. П. Белорукова (Ижевск) рассказала о методике исследования, примененной в этносоциологической экспедиции сектором этнографии и социологии НИИ при Совете Министров Удмуртской АССР в 1979—80 гг. В отличие от всех известных крупномасштабных этносоциологических исследований использованный проект выборки,— по мнению докладчицы,—«дает возможность получить дифференцированную в территориальном аспекте информацию». На важных проблемах современных способов сбора и метода переработки социальной информации остановился В. А. Устинов (Москва), в докладе которого говорилось об актуальности (и определенном опыте) использования для целей этнографической науки возможностей АСУ, имеющихся на ряде крупных предприятий и в отдельных отраслях промышленности. И. П. Зинченко (Москва) рассказала о значимости и особенностях такого уникального источника, как перепись населения СССР, полезного для исследования многих вопросов, связанных с изучением национальности и языка.

Ряд докладов был посвящен рассмотрению факторов, влияющих на этнические процессы. Так, В. В. Карлов (Москва), используя материалы социально-исторических исследований, проведенных в Черновицкой обл. УССР и Ставропольском крае, проанализировал воздействие процессов урбанизации на этническую структуру. К. И. Козлова (Москва) рассмотрела роль современной социально-культурной среды в этнических процессах (на примере мансий). Г. И. Касперович (Минск) остановилась на миграции как факторе развития этнокультурных процессов у городского населения Белорусской ССР. Л. Н. Лисицына (Москва) выступила с докладом «Совершенствование политических условий развития этнических процессов в период развитого социализма».

На материалах этносоциологических исследований, проведенных в Калмыцкой АССР, было сделано пять докладов. Б. М. Мунянова (Элиста) рассмотрела вопрос о стирании внутриклассовых различий и влиянии этого фактора на процесс сближения

наций; А. Б. Насулов (Элиста) — тенденции интернационализации образа жизни промышленных рабочих Калмыкии, Б. Ц. Санджиев (Элиста) охарактеризовал социально-экономическое развитие сел Калмыкии. С. Д. Таванец (Элиста) остановился на вопросах формирования многонациональных трудовых коллективов и их роли в сближении социалистических наций (на примере рабочего класса Калмыкии в условиях развитого социализма). Доклад К. Н. Максимова (Элиста) был посвящен роли советской национальной государственности в сближении народов СССР. К этой же группе примыкали доклад А. А. Айталиева (Актюбинск), в котором на материале Казахстана и Средней Азии рассматривалось национально-государственное строительство как фактор преодоления межэтнических, межнациональных противоречий, и доклад К. В. Себояна (Ереван) о стирании качественных различий в быту и культуре села и города.

Большое место в работе секции было уделено рассмотрению культурно-бытовых изменений в различных районах СССР. И. С. Гурович (Москва) охарактеризовал культурные, этнические и социальные изменения, произошедшие в последние десятилетия в быту народов Крайнего Северо-Востока Сибири. Остановившись на факторах, определяющих эти изменения, докладчик констатировал консолидационный характер этнических процессов у рассматриваемых народов и значительную трансформацию их культурно-бытового облика под влиянием урбанизации.

Этнические и этнокультурные процессы рассматривались также в докладах Т. Дж. Баялиевой (Фрунзе) на материалах Киргизии и М.-Р. А. Ибрагимова (Махачкала) на материалах народов Дагестана. Коллективный доклад М. Б. Рогачева, Ю. П. Шабаева, В. Н. Денисенко (Сыктывкар) был посвящен современным этнокультурным процессам у сельского населения Коми АССР (на примере Приулуского р-на). О. М. Протоворова (Омск) остановилась на изменениях в материальной и духовной культуре казахов Западной Сибири. М. Г. Кумахов (Нальчик) рассмотрел влияние связей города и села на культурно-бытовые процессы в Кабардино-Балкарии, а Р. А. Валеев (Казань) — особенности этнокультурных связей западносибирских татар и татар Поволжья. В. Я. Бабенко (Уфа) рассказал об этнических процессах у украинских переселенцев Башкирии, Н. А. Томилов (Омск) выступил с докладом «Этнокультурные взаимодействия и проблема региональных культурных общностей (по материалам Западной Сибири)», основанном на обширном полевом материале, собранном в южной и средней полосе Западной Сибири.

Доклад С. М. Мирхасилова (Ташкент) «Современные этнокультурные процессы в Узбекистане в оценке буржуазных „советологов“», был посвящен критике позиции буржуазных ученых, превративших трактуя понятие «этническое самосознание» применительно к среднеазиатским народам.

Доклады, прозвучавшие на секции, и их обсуждение свидетельствовали о том, что этносоциологические методы исследования этнических процессов получили широкое распространение (количественные оценки присутствовали во всех докладах).

На секции были приняты следующие рекомендации: а) периодически проводить повторные этносоциологические исследования для получения сравнительного материала во времени, по возможности приурочивая такие исследования к очередной переписи населения; б) обратить внимание на целесообразность использования данных АСУ, работающих на крупных предприятиях и в целых отраслях промышленности, для выяснения вопросов, интересующих этнографов и историков; в) при проведении последующих переписей населения желательно обратить внимание на разъяснение пункта «родной язык».

На трех заседаниях секции «Этнокультурные процессы в духовной культуре и языках народов СССР» были заслушаны и обсуждены 23 доклада.

Большое внимание в работе секции было уделено вопросам развития языка, в частности проблемам билингвизма и многоязычия, языка общения в различных регионах и т. д. Так, калмыцко-русскому двуязычию, рассматривавшемуся на фоне развития культуры этноса, были посвящены доклады И. К. Илишкина (Элиста) — «Развитие двуязычия в Калмыцкой АССР» и Г. Ц. Пурбееva (Москва) — «Культурно-языковые процессы в Калмыкии». Об этнокультурных аспектах нивхско-русского двуязычия говорилось в докладе Г. А. Отаниой (Владивосток). В. Д. Даминова (Элиста) остановилась на проблеме двуязычия, использовав результаты социологического обследования учащихся Калмыцкой АССР. На обширном материале четырех автономных округов

РСФСР (Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский и Таймырский) В. И. Васильев (Москва) охарактеризовал этнические взаимоотношения живущих там народов, уделив при этом особое внимание проблеме языка общения.

Современную этническую ситуацию на Таймыре и в Северо-Западной Якутии представил В. А. Туголуков (Москва), показав сложное соотношение между языковыми и культурно-бытовыми процессами. При этом он предложил ввести «единобразное именование» коренных жителей северо-западных районов Якутской АССР.

В докладе А. И. Исламмагомедова (Махачкала) рассматривалась проблема интернационализации современного общественного быта переселенцев с гор на равнину (по материалам Дагестана) в определенной связи с языковым развитием.

Лингвисты коснулись ряда специальных вопросов: М. У. Монраев (Элиста) показал, что калмыцкие антропонимы могут служить источником для изучения этнокультурных контактов народа как в прошлом, так и в настоящем; Г. С. Биткеева (Элиста) осветила вопрос об отражении в языке этнокультурных традиций; Д. А. Павлов (Элиста) рассмотрел диалектную базу современного калмыцкого литературного языка в связи с этническим составом народа.

Вопросы современной калмыцкой литературы поднимались в докладах Р. А. Джамбиновой (Элиста) и Н. Н. Мусовой (Элиста).

Во многих докладах рассматривались вопросы, связанные с сохранением и изменением этнического самосознания, его двойственностью, многофункциональностью и т. д. Этим проблемам был посвящен доклад Г. А. Сергеевой (Москва) — «Этническое самосознание населения этноконтактных зон (на примере народов Дагестана)», в котором рассматривались особенности развития этнического самосознания жителей трех этноконтактных зон — даргинско-аварской, рутуло-лезгинской и аваро-цахурской.

В большой группе докладов характеризовались разные стороны духовной культуры — фольклор, драматическое искусство, хореография — в связи с этническими процессами, протекающими в соответствующих регионах. Это доклады Г. И. Спатору (Кишинев) «Отражение этнокультурных процессов в молдавском народном драматическом искусстве», где отмечались взаимосвязи народной драмы молдаван и других народов; Б. Б. Оконова (Элиста) о традиционном калмыцком фольклоре и его месте в современной культуре; Н. Ц. Биткеева (Элиста) о соотношении фольклорной традиции и действительности в песнях о сватовстве в эпосе монголоязычных народов. Традиционной хореографии в современной культуре был посвящен доклад Т. Б. Бадмаевой (Элиста) (на материалах калмыков). Р. В. Пичикиян (Ереван) рассказала о традициях и инновациях в современной музыкальной культуре армян, а И. А. Мардоса (Вильнюс) — о результатах этносоциологического исследования музыкальных интересов сельских жителей Литовской ССР.

На конференции поднимался вопрос о роли образования в этнических процессах. Специально этой теме был посвящен доклад Н. Я. Бромлей (Москва), рассмотревшей проблему в общетеоретическом плане. С. Э. Лиджи-Горяева (Элиста) на материалах Калмыцкой АССР осветила вопрос о высшем образовании как факторе этнокультурного сближения наций. Частично эти вопросы освещались и в докладах О. Б. Бембеева (Элиста) «Формирование национальной интеллигенции как фактор интернационализации социалистической культуры (на примере Калмыцкой АССР)» и Л. З. Кунженовой (Черкесск) — «Социальная структура современного сельского абазинского населения».

При подведении итогов было признано, что работа секции прошла на высоком организационном и научном уровне. Отмечалась большая познавательная, а в отдельных случаях и практическая, значимость всех докладов. Было внесено предложение создать исследовательский центр по народной хореографии.

На четырех заседаниях секции «Этнокультурные процессы в материальной культуре народов СССР» были заслушаны и обсуждены 22 доклада. Одни из них касались комплексного рассмотрения различных аспектов материальной культуры, другие — отдельных ее разделов, причем многие выступавшие затрагивали теоретические и практические проблемы. В ряде докладов освещались и вопросы духовной культуры.

Большой интерес представили доклады, посвященные исследованию процесса развития культуры народов СССР в условиях изменения хозяйственного и бытового уклада. Рассмотрению перехода калмыков к оседлости после установления Советской власти и

изменению в связи с этим общественно-бытовых условий их жизни был посвящен доклад А. Г. Митирова (Элиста). Б. А. Калоев (Москва) выступил с докладом «Этно-культурные традиции в современном сельском хозяйстве горцев Северного Кавказа». Важной проблеме адаптации населения в Сибири и Казахстане, приобретающей особое звучание в связи с решениями XXVI съезда КПСС о постоянных трудовых ресурсах в важных отраслях промышленности, посвятили доклад В. П. Курьлев и Ч. М. Таксами (Ленинград). В процессе адаптации они выделили два основных направления: 1) адаптация коренного населения к новым условиям урбанизации и изменению хозяйственной деятельности; 2) адаптация приезжих из европейской части СССР к условиям жизни в данных регионах с целью закрепления в них.

Ряд докладов был посвящен рассмотрению общего и особенного в материальной культуре в свете современных этнических процессов. Х. А. Аргынбаев и Н. Э. Масанов (Алма-Ата) осветили эту проблему на материалах сельского населения Казахстана; А. С. Лузгин, П. М. Мезин, В. Ф. Раждивин (Саранск) — на материалах населения Мордовской АССР; И. М. Шаманов (Черкесск) рассказал о развитии карачаевского села. К анализу пищи с этих же позиций обратились А. Е. Пахутов (Москва) на примере монголоязычных народов и А. А. Кожанов (Петрозаводск) по материалам Карелии (карелы и белорусы). В. С. Уарзиати (Орджоникидзе) рассказал о современной одежде осетин.

Особенности развития сельских поселений в Эстонской ССР подробно охарактеризовал Г. Х. Троска (Таллин). Ю. Г. Аргун (Сухуми) остановился на жилище, одежде и пище абхазов, а Р. Х. Керейтов (Черкесск) — на изменениях в жилище ногайцев. Т. В. Космина (Киев) рассмотрела вопрос о взаимодействии традиционного и профессионального в современной архитектуре Украинской ССР по данным города и села. На стыке материальной и духовной культуры, как, впрочем, и ряд других сообщений, был доклад Ю. И. Мкртумяна (Ереван) «О некоторых особенностях этнокультурных процессов в материальной культуре армян», показавший динамику культурной традиции.

Значительное внимание на конференции было уделено проблемам взаимодействия культур разных этносов. Два доклада на эту тему, вызвавшие большой интерес у собравшихся, базировались на искусствоведческом материале. Т. А. Бадяева (Москва) — по данным народных художественных промыслов Северного Кавказа попыталась показать пути взаимопроникновения художественных традиций разных народов в этом регионе. Н. В. Кочешков (Владивосток) остановился на проблеме историко-культурных связей монголоязычных народов (на примере их декоративного искусства XIX — начала XX в.). Оба доклада были богато иллюстрированы. В докладе М. Я. Устиновой (Москва) «Этнокультурные взаимовлияния в крупном городе» на материалах этносоциологического обследования быта рижан выявлялись наряду с общими чертами этнически-специфические особенности. Л. Ф. Артиюх (Киев) рассмотрела украинско-молдавские взаимовлияния в пище. В. С. Зеленчук и М. В. Маруневич (Кишинев) охарактеризовали особенности развития межэтнических контактов молдаван и гагаузов и их результаты. О. Р. Будина (Москва) остановилась на судьбах культурных традиций материального быта в этнически неоднородной среде (на примере компактных этнических групп УССР). Э. А. Керимов (Баку) рассмотрел материальную культуру азербайджанцев в связи с межэтническими контактами в Азербайджанской ССР.

К. Консин (Тарту) познакомил собравшихся с характером женского рукоделия и организаций народного художественного промысла на о. Сааремаа.

Обсуждение докладов прошло оживленно. При подведении итогов было отмечено, что в условиях современного развития этнокультурных процессов этнографическое изучение материальной культуры народов продолжает играть важную роль. Было высказано пожелание о более тесном сотрудничестве ученых разных специальностей.

Секция «Проблемы изучения современной семьи в СССР» провела 4 заседания, на которых было заслушано и обсуждено 17 докладов. Проблемы семьи рассматривались в тесной связи с этническими процессами в СССР. Как показали выступления, при исследовании семьи, как правило, сочетаются этнографический и социологический подходы.

Я. С. Смирнова (Москва) выступила с докладом «Этнокультурные процессы и демократизация семьи (по материалам народов Северного Кавказа)». Изменения в структуре армянской семьи за годы Советской власти рассматривались в докладе

А. Е. Тер-Саркисянц (Москва). Х. Есбергенов (Нукус) остановился на влиянии этнических процессов интеграционного характера на семейный быт каракалпаков; Г. П. Васильева (Москва) — на вопросе отражения этнокультурных изменений в материальном быту сельской семьи народов Средней Азии и Казахстана. Э. Я. Львова (Москва) охарактеризовала динамику развития семьи чуымских тюроков в связи с этническими изменениями. Х. А. Карапова (Алма-Ата) выступила с докладом «Рабочая семья: ее роль в этнокультурных процессах». Коллективный доклад Е. П. Бусыгина, Н. В. Зорина, Г. Р. Столяровой (Казань) имел методический характер. В нем рассказывалось об успешном опыте картографирования размещения национально-смешанных семей в сельских районах Татарской АССР. О. Б. Наумова (Москва) остановилась на новых и традиционных явлениях в жизни семьи на примере изучения быта работников совхозов Семипалатинской области Казахской ССР. Некоторые черты современных семейно-брачных отношений, а также свадебной обрядности у калмыков были рассмотрены в докладе Д. Д. Шалхакова (Элиста).

Ряд докладов был посвящен проблеме межнациональных браков. Ю. К. Ванькаев (Элиста) рассмотрел динамику межнациональных браков в Калмыцкой АССР; М. А. Меретуков (Майкоп) — изменение численности национально-смешанных браков у адыгов на протяжении XIX—XX вв., а Л. П. Шабалина (Ульяновск) — динамику таких браков в Ульяновской области и Татарской АССР.

Большое внимание в работе секции было уделено проблемам семейной обрядности, в том числе вопросам, имеющим общественнопрактическую значимость. Наиболее остро проблема внедрения новых, основанных на этнической традиции, обрядов, могущих противостоять вредным традициям, прозвучала в выступлениях Н. И. Шатиновой (Горно-Алтайск) — «Актуальные вопросы современной семейной обрядности у алтайцев» и Р. К. Уразмановой (Казань) — «Похоронные обряды татар (соотношение традиционных и новых элементов)». А. Булатова (Махачкала) рассказала о зрелищно-развлекательных компонентах свадебного обряда и их трансформации у переселившихся на равнину сельских жителей горного Дагестана; З. И. Хасбулатова (Грозный) — о новых и традиционных чертах в современной свадьбе чеченцев и ингушей. Ю. В. Иванова (Москва) посвятила доклад рассмотрению семейных обрядов в этнически неоднородной среде Юго-Запада СССР и выявлению в них этнической специфики.

Обсуждение докладов прошло активно. При подведении итогов были отмечены рост профессионализма научных кадров, расширение круга источников и методов исследования семьи, обращение к актуальным вопросам, имеющим практическое значение, например, связанным с проблемой трудовых ресурсов (выявление тенденций в детности семей), с разработкой новой семейной обрядности и др. Были внесены предложения: о создании согласованных программ изучения семьи по регионам, и о развертывании исследований по проблеме трансмиссии этнокультурных традиций в семье в процессе семейного воспитания. Высказывались пожелания о проведении специальной конференции по проблемам семьи, в том числе методологическим и методическим вопросам. Обращалось внимание на необходимость более активного участия этнографов в разработке сценариев семейных празднеств и их активной пропаганде. Для координации такой работы предлагалось создать проблемную группу в Москве.

На двух заседаниях секции «Этнокультурные процессы в зарубежных странах» было заслушано и обсуждено 13 докладов. Выступавшие рассматривали теоретические проблемы и конкретные этнокультурные и религиозные ситуации в различных зарубежных странах.

Б. Кудайбергенов и М. Ц. Шургучиева (Элиста) выступили с докладом «Критика некоторых методологических принципов современной буржуазной этнографии». На примере анализа ряда буржуазных концепций они показали их несостоятельность, обусловленную прежде всего отрицанием динамики исторического развития и связей культуры с конкретно-историческим обществом, результатом чего оказывается отрицание исторической роли человека как субъекта, творца культуры. С критикой основополагающей теории буржуазной этносоциологии — теории «этничности» — выступила З. С. Чертюна (Москва). А. И. Кузнецова (Москва) рассмотрел роль национальной политики государства в этнокультурных процессах и государственном строительстве на примере нашей страны и Индонезии. На проблемах соотношения культуры и структурных подразделений этноса остановился Я. В. Чесноков (Москва).

В ряде докладов были охарактеризованы культурно-бытовые процессы и показаны тенденции этнического развития отдельных народов или их групп. Так, современным этническим процессам в Индии были посвящены доклады Н. Р. Гусевой (Москва) — «Культурно-ассимилятивные процессы в Индии (на примере малых народов штата Раджастхан)», С. А. Маретиной (Ленинград) — «Особенности этнонационального развития в горных районах Индии», А. Н. Седловской (Москва) — «Тенденции этнического развития малых народов в современной Индии». Актуальные проблемы, связанные с национально-освободительным движением на современном этапе, освещались в докладах Дж. Б. Логашовой (Москва) «Этнокультурные процессы в современном Иране» и В. В. Матвеева (Ленинград) — «Некоторые особенности этнокультурного развития народов Северной Африки (на примере Алжира)».

В. И. Кочнев и И. М. Семашко (Москва) посвятили доклад рассмотрению этнокультурных, а также этнолингвистических процессов в среде мигрантов-индостанцев; Г. И. Апохии (Москва) остановился на этническом составе скандинавских стран по данным 1960—1970 гг.

Ю. Е. Березкин (Ленинград) рассказал о положенииaborигенных этнических групп андских стран, на этническое развитие которых повлияла европейская колонизация. Н. Л. Жуковская (Москва) коснулась вопросов духовной культуры монголов, остановившись на явлении «подарок — отдарок», и его месте в системе ценностей.

В ходе работы секции высказывались пожелания об организации дискуссии по отдельным проблемам этнографической науки, в первую очередь, связанным с национально-государственным строительством в развивающихся странах, с процессами этнической консолидации, ассимиляции и интеграции народов. По-прежнему, как отмечали собравшиеся, ощущается необходимость в дальнейшей работе по унификации этнографической и социологической терминологии. Высказывалось пожелание о превращении в традицию вынесения на этнографические конференции проблем по зарубежной этнографии.

В работе секций, как и прежде, ощущался недостаток времени, и кураторы секций, выступая на заключительном пленарном заседании, предлагали изменить давнишний порядок работы секций с целью отведения большего времени для дискуссий.

Подводя итоги конференции, Ю. В. Бромлей отметил, что она продемонстрировала широкий подход к исследованию процессов — от экономических до конкретных культурно-бытовых, причем глубина поисков обнаруживалась в выходе на проблемы этнического сознания, этнической психологии. Остановившись на характеристике основных направлений этнокультурных процессов в современном мире, он обратил внимание на необходимость проведения исследований этнических процессов в глобальном масштабе, на важность изучения общностей разного порядка. В качестве одной из актуальных задач этнографических исследований в СССР было выдвинуто изучение взаимодействия национальных культур с русскоязычной (а не просто русской) культурой, как включающей в себя разные элементы, в том числе и общесоветские. Дальнейшая разработка теоретических проблем, как подчеркнул Ю. В. Бромлей, требует неизбежного возвращения к терминологическим вопросам, которые нуждаются в постоянном совершенствовании. Отметив в заключение рост профессионализма специалистов — участников конференции, Ю. В. Бромлей сказал, что особенно приятно было видеть профессиональный рост учеников Калмыцкой АССР, внесших достойный вклад в работу конференции.

Конференция была хорошо организована. Были созданы все условия для плодотворной работы и знакомства с жизнью республики.

Участники конференции имели возможность встретиться с трудящимися Калмыкии — в Элисте и в трех сельскохозяйственных районах — Приютненском, Яшкульском и Целинном, где их радушно встретили и показали концерты самодеятельных артистов. Приехавшие ученые рассказывали о своей работе, выступали по радио, телевидению, на предприятиях и в вузах. В культурную программу конференции входили также экскурсия по городу, посещение Республиканского краеведческого музея им. Н. Н. Пальмова и Картичной галереи, просмотр хроникально-документальных фильмов о Калмыкии. Гости побывали в Калмыцком государственном драматическом театре им. Баатра Басанганова. Участники конференции были приглашены на юбилейные торжества, связанные с 40-летием Калмыцкого НИИИФЭ. Республиканская газета «Советская Калмыкия» постоянно освещала ход работы конференции.

О. Р. Будина

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

Сулейманов А. С. Топонимия Чечено-Ингушетии. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство. Ч. I, 1976, 239 с.; ч. II, 1978, 289 с.; ч. III, 1980, 222 с.

Минувшее десятилетие отмечено активизацией изучения топонимии Северного Кавказа. Кроме серии статей вышли в свет специальные труды, посвященные топонимии многих областей региона — исторической и современной территории расселения адыгов (кабардинцев, адыгейцев, черкесов), Дагестана, Балкарии, Северной Осетии¹.

На фоне этих успехов все более заметным становилось отставание в изученности топонимии Чечено-Ингушетии. Правда, некоторые (далеко не полные и не всегда достоверные) сведения о вайнахских (чечено-ингушских) топонимических терминах встречались во многих работах кавказоведов, привлекавших материалы по Чечено-Ингушетии². Вайнахские топонимы анализировались и в исследованиях по истории и языку чеченцев и ингушей³, а также в уже упоминавшихся специальных трудах по топонимии смежных областей Северного Кавказа. Появились и публикации, в которых топонимия Чечено-Ингушетии была не только важным побочным⁴, но и основным источником для изучения историко-лингвистического прошлого вайнахов и их ближайших соседей⁵.

¹ Коков Дж. Н., Шахмурзаева С. О. Балкарский топонимический словарь. Нальчик: Эльбрус, 1970; Коков Дж. Н. Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик: Эльбрус, 1974; Цагаева А. Дж. Топонимия Северной Осетии. Ч. I, II. Орджоникидзе, 1971, 1975 (там же библиография); Ономастика Кавказа, I (Махачкала: Дагучпедгиз, 1976), II (Орджоникидзе: Изд-во Ир, 1980).

² См., например: Марр Н. Я. Кавказские племенные названия и местные параллели. Пг., 1922; Джавахишвили И. А. Основные историко-этнографические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока.— Вестник древней истории, 1939, № 4; Абадзев В. И. Осетинский язык и фольклор, М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1949; Гамрекели В. К анализу топонимики Двалети.— Тр. Ин-та АН ГССР. Т. IV, вып. I. Тбилиси, 1958 (на груз. яз.); Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1959, и др.

³ См.: Лаудаев У. Чеченское племя.— Сборник сведений о кавказских горцах (далее — ССКГ), вып. 6, Тифлис, 1872; Ахриев Ч. Из чеченских сказаний.— ССКГ, вып. 4, Тифлис, 1870; Мальсагов З. К. Грамматика ингушского языка. Орджоникидзе, 1925; Генко А. Н. Из культурного прошлого ингушей.— Записки коллегии востоковедов, № 5, Л., 1930; Карасаев А. Г., Масаев А. Г. Русско-чеченский словарь. М.: Наука, 1978; Оздоев И. А. Русско-ингушский словарь. М.: Наука, 1979, и пр.

⁴ См.: Дешериев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1963; Шавтелишвили А. И. К вопросу о переселении чечено-ингушских племен с гор на равнину.— Изв. Чечено-Ингушского краеведческого музея, вып. 10. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1961, с. 105—125; Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1972; Виноградов В. Б., Чокаев К. З. Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен.— Археолого-этнографический сборник. Грозный, Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1966, с. 42—88.

⁵ См., например: Алборов Б. А. Осетинские названия местностей к востоку от Осетии.— Сб. научного о-ва при Горском пединституте, 1. Владикавказ, 1929, с. 87—99; Виноградов В. Б., Чокаев К. З. Ираноязычные элементы в топонимии и гидронимии Чечено-Ингушетии.— Изв. Чечено-Ингушского н.-и. ин-та Т. III, вып. 2. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1966, с. 75—95; Гамбашидзе Г. Г. К объяснению названия храма Ткобя-Ерда. Изв. АН ГССР. Сер. истории, археологии, этнографии и истории искусства. Тбилиси: Мецниереба, 1974, № 2, с. 120—129; Алборов Б. А. Ингушское «Гальерды» и осетинское «Аларды».— В кн.: Некоторые вопросы осетинской филологии. Орджоникидзе: Изд-во Ир, 1979, с. 52—141; Лавров Л. И. Топонимические заметки.— Кавказский этнографический сборник, вып. VII. М.: Наука, 1980, с. 209—216 и др.

Однако ощущалась необходимость в более полном обобщении топонимических материалов по Чечено-Ингушетии⁶. Эта проблема нашла (на первый взгляд неожиданно) своего исследователя вне рядов профессионалов-лингвистов. За сложную и многотрудную работу по выявлению, сбору, систематизации, расшифровке и анализу топонимических терминов на территории Чечено-Ингушетии взялся сельский учитель А. С. Сулейманов. Более 20 лет он с большим энтузиазмом, чрезвычайно упорно, целеустремленно и почти без затрат государственных средств собирал интересующие его материалы. А. С. Сулейманов объездил и обошел всю территорию Чечено-Ингушской АССР (кроме двух северных районов за Тереком) и зафиксировал несколько десятков тысяч топонимов и гидронимов.

Полагаю, уместным более подробно представить читателю этого человека. Выпускник национального (вайнахского) отделения филологического факультета Чечено-Ингушского госпединститута, Ахмад Сулейманович Сулейманов с конца 1950-х годов работает директором средней школы в с. Алхазуро Урус-Мартановского района. Квалифицированный, увлеченный своей работой педагог, страстный краевед, обладающий к тому же незаурядными поэтическими⁷ и музыкальными способностями, А. С. Сулейманов почти четверть века все свое свободное время тратит на скрупулезный сбор топонимических богатств родного края. На три года (1977—1979 гг.) он оставил все другие дела и, поступив на работу в качестве младшего научного сотрудника в сектор археологии и этнографии Чечено-Ингушского института истории, социологии и филологии, осуществил свою мечту — завершил начатую ранее подготовку свода «Топонимия Чечено-Ингушетии», который и является предметом данного обзора. В настоящее время А. С. Сулейманов вновь возглавляет школу в родном селе, но по-прежнему занимается и топонимией: составляет обобщающий топонимический словарь Чечено-Ингушетии.

В трех частях рецензируемого исследования автором представлено около 15 000 топонимических заметок и статей. Первая часть свода посвящена горной Чечне, вторая — горной Ингушетии (юго-западные районы) и горной Чечне (центральные и юго-восточные районы), третья — предгорной равнине Чечено-Ингушетии. Каждой из них предписано небольшое вступление («От автора»), в котором формулируются задачи данной части топонимического свода и высказываются некоторые общие соображения.

Рецензируемый свод занимает особое место среди исследований по топонимии. «Поскольку здесь публикуются материалы, собранные по аулам и селениям путем личного опроса и осмотра, читатель почти не найдет ссылок на научные источники,— пишет автор во вступлении к I части.— В основу всей работы положена память народа...» (с. 9). И далее (а также во вступлениях ко II и III частям свода) он с большой теплотой и благородностью говорит о многонациональному отряду своих бескорыстных добровольных помощников-информаторов — людей разных возрастов и специальностей.

В труде, составленном не лингвистом, неизбежны отдельные просчеты в подаче и толковании огромного фонда материалов. Поэтому, кстати, я и счел необходимым предложить анализ работы А. С. Сулейманова краткий историографический очерк. Ведь объективная характеристика современного уровня изученности топонимии Чечено-Ингушетии позволяет не только оценить все достоинства и значение выполненного труда, но и понять некоторые его недостатки.

Автор преднамеренно отступил от обычной алфавитной системы изложения материала и дал его, как он выразился, «гнездовым способом» — по исторически сложившимся этнографическим районам. Это, на мой взгляд, оправданное решение. Оно вполне отвечает характеру самих источников, запись которых велась с учетом локальных языковых особенностей (говоров, диалектов). К тому же (и это очень существенно!) такая композиция намного облегчит специалистам (этнографам, археологам, историкам, географам, языковедам и др.) работу со сводом. Изложение материала дается по этнографическим группам и сельским обществам вайнахов. После общей характеристики конкретной группы или общества освещается микротопонимия каждого селения либо уроцища. Такой принцип подачи топонимических фактов окажет добрую услугу при исследовании постоянно дискутируемого вопроса об этносоциальной градации чеченцев и ингушей, в общественной структуре которых были так сильны тайповые отношения или их пережитки⁸.

Каждая заметка начинается с географического названия, записанного с соблюдением всех норм местного произношения. Затем даются русские транскрипция и перевод термина, географическая привязка и в большинстве случаев авторское толкование этимологии топонима, порой превращающееся в своеобразное этнографо-лингвистическое эссе.

⁶ Была предпринята даже попытка составления свода топонимов, но она оказалась, к сожалению, не вполне удачной, см. Чокаев К. З. Географические названия Чечено-Ингушетии (рукопись). Грозный, 1972.— Архив Чечено-Ингушского ин-та истории, социологии и филологии, ф. 3, д. 1.

⁷ Он член Союза писателей СССР, автор нескольких поэтических сборников (один из них вышел недавно на русском языке). См.: Сулейманов Ахмад. Симфония гор. Стихи и поэмы. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1977.

⁸ Мамакаев М. Чеченский тайп в период его разложения. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1973.

В нашу задачу не входит языковедческий анализ результатов выполненного труда. Скажем лишь, что в этом плане позиции автора наименее уязвимы. Оперируя в поисках этимологии местных топонимов словарной лексикой ряда других языков, А. С. Сулейманов не всегда проявляет себя достаточно квалифицированным интерпретатором. Так, совершенно неоправданно он акцентирует присутствие в местной топонимии масовых якобы древнееврейских элементов, «устанавливаемых» путем весьма спорных созвучий ряда терминов, например: сопоставление топонима Гемарой с «гемара» — многотомным сборником древних еврейских религиозно-философских комментариев к «Ветхому Завету», или наименования культового места Асие (Альсие) с именем «иудейской христианской секты эссеонов», или термина «жуыгый» с Иудеем и мн. др.

Нередки также натяжки в сближении некоторых труднообъяснимых топонимов с этнополитическими и культовыми названиями Финикии, Ассирии, Вавилона, Закавказья (например: формальное созвучие названия аула Калхада и «столицы царя Ассирии Салманасара Калхь» и мн. др.), а отчасти и славянского мира (первая часть топонима Вена-хашка происходит, по мнению автора, якобы от названия венеды). Пожалуй, подобные малообоснованные догадки, присущие в какой-то степени всей работе, являются главным ее недостатком.

Однако, несмотря на этот недостаток, важное значение книги для исследования всех основных сторон этнографии Чечено-Ингушетии и соседних районов несомненно. Свод А. С. Сулейманова представляет многочисленные топонимические и фольклорные свидетельства о сложном этногенетическом пути вайнахов, включивших на разных этапах своей истории многие этнические компоненты. Приводимые материалы подтверждают и наличие длительных контактов на территории Чечено-Ингушетии вайнахов с грузинским, осетинским, адыгским, кумыкским, ногайским и другими этносами. В топонимии большинства районов края, и особенно равнинной зоны, где необычайно тесно переплелись элементы всех горских обществ и этнографических групп, ярко проявляются черты, свидетельствующие о многовековых этнокультурных связях между Чечено-Ингушетией и Россией⁹, исследование которых А. С. Сулейманов справедливо относит к числу «важнейших задач» (ч. III, с. 4).

Весьма полезны собранные автором факты о многочисленных локальных переселениях внутри конкретных районов Чечено-Ингушетии и миграциях отдельных групп местного населения. В качестве одного из многих удачных примеров можно привести убедительный анализ топонимии обществ Зумса, Чиннах (Аргунское ущелье), в которой выделяются пласти, свидетельствующие об этническом слиянии тут исконного, коренного населения («бухара нах») и пришлого, «чужого» («кхин нах»).

Собранные А. С. Сулеймановым топонимы служат поистине неоцененным источником для изучения хозяйства вайнахов. В высокогорной зоне края массово фиксируются в названиях местностей традиционные скотоводческие занятия вайнахов, особенно овцеводство: «К овечьему кутану», «Яма, где считают овец», «Ягнят стоянка», «Где волк корову зарезал», «Холм, где останавливаются скот», «Приспособление для сушки мяса, сыра», «Зимовые скота», «Большой покос», «К покосам», «Свинарник», «Поросенок», «Молочное поле» и мн. др. Обычны для Чечено-Ингушетии и топонимы, связанные с земледелием: «Верхняя пашня», «Пашня на склоне», «Княжеская пашня», «Пашни горные», «Где мельница стоит», «Мельница», «Ячменная поляна» и т. д. Знаменательно, что в предгорно-равнинной зоне края, где земледелие для выходцев с гор было жестоко регламентировано полянами, отвоеванными у дремучих лесов («ирзо»), большинство топонимов сохранило имена первооснователей таких поселков-хуторов.

Заметен также топонимический пласт, связанный с домашними промыслами, ремеслами, природными разработками («Кузницы место», «Где бурки делаются», «Камень где добываются», «Склон золотошвой», «Корыта долбят», «Медная гора», «Железо добывают где» и пр.) и особенно с охотничим промыслом («Место, где убит олень», «Оленья стоянка», «Лисья тропа», «Козья тропа», «Косуль склон», «Медвежьи террасы», «Волчья дорога», «Засады место где» и пр.).

В названиях местностей нашло отражение и былое социальное устройство вайнахов. Выделяется группа названий, связанная с нарождающейся раннефеодальной проплойкой «князей» (эли): «Башня князя», «Князя пашня», «Князя очаг», «Тропа князя», «Место благородных» и пр. Ей противостоят частые упоминания в топонимах социальных терминов лай («раб»), ялхо («зависимый человек», «работник») и пр. Неоднократно зафиксировано распространенное в средневековые взимание дани на узлах пересечения дорог или в труднопроходимых местах ущелий. Интересны топонимы, связанные с общественными институтами вайнахов: «Совет страны» (Мехкхел), «Место сельских собраний» (каш-ков), «Проклятие преступнику» (карлаг), «Сельская взаимопомощь» (белхи) и т. д. Все эти материалы — хорошее подспорье для дальнейшего уяснения специфики генезиса местных раннефеодальных отношений¹⁰.

Память о межродовых и общинах столкновениях, отражении внешних нападений, феодальных междуусобицах хранят такие названия, как «Главное укрепление»,

⁹ Бузурганов М. О., Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Навеки вместе. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1980; Байбулатов Н. К., Блиев М. М., Бузурганов М. О., Виноградов В. Б., Гаджиев В. Г. Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России.— История СССР, 1980, № 5, с. 48—63.

¹⁰ Виноградов В. Б. Генезис феодализма на Центральном Кавказе.— Вопросы истории, 1981, № 1.

«Щит-хребет», «Войска гора», «Дорога войска (войны)», «Щит», «Сторожевая крепость», «Место отборных войск», «Стражники» и др. Характерно, что рядом с этими топонимами зафиксировано немало названий дорог, свидетельствующих о регулярных и продуктивных взаимных контактах с соседними народами.

Исследователи материальной культуры почерпнут много полезных сведений, обращаясь к названиям древних могильников (скелепов, каменных ящиков, грунтовых могил, курганов), боевых и жилых башен, всевозможных культовых сооружений, капищ и т. д.

О культовых памятниках следует сказать особо. Свод А. С. Сулейманова незаменим для изучающих историю религиозных воззрений вайнахов и других народов Кавказа. Эволюция местных религиозных верований давно привлекает внимание специалистов¹¹. Однако топонимия Чечено-Ингушетии, как оказывается, сохранила явственные следы того, что пока не удалось обнаружить исследователям. Разветвленная сеть капищ и святилищ, посвященных богам языческого пантеона вайнахов, мест, связанных с активной христианизацией края в различные отрезки средневековья¹², представлена мощными пластами топонимических терминов. Рецензируемый свод буквально в несколько раз увеличивает объем прежде имевшейся информации. Едва ли вместе с тем автор прав, избегая фиксации топонимов, связанных с мусульманством. Он пытается объяснить это тем, что «мусульманская религия не была принята добровольно, а была насаждена огнем и мечом» (ч. II, с. 5). Последнее отчасти верно, но соответствующий слой в топонимии края представлен достаточно широко, и игнорировать его нельзя.

Итак, многолетний труд энтузиаста-краеведа успешно завершен. Свод А. С. Сулейманова уже становится настольной книгой специалистов-кавказоведов самых различных профилей. И в дальнейшем, несомненно, число читателей его будет расти. Ведь лингвистико-этнографические сокровища, бережно собранные и открытые для науки А. С. Сулеймановым, не только выводят на качественно новый уровень изучение топонимии края, но и открывают широкие перспективы для их использования в русле кавказоведения.

В. Б. Виноградов

¹¹ Виноградов В., Межидов Д., Успаев Г. Религиозные верования населения Чечено-Ингушетии в дооктябрьский период. Учебное пособие для студентов университета. Грозный, 1981.

¹² Гамбашидзе Г. Г. К вопросу о культурно-исторических связях средневековой Грузии с народами Северного Кавказа. Тбилиси, 1977; Виноградов В. Б., Бараниченко Н. Н. Об одном аспекте грузино-вайнахских взаимоотношений в XVI—XVII вв.—Макне. Тбилиси, 1980, № 3.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. I. М., 1980, 672 с.

Выход первого тома двухтомной энциклопедии «Мифы народов мира», подготовленной издательством «Советская энциклопедия» — большое событие в культурной жизни нашей страны. Это первое издание подобного рода на русском языке (если не считать кратких словарей по мифологии античности, например: *Мифологический словарь*. Л., 1959). Да и в мировой науке это едва ли не первый опыт систематизированного изложения мифотворчества всех народов мира. Если сравнить рецензируемую энциклопедию с аналогичными зарубежными изданиями, то даже по сравнению с самыми известными и наиболее полными из них¹ она более исчерпывающа и охватывает всю мировую мифологию во всех ее аспектах, затрагивает связанные с мифологией общие проблемы истории культуры, религиоведения и фольклористики, литературы и искусства, уделяет большое внимание мифологиям народов СССР, которые в зарубежных изданиях не находят адекватного отражения. Мифы в энциклопедии излагаются не только в их первоначальной оригинальной форме, но и в последующей религиозно-философской интерпретации, критически оцениваемой. В двух томах энциклопедии свыше 4500 статей, в первом томе (его границы — «Аарон — Корейская мифология») — свыше

¹ Hastings J. (ed.). *Encyclopaedia of Religion and Ethics*, 1908—1921, v. 1—12; *The Mythology of All Races*, V. 1—13. Boston, 1916—1932; Jobes G. *Dictionary of Mythology, Folklore and Symbols*. V. 1—3. N. Y., 1962; Evans B. *Dictionary of Mythology*. Lincoln, 1970; Funk and Wagnalls Standard Dictionary of Folklore, Mythology and Legend. N. Y., 1972; *Encyclopaedia of World Mythology*. L., 1975; *Wörterbuch der Mythologie*. B. 1—4. Stuttgart, 1961—1971.

2 тыс. статей. Статьи отражают современный уровень развития науки и сопровождаются очень ценными библиографическими указателями. Книга прекрасно иллюстрирована — в первом томе около 1 тыс. цветных и черно-белых иллюстраций.

Темы, освещенные в книге, необычайно разнообразны. Ее основу составляют циклы статей, посвященных мифологии различных народов и регионов, обширные, насыщенные фактическим материалом обзоры целых мифологических систем — буддийской, германо-скандинавской, индуистской, балтийской, кельтской, греческой, иранской, иудаистской, китайской и др. Каждый из таких циклов, как правило, включает обобщающую статью, в которой дается картина мифологии в целом, и статьи о высших богах, полубожественных и демонических образах и героях, обожествленных неантропоморфных объектах — животных, растениях, элементах ландшафта и космоса, о символах и абстрактных понятиях, статьи об основных типах мифов (астральных, лунарных, космогонических, антропогонических и др.) и об основных мифологических мотивах. Рассматриваются также мифологические представления и сюжеты, выросшие на основе народной фантазии, но прошедшие обработку в среде жрецов, религиозных мыслителей, философов.

Значение этого фундаментального издания трудно переоценить. Оно вводит читателя в необозримый мир идей и образов, которые не только легли в основу архаического общественного сознания, но и оказали глубокое воздействие на мировоззрение последующих поколений, на многие аспекты культуры. Без знания мифологии понимание богатейшего культурного наследия прошлого зачастую просто невозможно. Вот почему эта книга так нужна прежде всего самому широкому читателю. Она дает ему незаменимый справочный материал, помогает ориентироваться во многих явлениях мировой культуры.

Большой заслугой составителей энциклопедии является то, что они постарались дать читателю информацию о том, как разрабатывались мифологические образы и сюжеты в мировой художественной литературе, поэзии, театре, музыке, изобразительном искусстве. В то же время (как отмечено в предисловии от редакции) энциклопедия призвана удовлетворить и более глубокий интерес читателя к мифологии и истории религии. Она имеет большую ценность и для специалистов. Многие статьи знакомят с сущностью различных научных теорий, направлений и школ в изучении мифологии. Наряду с этим они отражают и концепции самих авторов, итоги их собственных исследований. Отражение научной позиции авторов в целом следует признать достоинством энциклопедии, хотя в ряде случаев следовало бы более четко выразить, где начинаются собственные взгляды и гипотезы авторов — читателю это не всегда ясно. Изложение и интерпретация мифов опирается на первоисточники в квалифицированных научных переводах, и это еще более увеличивает научную ценность издания.

Энциклопедия открывается большой статьей «Мифология», написанной С. А. Токаревым и Е. М. Мелетинским. Она вводит читателя в понимание сущности мифологии, знакомит с основными понятиями, которыми оперирует наука, изучающая мифологию, с историей ее изучения. Эта обобщающая статья, вынесенная в начало всего издания, — нужное и в целом очень удачное введение в него.

Авторы справедливо оценивают мифологию как «важнейшее явление культурной истории» (с. 16), как наиболее раннюю форму мировосприятия, понимания мира. В примитивных обществах мифы выполняют важную функцию поддержания природного и социального порядка. В то же время мифологическое мышление имеет известные аналогии в мышлении и других исторических эпох, и, таким образом, «миф, как тотальный или доминирующий способ мышления, специфичен для культур архаических, но... может присутствовать в самых различных культурах, особенно в литературе и искусстве, обязанных многим мифу генетически» (с. 19). Наряду с этими бесспорными положениями в статье есть и дискуссионные. Верно ли, например, что примитивным мифологическим системам свойственно резкое разграничение мифологического и современного периода, «сакрального» и «профанного» времени (с. 13)? Ведь если для первобытного сознания «все, что есть сейчас,— результат развертывания первоначального прещедента» (там же), то верно и то, что мифическое прошлое не является прошлым в нашем понимании, оно не отделено от настоящего какой-то гранью, оно безгранично и обратимо, оно вторгается в настоящее как живая реальность. Эта особенность мифического времени выражается в основанных на мифе первобытных мистериях, например австралийских. В работах мифологов и специалистов-австралиеведов отчетливо показано, что дляaborигенов Австралии мифическое время, один из важнейших компонентов их традиционного сознания, продолжается и сейчас и наполняет собой мир, придавая ему значение и некий высший смысл. Это как бы особая, высшая реальность, которая существует наряду с эмпирической реальностью и пронизывает ее собой.

Трудно согласиться и с тем, что образ культурного героя, демиурга, в архаических мифологиях «с трудом лишь отчленяется от мифологического образа тотемических предков» (с. 12). Этому противоречат относительно автономные образы великих отцов и отчасти праматерей в мифологии некоторых австралийских племен, сложившиеся, видимо, независимо от образов тотемических предков и воплощающие творческое, создательное начало человеческой личности и коллектива (ср. статьи «Австралийская мифология», с. 30—31 и «Демиург»; автор обеих статей Е. М. Мелетинский).

Большим достоинством энциклопедии, выделяющим ее среди многих аналогичных зарубежных изданий, являются статьи общего характера, где мифология рассматривается

ется в связи с другими формами общественного сознания, например «Изобразительное искусство и мифология», «История и мифы», «Заговоры и мифы». Эти статьи дают ценный материал для изучения универсалий, проходящих через мифологии многих народов и культур. Значительная часть данных статей, насыщенных богатейшей информацией, отсылающейся к различным культурно-историческим мирам и мифологическим системам, написана В. Н. Топоровым. Но и эти статьи mestами дают повод для возражений. Так, в статье «Изобразительное искусство и мифология» автор пишет о «полнейшей подчиненности» палеолитического искусства ритуалу и отсутствии в нем самостоятельной эстетической функции (с. 483). Положение это спорно: и сравнительные этнографические материалы, и современные исследования самого палеолитического искусства обнаруживают его многогранность, связь его не только с ритуалом, но и другими сферами общественного бытия и сознания, в том числе с раннеизвестными представлениями, существование в нем произведений, несущих самостоятельную эстетическую нагрузку. Автор статьи излагает выводы А. Леруа-Гурана и А. Ламенг-Эмпера, но обходит молчанием взгляды на палеолитическое искусство других видных исследователей. Статистический комбинаторный анализ названных французских ученых при всех своих достоинствах все же основан на ряде априорных допущений (таковы так называемые мужские и женские знаки, см. с. 484), и их выводы далеко не бесспорны. Вместе с тем существует необъятный мир изобразительного искусства народов, изучаемых этиографией: памятники его сохранились на всех континентах, его содержание и связи с местной мифологией изучены много лучше, так как они нередко опираются на живую память его творцов. Большое значение этого искусства для проблем, которым посвящена статья, не подлежит сомнению, но эти материалы едва затронуты и рассматриваются лишь с точки зрения формы, но не содержания. Мы имеем дело здесь главным образом с сухой, отвлеченной схемой, изложенной к тому же очень трудным языком.

Упрек в схематизации и отвлеченности может быть сделан тому же автору по поводу другой его статьи, посвященной не менее важной теме — «История и мифы». Местами возникают возражения и по существу. Так, он предлагает различать сказку, миф, историческое предание и священную историю по следующим признакам: сказка сказочна и несакральна, миф сказочен и сакрален, историческое предание несказочено и несакрально, священная история несказочна и сакральна (с. 572). Для носителей мифологического сознания миф столь же «несказочен» (т. е. является истиной), что и священная история; по существу миф для них и есть их священная история. В целом генезис истории как науки в статье не раскрыт и подменен проблемой структуры раннеисторических текстов. Ведь нельзя же всерьез полагать, что раннеисторические описания возникли только в I тысячелетии н. э. у народов, расселенных «от Средиземноморья до Тихого океана», чтобы объяснить новые явления, связанные с возникновением классового общества и государства (там же). Или, если обратиться к статье В. Н. Топорова «Еда», хочется спросить у автора: что дает читателю схема, которую автор, очевидно, заимствовал у К. Леви-Строса и поместил в начале статьи? Здесь мы находим такие категории: «вегетарианский», «мясной», «вареный», «сырой», «мясо животных», «мясо человека», «мясо не каннибала», «мясо каннибала». Оказывается, схема выражает «структуру кулинарно-пищевых (диетических) режимов, характер и степень их вовлеченности в сферу культуры» (с. 427)! В статье В. Н. Топорова «Геометрические символы» отсутствует исторический аспект проблемы, а ведь эти символы возникли еще в палеолите и уже тогда, как и позднее, были нередко наполнены мифологическим содержанием.

Однако большая часть статей В. Н. Топорова удачнее. Такова, например, статья «Заговоры и мифы», где очень интересно показано соотношение этих двух сфер культуры. Особенно хочется отметить серию ценных и оригинальных статей, посвященных отражению в мифологии различных явлений природы: «Грибы», «Гора», «Животные» и т. п. Подобные статьи, как правило, отсутствуют в зарубежных энциклопедиях. К лучшим статьям В. Н. Топорова следует отнести такие, как «Древо мировое», «Древо жизни» и «Древо познания», а также статьи по древнеиндийской мифологии, особенно обширную статью «Ведийская мифология». Значение принятой здесь попытки реконструкции целой мифологической системы состоит прежде всего в том, что ведийская мифология была истоком великих религиозно-философских концепций Индии.

Такой же смелой реконструкцией является и статья «Индоевропейская мифология» (авторы В. В. Иванов и В. Н. Топоров). Перед читателем развертывается древнейшая мифологическая система индоевропейских народов, реконструируемая с помощью сравнительно-исторического изучения ее следов в языке и мифах. Опора на сравнительно-исторический метод является вообще одной из сильных сторон многих статей энциклопедии. В лингвистике этот метод давно зарекомендовал себя с положительной стороны. Способ его реализации в настоящей статье может быть поводом для дискуссии — это относится, например, к реконструкции так называемого основного мифа о громовержце. В целом она заслуживает внимания; за ней стоят исследования и самих авторов, и многих других индоевропеистов.

На том же методе основана и другая статья В. В. Иванова и В. Н. Топорова — «Балтийская мифология». Во многом оригинальная, хотя и не бесспорная, их реконструкция мифологии древних балтийских племен, основанная на сравнительно-исторической интерпретации языковых данных (прежде всего имен мифологических персонажей), позволила авторам выделить древнее индоевропейское ядро этой мифологической системы, а затем попытаться воссоздать ее в целом.

Значительную ценность представляют статьи В. В. Иванова и В. Н. Топорона по восточнославянской мифологии, в которых прослеживаются параллели с другими индоевропейскими мифологиями. Заслуживает внимания и еще одна статья этих авторов — «Кетская мифология», основанная во многом на их оригинальных исследованиях языка и культуры кетов, представителей некогда многочисленной енисейской языковой семьи. Статьи по мифологии малых народов нашей страны — Сибири и Севера, Дальнего Востока (тунгусо-маньчжурских), Поволжья (финно-угорских) — не только очень важны сами по себе: как уже сказано, они являются особенностью рецензируемой энциклопедии, выделяющей ее среди аналогичных зарубежных изданий. То же относится ко многим статьям по восточнославянской и балтийской тематике.

В. В. Иванов является автором и многих других статей, содержащих большую информацию и немало интересных и оригинальных теоретических положений: «Антропогонические мифы», «Астральные мифы», «Змей», «Верх и низ». В них широко привлекаются и этнографические материалы.

Следует отметить и многие другие статьи, написанные высококвалифицированными специалистами: Е. М. Мелетинского — «Австралийская мифология», «Ворон» и др.; исследования А. Ф. Лосева по античной мифологии, в том числе статью «Греческая мифология»; статьи Б. Л. Рифтина по мифологии Китая; Л. Э. Миляя, посвященные одной из наиболее распространенных мифологий мира — буддийской; статьи по монгольской мифологии С. Ю. Неклюдова, бурятской мифологии — Н. Л. Жуковской, индустской — В. Г. Эрмана, иранской — И. С. Брагинского и Л. А. Лелекова, мусульманской — М. Б. Пиотровского, по мифологии индейцев Северной, Центральной и Южной Америки — А. В. Ващенко, Р. В. Кинжалова и Ю. Е. Березкина, по мифологии народов Африки — Е. С. Котляр; статьи В. Н. Басилова по мифологии тюркских народов и работы других авторов. Интересны и полезны статьи Г. А. Левинтона «Инициации и мифы» и «Инцест». Некоторые статьи написаны двумя авторами, например статья «Герой»: первая ее часть, посвященная образу героя в греческой мифологии, — А. А. Тахо-Годи, вторая, посвященная герою как универсальной категории любой мифологии, — Е. М. Мелетинским. Большая статья «Германо-скандинавская мифология» создана Е. М. Мелетинским и А. Я. Гуревичем (раздел «Германо-скандинавский героический эпос»). Из двух частей, написанных С. С. Аверинцевым и С. А. Токаревым, состоит статья «Иисус Христос». Во всех этих случаях один автор удачно дополняет сделанное другим.

В целом интересная и содержательная статья «Богиня-мать» (автор Е. Г. Рабинович) все же местами вызывает возражения. Автор связывает происхождение образа богини-матери с оппозицией космоса и хаоса («культурного и дикого, позитивного и негативного»), где первый член соотносится, по мнению автора, почти повсеместно с мужским началом, а второй — с женским (с. 180). Между тем архаические мифологии знают немало разрушительных мужских божеств; в то же время в статье справедливо отмечена созидательная, позитивная функция многих женских божеств — они участвуют в творении мира, являются источником жизненной силы и бессмертия, покровительствуют культуре. Схема навязывает себя фактам, и здесь не очень помогают слова автора об амбивалентности функций богини-матери: та же амбивалентность свойственна и мужским божествам. В этом выражается не противоречие космоса и хаоса, мужского и женского начала, а внутреннее, диалектическое противоречие самой человеческой личности, общества, культуры.

Особенно хотелось бы отметить большую серию статей С. С. Аверинцева по христианской и иудаистской тематике. Эти статьи характеризуются не только высокой информативностью и научной объективностью — эти черты присущи всему изданию в целом, на фоне многих других статей их выгодно отличают хороший стиль, ясность и доступность (что немаловажно для такого издания, как энциклопедия). В статье «Иудаистическая мифология» (авторы С. С. Аверинцев и М. Б. Мейлах) особенно удачной представляется трактовка образа Яхве. Это важнейшая тема в религиозно-мифологической системе иудаизма, и она нашла здесь адекватное выражение.

Должны быть отмечены также статьи по армянской мифологии и мифологиям кавказско-иберийских народов, с большим знанием дела написанные авторами из республики Закавказье.

На большой высоте находится полиграфическое оформление книги. Иллюстрации подобраны щедро, нередко предлагаются различные версии одного и того же сюжета, некоторые иллюстрации являются большой редкостью, например китайские народные картины и лубки из коллекции академика В. М. Алексеева. Жаль, что в отличие от статей по Африке, Америке и другим регионам нет иллюстраций к статье по мифологии Австралии.

Высокий уровень издания — заслуга авторов-энтузиастов, но и сотрудников издательства «Советская энциклопедия». Он достигнут благодаря большой работе, проделанной коллективом редакции всеобщей истории под руководством ответственного секретаря издания В. М. Макаревича. Учитывая огромный спрос на это издание, свидетельствующий о том, что потребность в нем очень велика, представляется необходимым его переиздание. Наряду с этим хотелось бы, чтобы вышел в свет однотомник для массового читателя.

В. Р. Кабо

НАРОДЫ СССР

С. И. Грица. Мелос украинської народної епіки. Київ. 1979, 247 с.

В современной музыкальной фольклористике отчетливо прослеживаются две весьма важные тенденции: во-первых, рассматривать песенные фольклорные жанры и тексты как «двудиный организм», в котором музыка и слово взаимодействуют сложным образом; во-вторых, изучать этот целостный песенный феномен в контексте народного быта, народной истории, этнической специфики (термин «этномузыкология» удачно подчеркивает такое направление в изучении народной музыкальной культуры).

Именно в связи с названными плодотворными тенденциями и следует воспринимать новую работу С. И. Грицы, хорошо известной своими трудами по теории фольклора и истории славянского народно-поэтического творчества.

Рецензируемая книга представляет собой довольно органический сплав собственно теоретической и историко-фольклорной проблематики, по-настоящему актуальной для нашей науки и связанной в первую очередь с обширным кругом эпических жанров. Для С. И. Грицы принципиально значимым является понятие «народная эпика», которым определяется динамичная многожанровая система, включающая баллады, думы, исторические песни, хроники... Такой подход предполагает одновременно утверждение известного единства и четкую дифференциацию. Проблемы классификации, естественно, занимают в книге важное место и разрабатываются в духе утвердившихся в советской науке принципов с обязательным подключением к ним проблем исторического развития фольклорного творчества и процессов жанрообразования. Сжатые, основанные на проработке обширного материала и учитывающие научную традицию характеристики каждого жанра весьма содержательны, четки и, что очень важно, соотносятся с данными по эпическому творчеству других славянских народов.

С. И. Грица находит новые существенные обоснования прежним идеям о генетической зависимости рассматриваемых им жанров от более древних фольклорных форм, в частности от былин и архаических песен балладного типа. В отличие от своих предшественников автор подчеркивает эти генетические связи, которые предстают как важное начало в поэтике и мелосе изучаемых явлений. Удачным надо признать свежий по материалу и вполне убедительный анализ украинских дум и обрядовых песен в сравнении с былинами, преимущественно на уровне стилистики, поэтической лексики, элементов композиции. Однако в этом сопоставлении несколько проигрывает музыкальный компонент, «параллельность» которого не выявлена столь же конкретно. Возможно, он требует сопоставлений в ином контексте. Пример напева североуральских былин (с. 71) в достаточной мере случаен как для собрания А. Д. Григорьева, так и вообще для мезенской эпической традиции, которую он представляет (кстати, не очень понятно, почему этот напев приведен в качестве «колона»). Наглядная схема генетических взаимоотношений эпических жанров (с. 23) в целом убедительна, хотя остается под сомнением отмеченная в схеме вероятность генетического воздействия на думы сказок.

С точки зрения собственно музыковедческой классификации украинской эпики проведена автором последовательно и логично. Наиболее удачно ее «высшее звено» — деление на строфические и астрофические формы. Такое противопоставление по вполне, казалось бы, формальному признаку в действительности выявляет интонационно-мелодические и ритмико-текстологические процессы и оказывается актуальным не только для украинского песенно-повествовательного фольклора, но и для различных видов фольклора разных этносов. Продолжение столь же последовательного членения на следующих уровнях уже не выглядит таким безусловным. Возникает вопрос: не следовало ли более определенно развернуть ряды логической классификации и реального жанрообразующего процесса, имея в виду, что этот последний может все-таки лишь угадываться гипотетически и — только в некоторых своих звенях?

Логическая классификация особенно хороша там, где она дополняется продуктивным описанием конкретного материала, проникновением в реальный процесс на сравнительно коротких исторических отрезках. В этом смысле хотелось бы отметить такие точно найденные и живые «узелки», как сравнения с валашскими песнями и пастушеской инструментальной музыкой или прослеженную автором трансформацию напевов-баллад в исполнении кобзарей. Эти примеры показывают, как продуктивно объединение логически хорошо обоснованных рассуждений со скрупулезным анализом реальных песенных явлений. В этом отношении особенно показателен и выигрышен раздел, посвященный думам. Видимо, классификация и обобщения внуtri определенного стилистического единства более естественны, логичны и лучше смыкаются с конкретным материалом.

Актуальной является характеристика историзма украинской эпики, основывающейся на учете фольклорной специфики отражения действительности и жанровой дифференциации. Такой учет принципиально важен, он уберегает от упрощения проблемы

и позволяет проникнуть в суть связей эпоса и истории. Признавая основательность выводов автора, можно все же оспорить утверждения о реалистическом восприятии действительности, характерном для украинской эпики новой исторической эпохи: литературоведческая категория реалистичности в применении к эпосу мало оправдана и не очень продуктивна — эпос на всем протяжении своего развития так или иначе связан с предшествующей традицией и ею обусловлен, подчинен законам эпического творчества, хотя, разумеется, с течением времени в нем усиливаются эмпирические связи, «хроникальное» начало, и украинская поздняя эпика дает в этом отношении весьма выразительные примеры.

В методологическом и конкретно-историческом плане важна глава «Эпическая среда», в которой речь идет не просто о среде создателей, исполнителей, о «бытовании» эпоса, но и о среде в этносоциальном смысле, формирующей, говоря словами автора, «модус мышления и языка» в соответствии с уровнем историко-стадиального развития. Проблемы эпической среды тем самым оказываются до известной степени ключевыми для анализа конкретного песенного материала. Особое внимание в книге уделено социологической характеристике эпической среды с учетом очень существенной для нее историко-территориальной дифференциации: этот вопрос, как известно, имеет большое значение в эпосоведении вообще и в изучении эпоса некоторых народов в особенности. Почему одни области расселения этноса оказываются очагами эпического творчества, средоточием активных исполнительских школ, в то время как другие почти не знают эпической традиции либо культивируют какие-то «свои» формы? Эти вопросы актуальны для историков русского, южнославянского, армянского, карело-финского эпоса и др. С. И. Грица не только детально описывает географию живого функционирования жанров украинской эпики, но и объясняет ее, внося в эти объяснения историческое начало и связывая сложившуюся дифференциацию, с одной стороны, с древней фазой формирования восточнославянской общности и эпической традиции русских, украинцев, белорусов, а с другой — с более новой эпохой борьбы украинского народа против татарско-турецкого и польско-шляхетского гнета. Наблюдения и выводы С. И. Грицы, несомненно, заинтересуют исследователей эпоса других славянских народов. Может быть, ею только традиционно несколько преувеличена роль скоморохов в поддержании и развитии традиций древнерусского эпоса.

О вариативности фольклора пишут, можно сказать, все. С. И. Грица не просто выделяет эту тему как принципиально значимую и обсуждает различные ее аспекты, внося немало нового в понимание природы и специфики фольклорной вариативности. Она последовательно стремится самую методику анализа строить на основе осмысливания вариативной природы явлений. В книге подробно обосновывается понятие песенной парадигмы, определяемой как «вариантный ряд одного произведения, образующийся вследствие исторического и пространственного движения песни, обладающий тождеством функционально-оппозиционных признаков» (с. 231—232). Впрочем, это определение беднее и развернутой характеристики парадигмы на с. 36—44, и примеров анализа конкретных вариантов в других местах книги. С одной стороны, это весьма широкая абстрагированная категория, которую как будто вписываются более привычные для музыкоznания понятия «песенная семья» и «песенный тип», служащие рабочими моделями при анализе народной песни. С другой стороны, внутри песенной парадигмы автор последовательно выстраивает основные уровни различия вариантов: смысловое и структурное единство; смысловое единство при структурных несоответствиях; синонимические варианты с разноточениями в тексте и изменениями мелодики и ритмики; структурные варианты, объединяющие разные тексты общностью ритмики и мелодического контура (с. 36, 37). Это позволяет осуществить совместное рассмотрение текстстанапева. Можно, впрочем, спорить о универсальную продуктивность такого метода при решении конкретных задач музыкальной фольклористики — вспоминается здесь исследование К. В. Квитки «Украинские песни о матери-детеубийце», которое не без оснований было названо однажды «оригинальным экспериментом с негативным музыковедческим результатом». При всем том песенная парадигма выступает мощным организующим стержнем, благодаря которому удается показать широкую перспективу жизни эпических произведений, что недостижимо, если оставаться на позиции анализа отдельных напевов.

Для дальнейшей разработки теории песенной парадигмы следует учсть закономерную возможность возникновения вариативности, не обусловленного движением песни во времени, но вытекающего из самой природы фольклорного творчества, которое не признает «единственных» художественных решений и заведомо предполагает неизбежность параллельных разработок.

С песенной парадигмой в книге диалектически связано понятие модуса мышления среды. На нынешнем этапе развития фольклористики оно, на наш взгляд, определимо не столько по элементам свойственной ему структуры, сколько по результатам воздействия, которое «модус» оказывает на сам материал, и, вероятно, в пределах более широких, чем изолированно взятая группа видов фольклора. Следует, возможно, учитывать перспективность другого, сходного, но уже принятого в науке, хотя и недостаточно еще разработанного, понятия «местная песенная традиция»: достоинство его в несомненной связи с диалектными языковыми системами и еще в том, что за ним стоит совокупность всех (или многих) жанров в их местном выражении. При большей конкретизации «модуса музыкального мышления» выиграет и содержание понятия песенной парадигмы: ведь вариантное развертывание (по автору — «расщепление вариан-

тов») оказывается прерывистым, местные песенные традиции притягивают и могут преобразовывать эпические песни или заново оформлять эпические сюжеты в своей музыкальной системе.

Разумеется, высказанные соображения носят дискуссионный характер. Достоинство книги С. И. Грицы в том, что она вызывает на размышления, зовет к продолжению дискуссий по разным — общим и более частным — вопросам, возбуждает научную мысль. Теоретическая напряженность и проблемность при обилии конкретных анализов, находок, методических предложений и четкости исходных позиций — все это составляет безусловные достоинства книги, которую можно в целом расценить как заметный вклад в фольклористику.

E. E. Васильева, Б. Н. Путилов

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ» В 1976—1980 гг.

Статьи и сообщения

- Абдушелишивили М. Г., Алексеев В. П., Арутюнов С. А., Исмагулов О., Семашко И. М. Совместные советско-индийские антропологические исследования в Индии в 1974—1975 гг. 1976, 6, с. 89—98.
- Абдушелишивили М. Г., Павловский О. М. Интегрирование схемографического и фотографического методов обобщения изображений лица и использование полученного портрета в качестве источника антропологической информации. 1979, 1, с. 16—28.
- Абрамзон С. М. Нормы брака у киргизов в прошлом. 1976, 1, с. 49—57.
- Абрамзон С. М. «Советская этнография» в начале 30-х годов. (Из воспоминаний этнографа). 1976, 4, с. 90—92.
- Абрамова З. А. Об опыте конкретно-исторического анализа проблемы происхождения искусства. 1976, 6, с. 68—73.
- Абрамян Л. А. О некоторых особенностях первобытного праздника. 1977, 1, с. 19—30.
- Авербух С. И. О некоторых этнических названиях бассейна Кабула у античных историков Александра. 1977, 4, с. 112—121.
- Аверкиева Ю. П. У истоков современной этнографии (К столетию выхода в свет «Древнего общества» Л. Г. Моргана). 1978, 1, с. 15—33.
- Айтберов Т. М. Недавно найденные архивы аварцев XVII века. 1978, 6, с. 111—116.
- Акимова Т. М. Русский народный театр в исследованиях послевоенных лет. 1976, 5, с. 100—106.
- Аксянова Г. А., Зубов А. А., Коциев Р. С. Материалы по одонтологии коми-зырян как этногенетический источник. 1979, 3, с. 60—70.
- Актуальные проблемы идеологической работы и задачи советских этнографов. 1980, 2, с. 3—9.
- Александренков Э. Г. Общество индейцев Гаити конца XV в. 1976, 6, с. 47—59.
- Александров В. А. Таможенные книги Ирбитской ярмарки как этнографический источник (конец XVII — начало XVIII в.). 1978, 3, с. 131—138.
- Алексеев В. П. Горизонтальный профиль и развитие носовой области у мезолитического и ранненеолитического населения бассейна Дуная (Могильники Власац и Лепенски Вир). 1979, 2, с. 40—51.
- Алексеев В. П. Некоторые дополнительные соображения о соотношении исторического процесса и биологической дифференциации человечества. 1977, 4, с. 49—64.
- Алексеев В. П. Новые данные к морфологической характеристике населения Месопотамии. 1980, 4, с. 70—79.
- Алексеев В. П. О роли социальных факторов в биологической дивергенции человеческих популяций. 1976, 4, с. 114—131.
- Алексеев В. П. Раздвигая время. 1976, 6, с. 74—79.
- Алексеев В. П., Балуева Т. С. Материалы по краинологии научанских эскимосов (К дифференциации арктической расы). 1976, 1, с. 84—100.
- Алексеев В. П., Мамонова Н. Н. К палеоантропологии эпохи неолита верховьев Лены. 1979, 5, с. 49—63.
- Алексеев В. П.— см. Абдушелишивили М. Г., Алексеев В. П., Арутюнов С. А., Исмагулов О., Семашко И. М.
- Андреев И. Л. К. Маркс о месте общины во всемирной истории в набросках ответа на письмо В. И. Засулич. 1979, 5, с. 3—21.
- Андреев И. Л. К. Маркс о структуре и закономерностях развития первобытнообщинной формации в конспекте книги Л. Г. Моргана «Древнее общество». 1978, 1, с. 34—47.
- Андреев И. Л., Тумаркин Д. Д. Общинные структуры и проблемы социально-экономического развития народов Океании. 1976, 3, с. 75—88.
- Андраник Б. В. К изучению аграрной этнографии. 1976, 3, с. 89—97.
- Андраник Б. В., Исмагилова Р. Н. Этносы и этнические процессы в Африке (К проблеме типологии). 1979, 5, с. 22—34.
- Анохин Г. И. «Свекольные поляки» в Дании. 1979, 5, с. 129—136.

- Анферьев А. Н. К истории мартовских обрядов в Греции. 1979, 1, с. 133—139.
- Анчабадзе Ю. Д. «Остракизм» на Кавказе. 1979, 5, с. 137—144.
- Арофинин Е. В. Фольклор как источник изучения материальной культуры (Ткань «китайка» в поэтическом творчестве украинского народа). 1978, 5, с. 119—129.
- Арсеньев А. А. Этнографическое наследие И. Е. Вениаминова. 1979, 5, с. 76—89.
- Арсеньев В. Р. Бамбара: лингвистические и социальные аспекты этнической истории. 1978, 3, с. 59—71.
- Арутюнов С. А. Анализ и оценка избегания. 1979, 1, с. 53—56.
- Арутюнов С. А. Билингвизм и бикультуралism. 1978, 2, с. 3—14.
- Арутюнов С. А. Двуединство дивергенции и гомогенизации. 1976, 4, с. 132—133.
- Арутюнов С. А. Древние мифы и инопланетные пришельцы. 1977, 3, с. 137—141.
- Арутюнов С. А. К проблемам этничности и интерэтничности культуры. 1980, 3, с. 61—67.
- Арутюнов С. А. Многоплановость проблемы генезиса искусства. 1976, 2, с. 95—99.
- Арутюнов С. А., Глинский Е. А., Сергеев Д. А. К проблеме проникновения железа в Арктику к эскимосам. 1977, 1, с. 101—106.
- Арутюнов С. А., Крупник И. И., Членов М. А. «Китовая аллея» — древнеэскимосский культовый памятник на острове Иттыгран. 1979, 4, с. 12—28.
- Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. О чем рассказывают гарпунные наконечники. 1980, 5, с. 136—145.
- Арутюнов С. А., Хазанов А. М. Проблема археологических критериев этнической специфики. 1979, 6, с. 79—89.
- Арутюнов С. А.— см. Абдушелишвили М. Г., Алексеев В. П., Арутюнов С. А., Исмагулов О., Семашко И. М.
- Арутюнян Ю. В. Этносоциальные аспекты интернационализации образа жизни. 1979, 2, с. 3—18.
- Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М. Советский образ жизни: общее и национально-особенное. 1976, 3, с. 10—22.
- Аствацатуриян Э. Г. Дагестанские мастера серебряного и оружейного дела в городах Северного Кавказа и Закавказья в конце XIX — начале XX века. 1976, 1, с. 112—124.
- Афанасьев Г. Е. Дохристианские религиозные воззрения алан (по материалам амулетов могильника Мокрая балка). 1976, 1, с. 125—130.
- Афанасьева Г. М. Демографическая характеристика авамских нганасан по источникам XVIII—XIX вв. 1980, 2, с. 25—35.
- Бабаков В. Г. К этноисторическому изучению приобских хантов (на материалах переписей населения XVIII в.). 1976, 6, с. 99—110.
- Баглай В. Е. Эволюция представления о Солнцах в древнеацтекской мифологии. 1977, 4, с. 122—128.
- Байбурин А. К. Обряды при переходе в новый дом у восточных славян (конец XIX — начало XX в.). 1976, 5, с. 81—87.
- Балуева Т. С.— см. Алексеев В. П. Балуева Т. С.
- Баръяктарович М. Об одной современной албанской семейной задруге в Югославии. 1976, 6, с. 60—67.
- Басилов В. Н. Мужские дома в Бонгу. 1977, 6, с. 89—103.
- Басилов В. Н.— см. Бромлей Ю. В. Басилов В. Н.
- Баскаков Н. А. Наскальная руническая надпись в Терезеннике-Бююк уроцища Мугур-Саргол Тувинской АССР. 1978, 3, с. 152—154.
- Батнасан Г. Некоторые особенности перехода к оседлому образу жизни в Монгольской Народной Республике. 1977, 2, с. 68—76.
- Бгажников Б. Х. Коммуникативное поведение и культура (К определению предмета этнографии общения). 1978, 5, с. 3—17.
- Бгажников Б. Х. Некоторые особенности культуры общения адыгов. (Ретроспективный взгляд). 1979, 5, с. 105—112.
- Бгажников Б. Х. О значении этической позиции ученого в этнографическом исследовании. 1979, 1, с. 56—63.
- Березкин Ю. Е. Две группы иноплеменников на изображениях мочика (Перу). 1978, 1, с. 126—137.
- Биленко М. В. О мордовской семье XVII века. 1979, 1, с. 92—104.
- Богданова В. И. Некоторые вопросы формирования антропологического состава современных тувинцев. 1978, 6, с. 46—60.
- Богина Ш. А. Начало американской нации (этнокультурные аспекты). 1980, 1, с. 56—65.
- Болдин В. И., Шавкунов Э. В. О характере и роли земледелия в хозяйстве населения Шайгинского городища. 1979, 6, с. 122—130.
- Болдин В. И.— см. Шавкунов Э. В. Болдин В. И.
- Большаков А. А. Коренное население Канарских островов на рубеже XV и XVI веков. 1980, 5, с. 45—58.
- Бромлей Ю. В. Интернациональное и национальное в строительстве социализма. 1977, 5, с. 11—22.
- Бромлей Ю. В. К вопросу об особенностях этнографического изучения времени. 1977, 1, с. 3—18.
- Бромлей Ю. В. Ленинское наследие и этнографическая наука. 1980, 3, с. 3—7.
- Бромлей Ю. В., Басилов В. Н. Советская этнографическая наука в девятой пятилетке. 1976, 1, с. 3—22.
- Бромлей Ю. В., Воронов А. А. Народная медицина как предмет этно-

- графических исследований. 1976, 5, с. 3—18.
- Бромлей Ю. В., Козлов В. И. X Международный конгресс антропологических и этнологических наук. 1979, 3, с. 3—17.
- Брук С. И. Этнодемографическая ситуация в послевоенном мире (Возрастная и половая структура населения, миграционные процессы, урбанизация). 1976, 2, с. 15—32.
- Брук С. И. Этнодемографическая ситуация в послевоенном мире (Динамика и воспроизведение населения). 1976, 1, с. 23—38.
- Брук С. И. Этнодемографическая ситуация в послевоенном мире (Изменения в этническом, расовом и религиозном составе населения). 1976, 3, с. 23—44.
- Брук С. И., Кабузан В. М. Этнический состав населения России (1719—1917 гг.). 1980, 6, с. 18—34.
- Будина О. Р., Шмелева М. Н. Общественные праздники в современном быту русского городского населения. 1979, 6, с. 3—17.
- Будина О. Р., Шмелева М. Н. Этнографическое изучение города в СССР. 1977, 6, с. 21—31.
- Бутинов Н. А. О специфике производственных отношений общиннородовой формации. 1977, 3, с. 47—58.
- Бутинова М. С. О роли религии и традиций в современной Меланезии (на примере жителей островов Адмиралтейства). 1978, 6, с. 117—126.
- Бхаттачарья С. К. К вопросу о культе деревьев в Индии. 1980, 5, с. 129—135.
- Вайнштейн С. И. Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии. 1976, 4, с. 42—62.
- Вайнштейн С. И. Феномен музыкального искусства, рожденный в степях. 1980, 1, с. 149—156.
- Вайнштейн С. И., Кёниг В. Изучение кочевничества в Лейпцигском этнографическом музее. 1979, 4, с. 132—136.
- Вайнштейн С. И., Крюков М. В. «Дворец Ли Лина», или конец одной легенды. 1976, 3, с. 137—149.
- Вайнштейн С. И., Трайде Д. Научная работа этнографов университета им. Карла Маркса (ГДР). 1977, 5, с. 106—110.
- Васильев В. И. Открытие самодийского мира (История одного научного поиска). 1976, 4, с. 145—156.
- Васильев В. И. Проблемы этногенеза и этнической истории народов Севера (на самодийских материалах). 1977, 4, с. 3—17.
- Васильев Д. Д. Тюркская runическая надпись Хэнтэй I. 1978, 3, с. 149—151.
- Васильева Г. П. Кто такие «сой»? (К вопросу об этногенезе туркмен). 1979, 6, с. 100—109.
- Васильева Г. П. Некоторые тенденции развития современных национальных традиций в материальной культуре народов Средней Азии и Казахстана. 1979, 3, с. 18—30.
- Великая Октябрьская социалистическая революция и торжество пролетарского интернационализма. 1977, 5, с. 3—10.
- Великий Октябрь и народы Востока. 1977, 6, с. 3—10.
- Веревкин Л. П. Тенденции сближения культуры и быта рабочих различных национальностей (на материалах Чечено-Ингушской АССР). 1980, 2, с. 72—81.
- Вилкуна К. Экспедиция Сакари Пяльси в Северо-Восточную Сибирь (1917—1919 гг.). 1978, 3, с. 111—116.
- Виноградов В. Б. Вайнахско-аланские взаимоотношения в этнической истории горной Ингушетии. 1979, 2, с. 30—39.
- Винневецкая В. А. Материалы архива И. Т. Беляева как источник по этнографии Парагвая. 1979, 3, с. 137—140.
- Власова И. В. Структура и численность семей русских крестьян Сибири в XVII—первой половине XIX в. 1980, 3, с. 37—50.
- Волкайте-Куликаускене Р. К. Образование литовской народности (по данным археологии). 1979, 3, с. 31—46.
- Волкова Н. Г. Бацбийцы Грузии (Этнографические заметки). 1977, 2, с. 84—89.
- Волкова Н. Г. Новое и традиционное в культуре народов Закавказья. 1978, 3, с. 16—30.
- Волчок Б. Я. Цейлонский талисман. 1979, 3, с. 141—146.
- Воронов А. А. Генетическая изменчивость человеческих популяций и характер их биологической дивергенции. 1976, 5, с. 70—74.
- Воронов А. А.—см. Бромлей Ю. В., Воронов А. А.
- Вурм С. А. Лингвистическая ситуация в новогвинейском регионе. 1977, 1, с. 49—65.
- Вурм С. А. Современные тенденции развития социолингвистической ситуации в Папуа Новой Гвинеи. 1978, 5, с. 53—67.
- Гаджиев Г. А. Верования лезгин, связанные с животными. 1977, 3, с. 117—124.
- Галданова Г. Р. Культ огня у монголоязычных народов и его отражение в ламаизме. 1980, 3, с. 94—100.
- Герасимова М. М. Крааниологические материалы из меотских могильников Прикубанья. 1976, 5, с. 107—113.
- Герасимова Н. М. Формулы русской волшебной сказки (К проблеме стереотипности и вариативности традиционной культуры). 1978, 5, с. 18—28.
- Гинзбург А. И. О влиянии некоторых национальных традиций на миграцию из села в город (на материале Молдавской и Узбекской ССР). 1980, 4, с. 105—113.
- Глинский Е. А.—см. Арютюнов С. А., Глинский Е. А., Сергеев Д. А.
- Гонтарь Т. А. Посуда и домашняя утварь карпатских украинцев в конце

- XIX — первой четверти XX в. 1978, 4, с. 88—98.
- Гордиенко О. В. Приокская двойная жалейка. 1980, 1, с. 128—141.
- Горчаков В. А. Техника «кудвоения» социального опыта неандертальцев и искусство (В связи с гипотезой А. Д. Столляра). 1976, 5, с. 55—69.
- Гохман В. И. К реконструкции древнетайской системы терминов родства. 1978, 6, с. 127—131.
- Гохман В. И. Некоторые материалы к этнической истории сиамцев. 1980, 4, с. 122—126.
- Гохман И. И., Лукьянченко Т. В. О предшественниках русских на Соловецких островах. 1979, 4, с. 98—106.
- Грачева Г. Н. Многонациональный таймырский поселок Усть-Авам (Современное состояние и перспективы развития). 1978, 1, с. 90—97.
- Григулевич И. Р. О социальной роли религии (Мысли религиеведа по поводу мыслей этнографа). 1980, 6, с. 61—66.
- Громов Г. Г. Некоторые спорные вопросы изучения религии. 1980, 5, с. 72—83.
- Громов Г. Г. Сельскохозяйственная техника и этнические традиции. 1976, 3, с. 98—113.
- Громыко М. М. Проблемы и источники исследования этнических традиций русских крестьян XIX в. 1979, 5, с. 35—48.
- Груisman В. М., Яглинская Э. С. Современные праздники и обряды народов СССР (К созданию экспозиций в ГМЭ). 1977, 3, с. 68—71.
- Губогло М. Н. К изучению двуязычия в истории народов мира. 1977, 5, с. 46—59.
- Гудченко З. С. Некоторые особенности архитектуры местечек Украины (конец XVIII — начало XX в.). 1978, 5, с. 109—118.
- Гуляев В. И. О характере торговли у древних майя. 1976, 1, с. 58—72.
- Гурвич И. С. К вопросу о влиянии Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. на ход этнических процессов в СССР. 1976, 1, с. 39—48.
- Гурвич И. С. Новые материалы о традиционной культуре чукчей. 1979, 2, с. 95—105.
- Гурвич И. С. Полвека автономии народностей Севера СССР. 1980, 6, с. 3—17.
- Гурвич И. С. Этнокультурное сближение народов СССР. 1977, 5, с. 23—35.
- Гурвич И. С., Ляпунова Р. Г. Коллекции музеев США по народам Северо-Западной Америки и Сибири. 1980, 5, с. 121—128.
- Гурьев Д. В. О специфике производственных отношений первобытного общества (В связи с обсуждением концепции Ю. И. Семёнова). 1977, 1, с. 71—84.
- Гусев В. Е. Народное творчество в годы второй мировой войны и задачи его исследования. 1980, 4, с. 3—11.
- Гусев В. Е. О реконструкции праславянского календаря (К проблеме этногенеза славян). 1978, 6, с. 132—143.
- Гусев В. Е. Путями песен народно-освободительной борьбы. 1977, 5, с. 111—128.
- Гусев В. Е. Фольклорно-этнографические материалы в «Сербских летописях» (1825—1830) (К 150-летию Матицы Сербской и ее «Летописи»). 1976, 2, с. 132—138.
- Гусева Н. Р. О некоторых чертах традиционной индийской медицины. 1976, 5, с. 114—125.
- Дашдамиров А. Ф. Социально-психологические проблемы национальной определенности личности. 1977, 3, с. 3—13.
- XXV съезд КПСС и задачи советских этнографов. 1976, 3, с. 3—9.
- Дегтярев А. Я. О четырех рисунках из альбома Мейерберга. 1979, 5, с. 113—118.
- Джавадов Г. Д. Орудия боронования в Азербайджане (XIX — начало XX века). 1977, 4, с. 68—78.
- Джарылгасинова Р. Ш. Новое в культуре и быту корейцев Средней Азии и Казахстана (на примере сельского населения). 1977, 6, с. 59—70.
- Дзеникевич Г. И. Сказания о Вороне у атапасков Аляски. 1976, 1, с. 73—83.
- Дмитриев В. А. О проникновении в быт кавказских народов «высокого стола» (К вопросу о действии механизма заимствования). 1979, 6, с. 95—99.
- Дмитриева С. И. Архитектурные и декоративные особенности традиционного жилища русских Мезени (в связи с историей заселения края). 1980, 6, с. 35—49.
- Долинова Н. А., Исмагулов О., Хить Г. Л. Дерматографика некоторых групп населения Индии. 1978, 5, с. 42—52.
- Дриздо А. Д. «Братство по кораблю». 1977, 2, с. 108—116.
- Дробижева Л. М. Сближение культур и межнациональные отношения в СССР. 1977, 6, с. 11—20.
- Дробижева Л. М.—см. Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М.
- Дубова Н. А. К проблеме формирования памиро-ферганской расы. 1978, 4, с. 34—45.
- Дурасов Г. П. Каргопольские народные вышивки-месяцесловы. 1978, 3, с. 139—148.
- Дурасов Г. П. Каргопольское «заветное шитье». 1977, 1, с. 110—113.
- Дурасов Г. П. Попытка интерпретации значения некоторых образов русской народной вышивки архаического типа. 1980, 6, с. 87—98.
- Евсеева Н. С. Атальчество и усыновление у якутов. 1980, 1, с. 105—108.
- Етоева З. И. К проблеме этнического своеобразия традиционного жилища вепсов, карелов и русских Межозерья. 1977, 1, с. 85—93.
- Жуковская Н. Л. Пища кочевников Центральной Азии (К вопросу об экономических основах формирования мо-

- дели питания). 1979, 5, с. 64—75.
- Журавлева Л. С. К истории публикации «Программы» В. Н. Тенишева. 1979, 1, с. 122—123.
- Журов Р. Я. К вопросу о происхождении искусства (ответ оппонентам). 1978, 3, с. 91—104.
- Забоев А. С. Древний «денежный» счет коми. 1978, 1, с. 103—109.
- Златковская Т. Д. К проблеме античного наследства у южных славян и восточных романцев. 1978, 3, с. 47—58.
- Златковская Т. Д. К проблеме взаимодействия древнебалканской и древнеславянской культур: обряд сурвакания у болгар. 1979, 6, с. 59—70.
- Зубов А. А. Интеграция как единая тенденция современного человечества. 1976, 5, с. 75—77.
- Зубов А. А.—см. Аксянова Г. А.
- Зубов А. А., Коциев Р. С.
- Ибрагимов М.-Р. А. К истории формирования русского населения Дагестана (вторая половина XVI—начало XX в.). 1978, 2, с. 83—94.
- Ибрагимов Х. О некоторых аспектах межэтнического общения в городах Дагестана (По данным о национально-смешанных браках в Махачкале). 1978, 3, с. 124—130.
- Ивакин Г. Ю. Священный дуб языческих славян. 1979, 2, с. 106—115.
- Иванов Б. В. Интерпретация изображений на посохе из коллекции ГМЭ народов СССР. 1979, 2, с. 90—94.
- Иванов В. Н. Новое о Франце Лангане. 1976, 5, с. 47—50.
- Иванова А. А. К вопросу о происхождении вымысла в волшебных сказках. 1979, 3, с. 114—122.
- Иванова Ю. В. Влияние социально-экономических условий и этнических традиций на одежду сельских жителей (По материалам исследования греческого населения Донецкой области Украинской ССР). 1976, 2, с. 43—56.
- Иващенко Л. Л., Разумовская Е. Н. Усвятский свадебный ритуал в его современном бытовании (По материалам экспедиций 1971—1979 гг. в Псковскую область). 1980, 1, с. 80—95.
- Ике-Швальбе Л. Историко-этнографические данные по древнейшей истории доарийских племен на Южноазиатском континенте. 1977, 1, с. 114—120.
- Исмагилова Р. Н.—см. Андрианов Б. В., Исмагилова Р. Н.
- Исмагулов О.—см. Абдуллаевшили М. Г., Алексеев В. П., Арутюнов С. А., Исмагулов О., Семашко И. М.
- Исмагулов О.—см. Долинова Н. А., Исмагулов О., Хить Г. Л.
- Исмаилов Х.—см. Тайжанов К., Исмаилов Х.
- Истомин А. А. Селение Росс и калифорнийские индейцы. 1980, 4, с. 57—69.
- Исхаков Д. М. Расселение и численность татар в Поволжско-Приуральской историко-этнографической области в XVIII—XIX вв. 1980, 4, с. 25—39.
- Исхаков Д. М. Тепляри. Опыт этно-
- статистического изучения. 1979, 4, с. 29—42.
- К дискуссии о происхождении искусства. 1978, 3, с. 105—110.
- К итогам дискуссии по аграрной этнографии, 1976, 3, с. 114—115.
- К итогам дискуссии по статье В. П. Алексеева «О роли социальных факторов в биологической дивергенции человеческих популяций». 1977, 4, с. 64—67.
- Кабузан В. М.—см. Брук С. И., Кабузан В. М.
- Казаков Е. П. Древние язычковые музыкальные инструменты Прикамья и Приуралья. 1977, 1, с. 107—109.
- Калашников Н. М. Современный обрядовый костюм молдаван (зимние праздники). 1980, 5, с. 102—112.
- Калоева Д. Даредзановские сказания у осетин. 1976, 1, с. 131—135.
- Кармышев Б. Х. «Кочевая степь» Мавераннахра и ее население в конце XIX—начале XX в. (по этнографическим данным). 1980, 1, с. 46—55.
- Като К., Туголуков В. А. Сибирь начала XIX века глазами японца. 1978, 3, с. 117—123.
- Кенин-Лопсан М. Б. К вопросу о категориях тувинских шаманов. 1977, 4, с. 92—95.
- Керейтов Р. Х. Мифологические персонажи традиционных верований ногайцев. 1980, 2, с. 117—127.
- Кёниг В.—см. Вайнштейн С. И., Кёниг В.
- Киселев Г. С. Некоторые проблемы этногенеза хауса. 1977, 3, с. 22—31.
- Киселев Г. С. О раннем этапе классообразования у хауса. 1979, 1, с. 42—52.
- Клементьев Е. И. Национально-культурные ориентации карельского городского населения. 1976, 3, с. 57—68.
- Кнорозов Ю. В. К вопросу о генезисе палеолитических изображений. 1976, 2, с. 99—102.
- Кобычев В. П. Храмы древние стены... 1979, 4, с. 137—150.
- Кожанов А. А. Внешность как фактор этнического сопоставления (К вопросу о методике изучения). 1977, 3, с. 14—21.
- Козенко А. В. О стандартизации методик изучения национально-смешанной брачности. 1978, 1, с. 72—76.
- Козинцев А. Г. Социальная среда и биологическая дифференциация человечества. 1977, 4, с. 44—49.
- Козлов В. И. Ведет ли усиление мутаций к расогенезу? 1976, 4, с. 134—137.
- Козлов В. И. Этнорасовые изменения в составе населения Великобритании. 1980, 4, с. 40—56.
- Козлов В. И. Этнос и культура (К проблеме соотношения национального и интернационального в этнографическом изучении культуры). 1979, 3, с. 71—86.
- Козлов В. И.—см. Бромлей Ю. В., Козлов В. И.
- Козодоеев И. И. О необходимом и прибавочном продукте в первобытной экономике. 1977, 3, с. 59—63.
- Колева Т. А. Георгиев день у южных

- славян (Обычаи, связанные с животноводством). 1978, 2, с. 25—38.
- Колосова Ю. А. Материалы переписи 1970 г. по индейскому населению США. 1976, 3, с. 133—136.
- Колпакова Н. П. Сразу после войны. (Из дневника секретаря фольклорной экспедиции ГИТМиК). 1980, 4, с. 131—139.
- Колпакова Н. П. Уральский дневник (Из записок фольклориста). 1979, 6, с. 131—144.
- Комиссаров Б. Н.— см. Шафрановская Т. К., Комиссаров Б. Н.
- Конопацкий А. К. Легенда о древе жизни алеутского народа и ее исторические корни (Из полевых наблюдений на Алеутских островах). 1976, 6, с. 111—115.
- Конституция развитого социализма. 1978, 1, с. 3—14.
- Коростелев А. Д. Об одном возможном применении коэффициента этно-территориальной общности. 1978, 2, с. 63—71.
- Коростовцев М. А. Египтология в свете этнографических исследований Льюиса Генри Моргана. 1976, 3, с. 69—74.
- Котовская М. Г. Возникновение групп смешанного происхождения на северо-востоке Бразилии (XVI—XVIII вв.). 1978, 5, с. 29—41.
- Кочешков Н. В. Народное декоративное искусство агинских бурят (по материалам этнографической экспедиции 1973 г.). 1978, 4, с. 107—118.
- Кочиев Р. С.— см. Аксянова Г. А., Зубов А. А., Кочиев Р. С.
- Красновская Н. А. Загадочные башни Сардинии. 1978, 4, с. 137—147.
- Красновская Н. А. Некоторые проблемы дофинийской колонизации Сардинии. 1980, 5, с. 34—44.
- Кривоногов В. П. Межэтнические браки у хакасов в современный период. 1980, 3, с. 73—86.
- Криничная Н. А. Историко-этнографическая основа преданий о «зачарованных кладах» (По материалам русских северных преданий). 1977, 4, с. 105—111.
- Криничная Н. А. Историко-этнографическая основа преданий о «панах». 1980, 1, с. 117—127.
- Круглов Ю. Г. Календарные обряды и обрядовая поэзия в Калужской области. 1977, 4, с. 96—104.
- Крупник И. И. Становление крупнотабунного оленеводства у тундровых ненцев. 1976, 2, с. 57—69.
- Крупник И. И., Членов М. А. Динамика этнолингвистической ситуации у азиатских эскимосов (конец XIX в.—1970-е гг.). 1979, 2, с. 19—29.
- Крупник И. И.— см. Арютюнов С. А., Крупник И. И., Членов М. А.
- Крюков М. В. Клановые общества китайцев-иммигрантов на Кубе в первой половине XX в. (К проблеме структуры и функций традиционных социальных институтов в инонациональной среде). 1977, 2, с. 55—67.
- Крюков М. В. Что такое счастье? (Опыт диахронного исследования социальной психологии в древнекитайском обществе). 1980, 2, с. 128—139.
- Крюков М. В.— см. Вайнштейн С. И., Крюков М. В.
- Крывелев И. А. О существенном и несущественном в изучении религии. 1980, 1, с. 72—79.
- Крывелев И. А. Современные обряды и роль этнографической науки в их изучении, формировании и внедрении. 1977, 5, с. 36—45.
- Куббель Л. Е. Потестарно-политическая культура докапиталистических обществ (К постановке проблемы). 1980, 1, с. 3—19.
- Кушева Е. Н., Усманов М. А. К вопросу об общественном строе вайнахов (Письмо 1657 г. из Шибутского джамаата царю Алексею Михайловичу). 1978, 6, с. 99—110.
- Кычанов Е. И. Новые материалы об этногенезе дунган. 1978, 2, с. 95—99.
- Лавров Л. И. К истории северокавказского фольклора (до XIX в.). 1979, 1, с. 29—41.
- Лебедев В. В. Семья и производственный коллектив у населения притундровой полосы северо-запада Туруханского края в XIX в. 1980, 2, с. 82—91.
- Лебедева А. А. Роль материальных компонентов в традиционном свадебном обряде русских старожилов Сибири (вторая половина XIX — начало XX в.). 1977, 3, с. 104—116.
- Лебедева А. А., Сафьянова А. В. Промысел кедрового ореха в Сибири. 1979, 4, с. 107—117.
- Лебединская Г. В. Пластическая реконструкция лица по черепу и пути ее развития. 1976, 4, с. 63—70.
- Лебединская Г. В., Стёpin В. С., Сурнина Т. С., Федосюткин Б. А., Шербин Л. А. Первый опыт применения ультразвука для исследования толщины мягких покровов лица. 1979, 4, с. 126—131.
- Левисон М.— см. Уорд Р. Дж., Уэбб Дж. У., Левисон М.
- Леонтьева А. М. К истории высшего специального этнографического образования (Этнографическое отделение Северо-Восточного археологического и этнографического института в Казани). 1978, 2, с. 53—62.
- Липец Р. С. «Меч из редкостной бронзы...» (Отголоски эпохи освоения металлов в тюрко-монгольском эпосе). 1978, 2, с. 107—122.
- Лисевич И. С. Древние мифы глазами человека космической эры. 1976, 2 с. 139—150.
- Лобачева Н. П., Тульцева Л. А. Традиции в современной обрядности узбеков. 1977, 6, с. 32—44.
- Лукина И. В. Материалы по оленеводству восточных хантов (Конец XIX—70-е годы XX в.). 1979, 6, с. 110—121.

- Лукьянченко Т. В.—см. Гохман И. И., Лукьянченко Т. В.
- Луидин А. Г. Престолонаследие в Катабане. 1978, 4, с. 123—130.
- Ляпунова Р. Г.—см. Гурвич И. С., Ляпунова Р. Г.
- Мадаева З. А. Народный календарь чеченцев и ингушей в конце XIX — начале XX в. 1980, 6, с. 78—86.
- Малькова В. К. Некоторые аспекты интернационального воспитания (По материалам республиканских газет). 1980, 5, с. 88—101.
- Малькова В. К. Применение контент-анализа для изучения сотрудничества советских народов (По материалам республиканских газет). 1977, 5, с. 71—80.
- Мамедов Ф. Г. Мемориальный комплекс в селении Джиджимли (К вопросу об этнокультурных связях). 1976, 5, с. 36—46.
- Мамонова Н. Н.—см. Алексеев В. П., Мамонова Н. Н.
- Мануш Лекса. Культ Шивы и цыгане (К проблеме древней религии цыган). 1979, 6, с. 71—78.
- Маркарян Э. С. К проблеме осмысливания локального разнообразия культуры. 1980, 3, с. 68—72.
- Марков Г. Е. Обычай избегания и проблема «пережитков». 1979, 1, с. 63—68.
- Марков Г. Е. Советский образ жизни и проблемы этнографии. 1976, 2, с. 3—14.
- Марков Г. Е. Социальные факторы дивергенция и популяции. 1976, 4, с. 137—139.
- Маслов В. Т., Чернов Б. П. Тайна «сольного дуэта». 1980, 1, с. 157—159.
- Маслова Г. С., Морозова М. Н. Выдающийся советский этнограф Н. И. Лебедева. 1979, 6, с. 90—94.
- Мелик-Симонян К. А. Образ ведуна в традиционных африканских верованиях. 1978, 2, с. 39—52.
- Мельник В. М. Украинско-венгерские отношения в украинском фольклоре Карпатского региона. 1977, 5, с. 93—105.
- Меновщикова Г. А. О названиях и функциях лодок типа умиак', ан'як', к'айак' у эскимосов и алеутов. 1976, 2, с. 112—117.
- Меновщикова Г. А. О происхождении этнонима 'алеут'. 1980, 1, с. 109—116.
- Мещеряков А. Н. Эволюция синтоистского пантеона и социальная история Японии VI—VIII вв. 1978, 5, с. 134—140.
- Миненко Н. А. Взаимоотношения супружеских пар в русских крестьянских семьях Западной Сибири XVIII — первой половине XIX в. 1978, 2, с. 72—82.
- Миненко Н. А. Досуг и развлечения у русских крестьян Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX в. 1979, 6, с. 18—31.
- Миненко Н. А. Свадебные обряды у русских крестьян Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX века. 1977, 3, с. 91—103.
- Миненко Н. А. Традиционные формы расследования и суда у русских крестьян Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX в. 1980, 5, с. 21—33.
- Минкявилюс Я. В. О содержании религии. 1980, 4, с. 88—97.
- Мирхасилов С. М. Социально-культурные изменения и отражение их в современной семье сельского населения Узбекистана. 1979, 1, с. 3—15.
- Мишутушкин Н. Н. Фестиваль искусств народов Ванзуату. 1980, 6, с. 107—113.
- Молдобаев И. Б. Киргизский эпос как источник по истории одежды. 1979, 2, с. 137—140.
- Молотова Л. Н. К вопросу о функциях девичьих головных уборов в севернорусском свадебном обряде XVIII—XIX вв. (По коллекциям Государственного музея этнографии народов СССР). 1979, 1, с. 116—121.
- Морозова М. Н.—см. Маслова Г. С., Морозова М. Н.
- Мукимов Р. С. Своеобразие архитектуры традиционного таджикского жилища в горных селениях Верхнего Зеравшана. 1979, 3, с. 106—113.
- Муравьев Ю. А. Религия: вера, иллюзия, знание. 1980, 4, с. 80—87.
- Мухиддинов И. Приспособления для переноса и перевозки выюком груза у памирских таджиков в XIX — начале XX века (Материалы к Историко-этнографическому атласу народов Средней Азии и Казахстана). 1979, 2, с. 129—136.
- Мынжасарова Ш. Ж. Народное ювелирное искусство казахов Западного Казахстана. 1978, 4, с. 99—106.
- Навстречу X Международному конгрессу антропологических и этнологических наук. 1978, 4, с. 3—8.
- Нагаева Л. И. Подражательные народные башкирские пляски. 1978, 1, с. 118—125.
- Найпавер К. С., Федака П. М. Музей на Замковой горе. 1979, 4, с. 118—125.
- Нго Дык Тхинь. Традиционная пища народов Восточного Индокитая. 1980, 5, с. 59—71.
- Нго Дык Тхинь. Этнический состав и современное расселение народов Восточного Индокитая. 1979, 2, с. 64—78.
- Нгуен Л. Вьетнамский крестьянский театр «тео». 1979, 1, с. 140—143.
- Никитин А. Л. Население юго-востока Кольского полуострова в позднем неолите. 1976, 2, с. 103—111.
- Никитин В. А. Маори в современном новозеландском обществе. 1977, 1, с. 121—127.
- Николаева Т. А. Народное моделирование женской одежды и применение его традиций в современной практике (на материалах Украины). 1977, 3, с. 72—90.
- Нимаев Д. Д. К проблеме этногенеза бурят. 1979, 4, с. 80—89.
- Озерова Г. Н., Петрова Т. М. О картографировании групп русского на-

- рода на начало XX века. 1979, 4, с. 72—79.
- Окладников А. П. К проблеме происхождения искусства. 1976, 6, с. 80—88.
- Осипов В. Г. Первые контакты тонганцев с европейцами в XVII—XVIII вв. 1978, 4, с. 46—57.
- Островский Г. С. Сценография фольклорного театра. 1977, 2, с. 90—96.
- Павловский О. М.—см. Абдушили М. Г., Павловский О. М.
- Парникель Б. Б. Межэтнические отношения в Малайзии и их отражение в современном малайском рассказе. 1976, 4, с. 78—89.
- Пенжинов М. О киризном орошении и орошении лагымами в Туркменской ССР. 1978, 1, с. 98—102.
- Першиц А. И. Динамика популяций: дивергенция или конвергенция? 1976, 5, с. 77—79.
- Першиц А. И., Чебоксаров Н. Н. 50 лет журнала «Советская этнография». 1976, 4, с. 3—26.
- Першиц А. И.—см. Смирнова Я. С., Першиц А. И.
- Петрова Т. М.—см. Озерова Г. Н., Петрова Т. М.
- Пиотровский Б. Б. Все ли виды изобразительной деятельности палеолитического человека были искусством? 1976, 5, с. 51—54.
- Полевой Б. П. Дючерская проблема (По данным русских документов XVII в.). 1979, 3, с. 47—59.
- Померанцева Э. В. Русская сказка в устном репертуаре коми. 1979, 6, с. 32—45.
- Померанцева Э. В. Специфика устной прозы в свете изучения современных этнических процессов. 1976, 2, с. 70—76.
- Попов В. А. К исторической типологии систем терминов родства: типы кроу и омаха. 1977, 2, с. 43—54.
- Попов В. А. Системы терминов родства народов акан. Опыт историко-типологического анализа. 1977, 6, с. 45—58.
- Потапов Л. П. Исторические связи алтая-саянских народов с якутами (По этнографическим материалам). 1978, 5, с. 85—95.
- Путилов Б. Н. В. И. Ленин и фольклористика. 1980, 3, с. 8—16.
- Путилов Б. Н. Проблемы изучения песенно-музыкального фольклора Берега Маклай. 1976, 2, с. 77—90.
- Рабинович М. Г. Город и традиционная народная культура. 1980, 4, с. 12—24.
- Рабинович М. Г. Русская городская семья в начале XVIII в. (По переписной книге Устюжны Железнопольской 1713 г.). 1978, 5, с. 96—108.
- Разумовская Е. Н.—см. Иващенко Л. Л., Разумовская Е. Н.
- Рихтер Е. В. Некоторые особенности погребального обряда сету. 1979, 2, с. 116—128.
- Робакидзе А. И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе. 1978, 2, с. 15—24.
- Рогачевская Е. М. Проблемы изучения художественной специфики хороводных игр. 1980, 5, с. 113—120.
- Рукавишников В. О. Этносоциальные аспекты расселения в городах Татарии (на примере Казани и Альметьевска). 1978, 1, с. 77—89.
- Сабурова Л. М., Чистов К. В. Дмитрий Константинович Зеленин (К 100-летию со дня рождения). 1978, 6, с. 71—85.
- Сабурова М. А. Шерстяные головные уборы с бахромой из курганов вятичей. 1976, 3, с. 127—132.
- Савинов Д. Г. Из истории убранства верхового коня у народов Южной Сибири (II тысячелетие н. э.). 1977, 1, с. 31—48.
- Садоков Р. Л. Веселые скоморохи. 1976, 5, с. 126—145.
- Санаров В. Ю. НЛО и энлонавты в свете фольклористики. 1979, 2, с. 145—154.
- Сафьянова А. В.—см. Лебедева А. А., Сафьянова А. В.
- Селиванов В. В. О путях становления изобразительного творчества (В связи с обсуждением концепции А. Д. Столяра). 1977, 1, с. 66—70.
- Семашко И. М.—см. Абдушили М. Г., Алексеев В. П., Арутюнов С. А., Исмагулов О., Семашко И. М.
- Семенов Ю. И. О некоторых теоретических проблемах экономики первобытного общества. 1978, 4, с. 58—75.
- Семенов Ю. И. О специфике производственных (социально-экономических) отношений первобытного общества. 1976, 4, с. 93—113.
- Семенов Ю. И. О сущности религии. 1980, 2, с. 49—63.
- Семенов Ю. И. Об изначальной форме первобытных социально-экономических отношений. 1977, 2, с. 15—28.
- Сергачев С. А. Монтажные знаки белорусских плотников. 1979, 5, с. 119—122.
- Сергеев Д. А.—см. Арутюнов С. А., Глинский Е. А., Сергеев Д. А.
- Сергеев Д. А.—см. Арутюнов С. А., Сергеев Д. А.
- Симакин С. А. Анимистические верования чинов. 1978, 5, с. 141—147.
- Симаков Г. Н. Киргизские национальные развлечения (конец XIX—начало XX века). 1977, 4, с. 79—91.
- Симаков Г. Н. Опыт типологизации скотоводческого хозяйства у киргизов (конец XIX—начало XX в.). 1978, 6, с. 14—27.
- Смирнова Я. С. Культурное взаимодействие и семья (по материалам Северного Кавказа). 1977, 5, с. 81—92.
- Смирнова Я. С. Некоторые количественные показатели отхода от обычая избегания у кабардинцев и балкарцев. 1977, 2, с. 77—83.
- Смирнова Я. С. Свадебный дарообмен у народов Северного Кавказа и его современная модификация. 1980, 1, с. 96—104.

- Смирнова Я. С. Свадьба без новобрачных (К вопросу о генезисе и функциях свадебного скрывания у народов Северного Кавказа). 1976, 1, с. 136—145.
- Смирнова Я. С., Першиц А. И. Еще раз о формационном и релятивистском подходах к оценке культурных явлений (Ответ оппонентам). 1979, 5, с. 90—104.
- Смирнова Я. С., Першиц А. И. Избегание: формационная оценка или «этнический нейтралитет?» 1978, 6, с. 61—70.
- Смусин Л. С. К вопросу о спиралевидных мотивах в русском печенье. 1979, 5, с. 123—128.
- Снесарев Г. П. Загадка Даку-Юнуса (История одного поиска). 1978, 5, с. 148—159.
- Соколова З. П. Загадка Юильского городка. 1977, 4, с. 129—138.
- Соколова З. П. К происхождению современных манси. 1979, 6, с. 46—58.
- Соколова З. П. Проблема рода, фратрии и племени у обских угров. 1976, 6, с. 13—38.
- Соломоник И. Н. Кукольные традиции Востока и современный театр. 1980, 6, с. 114—130.
- Соломоник И. Н. Проблемы анализа народного театра кукол (Художественный язык народного кукольного представления). 1978, 6, с. 28—45.
- Соломоник И. Н. Языки силуэта яванских ваянтов. 1979, 3, с. 123—136.
- Станюкович Т. В. Необычная биография (Рой Фрэнклин Бартон. 1883—1947). 1979, 1, с. 76—83.
- Старовойтова Г. В. К исследованию этнопсихологии городских жителей (по материалам опроса населения трех городов Татарской АССР). 1976, 3, с. 45—56.
- Старовойтова Г. В. О формировании татарской этнодисперсной группы в населении Петербурга — Ленинграда. 1980, 1, с. 34—45.
- Стещенко С. Е. Развитие новой советской обрядности в Украинской ССР. 1978, 6, с. 3—13.
- Стёпин В. С. — см. Лебединская Г. В., Стёпин В. С., Сурнина Т. С., Федосюткин Б. А., Щербин Л. А.
- Столяр А. Д. Об археологическом аспекте проблемы генезиса анималистического искусства в палеолите Евразии. 1978, 3, с. 72—90.
- Студенецкая Е. Н. Узорные войлоки Кавказа (В свете исторических связей народов Кавказа и Азии). 1979, 1, с. 105—115.
- Суанкей Б. Земельные искиaborигенных народов Канады. 1978, 4, с. 131—136.
- Сулайманов Э. Киргизская традиционная металлообработка и ее этнографические параллели. 1980, 2, с. 92—102.
- Сурнина Т. С.— см. Лебединская Г. В., Стёпин В. С., Сурнина Т. С., Федосюткин Б. А., Щербин Л. А.
- Сусоколов А. А. Влияние различий в уровне образования и численности контактирующих этнических групп на межэтнические отношения (По материалам переписей населения СССР 1959 и 1970 гг.). 1976, 1, с. 101—111.
- Сусоколов А. А. Влияние совместного расселения национальностей на вероятность межэтнических контактов (К методике измерения). 1979, 1, с. 84—91.
- Сычев В. Л. Из истории плечевой одежды народов Центральной и Восточной Азии (К проблеме классификации). 1977, 3, с. 32—46.
- Тайжанов К., Исмаилов Х. Макчам — дом для духов предков. 1980, 3, с. 87—93.
- Талбот С. «Свободный Алькатрас». 1977, 5, с. 60—70.
- Татарина К. Л. Религиозные представления масаев (По фольклорным материалам). 1979, 2, с. 52—63.
- Татарина К. Л. Традиционная социальная структура общества масаев конца XIX — начала XX в. (Опыт реконструкции). 1978, 4, с. 48—58.
- Тер-Акопян Н. Б. О социально-экономических отношениях в первобытном обществе. 1977, 3, с. 64—67.
- Тер-Акопян Н. Б. Подход Маркса и Энгельса к истории первобытного общества и некоторые вопросы теории Моргана. 1980, 5, с. 3—20.
- Тер-Акопян Н. Б. Фридрих Энгельс о проблеме становления человека (К 100-летию работы Ф. Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека»). 1976, 6, с. 3—12.
- Титова З. Д. Материалы И. Г. Гмелина о тунгусах XVIII века. 1978, 1, с. 59—71.
- Токарев С. А. «Избегание» и «этикет». 1979, 1, с. 68—75.
- Токарев С. А. О религии как социальном явлении (Мысли этнографа). 1979, 3, с. 87—105.
- Токарев С. А. Обычаи и обряды как объект этнографического исследования. 1980, 3, с. 26—36.
- Толмачев М. Э. Этническая история сухиши и традиция ранних миграций. 1980, 3, с. 51—60.
- Томилов Н. А. Современные этнические процессы в южной и средней полосе Западной Сибири. 1978, 4, с. 9—21.
- Томтосова Л. Ф. Череп человека из древнего погребения на Олекме. 1977, 3, с. 133—136.
- Трайдеб. Об изучении соотношения социальных и этнических явлений и процессов у населения Центрального нагорья Папуа Новой Гвинеи. 1980, 2, с. 36—48.
- Трайдеб — см. Вайнштейн С. И., Трайдеб.
- Трофимова Т. А. Черепа из склепа курганного могильника близ городища Джеты-асар 2. 1977, 2, с. 97—107.
- Трояков П. А. К вопросу о историко-генетическом изучении ранних форм эпоса. 1977, 3, с. 125—132.
- Туголуков В. А. Эвенки-ганальчи (К вопросу о существовании племени у тунгусов). 1979, 4, с. 90—97.
- Туголуков В. А.— см. Като К., Туголуков В. А.
- Тульцева Л. А. Религиозные верования

- и обряды русских крестьян на рубеже XIX и XX веков (По материалам среднерусской полосы). 1978, 3, с. 31—46.
- Тульцева Л. А. Рябина в народных поверьях. 1976, 5, с. 88—99.
- Тульцева Л. А. Этнографические аспекты изучения религиозного поведения. 1979, 4, с. 43—57.
- Тульцева Л. А.—см. Лобачева Н. П., Тульцева Л. А.
- Тумаркин Д. Д. Материалы первой русской кругосветной экспедиции как источник по истории и этнографии Гавайских островов. 1978, 5, с. 68—84.
- Тумаркин Д. Д. Новая встреча с Океанией. 1977, 6, с. 71—88.
- Гумаркин Д. Д.—см. Андреев И. Л., Тумаркин Д. Д.
- Турсунов Е. Д. Этнографические основы происхождения некоторых мотивов тюрко-монгольских сказок. 1976, 2, с. 125—131.
- Угринович Д. М. О марксистском понимании религии. 1980, 1, с. 66—71.
- Уорд Р. Дж., Уэбб Дж. У., Левисон М. Заселение Полинезии: дрейф или навигация? Применение имитационного моделирования к решению вопроса. 1977, 4, с. 29—43.
- Уорнер Э. Некоторые аспекты изучения и популяризации народной культуры в Великобритании. 1980, 3, с. 101—119.
- Уразмanova Р. К. Народный праздник сабантуй у татар. 1977, 1, с. 94—100.
- Ушадзе Н. Е. Серебряный кубок из Триалети как историко-этнографический источник. 1980, 4, с. 114—121.
- Урысон М. И. Дарвин, Энгельс и некоторые проблемы антропогенеза. 1978, 3, с. 3—15.
- Усманов М. А.—см. Кушева Е. Н., Усманов М. А.
- Уэбб Дж. У.—см. Уорд Р. Дж., Уэбб Дж. У., Левисон М.
- Файнберг Л. А. Кнут Расмуссен — исследователь эскимосов (К 100-летию со дня рождения). 1979, 4, с. 58—67.
- Файнберг Л. А. Представления о времени в первобытном обществе. 1977, 1, с. 128—136.
- Федака П. М.—см. Найпавер К. С., Федака П. М.
- Федосюткин Б. А.—см. Лебединская Г. В., Стёпин В. С., Сурнина Т. С., Федосюткин Б. А., Щербин Л. А.
- Федянович Т. П. Мордовские народные обряды, связанные с рождением ребенка (конец XIX — 70-е годы XX в.). 1979, 2, с. 79—89.
- Фёрстер Ф. К изучению сельских промышленных рабочих в национально-сменшанном районе Лужицкого бороугольного бассейна (ГДР). 1980, 4, с. 127—130.
- Формозов А. А. О работах А. Д. Столяра по палеолитическому искусству и критике их Р. Я. Журовым. 1976, 2, с. 91—94.
- Фроянов И. Я. Престижные пиры и ларения в Киевской Руси. 1976, 6, с. 39—46.
- Хаджиниколов В. Этнографическое изучение современности в Болгарии. 1976, 5, с. 19—25.
- Хазанов А. М.—см. Арутюнов С. А., Хазанов А. М.
- Хайкина М. Э. К вопросу о структуре межличностного общения мигрантов в иноэтнической среде (по материалам опроса ленинградских татар). 1980, 4, с. 98—104.
- Халилов Х.—см. Ходжайов Т. К., Халилов Х.
- Харатян Э. В. Традиционные демонологические представления армян (по материалам семейного быта XIX — начала XX в.). 1980, 2, с. 103—116.
- Харпер Альберт Б. История алеутской популяции. 1980, 6, с. 50—60.
- Хийемяэ М. Э. Современные эстонские устные охотничьи рассказы (Опыт изучения). 1979, 2, с. 141—144.
- Хиль Г. Л.—см. Долинова Н. А., Исмагулов О., Хиль Г. Л.
- Ходжайов Т. К., Халилов Х. Новые материалы к палеоантропологии дрёвней Бактрии. 1978, 5, с. 130—133.
- Хомич Л. В. Ямalo-Ненецкий национальный округ (К 50-летию образования). 1980, 6, с. 67—77.
- Царенко Е. И. Лингвистические данные к этнической истории кечуа. 1977, 4, с. 18—28.
- Чагин Г. Н. Усадьбы русского населения Северного Прикамья. (XVII — начало XX в.). 1978, 6, с. 86—98.
- Чебоксаров Н. Н. О специфике расообразования у человека. 1976, 4, с. 139—144.
- Чебоксаров Н. Н.—см. Першица А. И., Чебоксаров Н. Н.
- Чербуленас К. К. Организация Музея народного быта Литовской ССР. 1976, 3, с. 116—126.
- Чернов Б. П.—см. Маслов В. Т., Чернов Б. П.
- Черняева Н. Г. К исследованию типологии искусства былинного сказителя. 1976, 5, с. 26—35.
- Черняков З. Е. Иоганн Шеффер и его «Лапландия». 1979, 4, с. 68—71.
- Чижикова Л. Н. Изучение сельского жилища восточных славян. Итоги и задачи классификации. 1976, 4, с. 27—41.
- Чижикова Л. Н. Этнические аспекты материальной культуры населения юго-западных районов Курской области. 1978, 4, с. 76—87.
- Чижикова Л. Н. Этнические традиции в современной свадебной обрядности сельского населения этноконтактной зоны (на примере Белгородской области). 1980, 2, с. 10—24.
- Чистов К. В. Фольклор и культура этноса. 1979, 4, с. 3—11.
- Чистов К. В. Японская сказка и русский читатель. 1978, 3, с. 155—162.
- Чистов К. В.—см. Сабурова Л. М., Чистов К. В.
- Членов М. А.—см. Арутюнов С. А., Крупник И. И., Членов М. А.
- Членов М. А.—см. Крупник И. И., Членов М. А.

- Чумаченко Н. И.** Образ В. И. Ленина в произведениях народного изобразительного искусства последнего десятилетия. 1980, 3, с. 17—25.
- Шавкунов Э. В.**, Болдин В. И. Орудия обработки зерна и способы его хранения у чжурчжэней. 1976, 2, с. 118—124.
- Шавкунов Э. В.**—см. Болдин В. И., Шавкунов Э. В.
- Шаповалова Г. Г.** Диалог в русском свадебном обряде. 1978, 1, с. 110—117.
- Шаскольский А. И.** Негритянские гетто — «внутренняя колония» Америки? 1976, 4, с. 71—77.
- Шафрановская Т. К.**, Комиссаров Б. Н. Материалы по этнографии Полинезии в дневнике Е. Е. Левенштерна. 1980, 6, с. 99—106.
- Шаховиц М. И.** Развивать исследование проблем религии. 1980, 5, с. 84—87.
- Шервуд Е. А.** Отражение в терминологии англо-саксонского языка развития этносоциальной структуры (VI—VIII вв.). 1978, 2, с. 100—106.
- Шердаков В. Н.** О главном в понимании религии. 1980, 2, с. 64—71.
- Шибаева Ю. А.** Встреча с шаманкой. 1978, 1, с. 138—146.
- Шмелева М. Н.**—см. Будина О. Р.,

Наши юбиляры

- Список основных работ доктора географических наук С. И. Брука (К 60-летию со дня рождения и 35-летию научной деятельности). 1980, 6, с. 154—160.
- Список основных работ доктора исторических наук Л. И. Лаврова (К 70-летию со дня рождения). 1979, 3, с. 187—189.
- Список основных работ доктора исторических наук Н. Н. Чебоксарова (К 50-летию научной деятельности). 1977, 6, с. 139—142.
- Список основных работ доктора исторических наук Ю. П. Петровой-Аверкиевой (К 45-летию научной деятельности). 1977, 6, с. 137—138.
- Список основных работ доктора филологических наук Б. Н. Путилова (К 60-ле-

- тию со дня рождения). 1979, 5, с. 184—187.
- Список основных работ кандидата филологических наук В. Ю. Крупянской (К 55-летию научной деятельности). 1977, 6, с. 135—136.
- Список основных работ М. Я. Гринблата (К 70-летию со дня рождения). 1976, 2, с. 188—189.
- Список основных работ по фольклористике и этнографии доктора исторических наук, профессора К. В. Чистова (К 60-летию со дня рождения). 1980, 1, с. 186—189.
- Список печатных работ доктора исторических наук С. А. Токарева (К 80-летию со дня рождения). 1980, 3, с. 182—188.

Научная жизнь

- Авижанская С. А.** Новые экспозиции Государственного музея этнографии народов СССР. 1978, 1, с. 155—160.
- Авижанская С. А.** Отчетная сессия в Государственном музее этнографии народов СССР. 1976, 1, с. 146—148.
- Анненкова Л. В.**—см. Максимов Ю., Анненкова Л. В., Кунанбаева А.
- Арутюнов С. А.**, Жуковская Н. Л. Заседание Ученого совета Института этнографии АН СССР, посвященное 80-летию С. А. Токарева. 1980, 3, с. 133—135.
- Бадяева Т. А.**—см. Веденникова Н. М., Бадяева Т. А., Канунникова Н. П., Смолицкий В. Г., Нагаева Л. И.
- Бардина П. Е.**—см. Бейлина Д. А., Корепова К. Е., Бардина П. Е., Курылев В. П.
- Шмелева М. Н.**
- Шнирельман В. А.** Роль домашних животных в периферийных обществах (на примере традиционных обществ Сибири и Америки). 1977, 2, с. 29—42.
- Шрамкова М. К.** Вопросу о взаимоотношении чешской фольклорной прозы и литературы. 1978, 4, с. 119—122.
- Щербин Л. А.**—см. Лебединская Г. В., Стёпин В. С., Сурнина Т. С., Федосюткин Б. А., Щербин Л. А.
- Эккель Б. М.** Некоторые аспекты межэтнических контактов в Удмуртской АССР. 1978, 4, с. 22—33.
- Эккель Б. М.** Определение индекса мозаичности национального состава республик, краев и областей СССР. 1976, 2, с. 33—42.
- Юдин Ю. И.** Русская бытовая сказка и хантыйский мифологический рассказ. 1979, 1, с. 124—132.
- Юхнева Н. В.** Об этнических аспектах изучения населения дореволюционного Петербурга. 1980, 1, с. 20—33.
- Яблонский Л. Т.** К палеодемографии населения средневекового города Сарайя Бату (Селистренное городище). 1980, 1, с. 142—148.
- Яглинская Э. С.**—см. Грусман В. М., Яглинская Э. С.
- Басилов В. Н.** Работа Института этнографии АН СССР в 1975 г. 1976, 4, с. 157—166.
- Басилов В. Н.** Работа Института этнографии АН СССР в 1977 году. 1978, 4, с. 148—157.
- Басилов В. Н., Мирхасилов С. М.** Проблемы секуляризации в обществах со многими религиями. 1979, 4, с. 164—169.
- Басилов В. Н., Семашко И. М.** Работа Института этнографии АН СССР в 1976 г. 1977, 5, с. 129—138.
- Басилов В. Н., Султанов Т. И.** Всеобщая тюркологическая конференция (Алма-Ата, 27—29 сентября 1976 г.). 1977, 3, с. 142—147.
- Бейлина Д. А., Корепова К. Е., Бардина П. Е., Курылев В. П.** Коротко об экспедициях. 1976, 2, с. 158—161.

- Бикбулатов Н. В., Нагаева Л. И. Второе Поволжско-Уральское археолого-этнографическое совещание. 1977, 5, с. 139—142.
- Биткеев Н. Ц. Всесоюзная научная конференция «„Джангар“ и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов». 1979, 2, с. 160—163.
- Богомолов В. Б.—см. Лебедева С. Х., Петерсон А. Ю., Богомолов В. Б.
- Богуславская И. Я. Республиканская научно-практическая конференция «Творческие проблемы современных народных художественных промыслов». 1979, 3, с. 152—155.
- Брагина Д. Г.—см. Чагин Г. Н., Брагина Д. Г., Моногарова Л. Ф., Мухиддинов И., Владыкина-Бачинская Н. М.
- Бродский И. А.—см. Гавриленко В. А., Чагин Г. Н., Бродский И. А., Рахимов Р. П.
- Буранцева З. Ф. О работе методологического семинара в Институте этнографии АН СССР. 1980, 2, с. 154—156.
- Бутинов Н. А. Десятая Всесоюзная конференция океанистов и австраловедов. 1979, 6, с. 149—151.
- Варжека И.—см. Сук Р., Варжека И.
- Васильев В. И., Томилов Н. А. Конференция «Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий». 1980, 4, с. 144—148.
- Васильев К. Заседания, посвященные 90-летию со дня рождения М. К. Азадовского. 1979, 4, с. 170.
- Васильева Г. П., Спиридонова Н. А., Томилов Н. А., Шейкин Ю. И. Коротко об экспедициях. 1979, 1, с. 150—152.
- Васильев Г. П.—см. Лузгин А. С., Васильева Г. П.
- Ведерникова Н. М. Бадяева Т. А., Канунникова Н. П., Смолинский В. Г., Нагаева Л. И. Коротко об экспедициях. 1978, 5, с. 164—167.
- Вежбицкий З. Т. К IV Всемирному конгрессу по социологии деревни. 1976, 3, с. 150—151.
- Владыкина-Бачинская Н. М.—см. Чагин Г. Н., Брагина Д. Г., Моногарова Л. Ф., Мухиддинов И., Владыкина-Бачинская Н. М.
- Гавриленко В. А., Чагин Г. Н., Бродский И. А., Рахимов Р. П. Коротко об экспедициях. 1976, 3, с. 163—165.
- Гвоздикова Л. С. Вторая научная конференция по проблемам этнографии Северо-Запада СССР. 1977, 1, с. 137—140.
- Грановский Б. Б. Дар Хельсинского университета (По материалам выставки «Калевала» в Москве). 1979, 1, с. 146—150.
- Гришаев И. А. Международное совещание по обсуждению проекта «Направления и тенденции культурного развития в современном обществе, взаимодействие национальных культур». 1976, 5, с. 146—148.
- Губогло М. Н. Актуальные проблемы развития наций и национальных отношений (Научно-практическая конференция в Москве). 1980, 6, с. 141—143.
- Гурович И. С. Советско-американское сотрудничество в области изучения взаимодействия аборигенных народов и культур Северной Сибири и Северной Америки. 1978, 6, с. 157—160.
- Гусев В. Е. В дни VI Международного симпозиума славистов (Заметки фольклориста). 1977, 3, с. 149—153.
- Гусев В. Е. Фольклор и общество (Симпозиум болгарских фольклористов). 1976, 3, с. 160—162.
- Гусев В. Е. Фольклористика на VIII Международном съезде славистов. 1979, 3, с. 147—152.
- Дахшлейгер Г. Ф. Некоторые проблемы истории кочевых обществ на XIV Международном конгрессе исторических наук. 1976, 4, с. 168—170.
- Демин Л. М. Знакомство с тремя музеями ГДР. 1976, 5, с. 150—155.
- Джарылгасинова Р. Ш. Выставка «Традиции и современность в декоративном искусстве Японии». 1980, 4, с. 151—157.
- Джарылгасинова Р. Ш., Рождественская С. Б. Первый всероссийский фестиваль юных этнографов. 1977, 1, с. 140—146.
- Джахонов У.—см. Жоробеков Ж., Муродов О., Джахонов У.
- Дмитриев В. А. Этнологический центр в Японии. 1978, 3, с. 164—165.
- Дробижева Л. М. Международный симпозиум «Роль семьи в этнокультурных процессах в условиях социализма». 1980, 3, с. 136—139.
- Дробижева Л. М. Международный симпозиум «Этнографические аспекты изучения социалистического образа жизни». 1978, 6, с. 155—157.
- Дурасов Г. П.—см. Чижикова Л. Н., Дурасов Г. П., Членов М. А.
- Есбергенов Х.—см. Корепова К. Е., Оськин А. В., Есбергенов Х.
- Есбергенов Х.—см. Муллагулов М., Есбергенов Х., Неклюдов С. Ю.
- Жданков Т. А., Кудрявцев М. К. Советско-индийский симпозиум в Шантиникетане. 1977, 6, с. 117—125.
- Жилина А. Н. Всесоюзная сессия, посвященная итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1974—1975 гг. 1976, 6, с. 116—127.
- Жилина А. Н. Тер-Саркисян А. Е. Всесоюзная сессия, посвященная итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1976—1977 гг. 1978, 6, с. 144—155.
- Жоробеков Ж., Муродов О., Джахонов У. Коротко об экспедициях. 1978, 6, с. 164—165.

- Жуковская Н. Л.—см. Арutyнов С. А., Жуковская Н. Л.
- Заякина Н. П., Козьмин В. А., Шейкин Ю. И. Коротко об экспедициях. 1978, 2, с. 137—140.
- Заякина Н. П., Лукина Н. В. Коротко об экспедициях. 1980, 1, с. 170—172.
- Зеленчук В. С., Златковская Т. Д. О работе Научного совета по проблеме «Славяно-волоцкие связи и формирование молдавской народности». 1978, 2, с. 123—130.
- Златковская Т. Д. Этнографические аспекты III Международного фракологического конгресса. 1980, 6, с. 149—151.
- Златковская Т. Д.—см. Зеленчук В. С., Златковская Т. Д.
- Золотарева И. М., Соколова З. П., Терентьева Л. Н. Исторические науки на IV Международном конгрессе финно-угроведов. 1976, 3, с. 151—156.
- Зубов А. А. V Международный симпозиум по проблемам антропологической одонтологии (Турку, 13—15 августа 1979 г.). 1980, 1, с. 167—170.
- Зубов А. А., Шлыгина Н. В. Совместные исследования советских и финских этнографов и антропологов (1967—1975 гг.). 1976, 2, с. 153—155.
- Иванова А. А., Миронихина Л. Ф., Чагин Г. Н. Коротко об экспедициях. 1980, 3, с. 156—158.
- Иванова Е. В. Выставка «Искусство Лаоса». 1978, 2, с. 135—137.
- Иванова Л. А. Выставка «Этнография и искусство Океании». 1980, 3, с. 148—156.
- Ивлева Л. М. Конференция памяти П. Г. Богатырева. 1979, 6, с. 151—156.
- Ивлева Л. М. Чтения памяти П. Г. Богатырева. 1977, 4, с. 139—142.
- Информация о X МКАЭН. 1977, 6, с. 126—127.
- Калашникова Н. М. Выставка японского трафарета. 1976, 2, с. 155—158.
- Канунникова Н. П.—см. Веденикова Н. М., Бадяева Т. А., Канунникова Н. П., Смолинский В. Г., Нагаева Л. И.
- Кармышева Б. Х. «Жизнь детей в старой венгерской деревне» (Выставка в Этнографическом музее Будапешта). 1980, 3, с. 142—148.
- Козлов В. И. Методологические проблемы этнографии (К итогам международного симпозиума). 1977, 2, с. 117—131.
- Козлов В. И., Разумовская Е. Н., Шейкин Ю. И. Коротко об экспедициях. 1979, 6, с. 156—159.
- Козлов В. И., Трайдэ Д. Симпозиум, посвященный исследованию этнических явлений и процессов. 1978, 1, с. 147—149.
- Козьмин В. А.—см. Заякина Н. П., Козьмин В. А., Шейкин Ю. И.
- Комарова Г. А. «Взаимосвязи музыкальных культур народов РСФСР» (Музыкально-этнографический концерт). 1977, 4, с. 149—150.
- Корепова К. Е., Оськин А. В., Есбенгенин Х. Коротко об экспедициях. 1977, 2, с. 138—139.
- Корепова К. Е.—см. Бейлина Д. А., Корепова К. Е., Бардина П. Е., Курылев В. П.
- Корепова К. Е.—см. Корсакова Н. А., Савушкина Н. И., Селиванов Ф. М., Корепова К. Е.
- Корепова К. Е.—см. Кулагина А. В., Савушкина Н. И., Корепова К. Е., Чагин Г. Н., Новикова Н. И.
- Корсакова Н. А., Савушкина Н. И., Селиванов Ф. М., Корепова К. Е. Коротко об экспедициях. 1980, 2, с. 156—158.
- Корсакова Н. А.—см. Черницын С. В., Корсакова Н. А., Чагин Г. Н.
- Кочетов В. Н., Кулагина А. В., Савушкина Н. И., Лебедева С. Х. Коротко об экспедициях. 1976, 4, с. 173—175.
- Кремлев И. А. Конференция «Этническая история славян и этнокультурные связи народов Центральной и Восточной Европы». 1980, 4, с. 140—144.
- Кудрявцев М. К.—см. Жданков Т. А., Кудрявцев М. К.
- Кузнецов А. И. Симпозиум по типологии явлений культуры. 1979, 2, с. 155—160.
- Кулагина А. В., Савушкина Н. И., Корепова К. Е., Чагин Г. Н., Новикова Н. И. Коротко об экспедициях. 1978, 3, с. 166—170.
- Кулагина А. В.—см. Кочетов В. Н., Кулагина А. В., Савушкина Н. И., Лебедева С. Х.
- Кунанбаева А.—см. Максимов Ю., Анненкова Л. В., Кунанбаева А.
- Курогло С. С., Спатору Г. И., Новоселова Л. В. Коротко об экспедициях. 1977, 6, с. 127—129.
- Курылев В. П., Рахимов Р. Р. Научная сессия, посвященная столетию МАЭ. 1980, 5, с. 146—148.
- Курылев В. П.—см. Бейлина Д. А., Корепова К. Е., Бардина П. Е., Курылев В. П.
- Лашук Л. П. Всесоюзная этнографическая студенческая конференция 1976 года. 1977, 2, с. 136—138.
- Лебедева А. А. Бутаковский этнографический музей. 1976, 1, с. 148—152.
- Лебедева А. А., Шмелева М. Н. Выставка работ Стефании Кульчицкой «Народные традиции в современной одежде и вышивке». 1977, 4, с. 146—149.
- Лебедева С. Х., Петерсон А. Ю. Коротко об экспедициях. 1979, 4, с. 170—171.
- Лебедева С. Х., Петерсон А. Ю., Богомолов В. Б. Коротко об экспедициях. 1978, 4, с. 162—163.
- Лебедева С. Х.—см. Кочетов В. Н., Кулагина А. В., Савушкина Н. И., Лебедева С. Х.
- Лебедева С. Х.—см. Шангина И. И., Лебедева С. Х., Томилов Н. А., Липинская В. А. Рождественская С. Б. Выставка «Жостовский рас-

- писной поднос» (К 150-летию промысла). 1977, 4, с. 144—146.
- Логашова Дж. Б. Вторая Всесоюзная конференция по ономастике Кавказа. 1978, 1, с. 160—161.
- Лузгин А. С., Васильева Г. П. Коротко об экспедициях. 1980, 5, с. 151—152.
- Лукина Н. В. Коротко об экспедициях. 1976, 5, с. 155—156.
- Лукина Н. В.—см. Заякина Н. П.. Лукина Н. В.
- Максимов Ю., Аиненкова Л. В.. Кунанбаева А. Коротко об экспедициях. 1979, 3, с. 155—157.
- Малькова В. К. Всесоюзная конференция «Актуальные проблемы национальных отношений в свете новой Конституции СССР». 1979, 5, с. 145—147.
- Малькова В. К. Всесоюзная конференция «Межнациональные связи и взаимодействие культур народов СССР». 1977, 6, с. 112—117.
- Малькова В. К. Всесоюзная конференция «Национальное и интернациональное в современном мире». 1980, 3, с. 139—142.
- Малькова В. К. Заседания Научного совета по национальным проблемам. 1976, 4, с. 172—173.
- Мастюгина Т. М.—см. Сулайманов Э., Томилов Н. А., Мастюгина Т. М., Хиль Г. Л.
- Мафедзев С. Х.—см. Сафьянова А. В., Мафедзев С. Х., Решетов А. М., Неклюдов С. Ю.
- Махмутов Х. Ш. Симпозиум фольклористов Поволжья и Урала. 1980, 4, с. 148—150.
- Международная конференция в защиту коренного населения Американского континента от дискриминации. 1978, 2, с. 131—134.
- Меркене Р. В. Конференция об итогах экспедиций литовских этнографов 1975—1976 гг. 1978, 3, с. 163—164.
- Меркене Р. В. Конференция-семинар «Этногенез литовцев». 1980, 4, с. 150—151.
- Миронихина Л. Ф.—см. Иванова А. А., Миронихина Л. Ф., Чагин Г. Н.
- Мирхасилов С. М.—см. Басилов В. Н., Мирхасилов С. М.
- Митлянская Т. Б. Выставка «Народное искусство Чукотки». 1977, 3, с. 153—157.
- Молотова Л. Н. Научная сессия «Изучение этнографических проблем современности и комплектование музейных фондов». 1978, 5, с. 160—162.
- Моногарова Л. Ф.—см. Чагин Г. Н., Брагина Д. Г., Моногарова Л. Ф., Мухиддинов И., Владыкина-Бачинская Н. М.
- Морохин В. Н. V областная фольклорная конференция «О задачах собирания и пропаганды фольклора в Горьковской области». 1977, 5, с. 142—144.
- Морохин В. Н. VI Областная фольклорная конференция «Современное состояние проблемы собирания и исследо-
- вания фольклора Горьковской области» 1980, 5, с. 149—150.
- Муллагулов М., Есбергенов Х. Неклюдов С. Ю. Коротко об экспедициях. 1979, 5, с. 150—154.
- Муродов О.—см. Жоробеков Ж.. Муродов О., Джакоинов У.
- Мухиддинов И.—см. Чагин Г. Н.. Брагина Д. Г., Моногарова Л. Ф., Мухиддинов И., Владыкина-Бачинская Н. М.
- Мыльников А. С. В гостях у австрийских этнографов (Заметки и наблюдения). 1977, 2, с. 132—135.
- Мырадов Г., Оразов А. Коротко об экспедициях. 1980, 6, с. 151—153.
- Нагаева Л. И.—см. Бикбулатов Н. В., Нагаева Л. И.
- Нагаева Л. И.—см. Ведерникова Н. М., Бадяева Т. А., Канунникова Н. П., Смолицкий В. Г., Нагаева Л. И.
- Неклюдов С. Ю.—см. Муллагулов М., Есбергенов Х., Неклюдов С. Ю.
- Неклюдов С. Ю.—см. Сафьянова А. В., Мафедзев С. Х., Решетов А. М., Неклюдов С. Ю.
- Некрылова А. Ф. Заседание секции фольклора ЛГИТМиК, посвященное 50-летию первой экспедиции по комплексному изучению русского народного искусства. 1977, 4, с. 143.
- Никольская Р. Ф., Пименов В. В. Советско-финляндский семинар «Происхождение карельского народа». 1977, 3, с. 147—149.
- Новик Е. С. Отчетно-экспедиционные сессии Всесоюзной комиссии по народному музыкальному творчеству Союза композиторов СССР. 1978, 6, с. 160—164.
- Новик Е. С. VII Всесоюзный семинар музыкантов-фольклористов. 1978, 4, с. 160—162.
- Новикова Н. И.—см. Кулагина А. В., Савушкина Н. И., Корепова К. Е., Чагин Г. Н., Новикова Н. И.
- Новоселова Л. В.—см. Курогло С. С., Спатору Г. И., Новоселова Л. В.
- О Международном конгрессе антропологических и этнологических наук. 1977, 5, с. 146—147.
- Оразов А.—см. Мырадов Г., Оразов А.
- Осокина О., Смешко Т. Н. Коротко об экспедициях. 1977, 5, с. 147.
- Оськин А. В.—см. Корепова К. Е.. Оськин А. В., Есбергенов Х.
- Петerson А. Ю.—см. Лебедева С. Х., Петерсон А. Ю.
- Петерсон А. Ю.—см. Лебедева С. Х., Петерсон А. Ю., Богомолов В. Б.
- Пименов В. В.—см. Никольская Р. Ф., Пименов В. В.
- Полищук Н. С. Всесоюзная конференция по вопросам этнографического изучения современности. 1977, 6, с. 104—112.

- Полищук Н. С. Всесоюзная сессия, посвященная итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1978—1979 гг. 1980, 6, с. 131—141.
- Полищук Н. С., Шмелева М. Н. Конференция «Этнография Праги». 1976, 4, с. 170—172.
- Путилов Б. Н. Всесоюзная научная конференция «Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока». 1978, 1, с. 149—151.
- Путилов Б. Н. В Национальный симпозиум по болгарскому фольклору. 1979, 5, с. 148—150.
- Разумовская Е. Н.—см. Козлов В. И., Разумовская Е. Н., Шейкин Ю. И.
- Райт М. В. Международный коллоквиум по кушитологии. 1976, 4, с. 167—168.
- Рахимов Р. П.—см. Гавриленко В. А., Чагин Г. Н., Бродский И. А., Рахимов Р. П.
- Рахимов Р. Р.—см. Курылев В. П.
- Рахимов Р. Р.
- Решетов А. М. Научная конференция «Актуальные проблемы советского уйгуроудения». 1980, 6, с. 143—147.
- Решетов А. М.—см. Сафьянова А. В., Мафедзе С. Х., Решетов А. М., Неклюдов С. Ю.
- Рождественская С. Б.—см. Джарылгасинова Р. Ш., Рождественская С. Б.
- Рождественская С. Б.—см. Липинская В. А., Рождественская С. Б.
- Руш В., Штейн Л. Международный симпозиум «Кочевники в истории и современности» (Лейпциг, 11—12 декабря 1975 г.). 1976, 3, с. 157—160.
- Савушкина Н. И.—см. Корсакова Н. А., Савушкина Н. И., Селиванов Ф. М., Корепова К. Е.
- Савушкина Н. И.—см. Кочетов В. Н., Кулагина А. В., Савушкина Н. И., Лебедева С. Х.
- Савушкина Н. И.—см. Кулагина А. В., Савушкина Н. И., Корепова К. Е., Чагин Г. Н., Новикова Н. И.
- Сафьянова А. В., Мафедзе С. Х., Решетов А. М., Неклюдов С. Ю. Коротко об экспедициях. 1977, 1, с. 146—149.
- Селиванов Ф. М.—см. Корсакова Н. А., Савушкина Н. И., Селиванов Ф. М., Корепова К. Е.
- Семашко И. М.—см. Басилов В. Н., Семашко И. М.
- Славин В. Д. Коротко об экспедициях. 1978, 1, с. 161—162.
- Смешко Т. Н.—см. Осокина О., Смешко Т. Н.
- Смирнова Я. С., Тер-Саркисянц А. Е. Всесоюзный симпозиум «Демографические проблемы семьи». 1976, 2, с. 151—153.
- Смолицкий В. Г.—см. Ведерникова Н. М., Бадяева Т. А., Канунникова Н. П., Смолицкий В. Г., Нагаева Л. И.
- Соколова В. К. IV Болгарский национальный симпозиум по проблемам фольклора. 1978, 1, с. 151—155.
- Соколова З. П. Первое региональное совещание по проблемам географии, истории, этнографии и языков народов Европейской Севера. 1978, 2, с. 130—131.
- Соколова З. П.—см. Золотарева И. М., Соколова З. П., Терентьева Л. Н.
- Спатару Г. И.—см. Курогло С. С., Спатару Г. И., Новоселова Л. В.
- Спиридонова Н. А.—см. Васильева Г. П., Спиридонова Н. А., Томилов Н. А., Шейкин Ю. И.
- Старовойтова Г. В. Симпозиум «Методологические проблемы исследования этнических культур». 1979, 6, с. 145—148.
- Сук Р., Варжека Й. Конференция «Этнографические журналы в социалистических странах». 1977, 5, с. 145—146.
- Сулайманов Э., Томилов Н. А. Мастюгина Т. М., Хить Г. Л. Коротко об экспедициях. 1976, 1, с. 152—154.
- Сулайманов Э.—см. Цветкова Н. Н., Сулайманов Э.
- Султанов Т. И.—см. Басилов В. Н.
- Султанов Т. И.
- Сусоколов А. А. Первая Всесоюзная школа-семинар по этносоциологическим проблемам. 1980, 2, с. 150—154.
- Сухачев Н. Л. Симпозиум по ареальным исследованиям. 1978, 5, с. 162—164.
- Тер-Саркисянц А. Е. Всесоюзная этнографическая школа-семинар. 1980, 2, с. 140—149.
- Тер-Саркисянц А. Е. Работа Института этнографии АН СССР в 1978 году. 1979, 4, с. 151—163.
- Тер-Саркисянц А. Е. Работа Института этнографии АН СССР в 1979 году. 1980, 3, с. 120—133.
- Тер-Саркисянц А. Е.—см. Жилина А. Н., Тер-Саркисянц А. Е.
- Тер-Саркисянц А. Е.—см. Смирнова Я. С., Тер-Саркисянц А. Е.
- Терентьева Л. Н.—см. Золотарева И. М., Соколова З. П., Терентьева Л. Н.
- Томилов Н. А.—см. Васильев В. И.
- Томилов Н. А.
- Томилов Н. А.—см. Васильева Г. П., Спиридонова Н. А., Томилов Н. А., Шейкин Ю. И.
- Томилов Н. А.—см. Сулайманов Э., Томилов Н. А., Мастюгина Т. М., Хить Г. Л.
- Томилов Н. А.—см. Шангина И. И.
- Лебедева С. Х., Томилов Н. А.
- Трайде Д.—см. Козлов В. И.
- Трайде Д.
- Тумаркин Д. Д. Девятая Всесоюзная конференция океанистов и австралидов. 1978, 4, с. 158—160.
- Тумаркин Д. Д. Однинадцатая Всесоюзная конференция океанистов и австралидов. 1980, 6, с. 147—149.
- Тумаркин Д. Д. Седьмая Всесоюзная конференция океанистов и австралидов. 1976, 5, с. 148—150.

- Тумаркин Д. Д. Этнокультурная проблематика на XIV Тихоокеанском научном конгрессе. 1980, 1, с. 160—167.
- Урусу Д. П. Устные источники по истории Западной Африки (научная конференция в г. Бамако). 1976, 6, с. 131—133.
- Хить Г. Л.—см. Сулайманов Э., Томилов Н. А., Мастюгина Т. М., Хить Г. Л.
- Цветкова Н. Н., Сулайманов Э. Коротко об экспедициях. 1980, 4, с. 157—159.
- Чагин Г. Н., Брагина Д. Г., Моногарова Л. Ф., Мухиддинов И., Владыкина-Бачинская Н. М. Коротко об экспедициях. 1977, 3, с. 157—160.
- Чагин Г. Н.—см. Гавриленко В. А., Чагин Г. Н., Бродский И. А., Рахимов Р. П.
- Чагин Г. Н.—см. Иванова А. А., Миронихина Л. Ф., Чагин Г. Н.
- Чагин Г. Н.—см. Кулагина А. В., Савушкина Н. И., Корепова К. Е., Чагин Г. Н., Новикова Н. И.
- Чагин Г. Н.—см. Черницын С. В., Корсакова Н. А., Чагин Г. Н.
- Чевтайкина Н. Н. Выставка, посвященная культуре индейских племен венесуэльской Амазонки. 1976, 6, с. 127—131.

- Черницын С. В., Корсакова Н. А., Чагин Г. Н. Коротко об экспедициях. 1979, 2, с. 165—168.
- Чижикова Л. Н., Дурасов Г. П., Членов М. А. Коротко об экспедициях. 1976, 6, с. 133—136.
- Членов М. А.—см. Чижикова Л. Н., Дурасов Г. П., Членов М. А.
- Шангина И. И., Лебедева С. Х., Томилов Н. А. Коротко об экспедициях. 1977, 4, с. 151—154.
- Шевеленко А. Я. Антропогенетика и исторические дисциплины. 1979, 2, с. 164—165.
- Шейкин Ю. И.—см. Васильева Г. П., Спиридонова Н. А., Томилов Н. А., Шейкин Ю. И.
- Шейкин Ю. И.—см. Заикина Н. П., Козьмин В. А., Шейкин Ю. И.
- Шейкин Ю. И.—см. Козлов В. И., Разумовская Е. Н., Шейкин Ю. И.
- Шлыгина Н. В.—см. Зубов А. А., Шлыгина Н. В.
- Шмелева М. Н.—см. Лебедева А. А., Шмелева М. Н.
- Шмелева М. Н.—см. Полищук Н. С., Шмелева М. Н.
- Штейн Л.—см. Руш В., Штейн Л.
- Юхнева Н. В. Третья конференция, посвященная этнографическому изучению Северо-Запада СССР. 1979, 1, с. 144—146.

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

- Аникин В. П.—см. Басилов В. Н., Аникин В. П.
- Арутюнов С. А. Новые книги о ранних формах религии. 1977, 2, с. 154—158.
- Бадалян И. А. Некоторые методологические аспекты этнической проблематики в работах современных социологов и этнографов Запада. 1976, 1, с. 155—165.
- Басилов В. Н., Аникин В. П. Новое в исследовании древнейших ритуалов (О книге Н. Н. Велецкой «Языческая символика славянских архаических ритуалов». М., 1978, 239 с.) 1980, 4, с. 160—168.
- Березкин Ю. Е. Новый шаг на пути изучения древнеперуанских росписей. 1979, 1, с. 158—166.
- Бутинова М. С. Миссионерство в Океании (историографический очерк). 1977, 1, с. 150—159.
- Гусев В. Е. Многотомное издание белорусского фольклора. 1979, 1, с. 153—158.
- Калиновская К. П. Новое в изучении возрастных классов у галла Эфиопии. *Asmarom Legesse. Gada. Three approaches to the study of African Society*. N. Y., 1973, XII+340 p. 1976, 5, с. 157—165.
- Кон И. С. Проблема детства в современной американской этнопсихологии (Об исследованиях Беатрисы и Джона Уайтинга). 1977, 5, с. 148—158.
- Куббель Л. Е. Доколониальные политические структуры Африки в западноевропейской этнографии. 1977, 4, с. 155—168.
- Лобанов М. А. Фольклор Ленинградской области. В. С. Бахтин. 1000 частушек Ленинградской области. Записи 1954—1968 гг. Л., 1969; *Сказки Ленинградской области, серые и несерые, озорные и не очень, байки, народные анекдоты и прибаутки*. Собрали и подготовили к печати В. Бахтин и П. Ширяева. Л., 1976; В. Бахтин. Песни Ленинградской области. Записи 1947—1977 гг. Л., 1978. 1979, 6, с. 160—162.
- Маретин Ю. В. Этнография в Восточной комиссии Географического общества СССР (обзор работы за два десятилетия). 1977, 2, с. 140—154.
- Покшишевский В. В. *Расы и народы*. Ежегодник, т. 1—10. М., 1971—1980. 1980, 5, с. 153—160.
- Тер-Акопян Н. Б. Новые зарубежные публикации литературного наследия К. Маркса и некоторые проблемы первобытной истории. 1978, 1, 163—171.

Общая этнография

- Аврутин С. Р. *Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы*. Ежегодник, вып. 5, 1975, 376 стр. 1976, 1, с. 165—169.
- Акимова О. А. *S. Kremenšek. Obča etnologija*. Ljubljana, 1973, 276 S. 1976, 5, с. 165—167.
- Арутюнян Ю. В., Сусоколов А. А. М. Куличенко. Укрепление интернационального единства советского общества. Киев, 1976, 381 стр. 1978, 3, с. 173—176.
- Басилов В. Н. Г. М. Керимов. Шариат и его социальная сущность. М., 1978, 223 стр. 1979, 3, с. 162—166.
- Беляев Л. А., Фролов М. В. Л. С. Клейн. Археологические источники. Л., 1978, 120 стр. 1980, 3, с. 163—165.
- Богданова В. И. *Проблемы этнической антропологии и морфологии человека*. Л., 1974, 191 стр. 1976, 1, с. 169—172.
- Богина Ш. А. О. Н. Яницкий. Урбанизация и социальные противоречия капитализма. Критика американской буржуазной социологии. М., 1975, 333 стр. 1977, 1, с. 159—161.
- Богина Ш. А. Ю. П. Аверкиева. История теоретической мысли в американской этнографии. М., 1979, 288 стр. 1980, 5, с. 160—162.
- Бородина М. А. *Проблемы этнической географии и картографии*. Отв. ред. С. И. Брук. М., 1978, 168 стр., карты и картосхемы. 1980, 6, с. 161—166.
- Бородина М. А., Штегман М. Г. W. F. Mackey. *Bilinguisme et contact des langues*. Paris, 1976, 539 p. 1979, 5, с. 157—161.
- Бутинов Н. А. *Социальная история народов Азии*. Отв. редакторы А. М. Решетов и Ч. М. Таксами. М., 1975, 275 стр. 1976, 4, с. 176—179.
- Бутинова М. С. П. И. Пучков. Современная география религий. М., 1975, 184 стр. 1976, 2, с. 162—164.
- Вайнштейн С. И., Семенов Ю. И. Г. Е. Марков. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976, 1977, 5, с. 163—166.
- Григулевич И. Р. И. А. Крывелев. История религий, т. 1. М., 1975, 415 стр.; т. 2, М., 1976, 423 стр. 1978, 4, с. 164—167.
- Еремина В. И. *Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти Владимира Яковлевича Проппа (1895—1970)*. М., 1975, 320 стр. 1977, 4, с. 169—171.
- Иванов В. Ф., Ласков И. А. *Witold Armon. Polscy badacze kultury Jaktow*. Wroclaw — Warszawa — Krakow — Gdansk, 1977, 180 s. 1979, 2, с. 169—170.
- Кобычев В. П., Чеснов Я. В. *Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. Методология и историография*. М., 1976, 263 стр. 1978, 4, с. 167—170.
- Комарова О. Д. А. Г. Харчев, М. С. Машковский. Современная семья и ее проблемы (социально-демографическое исследование). М., 1978, 224 стр. 1979, 3, с. 158—162.
- Королюк В. Д. *Карпатский сборник*. М., 1976, 152, стр. 1977, 5, с. 158—162.
- Куббель Л. Е. А. М. Хазанов. Социальная история скифов. М., 1975, 342 стр. 1978, 6, с. 166—169.
- Куббель Л. Е. Г. Е. Марков. История хозяйства и материальной культуры в первобытном и раннеклассовом обществе. Учебное пособие. М., 1979, 305 стр. 1979, 4, с. 176—179.
- Куббель Л. Е. *Introduction à la culture africaine. Aspects généraux*. Par Alpha I. Sow, Ola Balogun, Honorat Agussy, Palhé Diagne. Paris, 1977, 311 p. 1979, 1, с. 166—169.
- Ласков И. А.—см. Иванов В. Ф., Ласков И. А.
- Логашова Дж. Б. В. А. Никонов. Имя и общество. М., 1974, 278 стр. 1976, 6, с. 137—138.
- Мануш Лекса. Ценный вклад польских ученых в исследование цыган. 1979, 5, с. 161—165.
- Мануш Лекса. *H. E. Wedeck. With the assistance of W. Baskin. Dictionary of Gypsy life and lore*. N. Y., 1973, VI, 518 p., 12 ill. 1978, 1, с. 171—176.
- Марков Г. Е. Э. А. Рикман. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М., 1975. 1978, 4, с. 170—172.
- Меновщикова Г. А. Р. Г. Ляпунова. Очерки по этнографии алеутов. Л., 1975, 200 стр. 1976, 5, с. 167—170.
- Пименов В. В. Е. А. Веселкин. Кризис британской социальной антропологии. М., 1977, 170 стр. 1978, 2, с. 143—145.
- Покшишевский В. В. В. И. Козлов. Этническая демография. М., 1977, 240 стр. 1978, 3, с. 171—173.
- Покшишевский В. В. *Этнография в странах социализма. Очерки развития науки*. М., 1975, 342 стр. 1976, 3, с. 166—170.
- Покшишевский В. В. *Andrzej Margański. Ludność świata*. Warszawa, 1977, 395 str. 1978, 2, с. 141—142.
- Полевой А. В. Е. В. Осиева. Социология Эмиля Дюркгейма. М., 1977, 279 стр. 1980, 3, с. 159—163.
- Померанцева Э. В. *Enzyklopädie des Märchens. Handwörterbuch zur historischen und vergleichenden Erzählforschung*. Bd. 1 (1—5). Berlin — New York, 1977, 703 S. 1979, 2, с. 170—172.
- Пучков П. И. А. Н. Ипатов. Меннониты (Вопросы формирования и эволюции этноконфессиональной общности). М., 1978, 213 стр. 1980, 5, с. 162—164.
- Пушкин Л. Н. *Этническая история и фольклор*. М., 1977, 257 стр. 1978, 5, с. 168—170.
- Роговин В. З. Комплексное исследование социальных проблем семьи (О книге А. Г. Харчева «Брак и семья в СССР»). 1980, 6, с. 166—170.
- Семенов Ю. И.—см. Вайнштейн С. И., Семенов Ю. И.

- Степанов Н. Н. *Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии*, вып. VII, Редакторы А. М. Решетов и Т. В. Станюкович. М.—Л., 1977, 171 стр. 1978, 5, с. 170—173.
- Сусоколов А. А.—см. Арютюнян Ю. В., Сусоколов А. А.
- Токарев С. А. Я. Минкевич. Религия в многонациональном мире. Вильнюс, 1978, 222 стр. 1979, 5, с. 155—157.
- Токарев С. А. *Laura Levi Makarius. Le Sacré et la violation des interdits. Préface de Raoul Makarius*. Paris, 1974, 377 р. 1976, 6, с. 139—143.
- Фролов М. В.—см. Беляев Л. А., Фролов М. В.
- Чеснов Я. В.—см. Кобычев В. П., Чеснов Я. В.
- Чистов К. В. Е. М. Мелетинский. Поэтика мифа. М., 1976, 407 стр. 1978, 2, с. 149—153.
- Членов М. А. Новые книги по истории этнографической науки. С. А. Токарев. Истоки этнографической науки. М., 1978, 164 стр.; его же. История зарубежной этнографии. М., 1978, 352 стр. 1980, 2, с. 159—164.
- Шалата М. И. Новые публикации записей Зориана Доленги-Ходаковского.
- Народы СССР**
- Абрамзон С. М. К. Ш. Шаниязов. К этнической истории узбекского народа (историко-этнографическое исследование на материалах кипчакского компонента). Ташкент, 1974, 341 стр. 1976, 2, с. 167—172.
- Аврутин С. Р., Решетов А. М. Н. О. Турсунов. Сложение и пути развития городского и сельского населения Северного Таджикистана XIX—начала XX в. (Историко-этнографические очерки). Душанбе, 1976, 302 стр. 1977, 5, с. 174—175.
- Айвазян С. Г. В. П. Зиновьев. Жанровые особенности быличек. Иркутск, 1974, 89 стр. 1976, 6, с. 155—156.
- Александров В. А. М. М. Громыко. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII—первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975, 350 стр. 1976, 3, с. 170—173.
- Алексеев В. П., Басилов В. Н. Б. Х. Кармышева. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (по этнографическим данным). М., 1976, 323 стр. 16 рис. 1977, 5, с. 171—174.
- Андреев Б. В. И. Мухиддинов. Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима в XIX—начале XX в. (Историко-этнографический очерк). М., 1975, 125 стр. 1978, 1, с. 176—177.
- Арутюнов С. А. Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975, 303 стр. 1977, 3, с. 170—173.
- Арутюнов С. А., Шагиров А. К. Б. Х. Бгажников. Адыгский этикет. Нальчик, 1978, 160 стр. 1980, 2, с. 169—171.
- Афанасьев Г. Е. А. В. Гадло. Этническая история Северного Кавказа IV—
- Zorian Dolęga Chodakowski. Spiewy slawiańskie, pod strzechą wiejską sebrane (Opracował z rękopisu, wstępem i komentarzem opatrzył Julian Maślanka. Teksty pieśni odkryła Leonila Malasz-Aksamitowa. Przedmowa poprzedził Julian Krzyżanowski). Warszawa, 1973, 306 S.; йкрайські народні пісні в записах Зоріана Доленги-Ходаковського (Упорядкування, текстологічна інтерпретація і коментарі О. І. Дея). Атрибуція автографів і копій та передмова Л. А. Магаш і О. І. Дея). Київ, 1974, 782 стр. 1976, 4, с. 179—183.
- Шнирельман В. А. Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий (Проблема исторических контактов). Отв. ред. А. И. Першиц и А. М. Хазанов. М., 1978, 302 стр. 1979, 4, с. 172—176.
- Шнирельман В. А. P. J. Watson. Archaeological Ethnography in Western Iran. Tucson, 1979, 327 р. 1980, 4, с. 169—172.
- Шнирельман В. А. R. W. Bulliet. The camel and the wheel. Cambridge, 1975, 327 р. 1978, 2, с. 145—148.
- Штегман М. Г.—см. Бородина М. А., Штегман М. Г.
- В в. Л., 1979, 213 стр. 1980, 4, с. 176—179.
- Бабаков В. Г. В. Н. Бойко. Социальное развитие народов Нижнего Амура. Новосибирск, 1977, 280 стр. 1979, 1, с. 170—172.
- Бакланова Е. Н. Н. А. Миненко. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII—первой половины XIX в.). Новосибирск, 1979, 350 стр. 1980, 4, с. 179—181.
- Баран В. Д., Винокур И. С. А. А. Бобринский. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978, 272 стр. 1979, 5, с. 170—172.
- Басилов В. Н.—см. Алексеев В. П., Басилов В. Н.
- Басин В. Я., Бекмаханова Н. Е. М. С. Муканов. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Алма-Ата, 1974, 200 стр. 1976, 4, с. 192—194.
- Бахтина В. А. Н. М. Веденникова. Русская народная сказка. М., 1975, 133 стр. 1977, 5, с. 177—178.
- Безносиков Я. Н. Ю. В. Гагарин. История религии и атеизма народа коми. М., 1978, 326 стр. 1979, 2, с. 175—177.
- Бекмаханова Н. Е.—см. Басин В. Я., Бекмаханова Н. Е.
- Браин И. Н. Радянські свята і обряди в комуністичному вихованні. Київ, 1978, 256 стр. 1980, 1, с. 175—176.
- Бутинова М. С., Соколова З. П. Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX—начало XX в.). Л., 1976, 333 стр. 1978, 2, с. 153—158.
- Бэшү Н. М. В. С. Зеленчук, Ю. В. Попович, Л. Д. Лоскутова. Традиции ши-

- контемпораниетате. Кишинев, 1977, 103 стр., илл. 1979, 5, с. 168—169.
- Важинский В. М. В. А. Александров.** Сельская община в России (XVII—начало XIX в.). М., 1976, 322 стр. 1977, 3, с. 165—168.
- Вайнштейн С. И. А. П. Окладников.** Петроглифы Байкала — памятники древней культуры народов Сибири. Новосибирск, 1974, 168 стр. 1977, 4, с. 183—185.
- Вайнштейн С. И. Б. А. Фролов.** Числа в графике палеолита. Новосибирск, 1974, 239 стр. 1977, 2, с. 166—169.
- Васильев В. И., Лебедев В. В. В. М. Кулемзин, Н. В. Лукина.** Васюганского-ваховские ханты в конце XIX—начале XX в. Этнографические очерки. Томск, 1977, 224 стр., илл. 1979, 6, с. 165—166.
- Васильев В. И., Симченко Ю. Б. Л. Е. Киселев.** От патриархальщины к социализму. Свердловск, 1974, 268 стр. 1977, 2, с. 165—166.
- Васильев В. И., Файнберг Л. А. Ю. Б. Симченко.** Культура охотников на оленей Северной Евразии. М., 1976, 310 стр. 1978, 2, с. 158—160.
- Винников Я. Р. А. Н. Робакидзе, Г. Г. Гегечкори.** Формы жилища и структура поселения горной Осетии.—«Кавказский этнографический сборник», V, 1. Тбилиси, 1975, 196 стр. +40 стр. илл. 1977, 5, с. 176—177.
- Виноградов В. Б. Е. П. Алексеева.** Этнические связи сарматов и ранних алан с местным населением Северо-Западного Кавказа (III в. до н. э.—IV в. н. э.). Черкесск, 1976, 182 стр. 1979, 6, с. 166—169.
- Виноградов В. Б. Кавказский этнографический сборник**, VI, М., 1976, 303 стр. 1978, 6, с. 169—172.
- Виноградов В. Б., Даутова Р. А. М. Б. Мужухов.** Средневековая материальная культура Горной Ингушетии (XIII—XVII вв.). Грозный, 1977, 179 стр. 1979, 5, с. 172—175.
- Винокур И. С.—см. Баран В. Д.**
- Винокур И. С.**
- Гохман И. И. Р. Я. Денисова.** Антропология древних балтов. Рига, 1975, 402 стр. 1976, 6, с. 157—161.
- Гречина О. Н. Л. Е. Генин.** Отражение фольклора в библиотечно-библиографических классификациях и методика его классификации в свете современной фольклористики. М., 1975, 110 стр. 1978, 1, с. 178—179.
- Григулевич И. Р.—см. Литвинский Б. А., Григулевич И. Р., Стратанович Г. Г.**
- Грица С. И. Угличские народные песни. Из новых записей русских народных песен** (Составитель-редактор И. И. Земцовский). Л.—М., 1974, 288 стр. 16 илл. 1976, 5, с. 184—185.
- Тубогло М. Н. Виктор Маамяги.** Эстонские поселенцы в СССР (1917—1940 гг.). Таллин, 1977, 235 стр. 1978, 3, с. 176—178.
- Тубогло М. Н. Советский народ — новая историческая общность людей. Статовление и развитие (ответственные редакторы М. П. Ким и В. П. Шерстобитов).** М., 1975, 519 стр. 1976, 4, с. 188—192.
- Тубогло М. Н. Формирование молдавской буржуазной нации.** Кишинев, 1978, 218 стр. 1980, 4, с. 173—176.
- Гуревич И. С. А. П. Окладников, З. В. Гоголев, Е. А. Ащепков.** Древний Зашишевск. М., 1978, 211 стр. 1979, 4, с. 181—183.
- Гуськова Т. К. Ю. И. Кирьянов.** Жизненный уровень рабочих России (конец XIX—начало XX в.). М., 1979, 285 стр. 1980, 2, с. 164—167.
- Даутова Р. А.—см. Виноградов В. Б., Даутова Р. А.**
- Доминяк А. В.—см. Корепанов К. И., Оборин В. А., Доминяк А. В.**
- Дробижева Л. М. В. В. Пименов.** Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л., 1977, 262 стр. 1978, 4, с. 178—182.
- Дробижева Л. М. Современность глазами этнографа (О книге В. Ю. Крупянской, О. Р. Будины, Н. С. Полищук, Н. В. Юхневой «Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917—1970)»). М., 1974, 315 стр.).** 1976, 2, с. 164—167.
- Дьяконова В. П., Залкинд Е. М. Ф. Сатлаев.** Кумандицы (Историко-этнографический очерк XIX—первой четверти XX в.). Горно-Алтайск, 1974, 199 стр. 1976, 6, с. 144—147.
- Жданко Т. А., Федорович Б. А. М. А. Итина.** История степных племен Южного Приаралья (II—начало I тысячелетия до н. э.). М., 1977, 236 стр., илл. 1977, 4, с. 178—181.
- Залкинд Е. М.—см. Дьяконова В. П., Залкинд Е. М.**
- Зибарев В. А., Томилов Н. А. В. И. Васильев.** Проблемы формирования северосамодийских народностей. М., 1979, 243 стр. 1980, 5, с. 170—172.
- Златковская Т. Д. Ю. В. Попович.** Молдавские новогодние праздники (XIX—начало XX в.). Кишинев, 1974, 183 стр. 1976, 1, с. 177—179.
- Исмагулов О. А. Г. Козинцев.** Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры. Л., 1977, 144 стр. 1979, 4, с. 185—187.
- Кабо В. Р. А. В. Смоляк.** Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина (середина XIX—начало XX в.). М., 1975, 231 стр. 1978, 2, с. 160—163.
- Кармышева Б. Х. Р. Г. Кузеев.** Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М., 1974, 570 стр. 1977, 1, с. 162—164.
- Кармышева Б. Х., Лобачева Н. П. Х. А. Аргынбаев.** Казак халкындағы семья мен неке (тарихи—этнографиялық шолу). Алматы, 1973, 327 стр. [Х. А. Аргынбаев. Семья и брак у казахов (историко-этнографический обзор). На казах. яз.], 1976, 2, с. 172—175.
- Кербелите Б., Новиков Ю. А. Фольклор русского населения Прибалтики.** М., 1976, 248 стр. 1977, 5, с. 178—180.

- Керейтов Р. Х., Федоров Я. А. С. Ш. Гаджиева. Материальная культура ногайцев в XIX — начале XX в. М., 1976, 226 стр. 1978, 6, с. 173—174.
- Кобычев В. П. Л. И. Лавров. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978, 184 стр. 1980, 1, с. 173—175.
- Козлов В. И. Молдаване. Очерки истории, этнографии, искусствоведения. Кишинев, 1977, 459 стр. 1978, 4, с. 175—178.
- Козлов В. И., Сиверцева Т. Ф., Пименов В. В. Э. К. Васильева. Семья и ее функции (демографо-статистический анализ). М., 1975, 180 стр. 1976, 5, с. 170—175.
- Конкка У. С. *Pertti Virtaranta*. Vienan Kyliä kierlämässä. Kjalaiskylien entistä elämää Venehjärvestä Kostmaukseen. Kirjayhtymä, Helsinki, 1978, 287 S., 1980, 5, с. 168—170.
- Корепанов К. И., Оборин В. А., Доминик А. В. Л. С. Грибова. Пермский звериный стиль (проблемы семантики). М., 1975, 147 стр. с илл. 1978, 6, с. 175—180.
- Королюк В. Д. Н. А. Мохов. Очерки истории формирования молдавского народа. Кишинев, 1978, 131 стр. 1980, 5, с. 167—168.
- Кочешков Н. В. К. П. Белобородова. Приамурские узоры. Л., 1975, 106 стр., илл. 1978, 3, с. 180—182.
- Кочешков Н. В. С. В. Иванов. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар. XVIII — первая четверть XX в. Л., 1979, 196 стр. илл. 1980, 5, с. 172—174.
- Круглов Ю. Г. Русский народный свадебный обряд. Исследования и материалы. Под ред. К. В. Чистова и Т. А. Бернштам. Л., 1978, 278 стр. 1980, 1, с. 177—179.
- Круглов Ю. Г. Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974, 274 стр. 1976, 5, с. 175—178.
- Крывелев И. А. Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. М., 1977, 357 стр. 1979, 3, с. 166—168.
- Кузеев Р. Г. Современные этнические процессы в СССР. Редколлегия: Ю. В. Бромлей (отв. редактор), И. С. Гурвич, В. И. Козлов, Л. Н. Терентьева, К. В. Чистов. М., 1975, 542 стр. 1976, 4, с. 183—188.
- Лавонен Н. А. Народные песни Ингерманландии. Л., 1974, 516 стр. 1976, 6, с. 156—157.
- Лапин В. А., Путилов Б. Н. И. И. Земцовский. Мелодика календарных песен. Л., 1975, 224 стр. 1977, 2, с. 172—174.
- ЛАШКАРБЕКОВ Б. Б. Сказки народов Памира. Перевод с памирских языков. Сост. и comment. А. Л. Грюнберга и И. М. Стеблин-Каменского. М., 1976, 536 стр. 1979, 2, с. 180—181.
- Лебедев В.—см. Васильев В. И., Лебедев В. В.
- Липец Р. С. Кобланды-батыр. Казахский героический эпос. Кобланды батыр.
- Қазақ, халқының батырлық эпосы. М., 1975, 445 стр. 1977, 1, с. 171—175.
- Липец Р. С. Э. Б. Овалов. Поэма о поражении свирепого Хара Киняса в эпосе «Джангэр» (Основные образы и поэтические особенности). Элиста, 1977, 78 стр. 1979, 2, с. 177—179.
- Липинская В. А., Сафьянова А. В. Быт и искусство русского населения Восточной Сибири, ч. II — Забайкалье. Новосибирск, 1975, 149 стр. прил. 1976, 1, с. 175—177.
- Литвинский Б. А., Григулевич И. Р., Стратанович Г. Г. Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. Отв. ред. Г. П. Снесарев, В. Н. Басилов. М., 1975, 340 стр. 1977, 1, с. 164—169.
- Лобачева Н. П. Х. Есбергенов, Т. Атамуратов. Традиции и их преобразование в городском быту каракалпаков. Нукус, 1975, 211 стр. 1977, 3, с. 161—165.
- Лобачева Н. П.—см. Кармышева Б. Х., Лобачева Н. П.
- Люшкевич Ф. Д. М. А. Хамиджанова. Материальная культура матчинцев до и после переселения на вновь орошенные земли. Душанбе, 1974, 179 стр. илл. (ротапринт). 1976, 6, с. 147—148.
- Мелетинский Е. М. Д. С. Лихачев, А. М. Панченко. «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976, 201 стр. 1978, 2, с. 169—172.
- Мелетинский Е. М. Е. Б. Вирсаладзе. Грузинский охотничий миф и поэзия. М., 1976, 360 стр. 1977, 4, с. 181—182.
- Мельц М. Я. В. В. Митрофанова. Русские народные загадки. Л., 1978, 180 стр. 1980, 2, с. 176—177.
- Митрофанова В. В. Статьи и публикации по русскому фольклору в изданиях сибирских педагогических институтов за последнее десятилетие. 1980, 6, с. 175—177.
- Мухамедьяров Ш. Ф. Н. А. Томилов. Современные этнические процессы среди сибирских татар. Отв. ред. И. С. Гурвич. Томск, 1978, 208 стр. 1980, 3, с. 168—171.
- Мухаметшин Ю. Г. Ф. Х. Валеев. Архитектурно-декоративное искусство казанских татар. Сельское жилище. Йошкар-Ола, 1975, 92 стр., илл. 1978, 2, с. 165—169.
- Насилов Д. М. Г. Садвакасов. Язык уйголов Ферганской долины, ч. I. Очерк фонетики, тексты и словарь. Алма-Ата, 1970, 263 стр.; ч. 2. Лексика, морфология и языковая интерференция. Алма-Ата, 1976, 287 стр. 1979, 2, с. 182—183.
- Невская В. П. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. Составление, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В. К. Гарданова. Нальчик, 1974, 634 стр. 1977, 3, с. 168—170.
- Неклюдов С. Ю. В. М. Жирмунский. Тюркский героический эпос. Избранные труды. Подготовила Н. А. Жирмунская. Л., 1974, 722 стр. 1977, 2, с. 169—172.

- Неклюдов С. Ю. *Alex E. Alexander. Bylina and fairy tale. The origins of Russian heroic poetry*. The Hague—Paris, 1973, 162 р. 1976, 5, с. 182—184.
- Некрылова А. Ф. Н. И. Савушкина. Русский народный театр. М., 1976, 149 стр. 1978, 1, с. 179—181.
- Новиков Н. В. Л. Г. Бараг. Сюжеты и матывы беларускіх народных казак. Сістэмачыны паказальнік. Рэдактар І. У. Саламеіч. Мінск, 1980, 5, с. 174—175.
- Новиков Ю. А. *Новгородские былины*. Издание подготовили Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. Отв. ред. Э. В. Померанцева. М., 1978, 456 стр. (серия «Литературные памятники»). 1980, 2, с. 171—174.
- Новиков Ю. А.—см. Кербелите Б., Новиков Ю. А.
- Оборин В. А.—см. Корепанов К. И., Оборин В. А., Доминяк А. В.
- Окладников А. П. И. С. Гуревич. Культура северных якутов-оленеводов (К вопросу о поздних этапах формирования якутского народа). М., 1977, 245 стр. 1978, 5, с. 175—177.
- Остапенко Л. В. Л. Н. Гордон, Э. В. Клопов, Л. А. Оников. Черты социалистического образа жизни: быт городских рабочих вчера, сегодня, завтра. М., 1977, 159 стр. 1978, 4, с. 173—175.
- Островский Г. С. Н. Шкаровская. Народное самодеятельное искусство. Л., 1975. 1978, 2, с. 172—174.
- Переведенцев В. И. В. И. Козлов. Национальности СССР (Этнодемографический обзор). М., 1975, 264 стр. 1977, 5, с. 166—170.
- Пещерева Е. М., Рахимов Р. Р. Н. О. Турсунов. Из истории городского ремесла Северного Таджикистана (ткацкие промыслы Ходжента и его пригородов в конце XIX—начале XX в.). Ротапринт. Душанбе, 1974, 195 стр. 1976, 4, с. 194—196.
- Пилипенко М. Ф. I. M. Braim. Рыболовства у Беларусі. Мінск, 1976, 135 стр. 1978, 5, с. 177—178.
- Пименов В. В., Федянович Т. П. *Очерки статистической этнографии Среднего Поволжья* (научные редакторы Е. П. Бусыгин и Р. Г. Кащаутдинов). Казань, 1976, 191 стр. 1978, 5, с. 173—175.
- Пименов В. В.—см. Козлов В. И., Сверцева Т. Ф., Пименов В. В.
- Покшишевский В. В. В. В. Воробьев. Формирование населения Восточной Сибири (географические особенности и проблемы). Новосибирск, 1975, 260 стр. 1976, 1, с. 172—175.
- Полевой Б. П. George V. Lantzeff, Richard A. Pierce. Eastward to empire. Exploration and conquest on the Russian open frontier, to 1750. Montreal and London, 1973, 276 р. 1976, 5, с. 178—182.
- Полищук Н. С. Л. П. Кузьмина. Народное поэтическое творчество рабочих Сибири (Рабочий фольклор как исторический источник). Улан-Удэ, 1977, 295 стр. 1979, 6, с. 169—172.
- Полищук Н. С. *Народная поэзия рабочих Сибири*. Составление, вступительная статья и примечания Л. П. Кузьмина. Улан-Удэ, 1974, 260 стр. 1976, 6, с. 150—153.
- Поляков С. П. В. П. Дьяконова. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л., 1975, 163 стр. 1978, 3, с. 179—180.
- Померанцева Э. В. Г. С. Маслова. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978, 206 стр. 1979, 3, с. 174—177.
- Померанцева Э. В. Русские народные сказки Карельского Поморья. Составители П. П. Разумова, Т. И. Сенькина. Петрозаводск, 1974, 302 стр. 1976, 6, с. 153—155.
- Померанцева Э. В. *Северные предания (Беломорско-Обонежский регион)*. Издание подготовила Н. А. Криничная. Л., 1978, 254 стр. 1980, 2, с. 174—175.
- Померанцева Э. В. E. A. Warner. The Russian folk theatre. The Hague—Paris, 1977, 257 р. 1979, 1, с. 175—177.
- Путилов Б. Н.—см. Лапин В. А., Путилов Б. Н.
- Пушкирев Л. Н. *Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии*, вып. VIII. М., 1978, 199 стр. 1979, 5, с. 165—168.
- Рабинович М. Г. *Литературные памятники. Добрыня Никитич и Алеша Попович*. Издание подготовили Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. Отв. ред. Э. В. Померанцева. М., 1974, 474 стр. 1976, 1, с. 179—181.
- Рахимов Р. Р.—см. Пещерева Е. М., Рахимов Р. Р.
- Решетов А. М.—см. Аврутин С. Р., Решетов А. М.
- Рикман Э. А. М. С. Великанова. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М., 1975, 282 стр. 1977, 3, с. 173—177.
- Робакидзе А. И. С. С. Агаширинова. Материальная культура лезгин. XIX—начало XX в. М., 1978, 304 стр. 1980, 3, с. 175—178.
- Рождественская С. Б. А. П. Косменко. Карельское народное искусство. Изобразительное творчество. Петрозаводск, 1977, 164 стр. 1979, 4, с. 183—184.
- Рождественская С. Б. С. К. Жегалова. Русская народная живопись. М., 1975, 190 стр. 1977, 2, с. 175.
- Рюйттель И. Н., Чистов К. В. *Карельские притчания*. Издание подготовили А. С. Степанова и Т. А. Кошки. Петрозаводск, 1976, 534 стр. 1978, 5, с. 178—181.
- Савоскул С. С. *Книга и чтение в жизни советского села: проблемы и тенденции*. М., 1978, 184 стр. 1979, 3, с. 171—174.
- Савоскул С. С. *Коммунистическое воспитание тружеников села и вопросы повышения культуры сельского быта. По материалам Всесоюзной научно-практической конференции в Ташкенте (май 1975 г.)*. М., 1975, 316 стр. 1977, 2, с. 159—161.

- Сафьянова А. В.—см. Липинская В. А., Сафьянова А. В.
- Седова Л. В. *Устно-поэтическое творчество мордовского народа*, т. 8. *Детский фольклор*. Составление, подстрочные переводы, предисловие и комментарии Э. Н. Таракиной. Саранск, 1978, 300 стр. 1980, 2, с. 177—178.
- Сиверцева Т. Ф.—см. Козлов В. И.
- Сиверцева Т. Ф., Пименов В. В.
- Симченко Ю. Б.—см. Васильев В. И., Симченко Ю. Б.
- Смирнова Я. С. *Новый быт — новые обычаи (Формирование прогрессивных традиций у народов Карабаево-Черкесии)*. Отв. ред. С. М. Арутюнян. Ставрополь, 1977, 157 стр. 1979, 2, с. 172—175.
- Смоляк А. В. *Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки (азиатские эскимосы, чукчи, кереки, коряки и ительмены)*. Составление, предисловие и примечания Г. А. Меновщикова. М., 1974. 646 стр. 1976, 3, с. 176—179.
- Смоляк А. В. Ч. М. *Таксами*. Основные проблемы этнографии и истории ингушей. Середина XIX — начало XX в. Л., 1975, 238 стр. 1977, 6, с. 130—134.
- Соколова В. К. О. В. *Курочкін. Новорічні свята українців. Традиції і сучасність*. Київ, 1978, 191 стр. 1980, 2, с. 167—168.
- Соколова З. П. Н. А. *Миненко. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Историко-этнографический очерк*. Новосибирск, 1975, 308 стр. 1976, 3, с. 173—176.
- Соколова З. П.—см. Бутикова М. С., Соколова З. П.
- Стратанович Г. Г.—см. Литвинский Б. А., Григулевич И. Р., Стратанович Г. Г.
- Супрунович Б. П. М. И. *Исаев. О языках народов СССР*. М., 1978, 222 стр. 1980, 3, с. 166—168.
- Суринов В. М. *Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII — начала XX в.* М., 1979, 247 стр. 1980, 6, с. 171—175.
- Суслоколов А. А. *Этнокультурные процессы в Удмуртии*. Ижевск, 1978. 157 стр. 1979, 6, с. 163—164.
- Сухарева О. А. А. К. *Писарчик. Народная архитектура Самарканда*. Душанбе, 1975, 141 стр.+58 илл. 1977, 1, с. 170—171.
- Сухарева О. А. Е. Е. *Неразик. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.)*. Из истории жилища и семьи. Археолого-этнографические очерки. М., 1976, 255 стр., илл. 1977, 4, с. 174—177.
- Титова З. Д. В. Ф. Иванов. Историко-этнографическое изучение Якутии XVII—XVIII вв. М., 1974, 287 стр. 1976, 6, с. 148—150.
- Толстой Н. И. В. К. Соколова. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX — начало XX в. М., 1979, 1980, 3, с. 172—175.
- Толстой Н. И. Э. В. *Померанцева. Мифологические персонажи в русском фольклоре*. М., 1976, 191 стр. 1977, 1, с. 176—179.
- Томилов Н. А.—см. Зибарев В. А., Томилов Н. А.
- Устинова М. Я. *Социологические очерки о Советской Эстонии*. Таллин, 1979, 126 стр. 1980, 5, с. 164—166.
- Файнберг Л. А.—см. Васильев В. И., Файнберг Л. А.
- Федоров Я. А.—см. Керейтов Р. Х., Федоров Я. А.
- Федорович Б. А.—см. Жданко Т. А., Федорович Б. А.
- Федосик А. С.—Н. В. *Новиков. Образы восточнославянской волшебной сказки*. Л., 1974, 253 стр. 1976, 3, с. 179—182.
- Федянович Т. П.—см. Пименов В. В., Федянович Т. П.
- Хамиджанова М. А. З. А. *Широкова. Традиционная и современная одежда женщин горного Таджикистана*. Душанбе, 1976, 173 стр.+22 л. илл. 1978, 2, с. 163—165.
- Чебоксаров Н. Н. *Этнографическое картографирование материальной культуры народов Прибалтики*. Ответственные редакторы В. А. Александров, Н. В. Шлыгина. М., 1975, 239 стр. 1977, 4, с. 171—174.
- Чиримпей В. А. *Драма популарэ молдавеняскэ (Аистология)*. Колектаря, алкетурия, коментариile ши иллюстрации де Г. И. Спагару. Десцифраяя мелодиндор де П. Ф. Стоянов. Субредакция луй Г. Г. Ботезату. Кишинэу, 1976, 240 стр. 1979, 2, с. 181—182.
- Чистов К. В. М. Азадовский. Статьи и письма. Неизданное и забытое. Новосибирск, 1978, 240 стр. 1979, 4, с. 179—181.
- Чистов К. В.—см. Рютель И. Н., Чистов К. В.
- Шагиров А. К.—см. Арутюнов С. А., Шагиров А. К.
- Шамшурин В. Н. В. *Б. Островский. Новый этап в развитии колхозного стroyя*. М., 1977, 271 стр. 1979, 3, с. 169—170.
- Шаронов А. М. *Мордовское народное устно-поэтическое творчество*. Очерки. Саранск, 1975, 432 стр. 1978, 1, с. 181—182.
- Шер Я. А. М. К. Кадырбаев, А. Н. Марьинов. Наскальные изображения хребта Карагатау. Алма-Ата, 1977, 230 стр. 111 илл. 1979, 1, с. 172—175.
- Шлыгина Н. В. *История Эстонской ССР*. Таллин, т. I, 1961, 955 стр.; т. II, 1966, 793 стр.; т. III, 1974, 855 стр. 1977, 2, с. 161—164.
- Шуляев А. Д. *Устно-поэтическое творчество мордовского народа*, т. VI, ч. 2. *Мокшанская свадебная поэзия*. Саранск, 1975, 400 стр. Составитель К. Т. Самородов. Редактор К. В. Чистов. 1978, 3, с. 182—183.

Народы зарубежной Европы

- Бараг Л. Г.** Українські народні казки Східної Словаччини, т. V. Зібрав, упорядкував, післямову та коментарі написав Михайло Гиряк. Словашке педагогичне видавництво в Братиславі. Відділ української літератури. Пряшів, 1976, 299 стр. 1978, 4, с. 182—184.
- Вийрес А. О.** Шлыгина Н. В. *Suomen kansankulttuurin kartasto. Aineellinen kulttuuri*. Toimittanut Toivo Vuorela (Atlas der finnischen Folkskultur. Materielle Kultur. Herausgegeben von Toivo Vuorela). Helsinki, 1976, 151 стр. 1978, 3, с. 184—187.
- Возгрин В. Е.** A. From, K. J. Jensen, P. Friis, A. Kjaer. Sociale problemer i Grønland. København, 1975, 401 s., karter, tabeller. 1977, 5, с. 180—183.
- Гольберг М. Я.** Радосав Меденица. Наша народна епика и юени творци. Цногорско-херцеговачка планинска област — постојбина патриархалне културе и епске песме динараца. Цетиње, 1975, 415 стр. 1976, 6, с. 161—163.
- Грацианская Н. Н.** «Slovensko», t. 3, čast II — *Ludova kultura. Obzor*. Bratislava, 1975, 488 S. 1979, I, с. 178—180.
- Громов Г. Г. И. Н. Грацианская.** Этнографические группы Моравии. М., 1975, 173 стр., 32 илл. 1977, 1, с. 179—182.
- Кожановский А. Н.** Alfonso de Otazu y Zlana. El «igualitarismo» vasco: mito y realidad. San Sebastian, 1973, 454 p. 1976, 4, с. 197—198.
- Лутс А. А.** Шлыгина Н. В. *Kustaa Vilkuna. Lohi. Kemijoens ja sen lähialueen lohenkalastuksen historia*. Keuruu, 1974, 423 S.+202k. *Kustaa Vilkuna. Unternehmen Lachsfang. Die Geschichte der Lachsfischerei in Kemijoki*. «*Studia Fennica*», 19, Helsinki, 1975, 454 S.+204 Abb. 1978, 2, с. 174—178.
- Осорина М. В.** *Leela Virtanen. Children's lore*. — «*Studia Fennika 22*». Helsinki, 1978, 100 p. 1979, 5, с. 175—177.
- Покровский Н. Н.** Eugeniusz Iwaniec. Z dziejów staroobrzędowców na ziemiach polskich XVII—XX w. («Prace Białostockiego Towarzystwa» naukowego, № 23). Warszawa, 1977, 295 S. 1979, 4, с. 187—189.
- Филимонова Т. Д.** *Österreichischer Volkskundeaillas*, 6 Lieferung, 1 Teil. Wien, 1977. 1979, 2, с. 184—185.
- Фрейденберг М. М. Д. Ковачевич — Којић.** Градска насеља средњовјековне Босанске државе. Сарајево, 1978, 421 с. 1980, 2, с. 178—180.
- Шлыгина Н. В.** — см. Вийрес А. О.
- Шлыгина Н. В.** — см. Лутс А. А.
- Шлыгина Н. В.**

Народы зарубежной Азии

- Алиев С. М. Б.-Р. Логашова.** Туркмены Ирана (историко-этнографическое исследование). М., 1976, 158 стр. 1978, 3, с. 187—188.
- Андранинов Б. В., Семашко И. М. Н. Р. Гусева.** Индуизм. История формирования. Культовая практика. М., 1977, 326 стр. (предисловие акад. Б. Г. Гафурова, стр. 3—10). 1978, 5, с. 182—184.
- Арутюнов С. А.** Chester S. Chard. Northeast Asia in prehistory. Madison, 1974, 214 p. 1976, 1, с. 181—183.
- Вайнштейн С. И. Karl Jettmar.** Mit Beiträgen von Schuyler Jones und Max Klimburg. Die Religionen des Hindukusch. Stuttgart, Berlin, Köln, Mainz, 1975, 525 S, 24 ill. 1980, 1, с. 180—182.
- Гусева Н. Р. И. М. Семашко.** Бхилы. Историко-этнографическое исследование. М., 1975, 168 стр. 1976, 3, с. 182—184.
- Джарылгасинова Р. Ш. Г. Б. Навлицкая.** Бамбуковый город. М., 1975, 334 стр. 1977, 1, с. 183—184.
- Джарылгасинова Р. Ш. Г. Г. Странович.** Народные верования населения Индокитая. М., 1978, 255 стр. 1979, 3, с. 177—179.
- Иванова Е. В.** Jane Bunnag. Buddhist monk, Buddhist layman. A study of urban monastic organisation in Central Thailand. Cambridge, 1973, 219 p. 1977, 3, с. 178—181.
- Иванова Е. В. Lucien M. Hanks.** Rice and man. Agricultural ecology in Southeast Asia. N. Y., 1975, 174 p. 1976, 2, с. 176—180.
- Иванова Е. В. S. H. Potter.** Family life in a Northern Thai village. A study in the structural significance of women. Berkeley — Los Angeles — London, 1977, 137+XV p. 1980, 5, с. 176—179.
- Кисляков В. Н. М. Н. Серебрякова.** Семья и семейная обрядность в турецкой деревне (новейшее время). М., 1979, 176 стр. 1980, 3, с. 178—179.
- Королев С. И.** Nari Rustomji. Enchanted frontier. Sikkim, Bhutan and India's North — Eastern borderlands. Calcutta, 1973, 333 p. 1976, 1, с. 183—186.
- Кочнев В. И. А. Н. Седловская.** Малые народы Бихара (историко-этнографический очерк). М., 1976, 125 стр. 1978, 4, с. 184—187.
- Кычанов Е. И. Н. Л. Жуковская.** Ламанизм и ранние формы религии. М., 1977, 198 стр. 1978, 1, с. 183—186.
- Маслов Ю. Н. В. И. Кочнев.** Шри Ланка. Этническая история и социально-экономические отношения до начала XX в. М., 1976, 367 стр. 1977, 2, с. 176—179.
- Мешков К. Ю. Я. В. Чеснов.** Историческая этнография стран Индокитая. М., 1976, 298 стр. 1977, 5, с. 183—185.
- Мокеев А. М. R. Dor.** Contribution à l'étude des Kirghiz du Pamir Afghan («Cahiers Turcica», I). Paris, 1975, 341 p. 1978, 2, с. 178—181.
- Празускас А. А. И. Б. Редько.** Очерки социально-политической истории Непала в новое и новейшее время. М., 1976, 301 стр. 1979, 2, с. 185—188.

- Ревуненкова Е. В. М. А. Членов.** Население Молуккских островов. М., 1976, 285 стр. 1979, 1, с. 181—184.
Семашко И. М.—см. А н д р и а-
 нов Б. В., Семашко И. М.
Серебрякова М. Н. В. П. Курылев. Хозяйство и материальная культура турецкого крестьянства (новейшее время). М., 1976, 147 стр. 1978, 5, с. 187—189.
Чеснов Я. В. Нгуен Кхак Тунг. Жилище народов средней зоны севера Вьетнама.

Народы Америки

- Агранат Г. А. Л. Н. Фурсова.** Иммиграция и национальное развитие Канады. 1946—1970 гг. М., 1975, 440 стр. 1977, 3, с. 182—184.
Александренков Э. Г. Ю. А. Зубрицкий. Инки-кечуа. Основные этапы истории народа. М., 1975, 190 стр. 1977, 5, с. 186—187.
Арутюнов С. А. Л. А. Файнберг. Индейцы Бразилии. М., 1975, 236 стр. 1977, 1, с. 185—186.
Баглай В. Е. Mercedes de la Garza. La conciencia histórica de los antiguos Mayas. Universidad Nacional Autónoma de México. Centro de estudios mayas (serie cuaderno 11). Mexico, 1975, 130 p.+bibl. 1977, 3, с. 184—185.
Баглай В. Е. N. Davies. The Toltecs, until the fall of Tula. Norman, 1977, 533 p., ill. 1980, 2, с. 182—184.
Башилов В. А. В. А. Кузьмичев. Тайна жрецов майя. М., 1975, 256 стр. 1976, 3, с. 185—186.
Башилов В. А. В. А. Кузьмичев. У истоков общественной мысли Перу. Гарсиласо и его история инков. М., 1979, 383 стр. 1980, 4, с. 181—184.
Ващенко А. В. S. Dewardney. The sacred scrolls of the southern Ojibway. Toronto, 1975, 191 р. 1976, 4, с. 202—203.
Гуляев В. И. Ю. В. Кнорозов. Иероглифические рукописи майя. Л., 1975, 272 стр. 1977, 4, с. 185—189.
Дризда А. Д. Крупный вклад в латиноамериканистику. **Б. Н. Комиссаров.** Григорий Иванович Лангдорф. 1774—1852. Л., 1975, 123 стр.; *его же*. Первая русская экспедиция в Бразилию. Л., 1977, 135 стр.; *его же*. Русские источники по истории Бразилии первой трети XIX века. Л., 1977, 167 стр. 1979, 3, с. 179—181.

Народы Африки

- Арутюнов С. А. Африка: возникновение отсталости и пути развития.** Под ред. Ю. М. Кобицанова, Л. Е. Куббеля (отв. редактор) и И. В. Следзевского. М., 1974, 464 стр. 1976, 6, с. 164—165.
Басилов В. Н. Lothar Stein. Wandervolk der Wüste. Leipzig, 1974, 334 S. 1976, 2, с. 180—183.
Дмитриевский Ю. Д. Ж. Маке. Цивилизация Африки южнее Сахары. 1974, 165 стр. илл. 1976, 3, с. 187—188.
Дризда А. Д. Ю. К. Поплинский. Из истории этнокультурных контактов Афри-

- Ханой, 1978, 146 стр. (на вьет. языке). 1979, 6, с. 173—177.
Чеснов Я. В. Новые работы о народах Непала и Бутана во французском журнале [«Objets et Mondes», t. XIV, f. 4, 1974]. 1976, 4, с. 199—201.
Членов М. А. W. A. L. Stokhof. Preliminary notes on the Alor and Pantar languages (East Indonesia). («Pacific Linguistics», ser. B., № 43). Canberra, 1975, VI+73 p. 1978, 5, с. 184—187.

Дризда А. Д. Э. Г. Александренков. Индейцы Антильских островов. М., 1976, 231 стр. 1978, 6, с. 180—181.

Зиберт Э. В. D. J. Ray. The Eskimos of Bering Strait, 1650—1898. Seattle and London, 1975, 305 p. 1978, 2, с. 181—186.

Козлов С. Я. Э. Л. Нитобург. Негры США (XVII — начало XX в.). Историко-этнографический очерк. М., 1979, 295 с. 1980, 5, с. 179—183.

Куббель Л. Е. Проблемы истории и этнографии Америки. М., 1979, 278 стр. 1980, 6, с. 178—180.

Малахова И. А. Willard Burgess Moore. Molokan oral tradition. Legends and memorates of an ethnic sect. Berkeley and Los Angeles, 1973, 82 p. 1976, 2, с. 183—185.

Покшишевский В. В. Ш. А. Богдана. Иммигантское население США. 1885—1900-е гг. Л., 1976, 276 стр. 1977, 2, с. 180—183.

Стрелко А. А. Maria Paradowska. Polacy w Ameryce Poludniowej. Wrocław. Zakład Narodowy im. Ossolińskich-Wydawnictwo, 1977, 316 S., 1979, 5, с. 178—180.

Файнберг Л. А. А. П. Окладников, Р. С. Васильевский. По Аласке и Алеутским островам. Новосибирск, 1976, 168 стр. 1978, 1, с. 186—187.

Файнберг Л. А. Североамериканские индейцы. Сокращенный перевод с английского. Редакция, предисловие и введение Ю. П. Аверкиевой. М., 1978, 494 стр. 1980, 2, с. 180—182.

Файнберг Л. А. D. Dumond. The Eskimos and Aleuts. London, 1977, 180 p. 1980, 1, с. 183—185.

Файнберг Л. А. James W. Van Stone. Athapaskan adaptations: hunters and fishermen of the Subarctic forests. Chicago, 1974, 145 p. 1976, 1, с. 186—188.

ки и Эгейского мира. Гарамантская проблема. М., 1978, 203 стр. 1979, 1, с. 187—189.

Зотова Ю. Н. Першиц А. И. И. Е. Синицына. Обычаи и обычное право в современной Африке. М., 1978, 283 стр. 1979, 5, с. 181—183.

Калиновская К. П. Domination and resistance. Narrative songs of the Kafa Highlands. By Werner Lange («Horn of Africa Studies Committee. Ethiopian Series Monograph», № 8—«Language and

- Linguistics», № 2). USA. 1979, 90 p. 1980, 2, с. 184—187.
- Калиновская К. П. *J. Lamphear. The traditional history of the Jie of Uganda*. Oxford, 1976, X+281 p. 1979, 1, с. 184—187.
- Козлов С. Я. *Изучение Африки в России (дореволюционный период)*. Отв. ред. А. Б. Давидсон, Г. А. Нерсесов. М., 1977, 187 стр. 1978, 6, с. 182—184.
- Козлов С. Я. С. Ю. Абрамова. Африка: четыре столетия рабства. М., 1978, 284 стр. 1979, 6, с. 178—180.
- Куббель Л. Е. А. *Gaudio. Цивилизации Сахары. Десять тысячелетий истории, культуры и торговли*. М., 1977, 224 стр. 1978, 4, с. 188—189.
- Куббель Л. Е. М. А. Коростовцев. Религия Древнего Египта. М., 1976, 335 стр. 1977, 1, с. 186—189.
- Куббель Л. Е. *Slavery in Africa. Historical and Anthropological Perspectives*. Ed. by Susanne Miers and Igor Kopytoff. Madison — London, 1977, 474 p. 1979, 3, с. 181—186.
- Макеев Д. А. Л. К. Артамонов. Через Эфиопию к берегам Белого Нила. М., 1979, 213 стр. 1980, 3, с. 180—181.
- Малышев Д. Б. Е. А. *Birgauz. Национально-этническая проблема Судана*. М., 1975, 216 стр. 1976, 6, с. 166—167.
- Никитин А. Л. Е. С. Котляр. Миф и сказка Африки. М., 1975, 244 стр. 1977, 5, с. 187—189.
- Першиц А. И.— см. Зотова Ю. Н., Першиц А. И.
- Попов В. А. *Africana*. Африканский этнографический сборник, X. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, т. III. Л., 1975, 228 стр. 1976, 4, с. 203—205.
- Чернцов С. Б. *M. Stahl. Ethiopia: political contradictions in agricultural development*. Stockholm, 1974, 186 p. 1977, 2, с. 184—186.
- Чернцов С. Б. *Tesfaye Lemma. Ethiopian musical instruments*. First issue. Addis Ababa, 1975, 42 p. 1977, 3, с. 186.
- Ягая В. С. К. П. Калиновская. Возрастные группы народов Восточной Африки. Структура и функции. М., 1976, 159 стр. 1978, 1, с. 188—189.

Народы Австралии и Океании

- Бутинов Н. А. *Jim Specht, J. Peter White (eds.) Trade and exchange in Oceania and Australia*. — «Mankind», v. 11, № 3. Sydney, 1978, p. 161—435. 1980, 5, с. 183—188.
- Сенюта Т. В. В. Р. Кабо. Тасманийцы и тасманийская проблема. М., 1975, 199 стр. 1976, 2, с. 185—187.

Письма в редакцию

- Козлов В. И. По поводу одной рецензии [А. Кузьмин. Куда же идут народы? «Молодая гвардия», 1976, № 6]. 1976, 5, с. 186—189.

Personalia

Николай Николаевич Чебоксаров (1907—1980). [Подписано:] Андрианов Б. В., Зубов А. А., Крюков М. В. 1980, 4, с. 185—188.
Сергей Павлович Толстов (1907—1976) [Подписано:] Жданко Т. А., Итина М. А. 1977, 2, с. 3—14.
Србуи Лисициан (1893—1979). 1980, 2, с. 188—189.
Юлия Павловна Петрова-Аверкиева 1980, 6, с. 181—183.

Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Советская этнография»

Тумаркин Д. Д. М. С. Бутинова. Миссионерство и колониализм в Океании («Актуальные проблемы истории религии и атеизма», вып. II). Л., 1975, 167 стр. 1977, 2, с. 187—189.

фия» в 1971—1975 гг. 1977, 6, с. 143—185.

Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 1976 г. 1976, 6, с. 168—173.

Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Советская этнография» в 1977 году. 1977, 6, с. 186—190.

Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 1978 году. 1978, 6, с. 185—189.

Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 1979 году. 1979, 6, с. 181—186.

Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 1980 году. 1980, 6, с. 184—189.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 1981 ГОДУ

Статьи

	№ стр.
Алексеев В. П. К палеоантропологии ананьинской культуры	4 53
Арутюнов С. А., Мкртумян Ю. И. Проблема классификации элементов культуры (На примере армянской системы питания)	4 3
Афанасьева Г. М., Симченко Ю. Б. О брачных системах автохтонных народов Северной Азии	4 39
Баранова И. И. Показ современности в Государственном музее этнографии народов СССР (Поиски и проблемы)	2 25
Беневоленская Ю. Д. Дифференциация народов Сибири и Дальнего Востока по некоторым краниологическим признакам	2 68
Бессмертный Ю. Л. К демографическому изучению французской деревни IX в. (Люди и имена)	2 51
Бромлей Ю. В. Основные виды историко-культурных общностей и тенденции их динамики	1 10
Бромлей Ю. В., Тер-Саркисянц А. Е. Этнографическая наука в десятой пятилетке	2 3
Бромлей Ю. В., Кашиба М. С. К историко-этнографической характеристике современной семьи у народов Югославии	6 27
Брук С. И., Кабузан В. М. Численность и расселение украинского этноса в XVIII — начале XX в.	5 15
Воронов А. А. Этнические особенности геногеографии дефицита фермента Г-6-ФД у населения СССР	6 65
Гохман И. И., Решетов А. М. О южных границах распространения североазиатских монголоидов в древности	6 78
Громыко М. М. Обычай помочей у русских крестьян в XIX в. (К проблеме комплексного исследования трудовых традиций)	4 26
Громыко М. М. Обычай помочей у русских крестьян в XIX в. (К проблеме комплексного исследования трудовых традиций)	5 32
XXVI съезд КПСС и задачи советской этнографической науки	3 3
Дробижева Л. М., Сусоколов А. А. Межэтнические отношения и этнокультурные процессы (по материалам этносоциологических исследований в СССР)	3 11
Кабузан В. М.— см. Брук С. И., Кабузан В. М.	5 15
Кашиба М. С.— см. Бромлей Ю. В., Кашиба М. С.	6 27
Киорозов Ю. В. Протоиндийские надписи (к проблемам дешифровки) . .	5 47
Кон И. С. Этнография детства (проблемы методологии)	5 3
Леонтьев А. А. Личность как историко-этническая категория	3 35
Леперваш М. Иммиграция в Австралию в 1947—1979 гг.	4 63
Лобачева Н. П. Свадебный обряд как историко-этнографический источник (на примере хорезмских узбеков)	2 36
Мкртумян Ю. И.— см. Арутюнов С. А., Мкртумян Ю. И.	4 3
Мыльников А. С. Народная культура и генезис национального самосознания .	6 3
Навстречу XXVI съезду КПСС	1 3

Новицкая А. П.—см. Сусоколов А. А., Новицкая А. П.	6	14
Рабинович М. Г., Шмелева М. Н. К этнографическому изучению города	3	23
Решетов А. М.—см. Гохман И. И., Решетов А. М.	6	78
Симакин С. А. К вопросу о синкретизме в религиозной системе бирманского буддизма		1 38
Симченко Ю. Б.—см. Афанасьева Г. М., Симченко Ю. Б.	4	39
Соколова В. К. К исследованию обрядового фольклора (На примере восточно-славянского материала)		4 16
Станюкович Т. В., Чистов К. В. Этнография и актуальные проблемы развития этнографических музеев		1 24
Станюкович М. В. Эпос и обряд у горных народов Филиппин	5	72
Сусоколов А. А.—см. Дробижева Л. М., Сусоколов А. А.	3	11
Сусоколов А. А., Новицкая А. П. Этническая и социально-профессиональная гомогенность браков (По материалам отдела ЗАГС г. Кишинева в послевоенный период)		6 14
Тер-Саркисянц А. Е.—см. Бромлей Ю. В., Тер-Саркисянц А. Е.	2	3
Файнберг Л. А. О возможных этнографических аналогах первобытного общества охотников и собирателей		6 42
Чистов К. В.—см. Станюкович Т. В., Чистов К. В.	1	24
Чистов К. В. Я. Пропп: легенды и факты		6 52
Шмелева М. Н.—см. Рабинович М. Г., Шмелева М. Н.	3	23
Дискуссии и обсуждения		
Арутюнов С. А. Обычай, ритуал, традиция	2	97
Барсегян И. А. О классификации форм культурной традиции	2	102
Бернштейн Б. М. Традиция и социокультурные структуры	2	107
Бородин Е. Т. Традиции—средства развития способностей людей к простому воспроизведству общественной жизни		3 53
Власова В. Б. Об исторических типах традиционной ориентации		2 112
Гиренко Н. М. Некоторые замечания в связи с проблемой половозрастной стратификации		6 107
Гохман В. М. География культурных традиций и ее место в их комплексном использовании		2 110
Данилова Л. В. Традиция как специфический способ социального наследования		3 48
Зыков М. Б. Понятие «память» как концептуальная основа для организации междисциплинарного исследования понятия «культурная традиция»		3 46
К итогам дискуссии по статье С. А. Токарева «О религии как социальном явлении»		1 65
Кон И. С. К проблеме возрастного символизма	6	98
Крупник И. И. Традиция и «управление» динамикой культуры	3	51
Маркарян Э. С. Узловые проблемы теории культурной традиции	2	78
Маркарян Э. С. О значении междисциплинарного обсуждения проблем культурной традиции		3 59
Марков Г. Е. Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология		4 83
От редакции (К дискуссии по статье Э. С. Маркаряна «Узловые проблемы теории культурной традиции»)		3 71
Першиц А. И. Проблемы теории традиции глазами этнографа		3 45
Попов В. А. Половозрастная стратификация и возрастные классы древнеаканского общества (к постановке проблемы)		6 89
Праздников Г. А. Традиция как диалог культур		3 54
Сарингулян К. С. О регулятивных аспектах культурной традиции		2 99
Соколов Э. В. Традиция и культурная преемственность		3 56
Токарев С. А. Еще раз о религии как социальном явлении (Ответ моим критикам)		1 51
Токарев С. А. Аксиологический подход к культурной традиции		2 104
Чистов К. В. Традиции, «традиционные общества» и проблема варьирования	2	105

Из истории науки

Попова Т. В. Жизнь, отданная песне (К 100-летию со дня рождения К. В. Квитки)	3 79
Хексельшнейдер Э. Немецкий славист о русском эпосе (Диссертация Вильгельма Вольнера, 1879)	2 116
Сообщения	
Айтберов Т. М. Об общественном строе рутульцев (конец XVI—начало XVII в.)	6 112
Анчабадзе Ю. Д. Традиционные развлечения абхазского крестьянства в конце XIX—начале XX в.	4 108
Афанасьева И. С. Антропологический аспект изучения пигмента феомеланина волос	1 84
Бромлей Ю. В., Крюков М. В. Японский Государственный этнографический музей	5 143
Волкова Н. Г. Обычай татуировки и раскраски тела на Кавказе	5 113
Глинский Е. А., Сергеев Д. А. Результаты металлографического анализа двух изделий корякских кузнецов	2 125
Григорьева Р. А. Традиционный свадебный обряд в современном быту белорусов Латгалии	3 99
Джавадов Г. Д. Традиционное азербайджанское пахотное орудие гара катан	6 119
Джарылгасинова Р. Ш., Крюков М. В. Этнографическая поездка в Японию	4 142
Дугаров Д. С. К этимологии терминов <i>юурэн</i> , <i>уур</i> , <i>уури</i>	1 98
Иванова Ю. В. Тенденция развития этнических групп в многонациональной среде (На примере албанских поселений на юге Украины в XIX—XX вв.)	4 95
Кибел Х. Традиционные институты и формы социализации детей и подростков у народов огони (Южная Нигерия)	1 111
Краснодембская Н. Г. У сингалов: открытие повседневности	5 125
Крюков М. В.—см. Джарылгасинова Р. Ш., Крюков М. В.	4 142
Крюков М. В.—см. Бромлей Ю. В., Крюков М. В.	5 143
Мануш Лекса. Фольклор латышских цыган (основные жанры и тематика)	3 113
Мататов М. И. К вопросу о татском этносе	5 109
Налепин А. Л. Изучение и преподавание русского фольклора в университетах Великобритании и США	4 130
Неклюдов С. Ю. Новые материалы по монгольскому эпосу и проблема развития народных повествовательных традиций	4 119
Покровский Н. Н. Документы XVIII в. об отношении синода к народным календарным обрядам	5 96
Равдоникас Т. Д. Кормильство на Боспоре	1 103
Раманаяка М. У. Кастовые отношения у сингалов в округе Велимулла (Шри-Ланка)	6 129
Сагалаев А. М. Ударные инструменты в ритуалах ламаизма и южносибирского шаманства	5 117
Семенова Л. И. О влиянии поколенного состава семьи на передачу этнокультурных традиций (по материалам с. Ляльшур Удмуртской АССР)	1 68
Сергеев Д. А.—см. Глинский Е. А., Сергеев Д. А.	2 125
Сергеева Г. А. Природно-географическая среда и этнокультурные контакты в Дагестане	3 90
Смирнова Я. С. Формы семьи у народов Северного Кавказа в XIX—начале XX в.	1 78
Тарланов З. К. Заметки по сельскохозяйственной магии агулов	2 128
Томилов Н. А. Этнографические коллекции в омских музеях	5 84
Туголуков В. А. Об определении численности коренного населения Северной Сибири в XVII веке	2 122

Поиски, факты, гипотезы

Гуляев В. И. Царская гробница в Паленке: легенды и факты	2 133
Колпакова Н. П. На реке Онеге	4 154
Куликов В. М., Лысенко-Днестровский М. В. Старинные народные музикальные инструменты	3 124
Линднер И. М. Шахматы: быт, семья, традиции	5 149
Липец Р. С. «Лицо волка благословенно...» (Стадиальные изменения образа волка в тюркомонгольском эпосе и генеалогических сказаниях)	1 120
Лысенко-Днестровский М. В.—см. Куликов В. М., Лысенко-Днестровский М. В.	3 124
Рабинович М. Г. Бытовой аспект семейной драмы Грозного	6 137

Наши юбиляры

Список основных работ действительного члена АН СССР Юлиана Владимировича Бромлея (К 60-летию со дня рождения)	1 146
Список основных работ доктора исторических наук В. И. Кочнева (К 60-летию со дня рождения)	5 166
Список основных работ М. К. Кудрявцева (К 70-летию со дня рождения)	4 166

Хроника

Тер-Саркисянц А. Е. Работа Института этнографии АН СССР в 1980 году	3 130
---	-------

Научная жизнь

Басилов В. Н. Наука о народах и фотография	2 161
Будина О. Р. Всесоюзная конференция «Этнокультурные процессы в современном мире»	6 141
Вишневецкая В. А. На Среднеазиатско-кавказских чтениях	2 160
Гаджиев В. Г. Проблема северокавказского феодализма на региональной научной конференции	5 174
Гусев В. Е. Международный симпозиум «Театр и народные традиции»	1 137
Дмитриев В. А. Национальные виды спорта народов СССР	2 157
Иванова Е. В. Выставка «Традиционное народное искусство Юго-Восточной Азии»	3 144
Ивлева Л. М. Методы изучения фольклора (VIII Богатыревские чтения)	2 151
Мыльников А. С. Этнокультурная роль города в период становления наций	1 134
Мыльников А. С. Симпозиум, посвященный столетию со дня смерти И. И. Срезневского	4 168
Седов В. В. Вопросы ранней этнической истории славян на IV Международном конгрессе славянской археологии	2 148
Соболева Е. С. Маклаевские чтения	1 142
Студенецкая Е. Н. Экспозиция по народам Закавказья в Государственном музее этнографии народов СССР	4 170
Тумarkin Д. Д. О новом академическом издании сочинений Н. Н. Микулухо-Маклая	3 140
Цветкова Н. Н. Проблемы этнографии и антропологии на IX научной сессии Исторического факультета Ленинградского государственного университета	1 140
Шварина И. Ф. Выставка «Из истории спортивных игр народов мира» в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР	2 153
Шлыгина Н. В., Чистов К. В. V Международный финноугорский конгресс в Турку	5 168
Чистов К. В.—см. Шлыгина Н. В., Чистов К. В.	5 168
Коротко об экспедициях	1 144
Коротко об экспедициях	2 164
Коротко об экспедициях	3 149
Коротко об экспедициях	4 173
Коротко об экспедициях	5 177

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

Виноградов В. Б. А. С. Сулейманов. Топонимия Чечено-Ингушетии. Ч. I—III	6 149
Гурвич И. С. Советское финно-угроведение 1975—1980 гг.	5 179
Маркарян Э. С. Антропология, этнография и будущее (Заметки о Хьюстонской конференции американских антропологов)	1 150
Ревуненкова Е. В. Актуальные проблемы исследования шаманизма	1 154
Рикман Э. А. О начале расселения и этнических контактах праславян в Карпато-Дунайских землях	2 167
Сухарева О. А. Среднеазиатское искусство вышивки (О книге Н. Исаевой-Юнусовой «Таджикская вышивка»)	3 151
Общая этнография	
Алексеев В. П. В. А. Шнирельман. Происхождение скотоводства	5 182
Байбурина А. К. И. С. Кон. Открытие «Я»	1 162
Дараган Н. Я. Н. Sebald. Witchcraft: the Heritage of a Heresy	1 164
Дзенискевич Г. И. Е. М. Мелетинский. Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл Ворона	3 158
Кабо В. Р. Миры народов мира. Энциклопедия	6 152
Марков Г. Е. Ю. В. Бромлей. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории)	4 174
Першиц А. И. В. П. Алексеев. Историческая антропология	4 178
Народы СССР	
Алексеев В. П. А. Д. Грач. Древние кочевники в центре Азии	4 187
Арутюнян С. Б. А. Т. Ганаланян. Армянские предания	2 177
Бараг Л. Г. Русские народные сказки Сибири о богатырях	3 172
Е. Е. Васильева, Б. Н. Путилов. С. И. Грица. Мелос української народної епіки	6 156
Гурвич И. С., Морозова М. Н., Соколова З. П. К. Eidlitz. Revolutionen i Norg. Om sovjetetnografi och minoritetspolitik	3 161
Дружинина Е. И. Культурно-бытовые процессы на юге Украины	1 169
Заседателева Л. Б. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе	3 163
Кремлева И. А. В. Ф. Миловидов. Современное старообрядчество	4 183
Морозова М. Н.—см. Гурвич И. С., Соколова З. П., Морозова М. Н.	3 161
Мурзабулатов М. В. Р. Г. Кузеев. Историческая этнография башкирского народа	4 181
Носова Г. А. Г. В. Жирнова. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем (по материалам городов средней полосы РСФСР)	3 170
Померанцева Э. В. Сравнительный указатель сюжетов. Восточно-славянская сказка	
Савинов Д. Г. В. И. Молодин. Кыштовский могильник	2 180
Смирнова Я. С. С. Ш. Гаджиева. Очерки истории семьи и брака у ногайцев. XIX—начало XX в.	3 166
Соколова З. П.—см. Гурвич И. С., Соколова З. П., Морозова М. Н.	3 161
Старовойтова Г. В. И. И. Травин. Материально-вещная среда и социалистический образ жизни	2 176
Старовойтова Г. В. Опыт этносоциологического исследования образа жизни (по материалам Молдавской ССР)	5 184
Степанов Н. Н. Ф. Г. Сафонов. Русские на северо-востоке Азии в XVII—середине XIX в.	1 171
Строда Х. П. Л. Х. Феоктистова. Земледелие у эстонцев. XVIII—начало XX в. Система и техника	4 185
Народы зарубежной Европы	
Маркова Л. В. Е. Грозданова. Българската селска община през XV—XVIII век	3 175

Народы зарубежной Азии

Джарылгасинова Р. Ш. <i>M. B. Крюков, В. В. Малевин, М. В. Софронов.</i>	
Китайский этнос на пороге средних веков	1 176
Иванова Е. В. <i>Искусство Бирмы</i>	2 182
Иванова Е. В. <i>Страны и народы Востока. Вып. XX. Страны и народы бассейна Тихого океана</i>	5 188

Народы Америки

Березкин Ю. Е. A. D. Tushingham, U. M. Franklin, Chr. Toogood et al. <i>Studies in Ancient Peruvian Metalworking</i>	3 179
Дзеникевич Г. И. <i>James W. Van Stone. Ingalik Contact Ecology: an Ethno-history of the Lower-Middle Yukon. 1790—1935</i>	2 185

Personalia

Вольфганг Кёниг	1 186
Кустаа Гедеон Вилкуна (1902—1980)	3 183
Э. В. Померанцева (1899—1980)	1 180

Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Советская этнография» в 1976—1980 гг.	6 159
--	-------

СОДЕРЖАНИЕ

A. С. Мильников (Ленинград). Народная культура и генезис национального самосознания	3
A. А. Сусоколов, А. П. Новицкая (Москва). Этническая и социально-профессиональная гомогенность браков (по материалам отдела ЗАГС Кишинева в послевоенный период)	14
Ю. В. Бромлей, М. С. Кашуба (Москва). К историко-этнографической характеристике современной семьи у народов Югославии	27
Л. А. Файнберг (Москва). О возможных этнографических аналогах первобытного общества охотников и собирателей	42
К. В. Чистов (Ленинград). В. Я. Пропп: легенды и факты	52
А. А. Воронов (Москва). Этнические особенности геногеографии дефицита фермента Г-6-ФД у населения СССР	65
И. И. Гохман, А. М. Решетов (Ленинград). О южных границах распространения североазиатских монголоидов в древности	78
Дискуссии и обсуждения	
В. А. Попов (Ленинград). Половозрастная стратификация и возрастные классы древнеаканского общества (К постановке проблемы)	89
И. С. Кон (Ленинград). К проблеме возрастного символизма	98
Н. М. Гиренко (Ленинград). Некоторые замечания в связи с проблемой половозрастной стратификации	107
Сообщения	
T. M. Aйтберов (Махачкала). Об общественном строе рутульцев (конец XVI — начало XVII в.)	112
G. D. Джавадов (Баку). Традиционное азербайджанское пахотное орудие <i>гара котан</i>	119
M. У. Раманаяка (Шри Ланка). Кастовые отношения у сингалов в округе Велимулла (Шри Ланка)	129
Поиски, факты, гипотезы	
M. Г. Рабинович (Москва). Бытовой аспект семейной драмы Грозного	137
Научная жизнь	
O. Р. Будина (Москва). Всесоюзная конференция «Этнокультурные процессы в современном мире»	141
Критика и библиография	
Критические статьи и обзоры	
B. B. Виноградов (Грозный). A. C. Сулейманов. Топонимия Чечено-Ингушетии, ч. I—III	149
Общая этнография	
B. P. Кабо (Москва). <i>Мифы народов мира. Энциклопедия, т. I</i>	152
Народы СССР	
E. E. Васильева, B. N. Путилов (Ленинград). С. И. Грица. Мелос украинської народної епіки	156
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Советская этнография» в 1976—1980 гг.	159
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Советская этнография» в 1981 г.	159

SOMMAIRE

A. S. Mylnikov (Léningrad). Culture populaire et la genèse de la conscience nationale	3
A. A. Soussokolov, A. P. Novitskaya (Moscou). Homogénéité ethnique et socio-professionnelle des mariages (d'après les matériaux des r é gistratures de l'état civil de Kichinev dans la période d'après-guerre)	14
Yu. V. Bromley, M. S. Kachouba (Moscou). Contribution à une caractéristique historico-ethnographique de la famille moderne chez les peuples de la Yougoslavie	27
L. A. Faïnberg (Moscou). Sur les analogues ethnographiques possibles d'une société primitive des chasseurs cueilleurs	42
K. V. Cistov. V. Ya. Propp: légendes et faits	52
A. A. Voronov (Moscou). Particularités ethniques de la génotopographie du déficit du ferment G-6-FD chez la population de l'U. R. S. S.	65
I. I. Gokhman, A. M. Riechétov (Léningrad). Des limites méridionales de la diffusion des Mongoloïdes nord-asiatiques à l'époque ancienne	78
Discussions et délibérations	
V. A. Popov (Léningrad). Stratification par sexe et par âge et les classes d'âge de l'ancienne société Akan (contribution à une définition du problème)	89
I. S. Kohn (Léningrad). Contribution au problème du symbolisme d'âge	98
N. M. Guirienko (Léningrad). Quelques remarques en rapport avec le problème de la stratification par sexe et par âge	107
Communications	
T. M. Aïtbérov (Makhatchkala). Du régime social des Routoul (fin XVIe — début XVIIe siècles)	112
G. D. Djavadov (Bakou). Le <i>gara qotan</i> — outil aratoire traditionnel d'Adherbadjan	119
M. U. Ramana yaka (Shri Lanka). Les rapports de caste chez les Singales du district dit Velimulla (Shri Lanka)	129
Recherches, faits, hypothèses	
M. G. Rabinovich (Moscou). Le Drame familial d'Ivan le Terrible — aspect mode de vie	137
Vie académique	
O. R. Boudinia (Moscou). «Processus ethnoculturels dans le monde contemporain» — une Conférence Nationale	141
Comptes-rendus et bibliographie	
Articles de critique et revues	
V. B. Vinogradov (Grozny). A. S. Suleimanov. Toponymie de la Tchétchénio-Ingouchie, pt. I—III	149
Ethnographie générale	
V. R. Kabo (Moscou). <i>Les Mythes des peuples du monde. Une Encyclopédie</i> , v. I.	152
Peuples de l'U.R.S.S.	
Ye. Ye. Vassiliéva, B. N. Poutilov (Léningrad). S. I. Gritsa. La mélodie de la poésie épique ukrainienne	156
Index des articles et matériaux publiés par la revue «Sovietskaia Etnografiia» aux années 1976—1980	159
Index des articles et matériaux publiés par la revue «Sovietskaia Etnografiia» en 1981	184

CONTENTS

A. S. Mylnikov (Leningrad). People's Culture and the Rise of National Self-Awareness	3
A. A. Susokolov, A. P. Novitskaya (Moscow). Ethnic and Social Heterogeneity in Marriages (Based on Materials from Civil Status Registration Centres of Kishinev City for the Post-War Period)	14
Yu. V. Bromley, M. S. Kashuba (Moscow). Towards a Historical-Ethnographic Description of the Contemporary Family among the Peoples of Yugoslavia	27
L. A. Fainberg (Moscow). On Possible Ethnographic Analogues for a Primitive Society of Hunters and Foragers	42
K. V. Cistov (Leningrad). V. Ya. Propp: Legends and Facts	52
A. A. Voronov (Moscow). Ethnic Features in the Genogeography of G6PD Deficiency among the Population of the USSR	65
I. I. Gokhman, A. M. Reshetov (Leningrad). On the Southern Limits of the Area Inhabited in Antiquity by North Asian Mongoloids	78
Discussions	
V. A. Popov (Leningrad). Sex-and-Age Stratification and Age Classes in Ancient Akan Society (Introducing the Problem)	89
I. S. Kohn (Leningrad). To the Problem of Age Symbolism	98
N. M. Girenko (Leningrad). Some Remarks in Connexion with the Problem of Sex-and-Age Stratification	107
Communications	
T. M. Aytberov (Makhach-Kala). On the Social Structure of the Rutuls (Late 16th to Early 17th Centuries)	112
G. Dzhavadov (Baku). The Traditional Azerbaijani Ploughing Implement — the <i>gara-kotan</i>	119
M. U. Ramayaka (Shri Lanka). Caste Relations among the Velimulla District Sinhalese	129
Searchings, Facts, Hypotheses	
M. G. Rabinovich (Moscow). The Family Drama of Ivan the Terrible: Aspects Illustrating Domestic Customs	137
Academic Life	
O. R. Budina (Moscow). «Ethnocultural Processes in the Contemporary World»: an All-Union Conference	141
Criticism and Bibliography	
Critical Articles and Reviews	
V. B. Vinogradov (Grozny). A. S. Suleimanov. The Toponymy of Checheno-Ingushetia, Part I—III	149
General Ethnography	
V. R. Kabo (Moscow). <i>Myths of the Peoples of the World. An Encyclopedia</i> , v. I	152
Peoples of the U.S.S.R.	
Ye. Ye. Vassilyeva, B. N. Putilov (Leningrad). S. I. Gritsa. The Melodics of Ukrainian Folklore	156
Index to Papers and Materials Published in «Sovetskaya Etnografia» in 1976—1980	159
Index to papers and Materials Published in «Sovetskaya Etnografia» in 1981	184

Технический редактор Беляева Н. Н.

Сдано в набор 11.09.81 Подписано к печати 30.11.81 Т-27560 Формат бумаги 70×108^{1/4}
Высокая печать Усл. печ. л. 16,8 Усл. кр.-отт. 49,4 тыс. Уч.-изд. л. 19,5 Бум. л. 6,0
Тираж 2895 экз. Зак. 5548

Издательство «Наука», 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 10